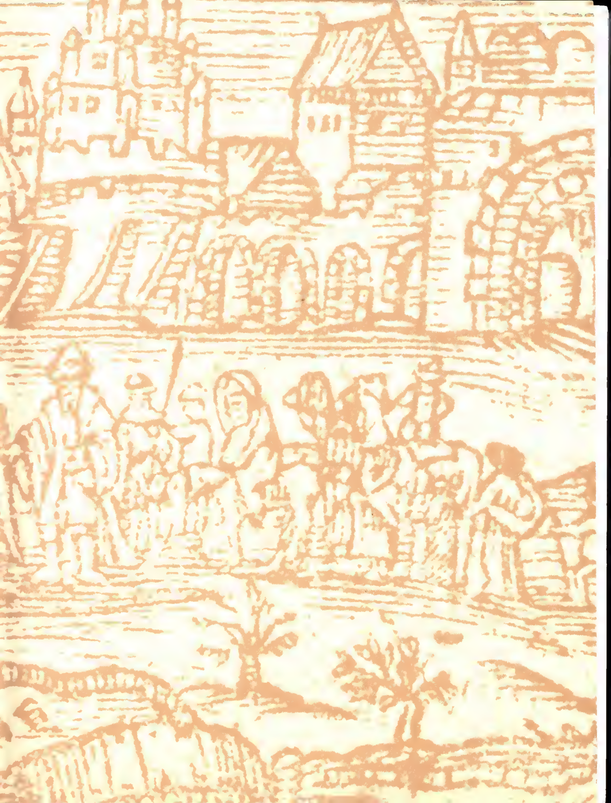
Мартин БУБЕР

Хасидские истории

Поздние учителя

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ИЕРУСАЛИМЕ
RUSSIAN FRIENDS OF THE HEBREW UNIVERSITY

STUDIES
ℵLEF
IN JEWISH
MYSTICISM

Gishrey Tarbut Association

Russian friends
of the Hebrew University

Martin BUBER

Die Erzählungen der Chassidim

Moscow 2009

ИЗЫСКАНИЯ
ℵЛЕФ
В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ

Ассоциация «Мосты культуры»

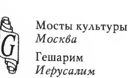
*Русское общество друзей
Еврейского университета в Иерусалиме*

Мартин
БУБЕР

Хасидские истории

Поздние учителя

Мосты культуры
Москва
Гешарим
Иерусалим

ИЗЫСКАНИЯ
ℵЛЕФ
В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ

Мартин Бубер
Хасидские истории. ***Поздние учителя***
Перевод с английского, немецкого и иврита
ISBN - 978-5-93273-296-2

Издатель Михаил Гринберг
Зав. редакцией Инна Аблина *(Москва)*
Ольга Константинова *(Иерусалим)*

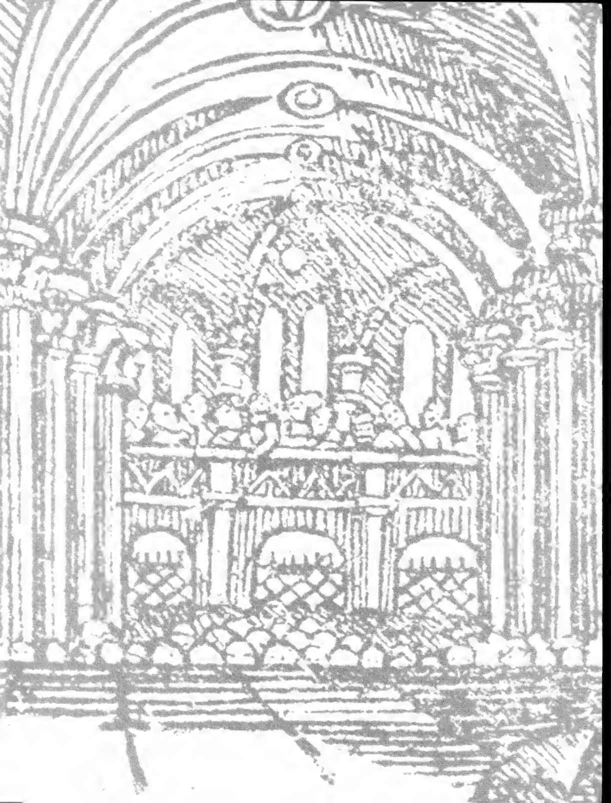
Перевод *Виктор Гопман*

Ответственный редактор Мордехай Гринберг
Литературный редактор Ольга Белова
Оформление и верстка Полина Адамова
Подбор иллюстраций Арье Самет
Корректоры Алла Подгаец
Бина Смехова

В оформлении использованы иллюстрации из книги
«Цена у-рена», Зальцбах, 1789 (1799)

Мосты культуры, Москва.
Тел./факс 7-495-972-3856
E-mail: office@gesharim-msk.ru

Gishrey Tarbut, Jerusalem
Tel. 972-2-624-2527
Fax 972-2-624-2505
E-mail: house@gesharim.org
www.gesharim.org

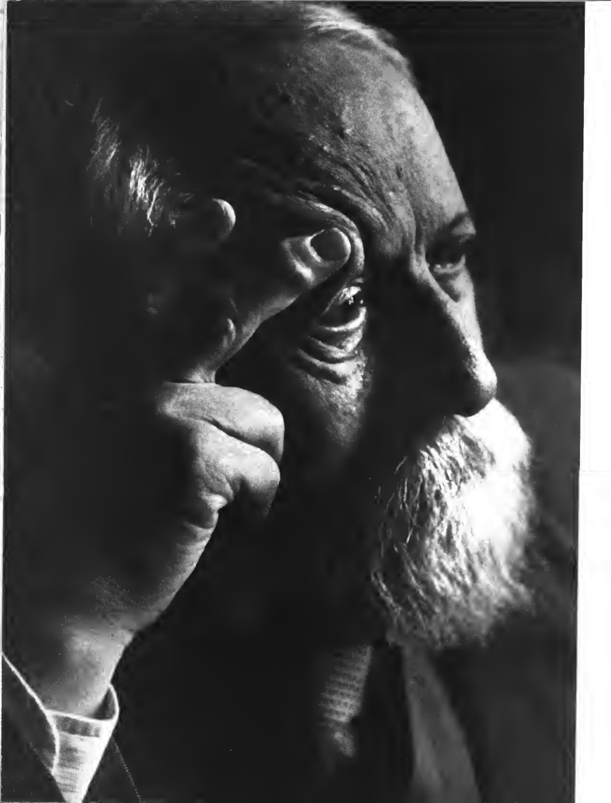
Оглавление

ИЗ ШКОЛЫ РАББИ ИЗ ЛЮБЛИНА

От редакции

Второй том классического труда Мартина (Мордехая) Бубера «Хасидские истории» продолжает серию: «ℵЛЕФ – изыскания в еврейской мистике». Книги серии «ℵЛЕФ» знакомят русскоязычного читателя с каббалистическими источниками, а также с важнейшими научными трудами исследователей из разных стран мира. Отсюда и название серии: буква ℵ– алеф, первая буква еврейского алфавита, не обозначает никакого звука, но в потенциале содержит все двадцать две буквы. Согласно мнению многих великих мистиков, именно в этой, символизирующей молчание, букве содержится суть Синайского Откровения.

Часто встречающиеся термины объяснены в глоссарии, те из них, которые заимствованы из иврита, обозначены курсивом. Звездочками отмечены библейские цитаты, приводимые на полях. Римскими цифрами обозначены постраничные примечания Мартина Бубера в его статьях. Биографии хасидских цадиков, упоминаемых Бубером, вынесены в отдельное приложение, «Биографические сведения о хасидских учителях», и расположены в хронологическом порядке. Написание еврейских собственных имен и терминов иудаизма несколько отличается от принятого в первом томе. В частности, используется знак ѓ, соответствующий букве ה в иврите и идише.

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что вслед за тремя поколениями хасидских учителей наступило время упадка. Однако эта точка зрения – не что иное, как чрезмерное упрощение действительного положения дел. Рассматривая подобного рода ход событий, мы, несомненно, должны спросить самих себя: какие именно аспекты хасидизма и в самом деле начали приходить в упадок и не наблюдается ли наряду с этим обогащение, развитие вширь и вглубь и даже укрепление других элементов этого движения?

Нет сомнений, что общие доминантные характеристики, свойственные хасидизму на начальном этапе его развития, стали ослабевать на протяжении второго периода, который в основном пришелся на первую половину XIX века, хотя жизненный путь некоторых представителей этого движения продолжился и во второй половине столетия. Основные контуры первых хасидских течений и борений между ними становятся трудноразличимыми и неясными, и на смену священному страстному порыву сблизить небеса и землю зачастую приходит некая упорядоченная религиозность, что, вообще говоря, характерно для всех великих религиозных движений, миновавших стадии пробуждения и мятежа. Вместе с тем новая духовная жизнь обретает разнообразие и полноту, что, надо признать, не очень способствует концептуальному развитию основных идей хасидизма, но вместе с тем значительно расширяет сферы, в которых эти идеи могут быть реализованы и применены для нужд повседневной жизни. Формы выражения этих идей становятся уже не столь дерзновенными или радикальными, но при этом зачастую обретают больший блеск и великолепие. Афоризмы, притчи и исполненные глубокого смысла сказки, имевшие до сих пор форму гениальных,

но наивных и незаконченных импровизаций, теперь обретают литературное совершенство.

Реальные проблемы второго этапа развития хасидизма связаны не с духовными свойствами учения, а с вопросами структурно-организационного характера. Эти проблемы можно отнести к одной из трех категорий: взаимоотношения цадика и его хасидов, взаимоотношения между двумя цадиками и их хасидами и взаимоотношения между цадиком и школой, к которой он принадлежит. На втором этапе развития хасидизма все три категории взаимоотношений претерпевают значительные и заслуживающие самого пристального внимания изменения.

Для обоих этапов развития хасидизма характерно, что цадики изначально являются «скрытыми» и лишь впоследствии «раскрываются», то есть объявляют, что небеса призвали их к служению. Наряду с небесным призывом необходимо присутствие уважаемого учителя, который должен поручиться за него и формально объявить его цадиком. Иными словами, община получает своего вождя «с небес», когда на того нисходит явно выраженное небесное благословение, и к этому добавляется процедура выбора и назначения цадика, осуществляемая его учителем, чей авторитет, в свою очередь, делает такой выбор обоснованным. Хасиды самостоятельно принимают свое групповое решение лишь в том случае, когда умирает великий учитель и возникает вопрос, кто из его учеников вправе наследовать ему – при условии, что на этот счет не было никакой предварительной договоренности. Для такой процедуры нет никаких особо оговоренных формул или правил, и все происходит с учетом существующей ситуации. Если верить легенде – а легендарные случаи характерны для многих аналогичных эпизодов в истории религии, – решения подобного рода всегда и принимаются, и воспринимаются как нечто мистическое. Община демонстрирует ранее невиданное единство и, ощущая всей душой волю небес, не смеет ей противиться. На втором этапе развития хасидизма число решений, принимаемых таким образом, увеличивается. Это происходит и в тех случаях, когда цадик не оставляет после себя наследников мужского пола, и когда его сын считается кандидатом на отцовское место.

Вот дошедший до нас разговор, хорошо иллюстрирующий сложившуюся новую ситуацию. Его участники – рабби Мендл из Коцка (выдающаяся и трагическая фигура, относящаяся к четвертому поколению, хотя точнее было бы считать его хасидом пятого поколения) и юный Мендл из Ворки, сын рабби Ицхака из Ворки, друга Мендла из Коцка; время – девять месяцев после смерти рабби Ицхака. Рабби из Коцка пытается узнать, кто наследует его другу, поскольку Мендл скорее уклоняется от чести стать рабби, нежели стремится к этому. Рабби из Коцка спрашивает: «А что мир?» (то есть: каково мнение общины?). Его ученик отвечает: «Мир стоит» (то есть: вопрос о наследовании еще не

решен). Тогда рабби замечает: «Говорят, что ты готов наследовать отцу». А юный Мендл отвечает: «Будь это так, у меня было бы предчувствие». В заключение разговора цадик говорит: «Говорят, что хасиды делают цадика». На что Мендл из Ворки отвечает: «Мне не нужна милостыня», – тем самым желая сказать, что дар небес он не намерен принимать из рук общины, что он не признает их прав на это и не хочет изменять великой хасидской традиции.

Против чего же выступает Мендл из Ворки? Об этом ясно сказано в горькой шутке рабби Мендла из Риманова (цадика, жившего в переходные времена от первого этапа развития хасидизма ко второму): «Если тысяча верующих хасидов соберется вокруг пня, то пень тоже начнет творить чудеса». Очевидно, что рабби Мендл под словом «верующие» имеет в виду «суеверные». Такие хасиды не верят в то, что цадика выбирают на небесах, и полагают, что община сама вправе избрать себе цадика – то есть не получить как небесный дар, а самостоятельно «назначить». Естественное следствие такого подхода – умножение числа цадиков, непригодных для своего положения. «Не следует занимать кресло цадика, пока ты не услышал голоса Элияѓу», – таково мнение истинных цадиков, тогда как цадики сомнительные думают иначе.

Вторая категория проблем связана с тем, что при наличии большого числа цадиков не существовало одной, наиболее авторитетной фигуры, которую можно было бы воспринимать в качестве столпа хасидизма. В плане историческом хасидизм был реакцией на кризис мессианства. Дорога к хасидизму, к этой целенаправленной попытке сохранения реальности Бога для евреев, была вымощена идеями в высшей степени противоречивого саббатианства, последователи которого полагали, что они смогут отнять у Бога Израиля его право указывать им верный путь и при этом сохранить для себя еврейского Бога. Идеи Яакова Франка и его деятельность, которая столь гротескно вырвалась из-под контроля, дойдя на крайней стадии до нигилизма, облаченного в мифологические одежды, продемонстрировали всем тем, кто бдительно охранял устои иудаизма, что не только отдельные члены общины, но и община в целом находится на краю бездны, и осознание такой опасности привело наиболее достойных к хасидизму.

Этот горький опыт явственно указал: недопустимо, чтобы вера всей общины сосредоточивалась в руках одного человека. Хасидизм обеспечивает такое положение дел – благодаря тому, что придерживается библейской эсхатологии, в отличие от безрассудности саббатианской теологии, а также путем обновления концепции, в рамках которой человек в полной мере является исполнителем Божественной воли к избавлению. С другой стороны, хасидизм безусловно не приемлет тенденцию последних мессианских движений, согласно которой человеческие

существа наделялись Божественными атрибутами. Ни малейшего намека на идею воплощения не содержат ни учение Баал Шем Това, ни легенды, возникшие впоследствии вокруг его имени.

И более того: структура хасидской общины основана на принципе множественности, который никак не может перерасти в единоначалие ввиду наличия (осознанного или неосознанного – это не столь уж важно) ощущения связанной с этим опасности. Каждая община самостоятельна и не подчинена никакой вышестоящей инстанции. Даже Великий Магид, возглавлявший хасидскую общину, состоявшую из нескольких групп, не желал для себя никакого особого положения, кроме статуса учителя. И хотя в последующих поколениях мы сталкиваемся с цадиками, соперничающими между собой за более высокий статус, и такая борьба находит свое отражение в поведении их общин, тем не менее ни один из них никогда всерьез не претендовал на исключительное положение во всем движении хасидизма.

Вплоть до второго этапа развития хасидизма это соперничество никогда не опускалось до попыток взаимного запрета. Наиболее поразительным в этом плане стал конфликт с участием «Цанза» (рабби Хаим из Цанза) и «Садагоры» (рабби Авраѓам-Яаков из Садагоры и его братья), в ходе которого были возрождены методы, использовавшиеся в ходе борьбы между хасидами и их противниками (митнагдим), включая херем.

Конфликт начался с более чем однозначного высказывания рабби из Цанза, который напомнил легенду о соперничестве между солнцем и луной и повторил слова солнца относительно того, что невозможно двум царям носить одну корону. Однако большинство цадиков сразу же осознало опасность, которую таит в себе подобного рода отклонение от хасидского пути. Именно в этом плане следует интерпретировать слова рабби Ѓирша из Жидачева, достойнейшего ученика Провидца из Люблина, который сказал, что если хасид считает своего рабби единственным истинным рабби, то налицо явный случай идолопоклонства. Однако наряду с этим мы встречаемся и с высказываниями, в которых идея множественности возведена в абсолют, граничащий с абсурдом, – так, например, внук одного из видных хасидских мыслителей заявил, что каждый цадик должен быть Машиахом для своих хасидов.

Третья категория проблем – это взаимоотношения между цадиком и школой, к которой он принадлежит. На заре хасидизма мысль о соперничестве между учителем и учеником просто никому не могла прийти в голову. С одной стороны, преклонение ученика перед учителем сохранялось на протяжении всей его жизни, и он подумать даже не мог о том, чтобы сделать что бы то ни было против воли своего учителя. С другой стороны, учитель, безусловно не расценивая своих учеников как потенциальных соперников, ставил наиболее достойных из них во главе подразделений своей общины, где они исполняли роль его представителей.

Для примера перечитайте историю о том, как Великий Магид в истинно библейской манере жалует рабби Менахема-Мендла поясом и посохом.

Но уже на протяжении следующего поколения, ближе к концу первого этапа развития хасидизма, начинаются перемены. Рабби Элимелех из Лежайска, ученик Великого Магида, не дозволял своим ученикам возглавлять общины при своей жизни. Когда один из них, ставший впоследствии известным как Провидец из Люблина, встал во главе общины, это послужило причиной длительной напряженности между ними. Легенда даже гласит, что проклятие рабби Элимелеха стало пагубным для последователей его ученика.

Однако аналогичные отношения, только в еще более острой и непростой форме, сложились между Провидцем из Люблина и его учениками. Прежде всего, это мрачная трагедия, связанная с тем, что Провидец облыжно обвинил Йеѓуди, своего самого достойного ученика, в соперничестве, и утверждают, что это обвинение привело к его смерти. Провидец, как рассказывается, неоднократно повторял, что Йеѓуди выше его («он стоит на более высокой ступени»), но что он, Провидец, поставлен на свое место рабби Элимелехом – фраза сама по себе более чем странная, особенно если расценивать ее в свете всех имевших место событий; во всяком случае, это высказывание дает нам представление о том, как сам говорящий осознавал происходящее.

На этом этапе было решено отказаться от идеи ставить учеников во главе общины, хотя те, кто уже занимал такое положение, не были смещены. Но уже в следующем поколении невозможность для ученика возглавить общину при жизни своего учителя стала даже не правилом, а едва ли не законом. Таким образом, хасиды отказались от основополагающего принципа хасидизма, который можно определить как «внутренняя миссия». Учитель перестал посылать своих проверенных и надежных учеников самостоятельно выполнять свойственные учителю религиозные и организационные обязанности; он держал их при себе, лишая возможности действовать независимо, и тем самым наносил несомненный ущерб движению хасидизма.

Это обстоятельство – равно как и ряд аналогичных – послужили причиной для резкой критики, которой выдающиеся цадики второго периода хасидизма подвергали своих современников. После того как Йеѓуди высказался о вождях предыдущих поколений еврейского народа, за которыми следовали цадики, он добавил: «Вот почему я и вздыхаю: видно, нынешние тоже будут не лучше. Что же станется с народом Израиля?»

Другой цадик отказался толковать хасидское учение, поскольку заметил, что некоторые цадики своим преподаванием более не способствуют соблюдению первоначальной абсолютной чистоты учения и что скрытые демоны могут проникнуть туда и затянуть хасидов в свое царст-

во. Следует особо подчеркнуть, что некоторые из потомков великих цадиков – например, сын и внук рабби Элимелеха – просто отказывались становиться рабби.

Цадик шестого поколения, внук внука Великого Магида, в резких выражениях говорит о негодовании, которое охватывает его при виде столь очевидного упадка хасидизма. Речь идет о рабби Дове-Бере из Леово, сыне известного рабби Исраэля из Ружина, который зашел в своем протесте так далеко, что на некоторое время оказался в лагере маскилим (и это стало поводом для конфликта между «Цанзом» и «Садагорой»).

Рабби Дов-Бер частенько рассказывал одну историю, которая, как он утверждал, была связана с его предком, Великим Магидом, хотя в действительности, судя по всему, случилась именно с ним самим. «Некий арендатор, – рассказывал рабби Дов-Бер, – пришел к Магиду из Межерича и попросил его оказать помощь в одном частном деле. «Ты и взаправду хочешь, чтобы я помог тебе? – переспросил Великий Магид. – Ты пришел за этим именно ко мне?» Арендатор ответил: «Я пришел к рабби, чтобы он помолился за меня в этом деле». «Не лучше ли, – спросил Магид, – если ты попросишь, чтобы я научил тебя молиться Богу? Тогда тебе не придется приходить ко мне еще раз».

Трудно представить себе, чтобы такие слова слетели с губ Великого Магида, – скорее так говорили цадики второго периода хасидизма. Эти слова отражают то отчаяние, которое охватило цадиков, осознавших упадок хасидизма до такой степени, что они усомнились в самой его сути. На заре хасидизма цадик воспринимал свое учение как прямую связь с Богом и вряд ли мог поверить, что человек, научившийся правильно молиться, сможет обходиться без него, посредника между небом и землей. Потому что, согласно основам хасидизма, внешняя помощь – это не главное; это не более чем внешняя оболочка, делающая возможной помощь внутреннюю.

Эта мысль явственно прослеживается в истории, которую рассказывает рабби Шалом-Шахна, внук Великого Магида и дед рабби из Леово. История эта об арендаторе, который пришел к нему накануне субботы, чтобы поведать о неожиданной болезни теленка. «А за его словами, – говорит рабби, – я слышу несказанное: "Твоя душа возвышенная, а моя приземленная, так подними же меня до себя!"» Таким образом, практическая целесообразность внешней помощи ни в коей мере не может быть отвергнута, поскольку обучение молитве само по себе не может стать истинным «возвышением», да и сам по себе духовный подъем – это не исключительное событие. По самой своей сути духовный подъем – это процесс, который прерывается только со смертью; впрочем, существует мнение, что даже и тогда ему вовсе не обязательно прерываться.

Хасидизм вступает в пору упадка тогда, когда цадики более не оказывают хасидам внутреннюю помощь – наряду с внешней помощью и через ее посредство. Ведь здесь все основано на отношениях между цадиками и хасидами, на живых отношениях, которые охватывают все стороны человеческого существования и проникают до глубины души. Если всего этого нет, то, наверное, и в самом деле «нынешние тоже будут не лучше».

Второй том «Хасидских историй» мы начинаем с цадиков, бывших потомками Магида из Межерича и относившихся к Садагорской династии. Принадлежащие к этой линии существенно отличаются от потомков учеников Магида и учеников его учеников. Даже его сын Авраѓам, как мы знаем из книги «Хасидские истории: первые учителя», был не сходен с отцом, избрав для себя путь радикального аскетизма.

Сын Авраѓама, Шалом-Шахна (ум. 1802), сочтя отцовские убеждения неприемлемыми, вернулся к воззрениям своего деда. Его учителем был рабби Нахум из Чернобыля, один из самых преданных учеников Баал Шема и Магида; впоследствии Шалом-Шахна женился на внучке Нахума.

Для Шалома во всех его действиях было характерно стремление к новому. Франтоватые одежды и блестящие манеры резко отличали его от окружающих, однако эти внешние проявления со всей очевидностью демонстрировали вполне определенный стиль жизни, и, возможно, поэтому в народе сложилось мнение, что его душа – это «искра» царя Давида. Когда его тесть высказал неодобрение по этому поводу, он ответил притчей о курице, которая высидела утиные яйца и потом в смятении следила за своим водоплавающим потомством. Рабби Шалом был ярым противником «чудесных исцелений», совершаемых рабби Нахумом, говоря, что при всем своем желании помогать страждущим он намерен делать это силой своей души и обходиться без привычных магических проделок. По его убеждению, вся помощь, получаемая извне, должна стать лишь началом, оболочкой внутренней помощи.

Шалом окружил себя молодыми людьми, безгранично ему преданными. Конфликты между ними и поколением их отцов разгорались непрестанно, что – согласно его взглядам – было неизбежным делом, поскольку рабби Шалом говаривал: «Ничего хорошего нельзя достигнуть, не встречая противодействия». Известна даже весьма странная история (причем ее устные варианты выглядят еще менее правдоподобными, чем дошедшие до нас в письменном виде), повествующая о том, как рабби Шалом умышленно совершил некое публичное деяние, дабы впасть в грех – имея целью перехитрить Сатану. Как известно, Сатана считается имеющим власть над народом Израиля в изгнании, и ему, как принято полагать, ведом также секрет избавления; вот рабби Шалом и решил притвориться грешником, чтобы войти в доверие к Сатане и вы-

тянуть из него этот секрет. Есть мнение расценивать все это как последствие саббатианского догмата священного греха.

Существует ряд указаний на то, что рабби Шалом стремился стать чем-то большим, нежели просто цадик. Взять хотя бы его разговор с внуком Баал Шема. Когда Барух, человек горделивый и властный, приехал к рабби Шалому и предложил: «Давай мы вместе будем править миром» (под «миром», разумеется, имелась в виду хасидская община как центр Израиля), тот ответил: «Я могу справиться с этим делом и в одиночку». При этом, однако, он вовсе не имел в виду, как утверждали многие, возрождение статуса эксиларха. Это высказывание свидетельствует о вере в то, что на его семью возложена мессианская миссия и что реализация этой миссии может осуществиться в любом из поколений.

Подобно своему отцу, рабби Шалом умер в молодом возрасте, и перед смертью ему было видение, о котором он рассказал своему сыну Исраэлю; это видение позволяет лучше осознать суть его верования. Ему привиделся цадик, сидящий в одной из небесных палат. На столе перед ним лежала великолепная корона, выделанная из его учения и святости. Но цадику не было дозволено возложить эту корону на свою голову. «Я рассказал тебе об этом, – добавил рабби Шалом, – потому что в один из дней тебе понадобится это знание».

Его сын, рабби Исраэль из Ружина (ум. 1850), не только во всем следовал манерам своего отца, но кое в чем и превзошел его, и потому порядки и ритуалы в его доме делали его похожим на монарший двор. Династический характер своего образа жизни он сам облек в словесную форму, называя рабби Авраѓама-Йеѓошуа Ѓешеля из Апты, общепризнанного «лидера поколения», Моше-учителем, а себя – царем Соломоном; рабби из Апты, в свою очередь, именовал его царем Израиля. Так же обращались к нему и бесчисленные посетители его дома.

Все это не могло не привлечь внимания российских властей, и рабби Исраэль был арестован как вождь евреев, почитаемый у них царем. Проведя два года в тюрьмах (в основном в Киеве), он вышел на свободу и вскоре нашел убежище в Галиции. После продолжительных странствий и невзгод он осел в Садагоре (Буковина), и его дом стал местом массового паломничества. Наряду с простыми хасидами туда приходили и цадики, особенно из числа молодых, чтобы засвидетельствовать свое почтение и насладиться возвышенной беседой. Среди гостей, однако, практически не было учеников рабби Исраэля – он не хотел никого обязывать. Ему интересно было общаться с людьми, жадно внимающими каждому его слову, а не заводить учеников и брать на себя в этой связи какие-либо обязательства.

Подобно Великому Магиду, рабби Исраэль был выдающимся толкователем Торы в классической хасидской манере, но его наставления

не связаны с обычной жизнью – это причудливые, как вспышка молнии, образы. Не фрагменты целостной картины, как у Великого Магида, а афоризмы, сияющие и переливающиеся всеми цветами многогранные драгоценные камни. Представители современной западной цивилизации назвали бы рабби Исраэля блестящим импровизатором, и если оценивать его в системе ценностей этой цивилизации, то он, несомненно, был гением – но он перестал быть сосудом религиозного духа и вместилищем Божественного слова.

Шестеро сыновей рабби Исраэля были одаренными эпигонами. Они тоже унаследовали частицу духовного мира Великого Магида, но не способны были претворить это наследие в целостной, законченной форме. Почти у каждого из них был свой двор и последователи, они собирали толпы слушателей, они обладали определенным влиянием – но ни у кого из них не было учеников. Самый достойный из сыновей, рабби Давид-Моше из Чорткова (ум. 1903), был человеком мягким и добрым ко всем окружающим. В мои молодые годы я несколько лет подряд проводил летние месяцы неподалеку от его дома, но так и не решился познакомиться.

Другой сын рабби Исраэля, о котором уже шла речь, рабби Дов-Бер (названный в честь прадеда), поначалу считался самым выдающимся из всех шестерых и пользовался всеобщей любовью. Впоследствии он присоединился к маскилим и был известен тем, что писал письма, своего рода манифесты, против практики суеверий. Этот период его жизни был недолгим; вскоре он вернулся в Садагору и продолжил там жить на положении почти добровольного заключенного. О его жизни можно сказать словами известной присказки: большак закончился тупиком.

Поскольку рабби Мендлу из Витебска так и не удалось основать школу в Палестине, то самым известным из всех учеников Магида принято считать рабби Шмелке из Никольсбурга (Моравия, ныне Микулов, Чехия), прославленного своими молитвами, умением петь песни и дружелюбным отношением ко всему человечеству. Ни один из его учеников не мог сравниться с ним в умении читать молитвы, однако рабби Ицхак-Айзик из Калло (городок на севере Венгрии) наследовал его дар пения, а рабби Моше-Лейб из Сасова – его любовь к роду человеческому.

Рабби Ицхак-Айзик из Калло (ум. 1828) родился в венгерской деревушке и с детских лет постиг тайну крестьянского жизнелюбия. Согласно легенде, мальчишкой он пас гусей. Он не только использовал мелодии, услышанные от окрестных пастухов, для пения гимнов и псалмов (в том числе «На реках вавилонских»), но и заимствовал песни целиком, превращая их – путем изменения буквально нескольких слов – в еврейские мистические песнопения. Печаль пасторальных песен ста-

новилась у него рассказом о страданиях народа в изгнании, любовная грусть – ожиданием Божественного присутствия. Он использовал также и «неизвестные мелодии» рабби Шмелке, но рассказывают, что песни рабби из Калло были более эмоциональными и очаровательными, возможно, благодаря наличию фольклорных элементов.

О сильной привязанности рабби из Калло к фольклору свидетельствует и такой любопытный факт, что он всегда читал пасхальную Агаду по-венгерски. Рассказывают, что в вечер пасхального седера рабби Шмелке мог слышать, как все его ученики читают Агаду в разных городах, далеко от Никольсбурга, и он слышал их всех, кроме рабби из Калло, потому что он не понимал венгерского.

Существует еще одна история, связанная с любовью рабби Ицхака-Айзика к народным песням: будто бы мелодию одного гимна он взял у Великого Магида, который, в свою очередь, услышал ее от пастуха. Однако пастух, как далее повествует эта история, подслушал ее у одного из левитов, находившихся в изгнании, – это была мелодия храмовой службы. И мелодия вернулась в семью Магида благодаря рабби из Калло – если вся эта история не придумана. Эту мелодию очень любил рабби Давид-Моше из Чорткова.

Еще многим и многим песням рабби из Калло научил своих хасидов. Среди них был и рабби Хаим из Цанза, который в канун субботы, обходя семь раз биму, имел обыкновение петь песню рабби из Калло о «невесте», Божественном присутствии, «страстно и самозабвенно, доколе телесные силы не оставляли его».

Рабби Моше-Лейб из Сасова (ум. 1807) следовал за своим учителем из одной польской деревушки в другую, а затем из Польши в Никольсбург. Легенда связывает его с рабби Шмелке из Никольсбурга. Вряд ли надо говорить о нем много во введении, поскольку сами по себе его истории дают нам ясное представление об этом человеке. В его душе зародился дар с готовностью помогать людям и делать это с любовью, а рабби Шмелке развил этот дар до такого совершенства, которое нечасто даже для хасидов, известных своей способностью любить ближних. Восхитительная непосредственность только усиливала его любовь и нежность и к людям, и к животным. Говоря о рабби Моше-Лейбе, мы, похоже, разрешаем парадокс заповеди о необходимости возлюбить ближнего, как самого себя. (Ведь разве можно любить кого-то, подчиняясь заповеди?) Но все-таки даже рабби из Сасова столкнулся с определенными внутренними препятствиями. Он был не в состоянии любить тех злобных или самоуверенных людей, которые губят этот мир. Однако именно об этом и говорил его учитель: мы должны любить каждую душу, потому что она – часть Божественного, а точнее говоря, мы не можем не любить каждую душу с того момента, как мы осознаем, что она – часть Божественного. Вот почему рабби из Сасова, пол-

ностью осознавая свою любовь к Богу, стал все больше и больше проникаться любовью ко всем Его созданиям. Истинный смысл заповеди о любви к ближнему находит свое выражение как в определении внутренних препятствий, связанных с ее исполнением, так и в преодолении этих препятствий.

Для того чтобы продемонстрировать степень влияния рабби из Сасова на его ближайшее окружение, следующий раздел книги мы посвятили его ученику рабби Мендлу из Косова (ум. 1825), чья жизнь и труды также исполнены любви к роду человеческому. Ему приписывается наиболее убедительная формулировка рассматриваемой нами заповеди: любовь к ближнему – это оборотная сторона любви к Богу. Известно следующее толкование слов Писания «Люби ближнего своего, как самого себя: Я – Бог»*, данное им: «Если человек любит ближнего своего, то Шхина пребывает с ним». И еще, в другом месте: «Союз людей, которые любят своих ближних, способствует согласию в верхнем мире». Мы знаем, что его сын, Хаим, всегда уделял особое внимание тому, чтобы его хасиды жили вместе как добрые соседи, чтобы они любили друг друга, знали друг друга, помогали друг другу.

* [Лев. 19:18]

В моей книге «Хасидские истории: первые учителя» говорится о Магиде из Козниц и о Провидце из Люблина, которые были учениками рабби Элимелеха, причем подчеркивается, что, будучи в числе первых учеников Великого Магида, они, таким образом, относятся к третьему поколению. Два других ученика, рабби Авраѓам-Йеѓошуа Ѓешель из Апты (ум. 1825) и рабби Менахем-Мендл из Риманова (ум. 1815), хронологически попадают в этот том. Сказано, что перед смертью рабби Элимелех оставил свой дар судить о высказываниях людей в наследство рабби из Апты, а свой дар напутствовать души – рабби из Риманова.

Рабби из Апты был известен своей рассудительностью и благоразумием, он выполнял функции судьи и арбитра, причем на его суд приходили не только хасиды, но и цадики. Совершая ошибки и прилагая усилия по их исправлению, он достиг уровня истинного правосудия. Начинал он с того, что мы все зовем правосудием, то есть умением правильно судить, но затем шаг за шагом он осознавал, что людское правосудие само по себе недостаточно, когда мы выходим за пределы справедливого общественного порядка и вторгаемся в сферу справедливых отношений между людьми.

Он осознал, что Божественное правосудие не относится к той же категории, что и Божественная любовь, которая есть само совершенство и которой мы можем хотя бы попытаться подражать. Божественное правосудие – это нечто загадочное, ни в коей мере не сравнимое с тем, что люди привычно зовут правосудием или законом. Человеку следует быть справедливым в пределах своего общественного порядка,

но когда он рискует выйти за его границы, в открытое море человеческих отношений, ему почти наверняка грозит кораблекрушение, и все, что ему остается делать, это искать спасения в любви.

Одним из поворотных моментов в жизни рабби из Апты стал, по всей вероятности, эпизод, описанный в этой книге, когда он публично осудил женщину за нарушение норм морали, а она в ответ сказала, что сам Господь был терпеливее к грешникам, чем рабби. Уразумев свою неправоту, рабби из Апты почувствовал, как стал другим человеком. Но он не полагал, что его умение любить ближнего связано только с его земным существованием, а старался никогда не забывать о странствиях своей души, сознавая, что в ходе странствий он обязан совершенствовать это умение.

Рабби Менахем-Мендл из Риманова отличался от рабби из Апты и характером, и историей своей жизни. Он унаследовал от своего учителя способности к организации и упорядочиванию, хотя и применял эти способности на практике в значительно более ограниченной степени. Окружение цадика обычно составляют ученики, община и «случайные посетители», и из этих трех кругов рабби Менахем-Мендл основное внимание уделял второму, то есть общине. Он устанавливал для своей общины законы, как если бы она была государством, – но его община и была для него государством. Он не брал на себя смелость полагать себя справедливым – он просто следил за тем, чтобы соблюдался справедливый порядок для всех членов его общины. Когда возникала необходимость осудить кого-либо из членов общины, то его порицание было и уместным, и строгим. Когда надо было поддержать установленный порядок или воспротивиться нарушению традиций, то он – обычно воплощение сдержанности и спокойствия – мог подняться до высот архаического величия. Это происходило в тех случаях, когда он, дабы взбодрить и зажечь свою общину (если те – как это нередко случается – пребывали в состоянии безразличия), обращался к ним, словно назначенный самим Господом Богом провозвестник, освобождая их от ограничений, предписываемых Торой, и давая им свободу заново сделать свой выбор. А благодаря своему умению владеть «словом» он всегда служил образцом для своих учеников, поскольку каждое высказывание рабби Менахема-Мендла отражало присущее ему чувство ответственности.

Рабби Цви-Гирш из Риманова (ум. 1846), ученик рабби Мендла, ставший его преемником, среди цадиков второго периода был одним из тех немногих, кто всеми своими успехами обязан самому себе. В юные годы он был в учениках у портного, потом стал слугой в доме рабби Мендла. Он выполнял свои обязанности слуги с таким искусством и умом, что цадик вскоре оценил его как редкий человеческий сосуд, способный к восприятию обучения. Рабби Мендл взял

юного Ѓирша в ученики, но тот не прекратил выполнять обязанности личного слуги цадика. После смерти цадика он в течение двенадцати лет продолжал учебу, а потом, ко всеобщему изумлению, сам стал цадиком.

Он был вскоре признан другими цадиками и занял влиятельную позицию особого рода. Хотя временами он вел себя заносчиво и надменно, в глубине души он был очень скромным человеком и частенько говорил о своих незамысловатых и вместе с тем проникновенных проповедях, что он лишь повторял то, что ему велено было сказать; порой он действительно не мог припомнить только что прочитанную им проповедь.

Следует также заметить, что он частенько запрашивал немалые деньги у людей, обращавшихся к нему с различными просьбами. В таких случаях он называл точные суммы, причем цифры, несомненно, имели некий мистический смысл. С другой стороны, у него было обыкновение раздавать неимущим все деньги, имевшиеся в его доме. По сути дела, он таким образом осуществлял перераспределение средств в своей общине, полагая, по-видимому, что в этом также заключается его миссия: передавать нуждающимся членам общины часть избыточных средств, накопившихся у других членов общины.

Рабби Шломо из Карлина, известный великой силой своей молитвы, стал основателем школы экстатической молитвы.

Самым известным его учеником, который унаследовал это обыкновение молиться до полного изнеможения, был рабби Ури из Стрельска (ум. 1826), по прозвищу ѓа-Сараф (Серафим). В общине рабби Ури экстатическая молитва была принята и для цадика, и для его хасидов. Почти все хасиды Стрельска были бедняками, но никто из них не обращался к своему рабби с просьбой о материальном благополучии. Все, чего они хотели, это молиться вместе с ним, молиться так, как молится он, отдавая молитве все свои силы.

Чудесные моления рабби Ури определяли и отношение к нему со стороны его хасидов, которые прославляли его как провидца и в самом буквальном смысле считали его серафимом. Один хасид говорил, что у рабби несколько лиц, другой – что видел, как рабби на его глазах становится все выше и выше, достигая небес. Хасиды рассказывали, что однажды, когда синагога была осквернена нечистыми молитвами саббатианцев, то силой его молитвы она на следующий день сгорела до основания. Они также рассказывали, что для них новая неделя начиналась лишь после того, как рабби Ури совершал церемонию ѓавдалы на исходе субботы и отпугивал силы зла и нечестия.

Перед своей смертью рабби Ури благословил рабби Йеѓуду-Цви из Стретина (ум. 1844) унаследовать его место, возложив на него руки свои, – что напоминает Моше и Йеѓошуа*.

* [Втор.34:9]

Легенда гласит, что рабби Йеѓуда-Цви тоже получал на субботу ключи от ада, но к этой легенде добавляются дополнительные подробности: ночью после исхода субботы некий хасид видел, как рабби стоял у открытого окна в субботних одеждах и держал в руке ключ, который он никак не решался отложить в сторону. И все это время духи зла тучами кружились над ним в ожидании утра, когда его силы начнут ослабевать.

Рабби Йеѓуда-Цви обычно совершал ритуальное омовение в загородной речке, и говорили, что он не выходит из воды, пока не прочтет всю Книгу псалмов.

Самой известной особенностью его учения было утверждение относительно единства атрибутов Бога, единства Божественного суда и Божественного милосердия.

Сын рабби Йеѓуды-Цви, рабби Авраѓам из Стретина (ум. 1865), оставил нам свое важное учение о человеческом единстве, согласно которому человек в состоянии достигнуть такой гармонии между своими чувствами, что его органы чувств могут заменять друг друга и каждый орган может принимать на себя функции всех остальных.

У рабби Шломо из Карлина, помимо рабби Ури из Стрельска, был еще один выдающийся ученик – рабби Мордехай из Ляховичей (ум. 1811), который добавил к учению о молитве до полного изнеможения еще ряд положений: он, в частности, говорил, что молящийся должен отдавать всего себя Господу с каждым произносимым им словом, и ссылался на известную притчу о птичке, которая пела хвалебные песни с таким восторгом, что он разорвал ее тело. Человек должен вкладывать всего себя в каждое слово молитвы, да так, чтобы буквально «воспарять над землей». Согласно преданию, рабби Мордехай умер от разрыва легких во время самозабвенной молитвы.

Однако его отношение к жизни было в целом радостным. Лишь в радости душа может воистину вознестись к Господу, и «тот, кто хочет служить Богу в сиянии Божественного света, преданно, радостно и охотно, должен иметь душу пылкую, ясную, чистую и тело, полное жизни».

Сын рабби Мордехая, рабби Ноах из Ляховичей (ум. 1834), придерживался в жизни отцовских правил, хотя его взгляды и были более мирскими. Впрочем, и в высказываниях внука рабби Ноаха, рабби Шломо-Хаима из Койданова (ум. 1862) мы все еще находим отголоски страстного учения рабби Шломо из Карлина.

Школа рабби Шломо из Карлина достигла своего расцвета при рабби Моше из Кобрина (ум. 1858), который был учеником сначала рабби Мордехая, а затем рабби Ноаха. Я не колеблясь назову имя этого недостаточно хорошо известного человека в числе тех немногих великих имен, которые дал хасидизм в середине периода своего упадка.

Он, возможно, не способствовал обогащению учения хасидизма, но его жизнь и его высказывания, а особенно единство его жизни и его высказываний, придали хасидизму особую жизненность и естественность.

Достаточно привести три высказывания, чтобы составить представление о сущности его философии: «Ты станешь жертвенником пред Господом Богом», «Нет в мире ничего, что не содержало бы заповеди!» и «Как не имеет пределов Бог, точно так же нет пределов и службе Ему».

Его высказывания вкупе с его жизнью, служащей для них и примером, и отражением, порой напоминают первых учителей хасидизма. Все же остальное, что сказано в книге об этом человеке, не нуждается ни в пояснениях, ни в дополнениях.

Рабби Хаим-Меир из Могельницы (ум. 1849), внук Магида из Козниц, принадлежал к числу самых выдающихся учеников этого святого человека и страдальца, который пророчествовал из глубин своего страдания. В числе учителей рабби Хаима-Меира, помимо его деда, были также рабби из Апты и Провидец из Люблина; он был в добрых отношениях с другим учеником Провидца, Йеѓудой из Пшисхи, человеком, имевшим столь много врагов. Рабби Хаим-Меир знал многие учения, но был далек от эклектизма, поскольку, не будучи глубоким и самостоятельным мыслителем, он обладал сильной и независимой душой, благодаря чему мог переплавить все полученные извне знания в своем тигле чувств и опыта.

Вот два высказывания, достаточно хорошо характеризующие его: «Зачем мне ступени духовного развития, если душа не облачена в телесную оболочку» и «Мне нужно только то, что я могу получить своим трудом». Он умел проникать в глубины своей души и любил рассказывать хасидам о своем душевном состоянии. Он вообще любил поговорить на разные темы и всегда охотно вступал в беседу.

Отношения между ним и его хасидами отличались особой близостью; достаточно было одного его жеста, чтобы произвести на хасидов необходимое впечатление, и они повиновались ему с любовью. Наиболее значительным было влияние рабби Хаима-Меира на его ученика рабби Иссахара из Вольбужа (ум. 1876).

Далее в этой книге говорится о школе Люблина и о школах, на которые она оказала воздействие, – в том числе о школах Пшисхи и Коцка. Развитие этих школ проходило под влиянием школы Люблина, и особенно под влиянием исполинской личности Провидца, – но также и в борениях с ними.

В томе «Хасидские истории: первые учителя» идет речь о десяти учениках Магида из Межерича; в этом томе – о девяти учениках Провидца из Люблина (хотя их было, разумеется, значительно больше). Имена этих учеников: рабби Давид бен Шломо из Лелова (ум.

1813), рабби Моше Тейтельбойм из Уйхея (ум. 1841), рабби Иссахар-Бер из Радошиц (ум. 1843), рабби Шломо-Лейб из Лиссы (Лешно) (ум. 1843), рабби Нафтали из Ропшиц (ум. 1827), рабби Шалом из Белз (ум. 1855), рабби Цви-Ѓирш из Жидачева (ум. 1831), рабби Яаков-Ицхак, известный как Йеѓуди (ум. 1813), и рабби Симха-Буним из Пшисхи (ум. 1827). (С учетом соображений внутренней логики я привожу их имена не в хронологическом порядке; кроме того, в списке нет рабби Менахема-Мендла из Коцка, который, хотя и был некоторое время учеником Провидца, при каждом удобном случае подчеркивал, что принадлежит к школе Пшисхи, а не к школе Люблина.)

Давид из Лелова – это одна из самых привлекательных личностей за всю историю хасидизма. Мудрый и в то же время по-детски непосредственный, с открытым сердцем и с тайной в глубине души, чуждый греху, но при этом защищающий грешников от преследований.

Рабби из Лелова – достойный всяческого внимания пример цадика, который никак не мог стать самим собой до тех пор, пока истина хасидизма не освободила его от аскетического мировоззрения. И обязан он своим освобождением рабби Элимелеху.

Следующим его учителем был Провидец из Люблина, верность которому он хранил всю свою жизнь, хотя они расходились – да и не могли не расходиться – по целому ряду основных вопросов; при этом в конфликтах между Люблином и Пшисхой рабби Давид со всей искренностью поддерживал своего друга Йеѓуди.

На протяжении длительного времени рабби Давид отказывался принять статус цадика, несмотря на то что у него было множество ревностных сторонников, которые сравнивали этого скромного человека с царем Давидом – имея на это, возможно, больше оснований, чем в случае с другими цадиками. Немалое время он держал свою маленькую лавочку и при этом нередко отсылал покупателей к другим торговцам, которых он считал беднее себя. Ему нравилось странствовать по окрестностям, встречаться с незнакомыми местечковыми евреями и утешать их сердца братским словом. В маленьких городках он собирал вокруг себя детей, возил их на прогулки, приглашал для них музыкантов. На рынке он мог, подобно рабби из Сасова, задать корм оставленным без присмотра лошадям или напоить их. Он очень любил лошадей и с горячностью объяснял, насколько бессмысленно бить их. И еще он полагал, что недостоин быть цадиком потому, что его преданность своей семье была более сильной, чем преданность всему человечеству.

Он полагал, что его самая важная миссия – поддерживать согласие между людьми, и вот почему – так гласит легенда – ему был ниспослан дар мирить враждующих своими молитвами. Он утверждал, что вернуть человека на истинный путь можно не посредством назиданий и нравоучений, а благодаря дружескому общению и умиротворению смятен-

ных чувств, и тогда любовь приведет его к Богу. Именно таким образом он вернул на путь истинный многие заблудшие души. (Самым известным был случай с видным врачом, д-ром Бернхардом, которого рабби из Лелова привел к Провидцу, и в конечном итоге доктор стал хасидом, достигшим весьма высокой духовной ступени.)

Вся жизнь рабби Давида была убедительной иллюстрацией к его учению. «Все, что он ни делал – ежедневно, ежечасно, – говаривал рабби Ицхак из Ворки, учившийся с ним в течение некоторого времени, – было по Закону и по слову Торы».

Подобно тому, как рабби Элимелех освободил рабби из Лелова от оков аскетического мировоззрения, точно так же ученик рабби Элимелеха, Провидец из Люблина, освободил рабби Моше Тейтельбойма из Уйхея от гнета непомерной учености, которая только изолировала рабби от всего мира. Провидец обнаружил в его душе истинный огонь, которому недоставало лишь подходящего топлива; всякий, в чьей душе горит такой огонь, уже хасид в сердце своем, даже если он и противится хасидскому пути.

К вступлению на хасидский путь рабби Моше подготовило многое, и не в последнюю очередь его необычные сны, о которых нам известно по воспоминаниям, порой относящимся к годам его юности. В своих снах – а снилось ему разное, в том числе и учителя каббалы минувших веков, которых он наблюдал за их тайной работой, – он научился понимать, сколь мало могут быть полезными добрые дела, если совершающий их человек не предан Богу всей душой, а также что в человеческой душе есть место и раю, и аду.

В это время он стал учеником Провидца, который обучил его истинной хасидской радости, хотя достигнуть такого состояния ему было нелегко. Говаривали, что в душе рабби Моше живет искра души пророка Иеремии. Всю свою жизнь он глубоко скорбел о разрушении Храма и о судьбе народа Израиля. Когда он постиг радость, его надежда на приход Машиаха возобладала над его скорбью, поскольку эта надежда была чрезвычайно эмоциональной. Насколько мы знаем, ни у кого из цадиков не было столь безграничной веры в приход Машиаха на всем протяжении своей жизни.

Рабби Иссахар-Бер из Радошиц был повсеместно известен как чудотворец. Особенно он прославился своими чудесными исцелениями, и прежде всего – изгнанием дибука, злого духа, из одержимых; его даже стали называть «маленький Баал Шем». По-видимому, он обладал такими свойствами с юных лет, но только долго не мог решиться применить свои внутренние силы, будучи человеком кротким и застенчивым. Известен такой случай из его юности: он сопровождал рабби Моше-Лейба из Сасова в поездке и посоветовал рабби Моше его собственные чудодейственные методы, о которых он сам тогда еще не был осведомлен.

Но еще более странным выглядит то обстоятельство, что рабби Иссахар-Бер, переходя от одного цадика к другому и уйдя от Провидца, в конечном итоге пристал к общине Йеѓуди, сохраняя при этом благоговейное отношение к чудесам, – при том, что самый воздух вокруг Йеѓуди, казалось, был наполнен неприязнью к чудотворцам. Нам, однако, известен рассказ о том, что, когда ребенок Йеѓуди опасно заболел, тот обратился к рабби Иссахару-Беру, прознав, по всей видимости, о скрытых целительных способностях рабби Иссахара-Бера и решив их пробудить. Сам не веря в наличие у себя такого дара, но осознав крайность ситуации, рабби Иссахар-Бер взял ребенка на руки, потом положил в колыбельку и начал его укачивать с молитвой. И ребенок выздоровел.

Рассказывают, что много лет спустя, когда от школы Пшисхи отделилась школа Коцка, последняя из значительных хасидских школ, с ее общей атмосферой трагичности, и хасиды в обоих лагерях, Коцке и Радошицах, превратились в две противостоящие группы, рабби Иссахар высказал парадоксальную мысль, суть которой сводилась к следующему: Коцк отказывается от своей воли, уступая воле Бога, а Радошицы поступают по своей воле, которая также определяется волей Бога. Буквально парадокс звучал следующим образом: «Если ты не в состоянии сделать это, то ты, тем не менее, все равно обязан сделать это». Сторонники рабби из Коцка, однако, утверждали, что у себя в Коцке они приближают свои сердца к Отцу Небесному, тогда как в Радошицах, напротив, приближают Отца Небесного к сердцам евреев. Сказанное означало, что вместо того, чтобы стремиться к Богу во всем Его величии и строгости, в Радошицах пытаются сделать так, чтобы Он сам приблизился к людям, – путем совершения чудес.

Это напоминает сказанное некогда рабби Иссахаром. Когда один из многообещающих учеников рабби спросил у него, почему он творит чудеса и не лучше ли было бы стремиться к чистоте души, тот ответил, что послан на землю, дабы «сделать Божественное известным миру».

Рабби Шломо-Лейб из Лиссы (Лешно) также был непохож на других цадиков, хотя и в ином плане. Его превозносили за особую чистоплотность, которая была принципом его образа жизни. Говорили, что он не дотрагивается до денег и даже не глядит на них, что он никогда не принимает ничего и ни от кого – даже когда цадики, его учителя (рабби Мендл из Риманова, Провидец из Люблина, Йеѓуди), предлагали ему лакомый кусок со своей тарелки (знак высшей милости по отношению к самым любимым ученикам), что он никогда не сказал ни единого пустого слова и слушать не желает праздных речей.

Известен комментарий, сделанный им еще в юные годы, на стих псалма «Сердце разбитое и угнетенное, Всесильный, не презирай»*: «И все-таки сердце не должно быть разбитым». Характеризует рабби Шломо-Лейба и то, что всякий раз, говоря о приходе Машиаха, он подчеркивал, что преобладаю-

* [Пс. 51:19]

щим в народе станет тогда чувство великого стыда. Его святость, хотя и отрешенная от мира сего, но благоволящая ко всем живым существам, делала его одним из воплощений страдающего Машиаха. Как-то он сказал, что Машиах из колена Иосифа не погибнет в сражении с врагами Израиля, а умрет от страданий народа Израиля.

У рабби Шломо-Лейба было немало недругов среди цадиков. Человек, возглавлявший борьбу против рабби Шломо в тот период, когда он сохранял верность школе Пшисхи, отличался от него во всех отношениях. Это был рабби Нафтали из Ропшиц, учившийся сначала у рабби Элимелеха из Лежайска, а потом у четырех его великих учеников – рабби из Апты, Магида из Козниц, рабби Мендла из Риманова и, что самое существенное, у Провидца из Люблина.

Вряд ли существовал другой такой цадик, в чьей душе сочеталось столько противоречивых свойств. Но если мы рассмотрим все их в совокупности, то должны будем признать, что они отнюдь не хаотичны или противоречивы, но, напротив, характеризуют живого и здравомыслящего человека. В мире хасидизма он был фигурой, нередкой среди интеллектуалов нашего времени: смесь иронии и страстных желаний, скептицизма и веры, честолюбия и смирения.

С юных лет он обожал шутки, и особенно язвительные, а также розыгрыши, причем некоторые из них были далеко не безобидными. В молодости он рассуждал о своих умственных способностях с величайшей гордостью, а в зрелые годы высказывал на этот счет сомнения, граничащие с отчаянием. Однажды он отметил, что его учитель, рабби Мендл из Риманова, был святым человеком, но не имел представления о том, что такое истинный ум, и присовокупил: «Так разве он в состоянии понять, что я собой представляю?» В другой раз, когда Провидец из Люблина, выведенный из терпения его бесконечными шутками, напомнил ему стих из Писания: «Непорочен будь пред Богом, Всесильным твоим»*, добавив: «Сказано: непорочен будь – а не умничай», Нафтали ответил ему смело, но абсолютно вопреки фундаментальному принципу хасидизма: «Надо немало ума, чтобы быть непорочным пред Богом».

* [Втор. 18:13]

Но после того как он сам стал рабби, о нем уже рассказывают совсем другое. О переменах, происшедших и происходивших в его душе, свидетельствуют такие истории, включенные в эту книгу, как «Сторож», «Утренняя молитва», «Вождь и поколение» и особенно «Желание» – рассказ о том, как он пожелал в следующей жизни стать коровой.

На основе его разговора с рабби Меиром из Стопницы можно сделать вывод, пусть даже самого общего характера, к которому рабби Нафтали пришел, осмысливая свой жизненный опыт. Встретившись с рабби Меиром, своим бывшим соучеником, который в тот момент стал в некоторой степени наследником Провидца из Люблина, он сказал

ему, что теперь хасидам следует сидеть дома и учиться, а не думать о статусе цадика. На это рабби Меир ответил: «Не беспокойся – Бог обо всем позаботится! Если мы окажемся не в состоянии возглавить общину, найдутся другие, более пригодные к тому люди». Заметим, однако, что последующие события показали необоснованность этого ответа.

Говоря о рабби Нафтали из Ропшиц, мы не можем не вспомнить его ученика, рабби Хаима из Цанза (ум. 1876), который – по-видимому, единственный из всех выдающихся знатоков Талмуда среди хасидов, – продолжал старую традицию занятий и, пользуясь его собственным своеобразным выражением, перелицовывал уже лицованную однажды одежку, да так, чтобы стала видна изначальная лицевая сторона. Не следует, однако, предполагать, что здесь имела место попытка синтеза, неоднократно испробованная на ранних этапах хасидского движения. Этот синтез, судя по всему, давно уже был отвергнут, поскольку хотя рабби Хаим и подчеркивал, что в конечном итоге учеба и «служение» – это одно и то же, но вместе с тем он и допускал, что, по его мнению, в учебе нет ничего, кроме Торы, а в молитвах – ничего, кроме служения.

Он был искусен как в талмудических дебатах, так и в экстатическом служении и не менее известен своими благими делами, равно как и глубоким познанием человеческой природы, но ему не хватало ряда свойств, необходимых для великого цадика, – в частности, цельности души, а также цельности тела и души.

О многих из числа великих в последующих поколениях говорилось, что они обладают всем, кроме единства основных своих свойств. Живым примером, опровергающим эту тенденцию, был рабби Йехезкель из Сенявы, сын рабби из Цанза. О нем говорилось, что он не желает основывать свои проповеди на всех текстах Писания, а ограничивается одной только Торой. Он говаривал про своего отца, что у рабби Хаима – душа Авеля, а о себе он говорил, что его душа содержит добрые элементы души Каина. Приведем еще одно из дошедших до нас высказываний рабби Йехезкеля: в числе приверженцев каждого цадика есть люди, более преданные его идеям, чем он сам, только эти люди сами об этом не знают.

При всей обширности имеющегося в моем распоряжении материала, я все же не в состоянии нарисовать достаточно подробный (насколько мне хотелось бы) портрет рабби Шалома из Белз, известного цадика и основателя «династии». Однако некоторые из его свойств настолько замечательны, что я не могу не сказать о них хотя бы немного.

Упомянем в этой связи два аспекта. Один – это идея исповеди. Рабби Шалом настаивал на том, чтобы его хасиды рассказывали обо всех «странных мыслях», приходивших им в голову, то есть обо всех искушениях и фантазиях, отвлекавших их во время молитвы. Он слушал все их признания с неослабевающим вниманием, и это способствовало еще более полному воплощению идеи освобождения, свойственной хасидизму.

Другой аспект – это его отношение к браку. Общеизвестно, что в кругах набожных людей само по себе присутствие женщин, и даже законных жен, расценивалось как «отвлекающий» фактор. Это связывалось не с природой женщины как таковой, а с идеей первородного греха, неотъемлемо связанного с женщиной. Но похоже, что для рабби из Белз первородный грех был не страшен, поскольку его часто видели сидящим рядом с женой, как Адам и Ева в раю перед грехопадением, когда женщина все еще была «помощницей»*; исходное состояние после сотворения мира было восстановлено.

* [Быт. 2:18]

Новая и достаточно необычная ситуация сложилась в случае с рабби Ѓиршем из Жидачева, чьими учителями были Провидец из Люблина, а также рабби из Сасова и рабби из Козниц. Все братья и племянники рабби Ѓирша составляли большую семью, которая вместе с тем была общиной, главой которой рабби Ѓирш и являлся. Между братьями существовала очень тесная внутренняя связь, и когда, как гласит легенда, рабби Ѓирш, старший из братьев, очень серьезно заболел, то один из его младших братьев, объявив, что рабби Ѓирш «нужнее здесь, на земле», предложил небесам себя в замену, и его жертва была принята.

Рабби Ѓирш был самым истинным каббалистом из всех учеников Провидца из Люблина, в том числе и в своей повседневной жизни. Он не мог поднести стакан воды к губам без каваны, не сосредоточившись на каббалистическом значении действия в момент его совершения. Не будучи уверенным в себе, он опасался, даже в возрасте старше сорока лет, что может попасть под власть планеты Венера, в сфере которой перемешано добро и зло. Подозрения вызывало у него и то обстоятельство, что к нему в ученики шли так много хасидов – он опасался, не замешан ли тут Сатана. Сомнения терзали его потому, что он слишком серьезно относился ко всему на свете, включая и связь между внешней и внутренней помощью, которую он ощущал себя обязанным предоставлять каждому из своих хасидов. Ведь как же ему уделять личное внимание каждому из них в такой толпе?

Его неприятие верховенства в любой форме или каких бы то ни было притязаний – либо для себя, либо для другого цадика – имело непосредственную связь с его общими воззрениями. Он был твердо убежден, что хасид, считающий своего рабби единственным истинным рабби, на деле является идолопоклонником; все же, что нужно хасиду, это найти себе рабби, который соответствовал бы его потребностям и складу характера, такого рабби, который мог бы оказывать ему помощь сообразно его личным надобностям.

Рабби Йеѓуда-Цви из Роздола (ум. 1847), племянник рабби Ѓирша, развивал взгляды своего дяди относительно статуса цадика с учетом собственного неверия в свои силы. Он осознавал, что не обладает могуществом цадиков былых времен, которые были в состоянии изменять

мир. Принципом, определяющим состояние его души, была уступка своего пространства, сдача своих позиций. Он определял свой принцип как «ничто», или «несущественность» и полагал, что его подход также необходим для существования этого мира.

Рабби Ицхак-Айзик из Жидачева (ум. 1873), также племянник рабби Ѓирша, не уделял особого внимания статусу цадика, но при этом подчеркивал положительный фактор взаимоотношений цадика со своими хасидами, которые, во-первых, основываются на принципе взаимных уступок и, во-вторых, должны интерпретироваться с учетом зачастую неверно понимаемого авторитета, которым цадик пользуется у хасидов и который не является независимым фактором, но обусловлен религиозными воздействиями, равно как и является составным элементом таких воздействий.

В целом мы можем утверждать, что школа Жидачева внесла существенный вклад в дело критической оценки всей сферы взаимоотношений, существующих между цадиком и хасидами, и способствовала их новому и более точному определению.

Школа Пшисхи, возникшая в Люблине, и школа Коцка, начала которой зародились в рамках школы Пшисхи, представляли собой крупные, независимые общинные структуры. Но невозможно должным образом осознать всю значимость этих школ, не познакомившись с их основателем, известным под именем Йеѓуди.

Йеѓуди звали, как и его учителя, Яаков-Ицхак, но поскольку считалось неподобающим кому бы то ни было использовать имя учителя в его присутствии, то его и стали звать просто Йеѓуди, то есть Еврей (на иврите). Это прозвище настолько привилось, что со временем даже цадики стали называть рабби из Пшисхи просто Святой Йеѓуди, то есть Святой Еврей. Имя это, однако, весьма символично и соответствует непростому характеру этого человека. Еще мальчишкой Йеѓуди отказывался молиться в установленные часы и в компании других хасидов. Не помогали ни упреки, ни взбучка. Но потом его отец заметил, что после наступления темноты мальчик забирается на крышу дома молитвы и молится у чердачного окна – и так день за днем. В более старшем возрасте он пристрастился молиться в амбаре, где его никто не мог видеть. Уже тогда он пользовался репутацией знатока Талмуда, но никто не имел даже представления о том, как он служил Богу в сердце своем. Считалось, что он не бывает в микве, поскольку никто не видел его в компании тех десяти или более человек, которые спускались на глубину девяноста ступеней, чтобы окунуться в ледяную воду. Они ходили группами, чтобы не так боязно было спускаться по бесконечным скользким ступеням, а также чтобы раздуть огонь и хоть немного согреть воду. Но Йеѓуди ходил в одиночку, окунался, не разводя огня, потом так же тайком возвращался домой и принимался за изучение

каббалы. Случалось, что на рассвете молодая жена Йеѓуди находила его лежащим без чувств, лицом на книге.

Родители его жены жили в городе Апты, и в то время там же жил рабби Моше-Лейб из Сасова. Молодой хасид заинтересовал рабби, потом он ему понравился, а потом рабби оказал огромное воздействие на чувствительную и скрытную душу Йеѓуди. Вскоре величие души Йеѓуди стало известно и рабби Авраѓаму-Йеѓошуа Ѓешелю из Апты. На протяжении многих лет он учил детей в окрестных местечках. Тогда он исполнился влечением к смерти, которую считал высшей ступенью бытия. Правда, он не был уверен, являлось ли это стремление божественной истиной или самообманом. Он принялся искать опору и наставника; рассказывают, что именно тогда рабби Давид из Лелова и привел его к Провидцу из Люблина.

Рассказывают также, что в Люблине его приняли как долгожданного сотоварища, и на его душу снизошло успокоение. Если вспомнить беспокойные годы его юности, то становятся понятными его слова, что только в Люблине он научился засыпать с наступлением ночи. Однако Провидец из Люблина был не таким, как его прежний учитель, Магид из Межерича. В нем не было той великой ясности, которая вызывает безграничное доверие учеников. Магид из Межерича помогал своим ученикам построить здание своей жизни, причем для каждого выбирался подходящий строительный материал. А Провидец жил в мире своих собственных духовных побуждений, величайшим из которых было его «провидение». Его смирение – хотя и смирение его было страстным, под стать всем прочим свойствам – побуждало его время от времени искать компромисс между личным миром и окружающим миром, хотя он так и не мог до конца понять ни людей вроде Йеѓуди, ни особенностей их характера, поскольку был лишен одного важного свойства человеческой натуры: умения в глубине души доверять душе другого человека. Йеѓуди же, в свою очередь, так и не смог осознать наличие у Провидца этого недостатка. Вот почему отношения между этими двумя людьми были одновременно и близкими, и отстраненными.

В конечном итоге Йеѓуди основал свою общину, и хотя такой шаг был сделан по прямому совету учителя, это только усилило недоверчивость Провидца. При участии рабби Бунима, который был соучеником Йеѓуди, а затем стал его учеником, эта община превратилась в школу Пшисхи. Но главным в своей жизни Йеѓуди по-прежнему считал отношения с рабби из Люблина, несмотря на все конфликты и разочарования, и он вновь и вновь предпринимал бесплодные попытки наладить эти отношения.

Йеѓуди начал свой самостоятельный путь в тени конфликта с учителем, и после нескольких лет колебаний люди потянулись к нему. «Встаньте на истинный путь! – взывал он к ним. – Не медлите, ибо час

приближается, и нет времени для нового переселения душ. Избавление близко!» Говоря это, он имел в виду, что накануне избавления у человека нет возможности стремиться к новому перевоплощению и что он должен не медля сделать решающий шаг, совершить над собой решающее усилие и встать на истинный путь. Йеѓуди находился на противоположной стороне того мира магического, в котором пребывали Провидец и его ученики, пытавшиеся достигнуть мессианской сферы путем воздействия на события нынешнего дня; в отличие от них, он не хотел ускорить наступление конца, но стремился подготовить человека к его наступлению.

Рабби Ури ѓа-Сараф из Стрельска говорил о нем, что Йеѓуди «хотел дать людям новый путь: соединить учебу и молитву в единое служение». Рабби Ури далее сказал, что такого никогда прежде не бывало, – но я считаю, что в самом начале хасидского пути все именно так и было, да только исчезло к этому времени. А заключил рабби Ури такими словами: «Но он умер в самый разгар своих трудов, так и не завершив начатого».

Самое тяжкое обвинение, выдвигавшееся против Йеѓуди его противниками, заключалось в том, что он не молился в установленные часы, но ждал, пока его охватит желание совершить молитву. Все это было не чем иным, как первым необходимым следствием его стремления к концентрации. У него так и не появилась возможность развить дальнейшие следствия, потому что он умер в расцвете сил, не дожив и до пятидесяти лет, за два года до смерти своего учителя. Согласно одной легенде, Провидец повелел ему умереть, чтобы через его посредство получить сведения из высшего мира относительно того, каким должен быть следующий шаг в его грандиозном мессианском начинании.

Согласно другой легенде, из высшего мира ему было сообщено, что должен умереть либо он, либо его учитель, – и Йеѓуди сделал свой выбор. Существует еще одна версия, согласно которой секрет его юности, нашедший свое выражение в его влечении к смерти, выразился теперь на более высоком уровне, и такое высшее «объединение» было неотъемлемо от физической смерти, которая суждена всем, лишенным корней, – а эти поздние цветы хасидизма были лишены истинных корней. История смерти Йеѓуди окутана покровом тайны, более непостижимой, чем история смерти любого другого цадика.

Он сам сформулировал принцип своего учения в нескольких скупых словах, явившихся комментарием на стих из Писания: «К правде, к правде стремись»*. Йеѓуди сказал: «Мы должны стремиться к правде через правду, а не через неправедность». В настоящей книге мы, в дополнение к историям, посвященным Йеѓуди, приводим несколько историй, тщательно отобранных из великого множества рассказов о его сыновьях и внуках, дабы продемонстрировать, что свойства его необычного характера сохранились на протяжении нескольких поколений.

* [Втор. 16:20]

Рабби Симха-Буним из Пшисхи был самым достойным учеником Йеѓуди и наследовал ему после его смерти. Он много разъезжал, работая переписчиком, торговал древесиной и был фармацевтом, жил в Венгрии, где изучал Талмуд, и неоднократно посещал Данциг по своим торговым делам. Где бы он ни бывал, везде он смотрел на мир широко открытыми глазами, непредвзято и с симпатией. «Я имею представление о том, что такое грех, – сказал он однажды, – и я знаю, как выпрямить молодое дерево, если оно криво растет».

Познакомившись с хасидизмом, Буним стал учеником Магида из Козниц и часто навещал его. Потом он поселился в Люблине, где Провидец сразу проявил интерес к этому человеку «с практическим складом ума». И, наконец, он познакомился с Йеѓуди и вскоре стал одним из его самых преданных учеников.

После смерти Йеѓуди хасиды из Пшисхи подавляющим большинством избрали Бунима своим рабби, но он долго колебался, не решаясь принять этот статус и утверждая, что ему будет очень трудно следовать этому призванию свыше. Он испытывал трудности при общении со своими хасидами, и труднее всего ему было – как и Йеѓуди в последние годы его жизни – принимать их энтузиазм. Но после того как он стал учителем своей общины, это занятие сделалось для него самым важным на свете, и он исполнял свои обязанности с чувством величайшей ответственности. Он потрясал и преобразовывал жизни молодых людей, приходивших к нему отовсюду и буквально умолявших взять их в учение. Поскольку молодые люди, приходившие к нему, оставляли ради него свои семьи и свои дела, то их родные относились к нему с большей враждебностью, чем к какому-либо другому цадику.

Недоброжелательное отношение многих цадиков того времени к рабби Буниму объяснялось причинами вполне объективного характера. Рабби Нафтали из Ропшиц, бывший прежде непримиримым противником Йеѓуди, сказал однажды молодому человеку, который пришел к нему попросить благословения на брак с девушкой, жившей неподалеку от Пшисхи: «Я не хочу ничего говорить про тамошнего рабби, потому что он цадик, но следовать его путем опасно для его учеников. Нам приходится служить Господу долго и усердно, дабы достигнуть того же, что они достигают в кратчайшее время. Если они и далее будут следовать таким путем, то – от чего избави нас Бог! – к ним могут проникнуть «те, другие» – с помощью демонической планеты Венеры». Наконец в Остиле, на свадьбе внука рабби из Апты, где собрались многие из великих цадиков, было устроено нечто вроде судебного заседания под председательством рабби из Апты, и все обвинения в адрес рабби Бунима были отвергнуты – хотя их справедливость была более обоснованной, чем представляли себе многие из обвинителей.

Буним попытался вести своих хасидов тем же путем, что избрал Йеѓуди, но его попытка не увенчалась успехом, поскольку в глубине души он не разделял убежденности своего учителя относительно того, что избавление в самом деле столь близко и что человек должен быть готов к нему в любой момент. Йеѓуди старался, чтобы названная им цель укоренилась в сознании хасидов, а Буним не был в состоянии воспринимать эту цель как руководство к действию, и вот почему наследие его учителя, так и не укоренившись, осталось висеть в воздухе. Перспективы нового соединения учебы и молитвы, возникнув было на горизонте, снова обратились в ничто. Это произошло потому, что старые корни уже исчезли, тогда как укоренение новых идей оказалось невозможным. Мудрость по-прежнему была в состоянии благоденствовать в атмосфере «индивидуализма», в атмосфере отказа от поставленной цели, однако эта атмосфера была неподходящей для святости. Мудрый Буним был известен хасидам как «человек, сведущий в мистицизме», но сам он уже не был столь близок к мистическому, как Йеѓуди или ранние цадики. Его застольные беседы и изящные в своей прозрачности притчи в полной мере свидетельствовали о том, что он владел религиозной истиной, – но также и о том, что вряд ли его можно было расценивать как воплощение и провозвестие религиозного духа. Молитвы, которые Йеѓуди «откладывал во времени», то есть старался делать максимально личностными, стали терять свою значимость, обратившись как бы в дополнение к учебе – естественное следствие главенства школы над общиной. И, оказавшись под воздействием «неукорененности», учеба сама по себе перестала быть «передачей невыразимого и несказанного» и свелась, как и прежде, к изучению содержательного состава священных текстов.

Дурные свойства этого последнего периода распада хасидизма, на фоне которых особо выделялась светлая мудрость рабби Бунима, со всей ясностью являет нам легенда о его сыне, рабби Авраѓаме-Моше, умершем до наступления своего тридцатилетия, вскоре после смерти своего отца. Рабби Буним говорил о сыне, что у того душа царя Иоровама I (отделившего Израильское царство от Иудеи) и что его удел – либо беспредельное зло, либо идеальная добродетельность и при этом ранняя смерть.

Слова, сказанные молодым рабби о жертвоприношении Ицхака, звучат как мрачный намек, имеющий сокровенный смысл: любовь Авраѓама к своему сыну нашла выражение в самой готовности принести его в жертву, поскольку Ицхак жил в отцовском доме «лишь как сын», тогда как в действительности он был жертвенным агнцем Господа Бога.

Существует странная история, повествующая о том, как накануне свадьбы (Авраѓам-Моше женился на внучке Йеѓуди) рабби Буним

послал его на кладбище, чтобы вызвать одного из покойников, и Моше по ошибке передал приглашение не тому, кому следовало. После свадьбы он не остался дома, а ушел в лес с группой «близких ему друзей», и они вместе изучали там пути хасидизма. (Нам известна одна подобного рода группа молодежи, которую собирал вокруг себя рабби Шалом-Шахна; аналогичная группа собиралась и вокруг рабби Менахема-Мендла из Ворки.) Это был тот самый лес, через который однажды ехал Провидец из Люблина и про который он сказал, что когда-нибудь здесь будет явлено «все явное и скрытое учение вкупе с Божественным присутствием». Отец Авраѓама-Моше пришел за ним в лес и отвел его к молодой жене. Авраѓам-Моше, идя за отцом как во сне, сказал ему: «Я совсем забыл...»

В рассказе «Тайна смерти» рассказывается о том, как он реагировал на смерть своего отца, который «всю свою жизнь потратил на то, чтобы научиться тому, как надо умереть». Авраѓам-Моше не хотел становиться преемником своего отца, поскольку знал, что это станет причиной его ранней смерти, – но все же в конце концов согласился на это. Через два года он «возжелал» смерти и умер. В смерти он был столь же прекрасен, как и при жизни. Один из цадиков, провожавших его в последний путь, воскликнул: «Увы, такая красота будет предана земле», – и после этих слов впал в молчание до конца дня.

Рассказывают, что рабби Авраѓам-Моше был прекрасным музыкантом. Насколько нам известно, у рабби Бунима больше не было сыновей.

Если мы, вслед за рабби Ханохом, будем считать, что каждый из учеников рабби Бунима являлся комментарием к его учению, то следует признать следующее: рабби Менахем-Мендл из Коцка (ум. 1859) был комментарием, который, в свою очередь, нуждается в толкованиях, – но он не удостоился комментариев подобного рода, поскольку ни один из его учеников не достиг уровня комментария своего учителя.

С самого детства рабби Менахем-Мендл был бунтарем, который не щадя сил защищал свою независимость. Рассказывают, что когда Провидец из Люблина призвал молодого человека к себе и, согласно обыкновению, принялся задавать ему вопросы, выявлявшие его собственный дар «провидения», Мендл отвечал против воли; впоследствии, когда Провидец упрекнул его за упрямство, ведущее, по его словам, к меланхолии, Мендл покинул Люблин и перебрался в Пшисху. Там он в полной мере подчинялся указаниям Йеѓуди, однако вскоре после смерти учителя его непокорная душа снова взбунтовалась – но не только в знак протеста против праздных визитеров, наводнивших Пшисху: это был бунт духа.

Когда же он сам стал рабби, то ощутил, что его предназначение – фундаментально обновить движение хасидизма. Хасидам надлежит

вспомнить цель сотворения человека: «Вознесение миров». Рабби Менахем-Мендл заявлял: «Святое откровение выродилось в привычку», и следует сосредоточить все усилия на том, чтобы приблизить откровение, дабы способствовать «вознесению миров».

Это должно было стать задачей не общины, а учеников цадика. Связь между общиной и школой явным образом разрывалась. У общины по-прежнему оставалась молитва, и молитва в Коцке имела столь же определяющее значение, как и в других общинах. Сам рабби удостаивался похвалы за то, что молился легко и непринужденно, «как если бы он беседовал с другом». Но для того чтобы ввести мир в заблуждение – а в Коцке всегда существовала тенденция скрывать свои чувства перед лицом мира, – с молитвами старались «покончить как можно скорее». И в самом деле, там уже не существовало истинного стремления к общинной молитве. Молитва и учеба стали, в конце концов, двумя разными мирами, которые связывала лишь общая цель, но не сердечная теплота и одушевление ритуала. «Храм любви», где некогда обитала великая любовь хасидов друг к другу, был закрыт, и священный огонь угас. Теперь основное внимание уделялось элите, ученикам цадика, которые должны были устремляться к откровению.

Как-то ближе к концу своей жизни рабби Мендл дал понять, каковы были его изначальные мысли, сказав, что он намеревался уйти «в леса», взяв с собой четыре сотни своих хасидов; там бы он кормил их «манной», дабы они постигли добрую власть Бога. Это было видение новых странствий в пустыне, цель которых – получение нового откровения. Рабби Мендл трактовал слова Талмуда относительно того, что «Тора была дарована именно [поколению], питавшемуся манной»* как относящиеся к тем, кто не заботится о завтрашнем дне. В этой связи существенно важно сказать, что, еще будучи ребенком, рабби Мендл настаивал на том, что помнит себя стоящим на горе Синай, а сделавшись рабби, он призывал своих хасидов представлять себя на горе Синай в сердце своем.

* [Шмот Рабба 16:19 ff]

Некоторые из дошедших до нас высказываний рабби Мендла свидетельствуют о его упованиях на то, что все входящие в эту группу избранных смогут «попасть сразу на небеса» и уподобиться Баал Шему. Это вполне сообразуется с его общими суждениями, согласно которым неделя великих трудов началась с Баал Шем Това, себя же он считал субботой этой недели. Однако все подобного рода видения одно за другим стали рассеиваться, как дым. Неимоверные разочарования, испытанные им в молодые годы, заставляли его сосредоточить все свои усилия на учебе с усердием едва ли не фанатическим. Его ученики (в массе своей, кстати, вынужденные зарабатывать на жизнь тяжелым трудом) считали себя выше окружающего мира, и это не могло не иметь негативных последствий.

После крушения самых первых смелых надежд ему оставалось только и в душе и в поступках не отклоняться от того, что он полагал истиной и что было для него не столько сущностью, сколько неким личностным свойством, «которое невозможно имитировать». Слова псалма «Близок Бог ко всем призывающим Его, ко всем, кто призывает Его в истине»* рабби Мендл толковал следующим образом: «Все призывающие Его в истине, таящейся в их душах, и не согласные пойти на мир даже со своими единомышленниками, если ценой такого мира должен стать отказ от этого личностного свойства».

* [Пс. 145:18]

Еще более бескомпромиссным рабби Мендл был, защищая внутреннюю истину. Божественные заповеди, учил он, не должны превращаться в идолов, скрывающих истину, и когда мы говорим «Бог», мы должны иметь в виду истинного Бога, а не «литого истукана»* нашей фантазии. Вполне объяснимо, что лишь немногие из его учеников – учеников и единомышленников, таких как рабби из Гур, который видел в Мендле «искру истинного огня», – приняли его непреклонное учение о личностной истине и были согласны жить по нему. (Один из его учеников впоследствии так определил это учение: «Не существует истины, доколе вся личность не обретет внутреннее единство и не станет единой в своем служении Богу, доколе вся личность не станет одной истиной, от первой до последней буквы Писания».)

* [Чис. 33:52]

В большинстве своем ученики рабби Мендла, по всей видимости, получали удовольствие от его высказываний – таких как похвала фараону, который оказался «настоящим мужчиной» и не убоялся казней египетских, но вряд ли они понимали весь скрытый смысл его высказываний. Разочарование в своих учениках, несомненно, сделало его мрачным и замкнутым на протяжении последних двух десятилетий его жизни.

Однако такой подход к этой трагической фигуре периода заката хасидизма был бы слишком поверхностным, если бы мы объясняли все события его жизни исходя из его личностных свойств и не принимали во внимание перемены, происходившие в самом хасидском движении. Я полагаю, что закат этого великого движения, бывшего в первую очередь великим религиозным движением, – это самое суровое испытание, которому только может подвергнуться искренне верующий человек, значительно более суровое испытание, нежели личная судьба сама по себе. А ведь рабби Мендл был искренне верующим человеком. Однажды он сказал: «У меня есть вера, а вера яснее видения».

Для меня лично самым важным вопросом является следующий: как подобного рода близость к Богу могла смениться такой отдаленностью от Бога? Во всей истории хасидизма этот вопрос возникает лишь в

связи со школой Пшисхи. Слова Йеѓуди относительно «нынешних вождей», которые «тоже будут не лучше», свидетельствуют о том, что он уже осознавал эту опасность – и потому пытался бороться с нею, призывая всех не медля сделать решающий шаг, совершить над собой решающее усилие и встать на истинный путь. Этот вопрос беспокоил также и рабби Бунима – достаточно вспомнить хотя бы, с каким негодованием говорил он о «хасидах сатаны»; известно, впрочем, что на это он сам и отвечал: «Пастырь есть всегда, но порой он где-то таится, и тогда его действительно вроде бы и нет – для овец, поскольку они его не видят». А во времена рабби Мендла упадок хасидизма стал настолько очевиден и сам рабби настолько сильно ощутил его, что не вынес такого удара.

Кризис пришелся на вечер пятницы: рабби не сказал кидуш и до полуночи не выходил к субботней трапезе. Дошедшие до нас устные рассказы о том, что произошло затем, не совпадают в деталях, но все сводится к тому, что рабби Мендл выразил внутренний бунт своим отношением к Торе. Так оно случилось, и не столь важно, действительно ли он произнес слова, приписываемые ему группой маскилим, о том, что человек со всеми его желаниями и страстями есть часть Бога, или он возгласил: «Нет суда и нет судьи!»*, или всего лишь взял подсвечник и тем самым демонстративно согрешил против установлений субботы.

Любое из этих действий выглядело настолько шокирующим, что не возникает никаких сомнений относительно правдивости того, что произошло далее и в чем сходятся все источники имеющихся у нас сведений. Рабби Мордехай-Йосеф, учившийся у рабби Бунима вместе с рабби Мендлом, а потом ставший его учеником и всегда бывший его тайным соперником, вскричал: «Скрижали и разбитые скрижали равно хранились в Ковчеге Завета**, но когда оскверняется имя Господа, нет места для рассуждений об уважении к рабби – вяжите его!» Зять рабби Мендла, благочестивый рабби из Гур, выступил против рабби Йосефа, и ему удалось утихомирить большинство присутствовавших хасидов. Остальные хасиды покинули Коцк после исхода субботы во главе с рабби Йосефом. Он поселился в городке Избица и впоследствии неоднократно заявлял, что «Небеса повелели» ему оставить своего бывшего учителя.

С этого дня и на протяжении двадцати лет, до самой смерти, рабби Мендл просидел в своей комнате, обе двери которой были практически все время на запоре. В одной двери были просверлены два отверстия, так что он мог слышать и отчасти видеть службу в соседнем доме молитвы. Другую дверь он порой открывал сам, когда за ней собирались его хасиды. Он выходил на порог комнаты, не облачившись в кафтан, с таким выражением лица, что на него было страшно смотреть. Он бессвязно ругал их, и слова срывались с губ с такой силой, что хасиды, охваченные

* [Ваикра Рабба XXVIII.1]

** [Брахот 8b]

ужасом, удирали из дома сломя голову. Но иногда, в канун субботы, он выходил из своей комнаты, накинув на себя белое пекеше, и приветствовал гостей, – а в другое время они могли лишь дотронуться до кончиков его пальцев, которые он просовывал в проделанные в двери отверстия. Но он никогда не садился за стол во время субботней трапезы и вообще не ел по вечерам ничего, кроме тарелки супа. Если его просили прочесть в субботу отрывок из Торы, он подходил к пюпитру, закутав лицо в талит, и, прочтя текст, немедленно возвращался на свое место. По его комнате вовсю разгуливали мыши, и когда хасиды слышали мышиный шорох, то шепотом сообщали вновь прибывшим, что это души, пришедшие к рабби просить избавления. А если бы хасидов Коцка спросили, ходит ли рабби в микву, то они ответили бы, что в комнате рабби открылся чудесный колодец Мирьям, сопровождавший евреев во время их странствований по пустыне.

Я рассказал историю о рабби из Коцка во всех подробностях, поскольку она наилучшим образом иллюстрирует закат хасидизма, создавая впечатление последнего акта драмы. Но в чисто хронологическом плане было бы неверно рассматривать ее как финал. Напротив, Коцк стал центром хасидской жизни, которая продолжалась там, как будто бы речь шла не о закате, а о полудне.

Достойным примером этой жизни были цадики, близкие друзья рабби Мендла: умерший в 1848 г., за десять лет до Мендла, Ицхак из Ворки (заговорив о котором, обычно упоминают и его сына, которого также звали Мендл – ум. 1868), Ицхак-Меир из Гур (ум. 1866) и Ханох из Александрова (ум. 1870), которые пережили рабби Мендла из Коцка почти на десятилетие. Однако, вслушавшись повнимательнее, мы услышим, как часы бьют полночь и в жизни этих цадиков.

Я начну с рабби Ханоха, последнего из названных мною, – потому, во-первых, что из них всех он был единственным учеником рабби из Коцка в истинном смысле этого слова. Рабби Мендл и все названные цадики вместе учились у рабби Бунима. Рабби из Гур, которому после смерти их учителя исполнилось 28 лет и который к тому времени уже имел достаточно сложившуюся репутацию, по собственному побуждению подчинился рабби из Коцка – после того, как они всю ночь напролет проговорили во время прогулки в лесу и он увидел «свет, идущий из Томашева» (родной город рабби Мендла).

Рабби из Ворки, который был на двадцать лет их старше, пришел к Провидцу из Люблина еще мальчишкой, а потом учился вместе с Давидом из Лелова и Бунимом. После смерти рабби Бунима он недолгое время пробыл вместе с рабби Авраѓамом-Моше, а потом сам возглавил общину, причем на протяжении некоторого времени даже в Пшисхе. Всю жизнь они были добрыми друзьями с рабби Мендлом. Но рабби Ханох считал себя в первую очередь учеником рабби из Коцка, с которым он не-

когда учились вместе в доме учения у рабби Бунима. Рабби Ханох всегда говорил, что рабби из Коцка был первым, объяснившим ему, что хасид – это человек, взыскующий смысла. Даже в Коцке Ханох продолжал скрывать под маской дурачества свою сложную и мятущуюся натуру. По сути дела, он развил в учении рабби Мендла только старый, исходный хасидский компонент. Его основной вклад заключался в том, что он предложил более конкретную и совершенную форму концепции «вознесения миров». Он утверждал, что так называемые два мира – небо и земля – это в действительности один мир, который оказался расколотым, но вновь объединится, если земля будет доверена человеку так же, как и небо. (Тут он, похоже, нуждается в антониме понятия «вознесение миров», хотя это одно и то же, поскольку небо, более не отделенное от земли, более не лишенное земли, небо, не имеющее более брешей, несомненно, было «вознесено».) Да к тому же все люди обладают возможностью сделать землю подобной небу, поскольку в глубине души каждого хранятся небесная субстанция и сила, которые могут быть приведены в действие из нашего человеческого местонахождения. Израиль пребывает в изгнании, и человек пребывает в изгнании, но это – изгнание его собственной низости, во власть чего он отдает свое небесное сердце. Это должно быть использовано как отправная точка для достижения человеком избавления. Тут мы имеем дело с классическим хасидским учением в новой форме, понятия которого приближаются к нашему времени. Притча ученика Магида, рабби Аѓарона из Карлина, об отрицании своего «я» приобретает новый смысл, после того как мы узнаем, что рабби Ханох никогда не говорил про себя «я», поскольку считал, что это местоимение принадлежит одному только Богу. Однако меланхоличные, хотя и не внушающие отчаяния высказывания, вроде того, где речь идет о старении мелодий, свидетельствуют о его глубокой проницательности и видении заката хасидизма, а также осознании необходимости его обновления.

И напротив, блистательные высказывания рабби Ицхака-Меира из Гур невозможно развить в единую и сравнительно независимую доктрину, как это было сделано с высказываниями рабби Ханоха. Рабби из Гур был любителем афоризмов и этим отчасти походил на рабби Исраэля из Ружина, при том, что у них было немало и других общих качеств. Он тоже был довольно типичным цадиком, имеющим немалое влияние в своих кругах, но социальные и культурные аспекты жизни польского еврейства интересовали его в значительно большей степени, чем рабби из Ружина; к тому же он говорил о себе скромно и самокритично – а эти свойства вовсе были чужды рабби Исраэлю.

Его критическое, хотя и не безнадежное отношение к хасидизму, упадок которого он осознавал, нашло выражение в притче, рассказанной им (не без намека на собственный опыт). «В некоторой общине имелось все – и глава, и хасиды, и дом учения, и вообще все необходимое; но вдруг

вмешался Сатана и нанес вред самому сокровенному. И все вроде бы остается как и было, и продолжает вращаться колесо рутины, но только нет уже больше самого главного». До этого места рабби говорил ровным голосом, но тут он возвысил голос и решительно докончил: «Но мы, с Божьей помощью, не допустим этого!»

Рабби Ицхак из Ворки, также ученик рабби из Коцка, был самокритичным человеком, но он не имел ясного представления о надвигающемся кризисе хасидизма. Этому благородному человеку, похоже, удалось ближе других подойти к зрелой мудрости рабби Бунима, но он, судя по всему, не осознавал, что движение хасидизма движется к своему закату. Но я думаю, что сказанное им о вроде бы безнадежном и в то же время вовсе не безнадежном обращении великого грешника далеко выходит за пределы личного опыта.

Его сын Мендл из Ворки, напротив, в полной мере осознавал надвигающийся кризис и реагировал на него – но не высказываниями, а молчанием. Дошедшие до нас рассказы о его «молчании» в совокупности своей дают заслуживающую внимания картину. Молчание рабби Мендла – это не ритуал квакеров и не упражнения в воздержании, свойственные некоей индуистской секте. Рабби из Коцка определял это словом «искусство». Молчание – это его образ действия и манера поведения. В его основе вовсе не лежало отрицание, и это не было всего лишь отказом от речи. Его молчание не было негативным, оно имело позитивный эффект. Молчание Мендла было некой оболочкой, наполненной невидимой сущностью, и находившиеся с ним рядом проникались его ощущением. Одна из историй повествует о том, как рабби Мендл впервые повстречался с таким же, как он, цадиком, и как они сидели друг против друга в течение часа в полном молчании, подобно Эгидию, ученику Франциска Ассизского, и Людовику Святому, и обоим это шло во благо. Однажды рабби Мендл провел целую ночь в компании своих хасидов; все хранили молчание и ощущали необыкновенный душевный подъем, осознавая, что означает «Один».

Несомненно, молчание было особым видом его хасидского рвения. Но и не только. Когда он сам говорил о молчании – хотя и не о своем, потому что о своем молчании он никогда не упоминал напрямую, – он не расценивал его как беззвучную молитву, но скорее как беззвучный плач или «беззвучный крик». Беззвучный крик – это реакция на величайшие горести. Это чисто еврейская реакция на наши величайшие горести, и потому это «приличествует нам». Читая между строк, мы понимаем, что таковой была его, Мендла из Ворки, индивидуальная реакция в тот час, когда понимаешь, что «нынешние вожди тоже будут не лучше». Время для слов миновало. Уже слишком поздно.

Хасидские истории.
Поздние учителя

ПОТОМКИ ВЕЛИКОГО МАГИДА

Глава первая

❖ *Шалом-Шахна из Погребища*

КУРИЦА И УТЯТА

Рабби Шалом-Шахна, сын Авраѓама Ангела, лишился родителей в совсем юном возрасте и воспитывался в доме рабби Нахума из Чернобыля, который впоследствии выдал за него свою внучку. Однако его манеры были не во всем сходны с манерами рабби Нахума и не были ему приятны. Он любил находиться в центре внимания и не отличался особой прилежностью в учении. Хасиды частенько обращались к рабби Нахуму с просьбами, чтобы тот убедил рабби Шалома вести более сдержанный образ жизни.

Однажды, в месяце элул, когда все стремятся мыслями к Богу и приготовляются ко Дню Искупления, Йом Кипур, рабби Шалом, вместо того чтобы ходить вместе со всеми в дом учения, с утра отправлялся в лес и не возвращался до вечера. Наконец рабби Нахум позвал его к себе и велел каждый день читать главу из Каббалы и распевать псалмы, как делали все прочие молодые люди в это время года, а не слоняться без дела и не заниматься пустяками, что вовсе не подобает молодому человеку из такой семьи.

Рабби Шалом выслушал все со вниманием и не перебивая. Потом он сказал: «Однажды случилось так, что курице подложили утиные яйца, и она высидела их. Когда она со всем выводком в первый раз оказа-

лась возле ручья, все утята попрыгали туда и принялись весело плескаться в воде. Курица бегала по берегу ручья в великой тревоге, беспокойно клохча и требуя, чтобы дети немедленно выходили на берег, а иначе они утонут. "Не беспокойся о нас, мама, – отвечали ей утята. – Мы не боимся воды. Мы же умеем плавать"».

СТРАСТНАЯ МОЛИТВА

Однажды в канун Нового года, когда рабби Нахум из Чернобыля читал послеполуденную молитву, муж его внучки, рабби Шалом, который обычно читал эту молитву у амуда, вдруг ощутил упадок духа. Все присутствующие сосредоточенно молились, а он ощущал, что ему необходим буквально весь запас сил, чтобы лишь только повторять одно слово за другим, вникая в смысл каждого сказанного слова. А потом рабби Нахум сказал ему: «Дитя мое, сегодня твоя молитва взяла небеса приступом! Она спасла тысячи изгнанных душ».

С МИРОМ

Однажды рабби Шалом-Шахна был по своим делам в небольшом городке неподалеку от Киева, и в этот городок приехал старый цадик рабби Лейб из Житомира, чтобы провести там субботу. В четверг вечером рабби Шалом собрался в дорогу и перед отъездом зашел попрощаться к старому цадику. Рабби Лейб спросил, когда рабби Шалом предполагает добраться до дому. «Завтра, около трех часов дня», – ответил рабби Шалом.

«И ты собираешься быть в дороге после полудня в канун субботы? – спросил удивленно рабби Лейб. – В этот день я обычно уже в двенадцать часов надеваю свои субботние одежды и начинаю читать "Песнь Песней" Соломона, царя мира. К этому времени мир субботы уже нисходит в мою душу».

«Но мне-то что делать, – ответил рабби Шалом, – если арендатор приходит ко мне вечером, чтобы поведать свои беды, и рассказывает, что его теленок неожиданно заболел, а за его словами я слышу несказанное: "Твоя душа возвышенная, а моя приземленная, так подними же меня до себя!" И что мне делать в таком случае?»

Старый цадик взял со стола две свечи в подсвечниках и, держа их в обеих руках, проводил своего гостя по длинному коридору до входной двери. «Иди с миром, – сказал он. – Иди с миром».

УЛИЦЫ ГОРОДА НЕҐАРДЕА

Рабби Шалом рассказывал:

«В Талмуде* идет речь о мудреце, который постиг тайны звезд и го-

* [Брахот 58b]

варивал, что пути звезд на небесах для него столь же ясны и знакомы, как и улицы его родного города Неѓардеа. Ах, если бы мы могли сказать, что на улицах нашего города мы находим свой путь так же легко, как и на небесном своде! Потому что добиться того, чтобы тайная жизнь Господа ясно сияла в этом нижнем мире, этом материальном мире, – вот это и есть высший подвиг и высшее мастерство».

С ТОЙ ЖЕ СТРАСТЬЮ

«Сказано: "Псалом Давида", и далее: "...после того, как он вошел к Бат-Шеве"*. И вот как рабби Шалом толкует этот псалом: «Давид вернулся к Господу и прочел Ему этот псалом с той же страстью, с которой он вошел к Бат-Шеве. Вот почему Господь немедленно простил его».

* [Пс. 51:1].

НА ВЫСШЕЙ СТУПЕНИ

Хасид рабби Шалома, живший в некоем городе, присутствовал при том, когда Алтер Ребе, рабби Шнеур-Залман, бывший в том городе проездом в субботу, читал Тору с большим рвением и пылом. И вдруг хасид заметил, что Ребе утратил свое рвение и уже читает не с таким пылом, как ранее. Встретившись со своим учителем, рабби Шаломом, хасид рассказал ему про этот случай, не скрывая своего удивления. «Да разве ты вправе судить о таких вещах! – сказал цадик. – У тебя и знаний достаточных для этого нет. Но вообще вот что я тебе скажу: когда человек достигает очень высокой и священной ступени, он освобождается от всего земного и уже не в состоянии пылать, как в былые времена».

❖ *Исраэль из Ружина*

НОВЫЕ НЕБЕСА

Однажды, когда рабби из Ружина был еще мальчишкой, он прогуливался во дворе в пятницу к вечеру, когда хасиды уже начали собираться для встречи субботы. Один из хасидов, подойдя к нему, спросил:

– Почему ты не заходишь в дом? Ведь суббота уже началась.

– Суббота еще не началась, – ответил он.

– А откуда ты знаешь? – спросил хасид.

– В субботу, – ответил мальчик, – небо всегда становится новым – а пока я не вижу, чтобы оно обновилось.

НА ЗЕМЛЕ

Рабби Исраэль из Ружина, сын рабби Шалома-Шахны, и рабби Моше из Саврана были в ссоре. Рабби из Саврана, решив помириться с рабби из Ружина, навестил его. Рабби Исраэль обратился к нему с вопросом: «Веришь ли ты, что есть цадики, которые живут, непрестанно прилепившись к Богу?» Его гость ответил тоном человека, старающегося скрыть свои сомнения: «Наверное, есть». На это рабби Исраэль сказал: «Мой дед был таким, мой дед рабби Авраѓам, которого все звали Ангелом». Рабби из Саврана ответил: «Но ведь он, если уж о том зашла речь, провел на земле не так много времени». Рабби из Ружина продолжил: «И мой отец, рабби Шалом, был таким». И снова рабби из Саврана заметил: «Да и он, если уж о том зашла речь, не так много времени провел на этой земле».

Тогда рабби из Ружина сказал: «Что мы будем считать годы и дни! Неужели ты полагаешь, что они приходили на землю для того, чтобы пожить здесь и умереть? Они пришли, выполнили свою миссию и вернулись туда, откуда пришли».

ИСТОРИЯ ПРО ДЫМ

Однажды рабби из Кобрина приехал навестить рабби из Ружина в канун субботы. Хозяин дома стоял посреди комнаты с трубкой в руке, окутанный клубами табачного дыма. И рабби из Ружина немедленно принялся рассказывать гостю следующую историю:

«Жил да был некий человек, и вот однажды он заблудился в лесу, в сумерках, накануне субботы. Неожиданно он увидел вдали домик и побрел к нему. Открыв дверь, он увидел разбойника, который сидел за столом с видом свирепым и ужасающим, а перед ним на столе лежало ружье. Не успел разбойник вскочить на ноги, как человек опередил его, схватив ружье. И в голове мелькнула мысль: «Хорошо, если я подстрелю его, – но пусть даже я промахнусь, все равно комната наполнится дымом, и я смогу удрать».

Дойдя до этого места, рабби Исраэль вынул изо рта трубку и сказал: «Наступила суббота!»

ДВЕ КАТЕГОРИИ ЦАДИКОВ

Рабби из Ружина рассказывал, как в Яссах люди насмехались над рабби из Апты после его проповедей. И добавил к сказанному: «В каждом поколении были люди, недовольные своими цадиками; были и такие, кто пренебрежительно относился к Моше. А ведь рабби из Апты – это Моше своего поколения». После некоторой паузы рабби Исраэль продолжил: «Есть два вида богослужения и две категории цадиков. Одни – учатся и молятся для служения Богу, другие – едят, пьют и пользуются земными радостями, поднимая все это до священных высот. Это и вызывает недовольство многих. Но уж такими их создал Бог, который хотел, чтобы человек был не рабом своих плотских страстей, а свободным их господином. В этом и заключается призвание цадиков: сделать человека свободным. Те – властелины явного, а эти – властелины скрытого мира. Это им раскрываются секреты, это им подвластны тайны снов – как Иосифу, который был изящен станом и красив лицом и служил Господу, наслаждаясь дарами мира сего».

В другой раз рабби из Ружина, говоря о стихе из псалма: «Небеса – небеса Бога, землю же Он отдал сынам человеческим»*, сказал: «Есть две категории цадиков. Одни учатся и молятся деньденьской напролет, держась подальше от низменных материй, дабы достигнуть святости. Другие же думают не о себе, но только о том, как возвратить Богу те священные искры, что таятся во всех вещах, и вот они-то делают предметом своих забот все будничное, приземленное. Первые постоянно представляют себе, как они предстанут на небесах, вот и стих называет их «небесами», но они отдалились от Господа. Другие же – это и есть «земля», которую Он отдал сынам человеческим».

* [Пс. 115:16]

ЦАДИКИ И ХАСИДЫ

Рабби из Ружина говорил:

«Подобно тому, как священные буквы алфавита не имеют звучания без огласовок, а огласовки ничего не значат без букв, точно так же связаны между собой цадики и хасиды. Цадики – это буквы, а хасиды, посещающие их, – это огласовки. Хасидам нужен цадик, но и цадик не может без хасидов. Цадик возвышается благодаря хасидам. Они же могут стать – отчего избави нас Бог – и причиной его падения. Хасиды разносят голос цадика, они распространяют его труды по миру. Представим себе, что некий хасид встречает по дороге повозку, везущую так называемых просвещенных пассажиров. Он упрашивает кучера позволить ему сесть в повозку, и когда наступает время послеполуденной молитвы, он спускается на дорогу и молится, в то время как повозка и все пассажиры ждут. Пассажиров раздражает эта задержка в пути, они кричат на кучера и осыпают его бранью. И в это время все они ощущают перемены в душе».

КРЫША

Яаков Орнштейн, рав Львова, был противником хасидизма. И вот, когда однажды рабби из Ружина заехал к нему, он решил, что гость начнет разговоры, посвященные тонкостям толкованиям Писания, дабы произвести на него впечатление хасидской ученостью. Но цадик всего лишь спросил его:

– Из чего сделаны крыши в городе Львове?

– Из кровельного железа, – сказал рав.

– А почему из кровельного железа?

– Для защиты от пожаров.

– Но их можно было бы делать и из черепицы, – сказал рабби Исраэль и отбыл восвояси.

Когда он ушел, рав долго смеялся, приговаривая: «И этот человек мнит себя пастырем!»

Несколько дней спустя рабби Меир из Перемышлян приехал во Львов повидаться со своим другом, рабби из Ружина, но того не оказалось дома. Рабби Меиру рассказали о случившемся. Тот, просветлев лицом, сказал: «Поистине, крыша, как и сердце человека, несущего ответственность за всю общину, должна быть сложена из черепицы: чтобы могла и разбиться от людских страданий, и вместе с тем быть достаточно прочной, дабы выносить все страдания. А эти люди толкуют о кровельном железе!»

ДРУГИМ ПУТЕМ

Когда для евреев наступили тяжелые времена, рабби из Апты, бывший тогда старейшим из всего поколения, велел народу поститься, дабы

снискать Божественное милосердие. Однако рабби Исраэль собрал музыкантов, тщательно отобрав лучших из всех окрестных городов, и каждый вечер с балкона его дома доносились прекрасные мелодии. Когда звуки кларнета и перезвон колокольцев разносились по городу, в саду рабби Исраэля начинали собираться хасиды, и вскоре их набиралась целая толпа. А далее музыка одерживала верх над унынием, и хасиды начинали танцевать, притопывая ногами и хлопая в ладоши. Но кое-кого это возмущало, и они пожаловались рабби из Апты – дескать, установленный им день поста превратился в день веселья. На это рабби из Апты ответил:

«Как же я могу призвать его к ответу, если именно он припомнил заповеданное нам в Писании: "А когда пойдете на войну в стране вашей против врага, враждебного вам, то трубите в трубы трубным звуком, и вспомнит о вас Бог, Всесильный ваш, и будете вы спасены от врагов ваших"».*

* [Чис. 10:9]

ХИТРОСТЬЮ НА ХИТРОСТЬ

Несколько митнагдим из Санока обратились к рабби Исраэлю, когда он проезжал через их город, с жалобой: «В нашей общине мы молимся на утренней заре, а после сидим, каждый завернувшись в талит и возложив тфилин, и читаем главу из Мишны. Ну а хасиды? Они молятся тогда, когда установленный час молитвы уже прошел, а закончив молиться, садятся вокруг стола и пьют шнапс. И несмотря на все это они зовутся «верными», а мы – «противниками».

Лейб, слуга рабби из Ружина, развеселился, слушая эти жалобы, и, не желая сдерживаться, сказал сквозь смех: «Служба и молитвы митнагдим холодны, как лед, как труп, а сидя рядом с покойником, поневоле будешь читать подходящую к случаю главу Мишны. Но когда хасиды начинают свою службу, в сердцах разгорается жар, и мы чувствуем теплоту, струящуюся по жилам, после чего поневоле тянет выпить шнапса». Рабби прервал его, сказав: «Довольно шуток. Но дело, однако, вот в чем: как известно, со дня разрушения Храма мы молимся, вместо того чтобы совершать жертвоприношения. Жертвоприношения нам запрещены из-за нашей нечистоты – но ведь то же самое относится и к молитвам. Вот почему дурное начало придумывает уловку за уловкой, дабы отвлечь молящихся, внушая им мысли, ничего общего не имеющие с молитвами. Хасиды, однако, на уловки и хитрости отвечают своими хитростями. После молитвы мы садимся за стол и начинаем выпивать. И говорим тосты – «За жизнь!» Потом сидящие за столом начинают рассказывать о том, что у них на сердце, и мы пьем за то, чтобы Бог выполнил наши желания. А поскольку – и это точно утверждают наши мудрецы – молитву можно возносить на любом языке, то все наши застольные разговоры также считаются молитвами. Но ведь дурное

начало видит только, что мы едим и пьем и ведем обыкновенные разговоры, и потому решает оставить нас в покое».

НЕ ОДИН И ТОТ ЖЕ СМЫСЛ

Однажды хасиды сидели за столом и выпивали, и тут в комнату вошел рабби. Похоже было, что увиденное ему не понравилось. «Что-нибудь не так, рабби? – спросили они. – А ведь сказано же, что если хасиды сидят со стаканами, это все равно как если бы они учили Тору».

«В Торе немало слов, – ответил рабби из Ружина, – смысл которых свят в одной фразе и нечестив в другой. Вот, например, сказано: "И Господь сказал Моше: Сделай себе две скрижали из камня *", но также сказано: "Не делай себе изваяния и всякого изображения" **. Отчего же одно и то же слово в первой фразе имеет святой смысл, а во второй – нечестивый? Уж не потому ли, что в первом случае это веление, а во втором – запрет? Вот так же бывает и в нашей жизни – смысл может оказаться святым или нечестивым в зависимости от того, что нам говорят».

* [Исх. 34:1]
** [Исх. 20:4]

СУД МАШИАХА

Немало отцов семейств города Бердичева жаловались рабби из Ружина, что их зятья оставляют своих жен и детей ради того, чтобы стать его учениками, а когда они просили рабби убедить молодых людей вернуться домой, рабби рассказывал им историю человека, жившего в дни Великого Магида. Он оставил дом своего тестя и пошел в ученики к Магиду. Его вернули домой, и он дал слово, что больше такого не повторится. Однако некоторое время спустя он снова ушел из дому. Тогда его тесть попросил городского рава объявить, что нарушенное слово – это обоснование развода. Таким образом, молодой человек остался безо всяких средств к существованию; вскоре он заболел и умер.

Всякий раз, досказав эту историю, цадик добавлял: «Когда придет Машиах, молодой человек потребует справедливого суда. Его тесть сошлется на городского рава, а рав прочтет соответствующий отрывок из комментариев к "Шульхан Арух". Тогда Машиах спросит молодого человека, почему же, дав слово не покидать дома, он все-таки нарушил свое обещание, и тот скажет, что не мог не уйти к рабби. И в конце Машиах произнесет свой приговор. Тестю он скажет: "Слово рава для тебя было авторитетным, и потому ты оправдан". Раву он скажет: "Священная книга для тебя была авторитетной, и потому ты оправдан".

А потом Машиах скажет: "Но я ведь пришел ради тех, кто не будет оправдан"».

ЦАДИК И НАРОД

Рабби из Ружина говорил:

«Когда человек собирается расколоть чурбак топором и, замахнувшись изо всех сил, не попадает по дереву, то топор уходит глубоко в землю. Точно так же цадик обращается к людям, дабы подвигнуть их сердца на службу Богу, но они не слушают его, а восхищаются лишь его умом и умением проповедовать».

СКРЫТОЕ УЧЕНИЕ

Толкуя стих «Ибо Тора от Меня выйдет в мир»*, рабби из Ружина говорил:

«Учение вечно будет оставаться неизменным. Первая книга Пятикнижия извечно пребудет рассказом о начале начал, рассказом о том, что было с нашими праотцами с того самого дня, когда Бог сотворил мир. Существует, однако, нечто скрытое от нас. Об этом и сказано в Книге Чисел: "В свое время рассказано будет Яакову и Исраэлю о том, что совершал Всесильный"**. Об этом же и слова "Ибо Тора от Меня выйдет в мир" – рассказ о том, что Я совершал до сотворения мира».

* [Ис. 51:4]

**[Чис. 23:23]

ЙЕХЕЗКЕЛЬ И АРИСТОТЕЛЬ

Однажды, когда немало умных людей собралось за столом рабби из Ружина, некто спросил его: «Отчего люди так настроены против нашего учителя Моше бен Маймона?» Один из присутствовавших рабби ответил: «Потому что в своем труде он утверждает, что Аристотель знал о небесных сферах больше, чем Йехезкель. Так почему бы нам не быть настроенными против него?»

На это рабби из Ружина сказал: «Вот что пишет наш учитель Моше бен Маймон. Два человека вошли в царский дворец. Один подолгу разглядывал каждый зал, рассматривал глазами знатока бесценные сокровища и, казалось, все никак не мог наглядеться. А второй шел из зала в зал и твердил лишь одно: "Вот царский дворец. Вот царская мантия. Еще шаг, еще миг, и я смогу лицезреть моего Царя, моего Господина"».

СТРОИТЕЛИ ДОРОГ

Когда рабби из Гур навестил рабби из Ружина в Садагоре, тот спросил гостя:

– А что, хороши дороги в Польше?

– Да, – ответил тот.

– А кто, – продолжил расспросы рабби из Ружина, – отвечает за их строительство, евреи или неевреи?

– Евреи, – ответил рабби из Гур.

– Разумеется, – воскликнул рабби из Ружина, – прокладывать дороги – это такое дело, что его можно доверить только евреям.

КОГО МОЖНО НАЗВАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ?

Толкуя слова Писания: «Когда кто-нибудь из вас захочет принести жертву Богу...»* рабби из Ружина сказал: «Только тот, кто приносит себя в жертву Богу, может называться человеком».

* [Лев. 1:2]

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЖЕРТВЕННИК

Сказано: «Жертвенник на земле сделай Мне... А когда ты Мне будешь делать жертвенник из камней, не клади их обтесанными, дабы не занес ты над ними железо и не осквернил их»*

* [Исх. 20:21-22]

Рабби из Ружина так толковал эти стихи: «Жертвенник на земле – это жертвенник тишины, что более всего угодно Господу. Но если ты слагаешь жертвенник из слов, то не обтесывай их, ибо подобного рода уловки могут только осквернить его».

СЛУЖЕНИЕ БОГУ

Рабби из Ружина говорил:

«Вот виды служения, которые человек должен совершать во все дни свои: придавать материи форму, совершенствовать человеческую природу и давать возможность свету проникать во тьму до тех пор, пока тьма не воссияет сама и между ними двумя уже не будет никакой разницы. Ибо сказано: "И был вечер, и было утро: день один"»*.

* [Быт. 1:5]

И еще рабби из Ружина говорил:

«Не следует особо гордиться своим служением Богу. Разве похваляется рука тем, что выполняет волю сердца?»

НАД ПРОПАСТЬЮ

Однажды хасиды сидели и беседовали по-братски, и тут в комнату вошел рабби из Ружина, покуривая свою трубку. Он был в хорошем расположении духа, и они решились спросить его, как им следует служить Господу. Рабби удивился вопросу и ответил: «Откуда бы мне знать?» Но затем, разговорившись, поведал им такую историю:

«Жили-были два приятеля, и оба они были обвинены в некоем преступлении и предстали перед царским судом. Царь, любя их, решил проявить милосердие, но он не в силах был их просто помиловать, поскольку

даже царское слово не может быть выше закона. И потому он вынес такой приговор: над глубокой пропастью натянули канат, и оба осужденных должны были пройти по канату над пропастью – тот, кому это удастся, не будет казнен. Все было сделано по царскому указу, и вот первый из осужденных благополучно оказался на другом краю пропасти. Второй, никак не решаясь сдвинуться с места, крикнул приятелю: «Скажи, как у тебя это получилось?» «Я и сам не знаю, – ответил тот. – Едва я почувствовал, еще на том краю, что падаю, – и тотчас же оказался на этом».

КАК ОБУЗДЫВАТЬ ДУРНЫЕ ПОРЫВЫ

Некий молодой человек обратился к рабби из Ружина с просьбой сделать так, чтобы Бог обуздывал его дурные порывы. Рабби говорил с молодым человеком, едва скрывая улыбку: «Ты хочешь, чтобы Он обуздывал твои дурные порывы? Но обуздать можно норовистую лошадь, а не дурные порывы человека. Тебе следует молиться, учиться и работать со всей искренностью, и тогда ты просто забудешь о своих дурных порывах».

СТРАДАНИЯ

Человек, измученный тяжелой болезнью, пожаловался рабби из Ружина, что страдания отвлекают его от учебы и молитвы. Рабби положил ему руку на плечо со словами: «Разве ты можешь знать, друг, что более угодно Господу – твоя учеба или твои страдания?»

ГОСПОДЬ ПРОЩАЮЩИЙ

Когда рабби из Ружина по совету врачей отправился в Одессу принимать морские ванны, там в это время жил внук рабби Яакова Эмдена. Звали его Меир, и он давно уже отошел от пути отцов. Рабби Исраэль встретился с ним и пригласил его в Ружин, пообещав, что все расходы он возьмет на себя. Меир согласился.

Пробыв в гостях у рабби Исраэля не очень долгое время, Меир полностью раскаялся в своих поступках. Через несколько дней, однако, рабби заметил, что его гость снова выглядит удрученным, и он спросил его: «Меир, дитя мое, что тебя беспокоит? Если ты думаешь о своих грехах, то помни, что, вернувшись на истинный путь, ты примирился с Господом».

Меир ответил: «Как же мне не беспокоиться! После раскаяния я снова и снова возвращаюсь к своим грехам – как та собака из пословицы, что возвращается к своей блевоте. И разве я могу быть уверенным в том, что мое раскаяние принято на небесах?»

Рабби из Ружина взял его за руку и сказал: «Ты никогда не задумывался, почему мы говорим в молитве: “Ибо Ты – Прощающий народу Израиля и отпускающий племенам Йешуруна”? Не достаточно ли было бы просто сказать: “Ты прощаешь и отпускаешь”? Но поскольку по природе своей человека влечет грешить снова и снова, то и Бог склонен к тому, чтобы снова и снова прощать его».

ПОКАЯНИЕ

Закоренелый грешник, совершивший все возможные грехи, пришел к рабби Мотлу из Чернобыля, протянул ему листок бумаги, на котором были перечислены все его прегрешения, совершенные на протяжении всей жизни, и попросил возложить на него покаяние. Прочтя этот список грехов, рабби Мотл сказал: «Я слишком стар, чтобы принимать на себя тяжесть человека, нуждающегося в столь тяжком покаянии. Иди к рабби из Ружина. Он молод, у него достанет сил справиться с этим». Человек отправился тогда к рабби из Ружина и дал ему список своих грехов. И стоял и ждал, пока рабби из Ружина прочтет весь список, все большие грехи и малые. Наконец цадик сказал: «Вот каким будет твое покаяние. Отныне и до самой смерти, о чем бы ты ни молился, ты более не скажешь ни единого молитвенного слова всуе, но будешь хранить полноту каждого слова».

БОГ И РАДОСТЬ

Разбирая слова Писания: «И если так будет, если забудешь Бога, Всесильного твоего…»*, рабби из Ружина сказал: «Хорошо известно, что всякий раз, когда в Писании говорится “и если так будет”, речь идет о бедах. Вот и здесь это имеется в виду. Нам сказано: “Если забудешь радость и впадешь в уныние, то тем самым ты забудешь Бога, Всесильного твоего”. Ибо недаром сказано: “Сила и радость в обители Его”»**.

* [Втор. 8:19]

** [I Хр. 16:27]

РЕБЕНОК ДУМАЕТ О СВОЕМ ОТЦЕ

Рабби из Ружина говорил: «В некоторых молитвенниках мы читаем не “Дай нам, Господь, Бог наш, с миром отойти ко сну”, а “Дай нам, Отец наш, с миром отойти ко сну”. Потому что когда человек думает о Боге как о Всевышнем, который наполняет своей славой весь мир, и нет такого места, где бы Он ни находился, тогда ему неудобно ложиться в постель в Его присутствии. Но если человек представляет Бога как своего отца, тогда он ощущает себя ребенком, которого отец укладывает спать, и подтыкает одеяло, и смотрит, как он засыпает. Подобно тому, как мы молимся: “И раскинь над нами свой мирный шатер”».

ПООДАЛЬ

Рабби из Ружина спросили: «Вот сказано о сынах Израиля, стоявших у подножья горы Синай: "И как увидел народ, содрогнулись и встали поодаль"*. Как следует понимать эту фразу?»

[Исх. 20:18]

И рабби объяснил: «Чудеса – это для тех, кому недостает веры. Когда народ Израиля увидел, что Бог творит чудеса, они осознали, что им все еще следует стоять поодаль; их сердца взволновались, и они – в глубине души своей – стали подальше, на том месте, которое тогда приличествовало им, но в то же самое время они стремились к совершенной вере, всей силою своих взволнованных сердец».

СВОЙ СВЕТИЛЬНИК

Один молодой рабби пожаловался рабби Исраэлю: «В часы, посвященные занятиям, я вижу свет и ощущаю жизнь, но стоит мне отложить книгу в сторону, как все куда-то ускользает. Что же мне делать?»

Рабби из Ружина на это ответил: «Представь, как человек идет лесом в темную ночь, и вот у него появляется попутчик с фонарем, но на перекрестке их пути расходятся, и этому человеку снова надо двигаться ощупью, в темноте и в одиночестве. Однако если у человека есть свой светильник, то ему нечего бояться тьмы».

ДУХ СВЯТОСТИ

У рабби из Ружина спросили: «Что имеется в виду, когда о человеке говорят, что в нем дух святости?»

Рабби ответил: «Если про человека действительно можно сказать, что он сохраняет чистоту своего духа, это значит, что в нем дух святости».

СПОР ВО ИМЯ НЕБА

Рабби из Ружина говорил: «Когда хасиды видят, что один рабби вступает в спор с другим рабби, они также начинают следовать их примеру. Но ведь только цадикам позволительно вести споры, поскольку эти споры – во имя неба. Вот и в Талмуде сказано: "Какой спор был во имя неба? Спор между Ѓилелем и Шамаем"* . Ведь не сказано же: между школой Ѓилеля и школой Шамая, поскольку спор во имя неба может быть только между учителями, но никак не между их учениками».

* [Пиркей Авот V, 19]

ВРЕМЯ ДЛЯ МОЛИТВЫ

Однажды рабби Исраэль, будучи в гостях у рабби из Апты, задержался с утренней молитвой – что, кстати, бывало с ним нередко. Его

спросили, когда он собирается молиться, на что он ответил, что еще и сам не знает, и при этом рассказал вот какую историю:

«Один царь назначил определенное время дня, когда любой его подданный мог прийти во дворец и быть выслушанным царем. Как-то во дворец, причем не в установленное время, явился нищий и потребовал, чтобы его допустили к царю. Стража напустилась на него, заявив, что его просьба противоречит заведенному порядку. На это нищий ответил: "Я знаю порядок, но только он установлен для тех, кто хочет обратиться к царю ради своего блага, – я же пришел к царю ради блага государства". И нищего немедленно допустили во дворец».

«Так вот, – докончил рабби из Ружина свой рассказ, – разве я могу знать, когда мне следует молиться?»

ВАРЕНАЯ ФАСОЛЬ

Несколько молодых хасидов приехали в Ружин из отдаленного городка, чтобы провести Дни трепета в доме рабби Исраэля. Они приметили, что рабби не придерживается установленных часов молитвы, а ждет, когда на него снизойдет откровение, и тогда они решили делать точно так же и тоже не молились в положенное время, ожидая чего-то, хотя они и сами не понимали, чего именно. После праздника Симхат Тора они распрощались с рабби. Он благословил своих гостей и сказал: «Я бы на вашем месте не откладывал молитвы, а молился бы в установленные часы. Вот я расскажу вам историю о некоем человеке, которому жена давала вареную фасоль на обед изо дня в день, из года в год. Но как-то она припозднилась с едой и собрала на стол часом позже обычного. Увидев на тарелке все ту же фасоль, ее муж сильно рассердился и сказал: "Я-то думал, что сегодня ты собралась дать мне какое-то особое блюдо, приготовление которого заняло много времени и труда. Но с какой стати мне ждать лишний час, чтобы получить все ту же фасоль, которую я и так ем каждый день!"» И на этом цадик закончил свой рассказ.

Молодые люди раскланялись и отправились в обратный путь. Зайдя в придорожную корчму, чтобы пообедать, они увидели там незнакомого старика, который, однако, тут же вступил с ними в разговор. Когда молодые хасиды рассказали ему историю, которую поведал им рабби на прощание, старик улыбнулся и заметил: «Причина, по которой этот человек рассердился на свою жену, заключается в том, что он все еще недостаточно ее любит. Ведь если это настоящая любовь, человек не обращает внимания на то, что жена запаздывает с обедом или что она дает ему одно и то же блюдо каждый день, – потому что его сердце встречает все, исходящее от жены, как новое и хорошее».

Эти слова произвели на молодых людей большое впечатление. Когда они в следующий раз приехали в Ружин, то первым делом поведали рабби о встрече в корчме. Тот какое-то время сидел молча, а потом сказал: «Все это старик говорил не только вам – он говорил это и мне, и Богу».

НА ЧЕРДАКЕ

Рассказывают.

Каждый вечер рабби из Ружина имел обыкновение подниматься на чердак и проводить там не менее двух часов. Все это время слуга рабби, Шмулик, ждал его, сидя на ступенях. Однажды дочери цадика понадобилось что-то взять из шкафа, стоявшего на чердаке. На нижней ступени лестницы, которая вела на чердак, сидел отцовский слуга Шмулик и плакал. Она спросила его, в чем дело. «Какой-то человек, – сказал он, всхлипывая, – дал мне кучу денег, чтобы я позволил ему войти к рабби, и вот он прошел на чердак». Шмулик открыл ладони, чтобы показать полученные деньги. В эту же минуту из чердачной двери вышел рабби. Кроме него, на чердаке никого не было. В ладонях Шмулика оказалось несколько глиняных черепков.

О СКРЫТЫХ ЦАДИКАХ

Рассказывают такую историю.

У хасида рабби из Ружина была дочь, страдавшая серьезной болезнью глаз, и ни один врач не в силах был ей помочь. Раз за разом он обращался к рабби за помощью, однако и рабби был бессилен. Но вот, когда девочка окончательно ослепла, рабби сказал этому хасиду: «Поезжай с дочерью во Львов, а там походи по городу и внимательно прислушивайся к крикам уличных торговцев – что-нибудь вроде "Вкусные крендельки, свежие крендельки!". Тот, чьи крики понравятся тебе больше всего, – вот он и излечит твою дочь».

Хасид сделал, как ему было сказано, и действительно – вскоре он встретил торговца, лучше всех расхваливавшего свой товар. Он купил у него один кренделек и попросил принести несколько штук на следующий день в корчму, где они остановились с дочерью. Когда торговец вошел в их комнату, хасид закрыл дверь и повторил сказанное ему рабби Исраэлем. Глаза торговца сверкнули гневом, и он крикнул: «А ну-ка, сейчас же выпусти меня отсюда, если тебе с твоим рабби дорога жизнь!» Хасид в страхе отпер дверь, и торговец исчез. Но девочка прозрела.

ОБРАТИСЬ, ИЗРАИЛЬ

Вот что говорил рабби из Ружина в «субботу обращения»: «Ѓошия говорит: "Обратись, Израиль, к Господу, Богу своему"*. Это было сказано всему миру и всем сущим на небесах и на земле, поскольку все, что было создано, на земле и на небесах, все слуги Всевышнего, ангелы, серафимы, небесные существа, священные сферы, все вплоть до престола самого Бога, все должно совершить обращение».

* [Ѓош. 14:2]

Сказав же это, рабби Исраэль обратился к самому себе: «О Исраэль, обратись, Израиль, к Господу, Богу своему».

ОБРАЩЕНИЕ И ИЗБАВЛЕНИЕ

Рабби из Ружина говорил: «Рассказывается, как однажды рабби Арье-Лейб, известный по прозвищу Шполер Зейде, то есть Дедушка из Шполы, воскликнул: "Машиах, отчего же ты не приходишь? Чего ты ждешь? Клянусь своей бородой, что евреям далеко до избавления". Тут я не стану спорить с Дедушкой из Шполы. Но вот что я тебе обещаю, Владыка мира: я обещаю, что их избавление настанет, как только появится царь, Машиах. И к тому у них есть некоторые основания. Поскольку даже еще до того, как мы согрешили, Ты в своем договоре с Авраѓамом приуготовил нам четыре изгнания, и вот почему Ты должен даровать нам избавление, прежде чем мы принесем покаяние».

В другой раз рабби из Ружина положил ладонь на стол после утренней трапезы и сказал: «Господь говорит Израилю: "Возвратитесь ко Мне – и Я возвращусь к вам"»*. После чего он перевернул руку ладонью кверху и сказал: «Но мы, сыны Израиля, отвечаем: "Обрати нас, Господи, к Тебе, и мы обратимся, обнови дни наши как древле"**. Ибо наше изгнание тяжестью лежит на нас, и нет у нас сил самим вернуться к Тебе». Потом рабби снова повернул руку ладонью книзу и сказал: «Но Святой, благословен Он, говорит: "Сначала вы должны возвратиться ко Мне"». Четырежды рабби из Ружина поворачивал свою руку ладонью кверху и ладонью вниз. В конце концов он сказал: «И все же сыны Израиля правы, поскольку известно, что море страданий смыкается над их головами, и они не в силах сдерживать свои сердца и обратиться к Богу».

* [Зх. 1:3, Мал. 3:7]
** [Плач 5:21]

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО НАСТАТЬ

Была суббота, и рабби из Ружина сидел за столом в обществе своих хасидов. И он сказал им: «Настают дни, когда простые люди будут благоденствовать и душой и телом, тогда как люди выдающиеся будут претерпевать тягости и душевные и телесные, вплоть до того, что будут не в состоянии прочесть даже единственный псалом».

И он заключил: «Зачем я вам говорю все это? Чтобы ваши сердца не были в горести: так должно быть, и так будет».

А еще как-то он сказал: «На протяжении последних трех часов перед избавлением держаться своего еврейства будет так же трудно, как карабкаться на ледяную гору. Вот почему в молитве Ѓошанот сказано: "Три часа – молю, помоги!" Это – последние три часа».

РОДОВЫЕ СХВАТКИ

Рабби из Ружина говорил: «Если у беременной женщины схватки начинаются на восьмом месяце, врачи делают все, чтобы остановить роды, потому что время еще не пришло. Однако по прошествии девяти месяцев врачи стараются ускорить роды, чтобы родился здоровый ребенок. Вот почему в прежние дни, когда люди взывали к Богу, моля избавить землю от горя и страданий, их мольбы сбывались, поскольку время всеобщего избавления было еще далеко. Но теперь, когда оно уже близко, никакие молитвы об убережении от мирских страданий не исполняются, и горести громоздятся на горести, чтобы тем самым ускорить избавление».

ШОФАР В СУББОТУ

В день Нового года, пришедшийся на субботу, рабби из Ружина сказал:

«Если Новый год выпадает на субботу, то не следует трубить в шофар, возвещая о Рош ѓа-Шана. В этот день сам Господь трубит в шофар. И поверьте, Он-то знает, как надо трубить! Вот почему в этот день наши надежды столь велики: сам источник милосердия пробуждает их».

ДВА ГОЛОВНЫХ УБОРА

Рабби Давид-Моше, сын рабби из Ружина, однажды сказал хасидам: «Вы знали моего отца, когда он жил в Садагоре и уже носил свой черный головной убор печали; но вы не видывали его, когда он жил в Ружине и носил свой золотой головной убор». Его слушатели были поражены: «Разве возможно, чтобы святой человек из Ружина когда бы то ни было пребывал в печали! Ведь мы слышали от него самого, что уныние – это худшее состояние души».

«После того, как он достиг вершины, – ответил рабби Давид, – ему приходилось порой сходить до такого положения, чтобы искупить души тех, кто опустился до этого состояния».

ЗВУК ШОФАРА

Эту историю рассказал рабби Моше: «В год своей смерти мой отец уже был не в силах пойти в дом молитвы на Рош ѓа-Шана. Я молился вместе с ним в его комнате. Его молитва звучала как никогда. А по окончании он сказал мне: "Сегодня я слышал, как Машиах трубит в шофар"».

ТРАПЕЗА НА ИСХОДЕ СУББОТЫ

В старости рабби из Ружина проводил летние месяцы в маленьком городке, называвшемся Поток. Однажды в субботу его навестил рабби

Моше из Кобрина. В тот день рабби из Ружина отказался от трапезы на исходе субботы; он сидел в саду вместе с рабби из Кобрина. Долгое время он хранил молчание, а потом сказал: «Мы ведь можем есть плоды этого дерева вместо трапезы, не правда ли?» Потом он дотронулся до руки рабби из Кобрина и сказал: «Не прогуляться ли нам немного?» И во время прогулки он еще раз повторил свой вопрос: «Дорогой рабби Моше, ведь ты ученый человек. Скажи, ведь нам же позволено заменить фруктами трапезу на исходе субботы?» И тогда рабби из Кобрина понял, что рабби Исраэль говорил о своем близком конце и о своих сыновьях, и он воскликнул: «Святой наш рабби! Ты еще нужен этому миру!» Но через полтора месяца после этой субботы рабби Исраэль умер.

ВСЕ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА

В пятнадцатый день месяца шват, в Новый год деревьев, когда на стол ставят, согласно обычаю, фрукты, рабби Авраѓам-Яаков, старший сын рабби из Ружина, сказал: «В Писании говорится: "Когда кто-либо из вас пожелает принести жертву Господу, то из скота, из крупного и из мелкого, приносите вашу жертву"*. Все живые существа, и растения, и животные, приносят себя в жертву человеку, а через посредство человека они приносятся в жертву Богу. Когда человек очищает и освящает себя как жертву Богу, он тем самым очищает и освящает все прочие живые существа».

* [Лев. 1:2]

О СОВРЕМЕННЫХ ИЗОБРЕТЕНИЯХ

– Все на свете может стать для любого из нас источником познания, – сказал однажды рабби из Садагоры своим хасидам. – Все, что угодно, может быть источником нашего познания, причем не только то, что создано Богом, но и созданное человеком.

– Чему же может нас научить поезд? – недоверчиво спросил один из хасидов.

– Тому, что достаточно припоздниться на секунду, и ты можешь опоздать навсегда.

– А телеграф?

– Тому, что каждое твое слово сосчитано, и ты за него должен платить.

– А телефон?

– Тому, что сказанное нами здесь слышно там.

ПТИЧЬЯ ПЕСНЯ

В Субботу «Песнь на море», когда во время службы читается Песнь Богу, которую пели Моше и сыны Израиля, перейдя через Красное море, рабби из Садагоры спросили: «Откуда пошел обычай разбрасывать в этот день гречневую крупу для птиц?»

Рабби ответил: «Один царь повелел построить павильон в парке, вдали от всех дворцовых зданий, где он мог бы побыть в полном одиночестве. Никому – ни придворным, ни слугам – нельзя было заходить туда. Единственным обитателем павильона была маленькая певчая птичка. Царь очень любил слушать ее пение, и это нравилось царю больше, чем пение всех придворных певцов, вместе взятых.

В тот час, когда расступились воды Красного моря, все ангелы и серафимы пели Богу величальную песнь. Но Бог слушал пение своей маленькой птички, Израиля.

Вот почему у нас сложился обычай кормить птиц в этот день».

В СУББОТУ ПЕСНОПЕНИЯ

В Субботу «Песнь на море», когда во время службы читается Песнь Богу, которую пели Моше и сыны Израиля, перейдя через Красное море, рабби из Садагоры сказал:

«Не говорится, что они пели свою песнь сразу после того, как они перешли Красное море. Сначала им надлежало достигнуть ступени совершенной веры, ибо сказано: "...и уверовали в Бога и в Моше, служителя Его"* – и только после этого сказано: "Тогда воспел Моше и сыны Израиля эту песнь Богу"**. Лишь тот, кто верует, может петь эту песнь».

* [Исх. 14:31]
** [Исх. 15:1]

ВСЕ ПЕСНИ

Рабби Авраѓам-Яаков говорил: «У каждого народа есть свои песни, и никто не поет песни другого народа. А вот народ Израиля поет все песни, чтобы донести их до слуха Господа. Так в Мидраше, в разделе "Шира", сказано, что все существа, населяющие землю, и все птицы поют свои песни, но народ Израиля соединяет все эти песни воедино, дабы их мог услышать Бог».

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Однажды в пятницу вечером компания так называемых просвещенных пришла безо всякого приглашения в дом рабби из Садагоры, чтобы послушать, как он говорит кидуш, а затем поднять его на смех. Увидев их, цадик сказал: «Как всем нам известно, слова из Книги Бытия "И завершены были и небо, и земля"* говорятся здесь как свидетельство того, что творение совершил один и единый Бог. И эти слова куда как уместны особенно тогда, когда некто пытается оспорить их справедливость. Вот почему мы сейчас засвидетельствуем, прямо перед лицом тех, кто не верит в это, что Бог сотворил мир и правит им». Он встал во весь рост и прочел кидуш.

* [Быт. 2:1]

КАЖДОМУ СВОЕ МЕСТО

Рабби Авраѓама-Яакова однажды спросили: «Наши мудрецы говорят: "Нет вещи, для которой не было бы своего места"*. Таким образом, это означает, что и у каждого человека есть свое

* [Пиркей авот IV, 3]

место. Тогда почему же люди порой ощущают такую тесноту и скученность?»

Рабби ответил: «Это происходит потому, что каждый норовит занять место другого человека».

СТРАДАНИЯ И БОЛЬ

Однажды рабби из Садагоры, сидя за обеденным столом, грустно вздыхал и ничего не ел. Сестра рабби спросила его, в чем причина такого беспокойства, и вынуждена была повторить вопрос несколько раз. Наконец он ответил ей – вопросом на вопрос: «Ты слышала, что приходится терпеть сейчас нашим братьям в России?»

«А мне кажется, – сказала его сестра, – что эти страдания есть не что иное, как родовые схватки, означающие приход Машиаха»*.

Цадик задумался над ее ответом. «Может быть, – сказал он наконец, – может быть. Но вот только когда страдания и боль почти достигают предела, народ Израиля взывает к Богу, говоря, что не в силах далее терпеть все это. И тогда милосердный Бог умаляет страдания – отдаляя тем самым избавление».

* [Санѓедрин 98b]

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ

Один из друзей рабби Авраѓама-Яакова однажды спросил его: «Как же такое может быть? Многие святые люди, жившие задолго до нас, называли даты дня избавления. Эти дни пришли и прошли, а избавления все нет и нет».

Цадик ответил: «Мой отец, да будет благословенна его память, сказал вот что: "В Талмуде мы читаем, что все названные ранее дни избавления уже прошли*. Но поскольку Шхина оставила святилище, отправилась в изгнание и прошла десять этапов скитаний, то она не в состоянии вернуться немедленно, и потому огонек избавления мечется между Небесами и землей. И всякий раз он опускается еще на одну ступень. Свет избавления сейчас пребывает на низшем из Небес, именуемом 'занавес'". Все это говорил мне мой отец. Но я скажу вот что: свет избавления сейчас находится на высоте нашего роста. А мы не замечаем его, потому что наши плечи сгорблены под грузом изгнания, и мы смотрим вниз. О, если бы Бог позволил нам поднять головы!»

* [Санѓедрин 97a]

ИГРА В ШАШКИ

В один из дней праздника Ханука рабби Нахум, сын рабби из Ружина, неожиданно пришел в дом учения и застал своих учеников играющими в шашки – игру, очень популярную в те дни. Увидев цадика, они смутились и перестали играть. Но рабби добродушно кивнул им и спросил: «А вы знаете правила игры?» И когда они, засмущавшись, ничего ему не ответили, он сказал: «Ну так я расскажу вам о правилах игры в шашки. Во-первых, нельзя делать два хода за один раз. Во-вторых, можно ходить только вперед и никогда назад. Есть и третье правило: достигнув последнего ряда, ты потом можешь ходить, как тебе угодно».

ВЫБОР

Рабби Нахум однажды сказал собравшимся вокруг него хасидам: «Если бы нам позволили развесить все свои горести на крючочки, а потом разрешили бы взять любые, по желанию, то уверяю вас: каждый бы взял обратно свои горести, потому что с чужими нам и вовсе не справиться».

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

В некотором городе жил человек, чье благочестие было предметом многочисленных разговоров, и он в конечном итоге получил прозвище Благочестивец. Однажды он заболел, и когда несколько горожан отправились к рабби Нахуму, чтобы испросить благословения, его родные обратились к ним, чтобы те замолвили словечко и за Благочестивца. Подав рабби записочки со своими именами, они также дали ему и листок бумаги с именем этого человека, сказав, что он известен всему городу своей аскетической жизнью и даже прозывается Благочестивцем. На это рабби заметил: «Я не знаю, что это значит: "благочестивый человек"; я и от отца своего никогда не слыхивал о таком. Но не исключено, что такой человек напоминает плащ, сшитый из высокомерия и самонадеянности, с подкладкой из недоброжелательства и зависти и простроченный нитками уныния».

❖ *Давид-Моше из Чорткова*

ТОТ, КТО СМЕЖАЕТ СНОМ ГЛАЗА МОИ

Хасиды рассказывают такую историю.

Когда рабби Давид-Моше, сын рабби из Ружина, был ребенком семи лет, в доме его отца ночью вспыхнул пожар. Собрали всех детей и обнаружили, что нет Давида-Моше. Его отец послал слугу посмотреть в комнате, и слуга обнаружил мальчика лежащим в постели, без признаков сна. Он спросил Давида-Моше, неужели тот не понимает, что дом в огне. На это мальчик ничего не ответил, но дал понять знаками, что он, разумеется, видит пожар, но что поскольку он уже сказал перед сном молитву со словами «Господь, Бог наш, смежающий сном глаза мои, дремотой – веки», то не намерен откладывать свой отход ко сну – ну, а пожар ему не страшен. Слуга побежал сообщить его отцу о происходящем, но в это время пожар сам собою утих.

ВЕРНЫЙ СЛУГА

Вот что однажды сказал рабби Нахум из Штепинешта о своем брате, рабби Давиде-Моше из Чорткова: «Когда мой брат Давид-Моше открывает Книгу псалмов и начинает читать тексты, то Господь говорит ему с небес: "Давид-Моше, дитя мое, я отдаю весь мир в твои руки. Делай с ним все, что тебе заблагорассудится". Ах, если бы Он дал мир мне, в мои руки, я бы отлично знал, что с ним делать. Но Давид-Моше – это такой верный слуга, что он вернет мир точно в таком же виде, как он его и получил».

РОЖДЕНИЕ МЕЛОДИИ

Рабби из Чорткова однажды сказал: «Бывает, что между двумя царствами начинается война, и она длится тридцать лет. А потом из стонов тех, кто пал в бою, и радостных кликов победителей рождается мелодия, которую можно петь перед цадиком».

В ГУСТОМ ОБЛАКЕ

Рабби Давид-Моше говорил: «Бог сказал Моше: "Вот Я иду к тебе в густом облаке, чтобы услышал народ, как Я буду говорить с тобою"*. Всегда существует опасность, что дух цадика может вознестись столь высоко, что утратит связь с его поколением. Вот почему Господь сгущает облако скорби над цадиком и определяет пределы его душе, и тогда слова, полученные им, могут дойти до

* [Исх. 19:9]

людей. Но когда скорби сгущаются над цадиком, он находит Бога даже в горести, ибо сказано: "а Моше приблизился к густой мгле, в которой скрывался Всесильный"*».

* [Исх. 20:18]

СКРОМНОСТЬ МОШЕ

Однажды рабби Давид-Моше говорил со слезами на глазах: «Сказано, что "Моше был скромнейшим из всех людей, что на земле"*. Как нам следует понимать это? Ведь Бог говорил с ним напрямую, и заслуги его столь велики – как же он может полагать себя незначительнее других? Причина этого вот в чем: на протяжении тех сорока дней, которые Моше пробыл на горе, его тело сделалось чистым и светящимся, подобно телам ангелов. После этого Моше сказал самому себе: "Разве важно, если я, чье тело уже очищено, буду служить Господу? Но если это будет делать любой из сынов Израиля, все еще одетый в плоть, – насколько важнее, когда это будет он, а не я"».

* [Чис. 12:3]

СВИТОК ТОРЫ

Однажды в доме молитвы состоялась церемония освящения нового свитка Торы. Рабби Давид-Моше держал свиток в руках и радовался происходящему. Но поскольку свиток был большим и даже с виду тяжелым, один из хасидов подошел к рабби и предложил помочь ему. «Как только ты возьмешь свиток в руки, – сказал ему рабби, – ты уже не чувствуешь его тяжесть».

ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ

Однажды рабби Давид-Моше осведомился о том, как обстоят дела у одного из его хасидов, находившегося в затруднительном положении и нуждавшегося в помощи Всевышнего. Рабби хотел знать, нуждается ли он в помощи по-прежнему. В ответ ему было сказано, что положение дел не переменилось и что хасида вряд ли можно выручить из беды естественным образом.

«Судя по всему, у этого человека нет истинной веры», – сказал цадик. И, увидев, что хасиды не поняли сказанного, продолжил: «На первый взгляд, вроде бы нет причин делать различие между естественным и сверхъестественным. В конце концов, и то и другое ниспосылается Богом – так что какая разница? Но разница, однако, существует. Вы знаете, что при сотворении мира поток света был настолько безмерным, что сосуды разбились. И вот потому свет был ограничен, чтобы его можно было принимать и удерживать. Вот в этом и заключается суть ес-

тественного: ограничение избыточного в пределах ограниченных сосудов. Значит, подобного рода сосуд есть пригодность человека, а готовность человека – это его вера. Но поскольку у каждого человека – своя вера, и к тому же вера одного и того же человека различна в разных обстоятельствах, то границы естественного различны. Тот, чья вера сильнее, чей сосуд более объемный – он и в состоянии получить естественным образом больше других, поскольку естественный образ достигает пределов веры. Вчера, когда твоя вера была более слабой, ты был вынужден искать помощи в границах сверхъестественного, но сегодня твоя вера стала сильнее, и потому ты можешь получить необходимую тебе помощь естественным образом. Об этом идет речь в истории с Нахшоном, сыном Аминадава*: когда народ Израиля стоял на берегу Красного моря, он прыгнул в воды еще до того, как они раздвинулись, а когда вода дошла ему до горла, он проговорил: "Спаси меня, Всесильный, ибо воды достигли дыхания моего"**. Он не возопил, а сказал негромко, ибо его вера была сильной, и потому все дальнейшее произошло естественным образом».

* [Сота 37а]

** [Пс. 69:2]

ХВАЛА ЭТОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Однажды на восьмой день праздника Суккот было большое веселье в доме рабби из Чорткова. Рабби спрашивал, смеясь: «Отчего вы, люди, так веселы? Может, выпили немножечко?»

«У нас не было для этого времени, – ответили гости. – Мы провели несколько часов в доме молитвы, а потом пришли сюда, к столу нашего рабби. И мы просто счастливы – потому что праздник и потому что мы – с нашим рабби».

«Действительно, – сказал рабби из Чорткова, – как только у сынов Израиля наступает состояние откровения, они преисполняются безграничной радостью». И, помолчав немного, он добавил: «Я бы сказал, что наше поколение, от которого Бог скрывает свое лицо, лучше поколения пустыни. Они удостоились великого откровения, как служанка, видевшая более, чем пророк Йехезкель*, и они обладали огромной духовной силой, и их учителем был сам Моше. Но сегодня Бог сокрыт, наши силы незначительны, и все-таки, едва наступает состояние откровения, мы ощущаем духовный подъем и преисполняемся радостью. Вот почему я говорю: наше поколение лучше, чем поколение пустыни».

* [Мехильта, Шира 3]

Хасидские истории.
Поздние учителя

ШКОЛА РАББИ ШМЕЛКЕ ИЗ НИКОЛЬСБУРГА

Глава вторая

❖ *Моше-Лейб из Сасова*

ПО НОЧАМ

В юные годы Моше-Лейб имел обыкновение с наступлением темноты тайным образом переодеваться в простую одежду, выходить незаметно из дома и весело проводить время со своими сверстниками, танцуя и распевая песни. Его товарищи относились к нему с любовью, и даже случайно брошенное им слово было для них законом, хотя он никогда не злоупотреблял своим авторитетом. После того, как Моше-Лейб отправился в Никольсбург учиться у рабби Шмелке, его товарищи отказались от этих забав, потому что без Моше-Лейба веселье было им не в веселье. Много лет спустя один из его товарищей, возвращаясь в родные края из дальней поездки, остановился в Сасове. С кем бы он ни вступил в беседу, и в корчме, и на улице, все только и говорили о том, какой замечательный человек великий цадик Моше-Лейб. Когда он услышал это имя, обычное и распространенное, ему и в голову не пришло, что Моше-Лейб – тот самый товарищ былых дней его юности. Впрочем, ему было интересно повидать цадика; он отправился к рабби и с первого же взгляда узнал его. Первая его мысль была: «Вот оно как! Да он и в самом деле мастер вводить людей в заблуждение!» Но, вглядевшись в лицо Моше-Лейба, столь знакомое ему и по-прежнему внушавшее неиз-

менное почтение, он по-новому вспомнил былые дни, и его осенило, что и в часы юношеского веселья он со своими товарищами, сами того не осознавая, ощущали авторитет Моше-Лейба и что у их веселья был источник вдохновения, суть которого они тогда не были в состоянии постигнуть.

И он склонился перед цадиком, благожелательно взиравшим на него, и сказал: «Учитель, я благодарю тебя».

РОЗГА

Отцу Моше-Лейба очень не нравилось, что его сын обратился к хасидизму. Когда Моше-Лейб, не сказав ничего отцу, покинул дом и отправился в Никольсбург, в дом учения рабби Шмелке, он, впав в ярость, срезал зловещего вида розгу и держал ее в своей комнате, ожидая возвращения сына. И всякий раз, когда он видел на дереве подходящую ветку, он срезал ее, полагая, что новая розга окажется еще лучше, а старый прут выкидывал. Шло время, и одна розга сменялась другой. Как-то во время уборки служанка взяла прут и отнесла его на чердак.

Вскоре Моше-Лейб попросил учителя отпустить его на короткое время навестить родной дом. При его появлении отец вскочил на ноги и в ярости принялся что-то искать в комнате. Моше-Лейб отправился прямо на чердак, взял розгу и принес ее отцу. Тот пристально посмотрел на сына, встретил его серьезный и любящий взгляд и осознал его правоту.

ХАЛАТ

Моше-Лейб провел семь лет в доме учения святого рабби Шмелке в Никольсбурге. По окончании семилетнего срока обучения рабби призвал Моше-Лейба к себе и сказал ему вот что: «Теперь ты можешь возвращаться домой». И затем дал ему три вещи: золотую монету, буханку хлеба и праздничный белый халат. И еще он сказал: «Пусть любовь Израиля пребудет в твоем сердце».

Моше-Лейб шел целый день и очень устал. К вечеру он добрался до деревни, где собирался съесть свой хлеб и переночевать. И тут он услышал стоны и плач, доносившиеся из подвального окна, забранного решеткой. Подойдя поближе, он заговорил с человеком, брошенным за решетку, и узнал, что это был еврей-корчмарь, который оказался не в состоянии заплатить помещику триста золотых арендной платы. Первое, что сделал Моше-Лейб, – он отдал корчмарю свой хлеб.

Затем, не спрашивая дороги, будто в своем родном местечке, Моше-Лейб отправился прямо к помещичьему дому, попросил, чтобы его провели к помещику, и обратился к тому с просьбой освободить корчмаря. И предложил за него выкуп – имевшийся у него золотой. Помещик смерил

взглядом наглеца, осмелившегося предложить один золотой в уплату долга в триста золотых, и велел выкинуть его вон. Но, очутившись на улице, Моше-Лейб еще сильнее проникся страданиями корчмаря, сидящего за решеткой; он забарабанил в дверь помещичьего дома с криком: «Но ты просто обязан освободить его! Бери мой золотой и отпусти его на свободу!»

А ведь в те дни каждый польский помещик был царем в своем имении и имел право казнить либо миловать. И помещик велел слугам схватить Моше-Лейба и бросить его псам. Моше-Лейб увидел свою смерть в глазах накинувшихся на него собак и немедля натянул халат, чтобы умереть в праздничном одеянии. Однако при виде белого халата собаки отпрянули и в ужасе завыли. Помещик поспешил на псарню и увидел, как Моше-Лейб стоит у входа, прислонившись к стене, а собаки держатся от него на расстоянии, дрожа и подвывая. Помещик велел Моше-Лейбу убираться подобру-поздорову, но тот отвечал: «Не прежде, чем ты возьмешь мой золотой в уплату долга и отпустишь корчмаря». Тогда помещик взял деньги, сам отправился к дому, в подвале которого был заключен еврей-корчмарь, отпер дверь подвала и отпустил его с миром. А Моше-Лейб продолжил свой путь.

Эту историю очень любил рассказывать рабби из Чорткова, и всякий раз, подойдя к концу, он восклицал: «Ах, где бы нам найти такой халат!»

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ЕВРЕЙ

Когда Моше-Лейб первый раз был в гостях у рабби Элимелеха, тот оказал ему честь, попросив произнести слова Торы за субботней трапезой. А в этой недельной главе Торы говорилось о том, как Господь пройдет по земле Египетской, поражая египтян и проходя мимо домов сынов Израилевых. Моше-Лейб сказал: «Это ведь не может значить, будто Господь проходит мимо какого-то места, потому что нет такого места, где бы Он не находился. Но когда Он оказывался у дома египетского, то видел исполненные скверны души живущих там, а когда Он оказывался у дома, исполненного благочестия и доброты, то Он радовался и восклицал: "Здесь живет еврей!"»

Когда рабби Элимелех услышал это объяснение, он вскочил на стол и начал там плясать, распевая без умолку: «Здесь живет еврей! Здесь живет еврей!»

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

Когда Моше-Лейб был молодым, он, его жена и его дети жили в великой бедности. Один из его соседей, желавший ему всяческого добра, предложил ему денег, чтобы он смог отправиться на рынок, закупить там

товару и продать его в своем родном городе. Рабби Моше-Лейб поехал на рынок вместе с другими. Однако когда они прибыли к месту своего назначения, то все занялись делами, а он отправился в дом учения. Когда же он наконец пошел на рыночную площадь, не осознавая, сколько времени прошло после приезда, то все уже готовились в обратный путь. Он сказал, что хотел бы купить кое-какие товары, но все только посмеялись над ним. И он отправился домой вместе со всеми.

Дети Моше-Лейба, ждавшие его возле дома, спросили: «Что ты нам привез?» И, услышав эти слова, Моше-Лейб лишился чувств.

Когда он пришел в себя, объявился сосед, давший ему денег, и спросил, что ему удалось сделать. От него не укрылся несчастный вид Моше-Лейба, и он спросил: «Что случилось, рабби? Уж не потерял ли ты деньги? Но пусть это тебя не волнует, я дам тебе еще...» На это рабби Моше-Лейб только и смог ответить: «Ах, что же мне делать, если и в следующий раз по возвращении домой дети спросят: "Что ты нам привез?"»

«Ну, если все обстоит таким образом, – сказал сосед, – то тебе лучше заниматься делами дома».

И после этого он поведал всем, что рабби Моше-Лейб – цадик.

НЕТ БОЛЬШЕ СИЛ!

Однажды, много лет спустя после смерти рабби Моше-Лейба, его сына, рабби Шмелке из Сасова, попросили рассказать что-нибудь про отца. И он ответил: «Отец умер, когда я был еще ребенком и не мог осознать его деяния. Но вот что я вам все-таки расскажу. Мне было лет пять. В Новолетие отец молился у амуда. Я забрался к нему под талит и услышал, как во время произносимой шепотом молитвы Шмоне эсре отец обратился к Богу с интонацией, свойственной ребенку, – отчасти просительной, отчасти непосредственно-непринужденной. Он сказал нечто в таком роде: "Добрый Бог, пожалуйста, пошли нам Мессию! Нет у нас больше сил томиться в изгнании!"»

ЧЕМУ РАББИ ИЗ САСОВА НАУЧИЛСЯ У ВОРА

Как-то рабби из Сасова попытался организовать сбор денег, чтобы выкупить из тюрьмы людей, посаженных за долги, но ему не удалось набрать необходимую сумму. Тогда он высказал сожаление о потерянном времени, которое можно было бы посвятить изучению Торы и молитвам, и решил в дальнейшем не заниматься ничем подобным. В тот же день ему рассказали об одном еврее, который украл что-то из одежды, был жестоко избит и посажен в тюрьму. Рабби Моше-Лейб вступился за него и добился у судьи его освобождения.

Рабби Моше-Лейб сам отправился в тюрьму, чтобы вывести заключенного, и обратился к нему с таким предупреждением: «Не забывай полученных побоев и никогда больше не кради».

«А, собственно, почему? – спросил вор. – В первый раз не вышло, так ведь можно попытаться еще раз».

«В таком случае, – сказал рабби самому себе, – мне тоже следует попытаться еще раз».

ПОМЕХА

Однажды в полночь рабби Моше-Лейб, будучи поглощенным чтением священных текстов, услышал, как кто-то постучался в окно. Оказалось, это пьяный крестьянин, который просился на ночлег. На какое-то мгновение сердце цадика наполнилось гневом, и он сказал про себя: «Вот так наглость! Какое право имеет этот пьяный ломиться в мой дом и что ему надо в моем доме?» Но тотчас же гнев его утих, и он задал себе вопрос: «А какое право у этого человека вообще пребывать в Божьем мире? Но если Господь не возражает против его присутствия, то вправе ли я его отталкивать?» И цадик впустил пьяного в дом и приготовил ему постель.

ПО ПОДОБИЮ БОЖЬЕМУ

Как-то рабби из Сасова отдал человеку, пользовавшемуся дурной славой, все, что было у него в кармане. Его ученики удивились такому поступку. Рабби ответил: «Могу ли я быть более требовательным, чем Господь, который дал мне эти деньги?»

КАК РАББИ ИЗ САСОВА НАУЧИЛСЯ ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ

Рабби Моше-Лейб рассказал такую историю: «Любить людей я научился у крестьянина. Он сидел в корчме вместе с другими крестьянами и пил. Долго он сидел молча, как и все за его столом, но когда вино оказало на него свое воздействие, он спросил своего соседа: "Скажи, ты любишь меня? Или ты меня не любишь?" Тот ответил: "Я тебя очень люблю". На что первый крестьянин возразил: "Ты говоришь, что любишь меня, но ведь ты не знаешь, что мне надо. Если бы ты любил меня по-настоящему, то знал бы, чего мне надо". Его собеседник не нашелся с ответом, и первый крестьянин снова погрузился в молчание.

А я его понял. Знать, что надо людям, и брать на себя бремя их скорбей – это и значит по-настоящему любить людей».

ЕГО СОБСТВЕННЫЕ СТРАДАНИЯ

Всякий раз, когда рабби из Сасова видел человека, страдающего духовно или физически, он разделял его боль с такой искренностью, что страдания другого человека становились его собственными страданиями. Кто-то спросил его с удивлением, как ему удается брать на себя беды и горести других людей.

«Что значит – "брать на себя"? – удивился рабби. – Это же мои собственные страдания; как же я могу не ощущать их?»

НА ЯРМАРКЕ

Рабби Моше-Лейб имел обыкновение ездить на ярмарки, а там он внимательно высматривал, не нуждается ли кто-нибудь в его помощи. Как-то был случай, что все торговцы оставили свои прилавки и побежали смотреть представление группы жонглеров и фокусников, бросив скотину прямо на торговой площади. Телята, оставленные без присмотра и мучимые жаждой, понурили головы. Заметив это, рабби взял ведро с водой и принялся поить животных, будто он всю жизнь не занимался ничем другим. Тут вернулся один из торговцев, который, увидев человека, ухаживающего за телятами, обратился к нему с просьбой присмотреть и за его животными. «Они там, в одном из переулочков, – сказал он, – а насчет платы мы сойдемся». Рабби ничего не сказал на это и продолжил таскать воду, пока все животные не были напоены.

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Рабби из Сасова имел обыкновение навещать всех заболевших в своем городе; он ухаживал за больными, заботился о них и проводил с ними много времени. Как-то он сказал: «Если человек не готов отсосать гной из язв больного ребенка, то он даже не на полпути к вершинам любви к ближнему».

ЗАДЕРЖКА

Как-то в Йом Кипур хасиды собрались в доме молитвы в ожидании рабби, который должен был прочесть Коль Нидрей. Но время шло, а он так и не появлялся. Тогда одна из женщин сказала про себя: «Они, видать, не скоро начнут, напрасно я так спешила. И мой ребенок остался один дома. Сбегаю-ка я и взгляну: не проснулся ли он. Я ведь ненадолго, всего на пару минут».

Она побежала домой и еще у двери услышала, что дома все тихо. Она осторожно приоткрыла дверь – и увидела рабби, который держал ее

ребенка на руках. По пути в дом молитвы он услышал детский плач, вошел в дом, взял ребенка на руки и пением убаюкал его.

ПОЛУНОЧНЫЙ ПЛАЧ О ИЕРУСАЛИМСКОМ ХРАМЕ

Рабби Моше-Лейб был очень высокого роста и крепкого телосложения, однако длительная болезнь подорвала его силы. Но даже если он, ложась в постель, страдал от болей, то все равно он вставал каждую полночь, выходил из спальни твердой походкой и произносил слова плача по Иерусалиму. Вот почему хасиды говорили, что слова «Песни Песней»: «Стучится друг мой» * сказаны о нем. Несомненно было, что голос Божественного присутствия звучал в его сердце и пробуждал его ото сна.

* (Песнь 5:2)

Рабби Ѓирш из Жидачева был наслышан о необычном поведении рабби из Сасова в полуночное время. Как-то ему довелось быть гостем в его доме, и он решил воспользоваться таким случаем. В полночь он увидел, как рабби из Сасова надел крестьянскую одежду, вышел в заснеженный двор, взял несколько поленьев, сложил их в вязанку и взвалил себе на спину. Затем он вышел со двора, и рабби Ѓирш последовал за ним, в трескучий мороз, на окраину ночного городка. Там рабби Моше-Лейб остановился у жалкого домишки и сбросил с плеч свою ношу. Его ученик прокрался к окошку и заглянул в скудно обставленную комнату. Печь выгорела и погасла. В кровати лежала женщина, с видом отчаяния прижимая к груди новорожденного младенца.

Тут в комнату вошел рабби из Сасова. Рабби Ѓирш увидел, как он подошел к кровати, и услышал, как он сказал ей на русинском языке: «У меня есть вязанка дров на продажу, и мне не хочется нести ее дальше. Не купишь ли ты ее по сходной цене?» Женщина ответила: «У меня в доме ни гроша». На это рабби сказал: «Я зайду за деньгами в другой раз. Бери дрова, бери». Но женщина возразила: «Что мне с ними делать? Я не смогу их наколоть, да у меня и топора нет». Рабби из Сасова ответил ей: «А об этом я сам позабочусь». С этими словами он вышел из комнаты, взял свой топор и принялся колоть дрова.

И рабби Ѓирш услышал, как, раскалывая поленья, рабби Моше-Лейб произносил слова плача по Иерусалиму от имени праматери нашей Рахели. До его слуха донеслись слова: «Отряхнись от праха, встань, воссядь, Иерушалаим!» (Ис. 52:2) Потом рабби взял наколотые дрова, вошел, согнувшись, в низкую дверь и развел огонь в печи. И пока он подкладывал дрова, он вполголоса произносил слова плача по Иерусалиму от имени праматери нашей Леи и закончил словами: «Восстань же, сжалься над Сионом! Отстрой стены Иерусалима» (Пс. 102:14; 51:20). После чего он быстрыми шагами направился к своему дому.

НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ

Как-то рабби из Сасова принимал у себя дома двух певцов. Пели они превосходно, но – и это нередко бывает с такими людьми – они оказались горазды на проказы. Жена рабби подала ему кофе, а певцы ухитрились выпить его и налили в кофейник простой воды. Больше кофе в доме не было, и рабби остался без горячего напитка. Его жена очень рассердилась на этих шалопаев и в сердцах сказала: «Зачем ты водишься с этими певцами! От них одни только неприятности!» На что рабби ответил: «Их прекрасные песни отзываются в моем сердце, после чего я в состоянии услышать пение ангелов».

БОГ И ЧЕЛОВЕК

У рабби Моше-Лейба была соседка, чьи дети умирали один за другим, не доживая до года. Как-то она пришла в дом цадика и стала жаловаться его жене: «Бог, дающий тебе детей для того только, чтобы тут же их забрать, – это недобрый Бог. Это жестокий Бог!» Жена рабби Моше-Лейба принялась стыдить ее: «Ты не смеешь так говорить! Тебе следует сказать: "Мы не в состоянии постигнуть Божественную милость, и все, что Он ни делает – Он делает к лучшему"».

«Вовсе нет», – отозвался рабби, который слышал этот разговор. Он вышел к женщинам и сказал: «Тебе не следует примиряться с судьбой. Ободрись, женщина, и соберись с силами. Через год ты родишь сына, а во благовременье я устрою для него свадебную церемонию». Так и случилось.

КОГДА ВОЗМОЖНО ОТРИЦАТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА

Рабби Моше-Лейб говорил: «Нет такого свойства человеческой души и нет таких человеческих способностей, которые были бы даны человеку напрасно. Ведь даже низменные и дурные свойства человека, если их возвысить, могут быть пригодны для служения Богу. Так, например, возвысив высокомерную самоуверенность, мы поднимаем ее до веры в справедливость Божьего пути. Могут спросить: а для чего же дано отрицание самого существования Бога? И такое может быть возвышено – путем благотворительности. Если кто-то придет к тебе с просьбой о помощи, не следует отделываться благочестивыми словами вроде: "Уверуй в Господа и обратись к Нему со своими бедами". Нет, следует вести себя так, будто Бога нет, а ты – единственный человек в мире, который в состоянии помочь просящему».

МЕДОВЫЙ НАПИТОК

Рабби Хаим из Цанза рассказал эту историю: «Мне еще не исполнилось трех лет, когда в Бродах, где я родился и жил, вспыхнул большой пожар, и моя нянька, подхватив меня, перебралась в Сасов. Она пробыла там со мной до конца праздника Суккот. В Симхат Тора, последний день праздника, рабби Моше-Лейб из Сасова имел обыкновение приходить на рыночную площадь со всеми прихожанами. В этот день, как и обычно, были расставлены столы и скамьи, все расселись за столами, и рабби – да будет благословенна его память! – принялся обносить всех собравшихся медовым напитком. Женщины тоже пришли на рыночную площадь полюбоваться этим зрелищем, и моя нянька пришла вместе с другими, неся меня на руках. Рабби сказал: "А женщины должны стоять здесь", – и они повиновались, и моя нянька вместе со всеми. А я вытянул шею из-за плеча моей няньки и внимательно смотрел. Я смотрел так внимательно, что до сих пор помню все, мною виденное».

Цадик, бывший в числе слушающих, спросил: «И в самом деле рабби помнит, как он вытянул шею из-за плеча няньки?» Рабби Хаим ответил: «Я не мог не запомнить этого, потому что у меня, у маленького, была замечательная душа, и если бы впоследствии ничего не изменилось, из меня бы что-нибудь да вышло. Потому я и был одарен такой памятью, чтобы помнить, как все было».

ТАНЕЦ ИСЦЕЛЕНИЯ

Рабби Моше-Лейб узнал, что его друг, рабби из Бердичева, заболел. В субботу Моше-Лейб многократно называл имя своего друга и молился за его выздоровление. Затем он надел новые сафьяновые башмаки, туго зашнуровал их и начал танцевать.

Бывший тогда в его доме цадик рассказывал: «Его танец прямо-таки излучал энергию. Каждое его движение было исполнено тайны. Необычный свет залил комнату, и все присутствующие видели, как силы небесные танцевали вместе с ним».

СВАДЕБНЫЙ ТАНЕЦ

Один хасид рассказывал: «Мне довелось быть на свадьбе внука рабби Моше-Лейба, где собралось много гостей. Когда все образовали круг для свадебного танца, неожиданно в самую середину выскочил человек в кургузой крестьянской одежде и с короткой крестьянской трубочкой в зубах и принялся танцевать в одиночку. Я чуть было не схватил его за рукав, решив, что это какой-то ненормальный осмелился вступить в круг цадиков, но удержался, увидев, как все присутствующие смотрят на него в почтительном молчании. И я понял, что это был сам рабби».

СЕЙЧАС ВРЕМЯ ТАНЦЕВАТЬ

Цадик, бывший на волосок от смерти, поднялся и начал танцевать. А когда окружающие попытались остановить его, он сказал: «Сейчас время танцевать». Потом он рассказал: «Когда рабби Ури из Стрельска ездил по округе и собирал деньги на благотворительные нужды, он заехал в Сасов, к тамошнему рабби. "У меня нет денег, – сказал тот, – но я могу станцевать для тебя". Он танцевал всю ночь напролет, и рабби Ури не мог оторвать от него глаз, поскольку каждый его шаг был исполнен священного смысла. Когда настало утро, рабби Моше-Лейб сказал: "А сейчас я пойду и соберу немного денег на рынке и на улицах".

Он ушел и вернулся только через два дня. Когда его спросили, где он был, рабби Моше-Лейб ответил: "Как-то в молодые годы у меня была нужда в деньгах – для выкупа заключенных. Я начал собирать деньги вместе с одним мальчиком, который должен был показать мне, где живут богатые люди. Мальчик так хорошо делал свое дело, что вскоре мы набрали необходимую сумму. И я тогда пообещал ему, что приду танцевать на его свадьбе. И вот сейчас я пришел в Злочев и услышал звуки веселой музыки, и я пошел на эти звуки, и узнал, что тот мальчик, с которым мы тогда собирали деньги, сейчас празднует свою свадьбу. Я танцевал на его свадьбе и развеселил всех, и сам я сейчас веселее всех"».

«И вот почему я считаю, – добавил цадик, рассказавший эту историю, – что когда к тебе приходят с какой-то просьбой – значит, это время танцевать».

КАК РАББИ ИЗ САСОВА ПОМОГ ЖЕНЩИНЕ ПРИ РОДАХ РЕБЕНКА

Рассказывают.

В какой-то деревне женщина лежала в родах несколько дней и все никак не могла разродиться. Тогда послали гонца к рабби из Сасова попросить его молить Бога, чтобы Он сжалился над этой женщиной. В глухую полночь гонец добрался до Сасова, но он не знал там никого и не мог найти дорогу в темноте. Только в одном доме еще горел свет. Гонец постучался в дверь, и его впустил пожилой человек. Он налил ему коньяку, чтобы тот взбодрился, и спросил его о цели прихода. Услыхав всю историю, он сказал: «Сейчас уже слишком поздно. Ложись и спи, а с утра я отведу тебя к рабби». Он накормил гонца и приготовил ему постель.

Рано утром гонец проснулся и почувствовал себя неловко, потому что поддался чувству усталости и позволил пожилому человеку уговорить себя и отложить посещение рабби до утра. Но тут в комнату вошел хозяин дома и сказал: «Возрадуйся! Мне только что сообщили, что

эта женщина родила здорового мальчика. Ты можешь пойти в соседнюю деревню и известить ее родственников». Когда гонец вышел из дома, то из разговоров с соседями он понял, что провел ночь у рабби; он, однако, не осмелился снова зайти к нему.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Рабби Моше-Лейб говорил: «Жизненный путь в этом мире подобен лезвию бритвы. По ту сторону преисподняя, и по эту сторону преисподняя, а между ними и пролегает путь нашей жизни».

ЧАС

Рабби Моше-Лейб говорил: «Человек, который не в состоянии каждый день выделить для себя хотя бы один час времени, не может называться человеком».

ЗАВИСЕТЬ ОТ БОГА

Рабби Моше-Лейб говорил: «Как легко бедняку зависеть от Бога! От кого бы еще ему зависеть? Но как трудно богачу зависеть от Бога! Все, чем он обладает, постоянно твердит ему: "Ты должен зависеть от меня!"»

ПОКОЛЕНИЯ

Рабби из Ружина рассказывал: «Когда святой Баал Шем Тов спасал жизнь больного мальчика, к которому он был очень привязан, он велел отлить свечу из чистого воска, пошел в лес, укрепил свечу на дереве и зажег ее. После этого он произнес долгую молитву. Свеча горела всю ночь. Когда настало утро, мальчик выздоровел.

Когда моему прадеду, Великому Магиду, ученику святого Баал Шем Това, пришлось спасать жизнь больного ребенка, он уже не знал тайного смысла слов, на которых ему должно было сосредоточиться. Он сделал все то, что сделал его учитель, и воззвал к его имени. И жизнь мальчика была спасена.

Когда рабби Моше-Лейб, ученик ученика Великого Магида, оказался в таком же положении, он сказал: "У нас уже нет сил сделать даже то, что делалось когда-то. Но я расскажу о том, как это некогда делалось, и Господь мне поможет". И жизнь мальчика была спасена».

ЛЮБОВЬ К ИЗРАИЛЮ

Рабби Моше-Лейб от всей души желал обрести хотя бы одну из добродетелей, свойственных его учителю рабби Шмелке из Николь-

сбурга: любовь к Израилю. И он обрел эту добродетель, причем в значительной степени. Когда он серьезно заболел и провел в постели два с половиной года, терзаемый болями, он все больше и больше уверялся в том, что страдает в имя Израиля, и хотя его боль не ослабевала, но это придавало ему силы.

СВАДЕБНАЯ МЕЛОДИЯ

Как-то рабби Моше-Лейбу довелось устраивать свадьбу двух сирот, и он делал все возможное, чтобы молодые не чувствовали себя одинокими в такой день. Когда пара вступила под хупу, лицо рабби осветилось счастливой улыбкой, потому что он почувствовал себя дважды отцом. Он с удовольствием слушал мелодию, которую играли в этот момент музыканты, а потом сказал окружающим его людям: «Когда в назначенный судьбою день мне будет суждено отправиться в мой вечный дом, я бы хотел, чтобы это происходило под звуки этой мелодии».

Прошло немало лет, и его слова были давно уже позабыты, но вот как-то в снежный зимний день несколько музыкантов ехали в Броды играть там на свадьбе. Вдруг лошади натянули постромки и сами пустились рысью, да так, что кучер не мог их удержать. Они ехали все быстрее и быстрее, сани трясло все сильнее и сильнее, и вот они оказались на кладбище. Музыканты спросили, кого хоронят, и услышали в ответ, что хоронят рабби Моше-Лейба. И они вспомнили, как много лет тому назад они играли на свадьбе двух сирот, и еще многие вспомнили тот день, и все в один голос воскликнули: «Играйте ту свадебную мелодию!»

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Рассказывали.

Когда рабби Моше-Лейб умер, он сказал себе: «Теперь я свободен от исполнения заповедей. Что же я могу теперь сделать, чтобы выполнить Господню волю?» Он поразмыслил немного. «Несомненно, Господь захочет наказать меня за мои многочисленные грехи!» Он бросился бежать изо всех сил и спрыгнул прямехонько в ад. Это вызвало смятение на небесах, и вскоре князю тьмы было велено не поддерживать адский огонь, пока там находится рабби Моше-Лейб. Тогда князь тьмы принялся умолять цадика отправиться в рай, поскольку место, где он находится, безусловно, не предназначено для него. Невозможно же ради одного человека прекратить все адские муки.

«Если дела обстоят таким образом, – сказал Моше-Лейб, – то я не сдвинусь с места, пока со мной не отпустят все томящиеся здесь души. На земле я занимался выкупом узников, так что я не позволю, чтобы столь-

ко народу томилось в этом узилище». И говорят, что им пришлось согласиться на его требование.

ТАНЦУЮЩИЙ МЕДВЕДЬ

После свадьбы рабби Шмелке из Сасова, сына рабби Моше-Лейба, кое-кто из гостей по пути домой заехал в гости к рабби Меиру из Перемышлян. Тот принялся дотошно расспрашивать их о том, как все было на свадьбе; их ответы его не удовлетворяли, и он снова и снова настойчиво спрашивал: «А что еще случилось?» И ему, наконец, рассказали, что во время традиционных танцев с участием невесты и жениха человек очень высокого роста, одетый в медвежью шкуру, впрыгнул в круг танцующих и замечательно исполнил медвежий танец. Все восхищались его поистине чудесными скачками и долго ему аплодировали. А потом он исчез – так же неожиданно, как и появился. И никто из присутствующих не смог его узнать.

«Вот что я вам скажу, – усмехнулся рабби Меир, – это был не кто иной, как наш святой учитель рабби Моше-Лейб из Сасова – да будет благословенна его память! – который явился из рая, чтобы повеселиться в кругу своей семьи».

ЕГО СЕРДЦЕ

Как-то рабби Бунима спросили, не знает ли он цадика, чье сердце было бы разбито и в то же время вполне здорово? Рабби Буним ответил: «Разумеется, я знаю такого цадика. Это рабби Моше-Лейб из Сасова».

ТОТ, КТО ЖИВЕТ ВЕЧНО

За час до своей смерти рабби Шмелке из Сасова увидел своего отца, рабби Моше-Лейба, и своего великого учителя, рабби Михла, магида из Злочева, стоящих у его постели. Тогда он начал петь гимн «Слава и верность Тому, Кто живет вечно». Дойдя до стиха «Познание и признательность Тому, Кто живет вечно», он перестал петь и сказал: «Когда человек приходит к своему концу, когда он лишается умения познавать и выражать свои мысли, он должен уступить и познание, и признательность Тому, Кто живет вечно».

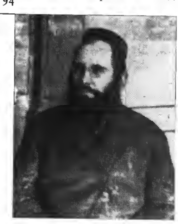
«ПОЧЕМУ ЖЕ»

Однажды спросили рабби Мендла из Косова: «Почему же не приходит Мессия?», и он ответил: «Сказано: “Почему не пришел сын Ишая ни вчера, ни сегодня?” * Почему он не пришел? Потому что сегодня мы такие же, какими были вчера».

* [I Сам 20:27]

ПОГУБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

К рабби Мендлу из Косова пришла делегация с жалобой на городского резника. Перечислив все его немалочисленные проступки, пришедшие попросили цадика, чтобы тот уволил проштрафившегося резника. Однако один из пришедших высказал свое несогласие, объявив, что сказанное – это навет, сделанный по злобе. И рабби Мендл решил дело в пользу резника. Присутствующие были этим сильно недовольны, упрекая рабби в том, что он поверил слову одного-единственного человека и оставил без внимания мнение большинства.

«В Писании говорится, – ответил рабби, – как Господь повелел Авраћаму принести своего сына в жертву, и Авраћам приготовился совершить всесожжение. Но ангел остановил его руку, и он не посмел ослушаться ангельского гласа, хотя это и не сам Господь отменил повеление. И Тора учит нас: никто, кроме самого Господа, не вправе повелевать нам распоряжаться человеческой жизнью, но если самый малый из ангелов явится после такого повеления и скажет: “Не заноси руки своей на отрока” *, то мы не смеем его ослушаться».

* [Быт. 22:12]

ПОМОЩЬ, КОТОРАЯ НУЖНА

Среди хасидов рабби Мендла был человек по имени рабби Моше, который не нуждался в деньгах и с радостью делал добрые дела. Но вдруг фортуна, как принято говорить, от него отвернулась, он потерял все свои деньги и оказался в долгах. Он пошел к цадику и рассказал о своих горестях. «Ступай к моему зятю, Сарафу из Стрельска, – сказал рабби Мендл, – и излей ему свое горе». Этот человек так и сделал. Услышав его рассказ, рабби Ури ћа-Сараф из Стрельска сказал: «Я совершу омовение в микве ради твоего блага, и пусть это послужит

тебе на пользу». Человек вернулся к своему учителю и рассказал, как все было. «Воротись к моему зятю, – сказал рабби Мендл, – и скажи, что его омовение в микве не может тебе помочь рассчитаться с кредиторами».

Этот человек снова отправился в Стрельск и передал слова рабби Мендла, как ему было велено. «Хорошо, сын мой, – сказал рабби ѓа-Сараф, – в таком случае, когда я буду сегодня налагать тфилин, я и это сделаю ради твоего блага». Вернувшись в Косов, человек повторил слова рабби ѓа-Сарафа, и тогда рабби Мендл сказал: «Передай моему зятю вот что: “Тфилин также не поможет освободиться от мучителей-заимодавцев”».

Человек пошел и снова сделал, как ему было велено. Рабби ѓа-Сараф задумался. «Ладно, – сказал он. – В таком случае, я сделаю для тебя все, что только в моих силах. Все молитвы, которые я прочту сегодня, будут ради твоего блага. Таким образом, с этой минуты все три мои обещания, вместе взятые, послужат твоему благу». Рабби Моше вернулся в Косов и рассказал все рабби Мендлу.

«Ступай, – сказал цадик, со своей привычной мягкостью в голосе, и только речь его стала неспешной и размеренной, а это производило на слушателей большее впечатление, чем если бы он просто возвышал голос. – Иди и скажи моему зятю, от моего имени скажи ему: “Все это не поможет выплатить ни одного-единственного долга”».

Рабби ѓа-Сараф, услышав эти слова от рабби Моше, немедленно надел шубу и поспешил в Косов. Войдя в дом рабби Мендла, он не медля спросил его: «Чего же ты хочешь от меня?» «Я хочу, – ответил рабби Мендл, – чтобы мы с тобой вдвоем обошли округу и в течение нескольких недель собирали деньги для этого человека. Ибо сказано: “То поддержи его” *».Так они и поступили.

* [Лев. 25:35]

ТАБАКЕРКА

Однажды, когда рабби Давид из Заблотова, сын рабби Мендла из Косова, гостил у рабби Цви-Ѓирша из Жидачева, он вытащил из кармана табакерку, чтобы взять понюшку табаку. Как только рабби Ѓирш увидел эту табакерку, он спросил: «Откуда она у тебя?»

«От моего отца», – ответил рабби Давид.

«Эта табакерка, – сказал рабби Ѓирш, – наводит меня на мысли о Скинии и о том тайном священном смысле, которым руководствовался Бецалель-строитель, сооружая Скинию».

На что рабби Давид сказал ему: «Мне рассказывали об этом. Когда мой отец захотел сделать себе такую табакерку, он дал серебряных дел мастеру слиток серебра и во всех деталях объяснил, что именно тот должен делать. Он даже сказал, сколько раз ему следует уда-

рять молоточком при ковке – именно столько, и не больше, не меньше. И все время, пока мастер работал, отец стоял рядом с ним и следил, чтобы все было сделано по его указаниям. «Теперь-то я все понимаю», – отозвался рабби Ѓирш из Жидачева.

ДАР СВОЕМУ НЕПРИЯТЕЛЮ

Один еврей из Косова, известный тем, что не признавал хасидизма, пришел как-то к рабби Мендлу и пожаловался, что никак не может выдать свою дочь замуж, потому что у него нет денег для приданого. Он умолял рабби дать ему совет: как можно было бы заработать необходимую сумму денег. «Сколько же тебе надо?» – спросил рабби. Оказалось, что речь идет о нескольких сотнях золотых. Тогда рабби Мендл выдвинул ящик стола, достал оттуда деньги и дал их просителю.

Вскоре брат цадика узнал о случившемся. Он пришел к нему и принялся журить цадика, говоря, что всякий раз, когда у того возникает нужда в чем-то, он вечно ссылается на нехватку денег, а между тем взял и отдал крупную сумму своему неприятелю. «Тут кое-кто приходил, еще раньше тебя, – сказал рабби Мендл, – и говорил точно такие же речи – разве что он выражался яснее».

«А кто же это был?» – удивился его брат.

И рабби Мендл ответил коротко: «Сатана».

ТАНЕЦ И БОЛЬ

Каждый субботний вечер рабби Хаим из Косова, сын рабби Мендла, танцевал перед своими учениками. Его глаза горели, и все знали, что каждое его движение исполнено высокого смысла и говорит о многом.

Однажды в самый разгар танца тяжелая скамья упала и ударила его по ноге, и он приостановился от боли. Но когда потом его спросили о случившемся, он ответил: «Думаю, что мне стало больно потому лишь, что я на секунду прервал свой танец».

В КАЖДОМ ПОКОЛЕНИИ

Однажды вечером несколько хасидов, учеников рабби Хаима из Косова, сидели в доме учения и рассказывали друг другу истории о цадиках, и по большей части о Баал Шем Тове. А поскольку и рассказывать, и слушать эти истории было очень приятно, то разговоры затянулись за полночь. Вот один из них рассказал очередную историю про Баал Шем Това, а когда он закончил, то один из слушателей сказал с

глубоким вздохом и как бы про себя: «Увы! Разве сейчас найдешь такого человека?»

И в эту минуту они услышали скрип ступеней деревянной лестницы, которая вела в комнату цадика. Дверь отворилась, и на пороге появился рабби Хаим в коротком кафтане, который он обычно носил в вечернее время. «Глупцы! – сказал он вполголоса. – Да ведь он живет в каждом поколении, наш Баал Шем Тов, только в свое время его все видели, а сейчас он скрыт от наших глаз». Он притворил дверь и отправился к себе. А хасиды долго сидели в молчании.

❖ *Ицхак-Айзик из Калло*

ПЕСНЯ ГУСИНОГО ПАСТУХА

Рабби Лейб, сын Сары, странствующий цадик, который никогда не оставался подолгу на одном месте, всю свою жизнь посвятил поискам душ – душ умерших, взыскующих избавления, и душ живых, жаждущих морального, нравственного подъема.

Рассказывают, что однажды, когда рабби Лейб странствовал по северным районам России, он прослышал о святой душе на юге Венгрии, которая затаилась в теле мальчика. Не медля он отправился в путь и вскоре прибыл в маленький городок, о котором ему довелось прознать. Помолившись в доме молитвы, он затем отправился в соседний лес и бродил там, пока не вышел на поляну, через которую протекал ручей. Там он увидел мальчика лет восьми, медленно шедшего по берегу ручья, не спуская глаз со стада гусей, которые повиновались каждому его свисту и жесту. Рабби Лейб отправился за ним следом, стараясь оставаться незамеченным. Вскоре мальчик запел песню, раз за разом повторяя ее слова:

Шхина, Шхина, как до тебя далеко!
Галут, галут, как ты бесконечен!
Но если мы выйдем из галута,
То мы сможем быть вместе.

Какое-то время послушав пение мальчика, рабби Лейб подошел к нему и спросил, где он услышал слова этой песни. «Да ведь все здешние пастухи поют ее», – ответил мальчик. «В самом деле? Так вот и поют?» – продолжил расспросы цадик. «Ну, вообще-то они поют "возлюбленная" вместо "Шхины" и "лес" вместо "галута". Только это неверно, потому что разве может быть другая возлюбленная, кроме Шхины, и ведь даже ребенку известно, что лес, отделяющий нас от нее, – это и есть галут. Так почему же не сказать об этом прямо?»

И тогда рабби Лейб пошел с мальчиком и его гусями к домику бедной вдовы, его матери, и сказал, что возьмет ее сына с собой и сделает из него рабби. Он привел его к рабби Шмелке из Никольсбурга, и мальчик вырос в его доме учения. Мелодии рабби Шмелке запали в душу мальчика, но до конца своих дней про себя он напевал песни венгерских пастухов, изменяя то тут, то там одно или два слова.

КОЛОДЕЦ МИРЬЯМ

Эту историю рассказал внук Яакова Фиша, человека богатого и благочестивого, которого Баал Шем благословил, возложив на него руки и пожелав очень долгой жизни; и действительно, он прожил до ста тринадцати лет, и его лицо оставалось моложавым до самого последнего дня.

«Усадьба моего деда была неподалеку от города Калло. Как-то после полудня, в канун Йом Кипур, Дня искупления, когда все уже собрались в доме молитвы, облаченные в талиты, читая молитву чистоты и непорочности, рабби из Калло позвал моего деда и сказал ему: "Рабби Яаков, вели запрячь коней и поедем". Мой дед очень сильно удивился, но, будучи знакомым с манерой поведения цадика, не сказал ни слова, но распорядился приготовить повозку. Они сели и поехали через поля, принадлежащие деду. Вдруг они увидели небольшой водоем. Рабби быстро разделся и несколько раз окунулся в воду. Дед мой стоял рядом, не зная, что и делать. Но цадик уже одевался. Затем они поехали прямо в дом молитвы, и цадик направился к амуду.

Дед мой никак не мог оправиться от изумления, потому что, насколько ему помнилось, в том месте никогда не было никакого водоема. На следующий день после Йом Кипур он специально отправился туда и убедился, что там не было и следа воды. Он тогда пошел к цадику и сказал: "Рабби, вы же знаете, что я никогда не спрашивал вас о том, что не имеет ко мне отношения, но умоляю вас, объясните, что же там было".

"Рабби Яаков, – отвечал на это цадик, – если колодец Мирьям, сопровождавший евреев во время их странствований по пустыне, неожиданно оказался в наших краях, почему же, ради всего святого, вы стояли там без движения, а не окунулись в воду вместе со мною?"»

ОМОВЕНИЕ БЕЗ ВОДЫ

Однажды после полудня, накануне Йом Кипур, когда настало время ритуального омовения, рабби из Калло отправился к речушке, на берегу которой находился их город. Но вместо того чтобы окунуться в воды реки, он прилег на травянистом берегу и сказал: «Какое прекрасное место для сна!» Ближе к вечеру, когда все пришедшие с ним хасиды уже омылись в реке, он проснулся и потянулся. И потом, так и не войдя в воду, он отправился в город вместе со всеми – но выглядел он посвежевшим и бодрым, как и всегда после совершения омовения.

ТЕРПЕЛИВОЕ ОТНОШЕНИЕ К БОЛИ

С юных лет и до самой старости рабби Ицхак-Айзик страдал от болезни, которая причиняла ему сильные мучения. Его врач однажды

спросил, как ему удается терпеть такие боли без стонов и без жалоб. Он ответил: «Это легко понять, если человек относится к боли как к сильнодействующему средству для очищения души. В таком случае ему не остается ничего, кроме как принимать боль с любовью и не жаловаться. С течением времени он обретает силы терпеливо относиться к боли, которая его терзает. И вообще: прошедшая боль – уже в прошлом, а беспокоиться о боли, которой еще нет, могут только глупцы».

КАК ЩЕЛОК

Однажды в субботу рабби Ицхак-Айзик спел песню «Когда я праздную субботу»; после слов «И потому-то я мою и стираю свое сердце, как щелок» он оборвал пение и сказал: «Но ведь щелок не моют, не стирают – напротив, стирают и моют со щелоком!» И тут же ответил самому себе: «Но святость святой субботы делает сердце столь чистым, что оно может очищать другие сердца – как щелок очищает белье».

Один из его учеников, рассказавший эту историю, много лет спустя, уже ставши цадиком, говорил своим хасидам: «Знаете, как я стал евреем? Мой учитель, святой рабби из Калло, взяв мою душу, сделал с ней все то, что делают женщины, стирая белье: мылил ее, и колотил, и полоскал, и отжимал, а потом вложил ее, чистую, в мое тело».

«И ОГОНЬ УТИХ»

Рассказывают.

Рабби из Калло как-то проводил субботу в ближней деревушке, в гостях у одного из хасидов. Когда наступил час субботы, вдруг раздались крики, и в дом вбежал слуга, объявивший, что загорелся амбар с зерном. Хозяин кинулся было на улицу, но рабби, ухватив его за руку, сказал: «Погоди, я расскажу тебе историю». И хасид остался за столом.

«Когда наш учитель рабби Зуся был молодым, – принялся рассказывать цадик, – он топил печи в доме Великого Магида, так как это была обычная обязанность молодых учеников. Однажды, когда он с рвением и страстью читал псалмы как раз перед наступлением субботы, в доме раздались крики. Оказалось, что из растопленной им печки вылетели искры, а поскольку никого в комнате не было, начался пожар.

«Зуся! Пожар!» – сказали ему.

«Ничего страшного, – ответил он. – Разве не сказано: "И погас огонь"?* И в этот самый момент огонь действительно утих».

И рабби из Калло умолк. Хасид, которого он все еще держал за руку, не решался двинуться. Мгновение спустя кто-то крикнул в окно, что пожар в амбаре прекратился.

* [Чис. 11:2]

ПАСХАЛЬНЫЙ СЕДЕР В ГОСТЯХ

Рассказывают.

Рейзл, дочь рабби Цви-Ѓирша из Жидачева, вышедшая замуж за сына рабби из Калло, жила с мужем в доме своего отца. Как-то они получили приглашение провести пасхальный седер в Калло. Ей не хотелось уезжать из отцовского дома на Песах, но муж настаивал, и в конце концов она согласилась.

Обычаи в доме свекра были ей непривычны. Но более всего ее раздражало, что рабби долгое время не садился за праздничный стол, а беспрерывно расхаживал по комнате, не говоря при этом ни слова. Вдруг он кинулся к окну и рывком отворил его. Перед домом остановилась повозка, запряженная двумя большими белыми конями. Седоки были величественного вида, трое мужчин и четыре женщины. Рабби поспешил приветствовать их. Прибывшие обняли рабби и поцеловали его. После недолгого разговора кучер щелкнул кнутом, и повозка исчезла из глаз. Рабби вернулся в комнату, прикрыл окно и сел за стол. Рейзл не осмелилась задать ему ни единого вопроса.

По возвращении домой после праздника она спросила своего отца о виденном. «Знай же, – сказал он ей, – что это были наши праотцы и праматери. Святой рабби не хотел садиться за пасхальный стол до пришествия Избавления, и потому он неустанно возносил молитвы, вплоть до того самого момента, когда наши праотцы и праматери явились ему, чтобы сказать, что время еще не пришло».

Хасидские истории.
Поздние учителя

ШКОЛА РАББИ ЭЛИМЕЛЕХА ИЗ ЛЕЖАЙСКА

Глава третья

❖ *Авраѓам-Йеѓошуа*
Ѓешель из Апты

ЗНАНИЕ БУДУЩЕГО

Когда юный Ѓешель шел через поле, будущее слышалось ему в шелесте растущих трав; а когда он шел по улице, то будущее слышалось ему в звуке шагов. А когда он удалялся от внешнего мира, замыкаясь в тишине своей комнаты, то о будущем говорили ему все его части тела. И тогда его охватил страх: сможет ли он держаться истинного пути – теперь, когда он знает, куда несут его ноги. И, собравшись с духом, он вознес молитву, прося лишить его такого дара. И Бог в милости своей откликнулся на эти мольбы.

ПОДКУП

В свои молодые годы рабби Авраѓам-Йеѓошуа был главой суда в Колбасове, и в его округ входило пять городов. Однажды ему пришлось разбирать дело вместе с двумя судьями, которые уже были подкуплены. Поскольку Авраѓам-Йеѓошуа упорно не соглашался на все их предложения, судьи в конце концов посоветовали человеку, который дал им взятку и который знал, так же как и они, о неподкупности рабби Авраѓама-Йеѓошуа, потихоньку положить немалую сумму денег в карман кафтана,

который рабби надевал только в день новомесячия. Этот человек последовал их совету и положил деньги совершенно незаметно. На следующем судебном заседании рабби начал было склоняться к аргументам двоих других судей. Какое-то время он сидел, не говоря ни слова. Потом объявил о том, что откладывает решение на день, отправился к себе и принялся усердно молиться. В день новомесячия он надел свой праздничный кафтан и обнаружил в кармане деньги. Тогда он призвал к себе подсудимого и вынудил его признаться в содеянном.

Всякий раз, когда рабби из Апты рассказывал о случившемся, он приводил стих из пятой книги Пятикнижия Моисеева: «Ибо мзда ослепляет глаза мудрых и извращает слова праведников»*.

* [Втор. 16:19]

КАК ЦАДИКИ ПРИЕЗЖАЛИ В КОЛБАСОВ

Рабби Шмелке из Сасова, сын рабби Моше-Лейба из Сасова, был еще ребенком, когда умер его отец. Однажды, в юные годы, его пригласил к себе рабби из Апты. Воздавая почести своему гостю, рабби распорядился зажечь свечи в доме учения и принимал его с такой сердечностью, что молодой человек был даже смущен. Когда он не без робости сел в пододвинутое ему кресло, рабби из Апты, обернувшись к нему, сказал следующее:

«Твоему отцу я обязан тем, что начал праведно служить Богу. Я был тогда раввином в маленьком городке Колбасове и полагал, что лучшее занятие на свете – это учиться просто ради самой учебы. Однажды днем, сидя над книгами, я услышал, как к дому подъехала повозка. Я вышел на улицу и увидел, что по ней идут два человека – постарше, небольшого роста и хрупкого телосложения, и помоложе, настоящий великан. Они вошли в дом, но я, не желая отвлекаться от занятий, даже не спросил, как их зовут. Я просто предложил им печенье и сладкую наливку, после чего вернулся к своим книгам. Они сели за стол и продолжили свой разговор, также не обращая на меня внимания.

Я попытался сосредоточиться на своих занятиях, но все-таки я не мог не слышать отдельные слова из их разговора, тем более что их голоса звучали величественно и торжественно, подстать выражениям их лиц. И они в самом деле говорили на серьезные темы, по всей видимости продолжая разговор, начатый в дороге. Однако в глубине души я не намеревался хоть как-то реагировать на их беседу – что мне, в конце концов, до всего до этого! Позже я проводил их в дом молитвы. После молитвы они спросили, нельзя ли у меня переночевать. Я тогда жил в маленьком домишке, но ясно было, что таким людям нельзя отказать в их просьбе. Поэтому я ответил согласием, подал им кофе и снова вернулся к своим книгам. Они продолжили свою беседу, а я мучительно старался сосре-

доточиться на своих занятиях, одновременно стараясь не слушать их разговора. Потом я постелил им постель и сам тоже лег спать. Около полуночи я, как обычно, проснулся и вернулся к своим книгам. В соседней комнате продолжался разговор на возвышенные темы.

Рано утром они распрощались со мною, спросив меня – как бы между прочим, – какой раздел Талмуда я изучаю в настоящее время. Я ответил им, и они принялись обсуждать этот раздел. Тот, кто постарше, высказал свои соображения по этому поводу, тот, кто помоложе, возразил ему, и в течение получасовой дискуссии они разобрали этот отрывок, причем я осознал, что до этого момента я недостаточно правильно понимал прочитанное. Затем тот, кто постарше, для примера рассказал историю про Баал Шем Това, и тогда тот, кто помоложе, в ответ рассказал другую историю.

Наконец они распрощались со мною, но и тогда я ничего у них не спросил – настолько я был рад, что смогу вернуться к своим занятиям без помех. Однако во время своей обычной утренней прогулки по пути в дом молитвы я вдруг подумал: «А почему же я так и не спросил этих людей, кто они и зачем они приезжали?» И затем, мало-помалу, я припомнил все те слова, которые мне удалось услышать, и эти слова сложились в единое целое. Тогда-то я осознал, сколь глубоко было все ими сказанное. И с того момента я не мог думать ни о чем ином – только об этих людях. Я повторял их слова снова и снова, все яснее понимая, что они достойны самого пристального внимания. И еще я заметил, что день ото дня мои молитвы становились все более возвышенными и ревностными. Слова, услышанные мною, делали мои молитвы более страстными и истовыми. Мне все грустнее становилось при мысли, что эти люди уехали, а я так и не познакомился с ними, и я жаждал увидеть их еще раз.

Две недели спустя я прогуливался возле своего дома ранним утром (я был в ермолке, потому что меховую шапку я надеваю, только когда отправляюсь в синагогу) и увидел проезжающую мимо дома повозку. Видно было, что останавливаться она не собиралась. В повозке сидели те двое. Я бросился к повозке и прокричал слова приветствия. Повозка остановилась. Они равнодушно ответили на мое приветствие, и тот, кто постарше, добавил: «Мы торопимся. Хотим доехать до соседней деревни и там помолиться».

– Не принести ли вам чего-нибудь поесть? – спросил я.

– Да, пожалуй, – сказал тот, кто помоложе, уже не так сухо. – Если можно, несколько крендельков. Только побыстрее.

Много времени у меня это не заняло, но когда я вернулся, повозка уже тронулась, набирая скорость. Я успел захватить талит и тфилин и, держа их в одной руке, а крендельки в другой, бросился вдогонку, крича им, чтобы они остановились. Но они, похоже, не слышали меня; я кинулся бежать что было сил, и они остановились, только когда я догнал повоз-

ку. Я сел к ним в повозку, и мы разговорились. Я узнал, что тот, кто постарше, – рав из Бердичева, а тот, кто помоложе, – твой отец, рабби Моше-Лейб из Сасова. После того как мы помолились в соседней деревне, я предложил им крендельки, и они сказали благословение и поели, и я ел вместе с ними. Затем они предложили отослать меня домой, но я упросил их разрешить мне проехать с ними еще немного. Так мы ехали вместе, и они говорили со мною, и я задавал вопросы, а они на них отвечали. Наша беседа все длилась и длилась, и повозка катилась, и я потерял счет времени. Когда, наконец, повозка остановилась, я осознал, что мы находимся в Лежайске, у дома рабби Элимелеха. «Вот мы и добрались до места, – сказал твой отец. – Здесь и пребывает твой истинный свет. И так я остался жить в Лежайске».

ИСКУШЕНИЕ

Йосеф Ландау, рабби из Ясс, что в Румынии, отверг взятку, предложенную ему видным членом общины, с которым он находился в серьезном разладе, поскольку тот нарушил религиозный закон. Вскоре после этого он был в гостях у рабби из Апты и рассказал ему с довольным видом, как избежал искушения. Когда они прощались, цадик благословил его и высказал пожелание, чтобы его гость стал поистине честным и богобоязненным человеком. «Я счастлив получить благословение от моего учителя, – сказал рабби Йосеф Ландау, – о чем еще мог бы я мечтать! Но почему учитель высказал именно такое пожелание и именно в такой момент?»

Рабби из Апты ответил: «Ибо сказано: “И у Тебя, Господь, милосердие, ибо Ты воздаешь каждому по делам его” *. Толкователи этих стихов спрашивают себя снова и снова, почему уплата наемному работнику его заработка именуется “милостью”. Но суть дела состоит в том, что Господь воздает каждому по делам его, когда он вводит человека в искушение, соответствующее его внутренним свойствам: малому человеку и искушение малое, а достойному – и искушение великое. И то, что ты подвергся лишь столь малому искушению, свидетельствует о том, что ты еще не достиг высших ступеней совершенства. Потому я и благословляю тебя таким образом, дабы ты достиг высшей ступени и оказался достойным подвергнуться более серьезному искушению».

*[Пс. 62:13]

В АДУ

Рабби из Апты так молил Господа: «Господь, Бог наш, царь вселенной, мне известно, что я не обладаю добродетелями и достоинствами, за которые после моей смерти Ты сможешь взять меня в рай, среди правед-

ников. Но если ты намерен послать меня в ад, среди грешников, то, пожалуйста, не забывай, что мне среди них не ужиться. И потому я молю тебя, забери всех грешных из ада, прежде чем ты сможешь послать меня туда».

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ

Однажды уважаемая женщина пришла к рабби из Апты за советом. Но, едва завидев ее, рабби воскликнул: «Прелюбодейка! Ты лишь недавно согрешила, и у тебя хватает дерзости войти в безгрешный дом!» И женщина ответила ему от всего сердца: «Господь наш, царь вселенной, с терпением относится к грешникам. Он не понуждает их немедля отдавать свои долги и не раскрывает их секреты каждому встречному, а иначе они бы не осмеливались обращаться к Нему. И Он не отворачивает Своего лица от них. А вот рабби из Апты сидит тут в своем кресле и не противится искушению немедля раскрыть все то, что и сам Создатель считает нужным скрывать». С того самого момента рабби из Апты имел обыкновение говаривать: «Никто еще не мог так устыдить меня – и ведь это женщина!»

ГОРДЕЦЫ И СКРОМНИКИ

Однажды рабби из Апты приехал в некий город, и два человека спорили между собой за честь принять его в своем доме. Оба дома были одинаково просторными и удобными, и в обоих домах все правила еврейской жизни соблюдались с благочестивой строгостью. Но у хозяина одного из домов была плохая репутация, поскольку за ним числилось немало любовных связей и прочих прегрешений; он сознавал свои слабости и невысоко ценил себя. Что касается хозяина другого дома, то никто в общине не смог бы упрекнуть его и в самых незначительных нарушениях моральных норм. С гордо поднятой головой он ходил по городу, уверенный в своей безупречной репутации.

Рабби, однако, выбрал дом человека с дурной репутацией. А когда его спросили о причинах такого выбора, он ответил: «Господь говорит о гордецах: "Мне с ними не ужиться в одном мире" *. И если сам Господь, да будет Он благословен, не может ужиться с гордецами, то разве я смогу? Кроме того, мы читаем в Торе: "...у них, среди их нечистоты"**. Так что если сам Господь находит там приют, так почему бы и мне не поступить так же?»

*[Талмуд, Сота 5а]
** [Лев. 16:16]

ЗОЛОТЫЕ ВЕСЫ

Рабби Нафтали, ученик рабби из Апты, который стал впоследствии рабби из Ропшиц, попросил своего соученика разузнать, что думает о нем учитель. На протяжении полугода тот всячески старался вы-

пытать хотя бы что-нибудь о Нафтали, но рабби не говорил ни слова – ни дурного, ни хорошего. Наконец соученик сказал Нафтали: «Видишь ли, похоже, что у нашего учителя во рту золотые весы. Он никогда не судит ни о ком из опасения, что может ошибиться в своих суждениях. Разве он не запретил нам судить даже о тех, кто известен своей греховностью? Ибо если кто-либо окажется несправедливым по отношению к ним, то это будет несправедливость и по отношению к Богу».

НЕБЫЛИЦЫ

Рабби из Апты любил рассказывать небылицы. Конечно, эти истории можно было называть бессмысленными преувеличениями, и все же не только его ученики, но и другие люди находили в них смысл и считали их поучительными.

Однажды он гостил у рабби Баруха из Меджибожа, внука Баал Шема, и только было собрался приступить к рассказу, как рабби Барух попросил его пойти с ним вместе к колодцу, который назывался Источник Баал Шема. Когда они пришли к колодцу, рабби из Апты начал свой рассказ, а рабби Барух стоял, опершись на свою трость, и внимательно слушал. Один из рассказов был о свадьбе сына рабби из Апты: «Листы теста, раскатанного для лапши, были такими большими, что висели на плетнях и даже свисали с крыши!»

Меджибожские хасиды, обступившие их, внимательно следили за своим рабби, не спуская глаз с его губ и готовые расхохотаться, едва только на его губах появится улыбка, но рабби Борух слушал рассказ внимательно и серьезно. Позже, когда рабби из Апты отправился домой, рабби Борух заметил: «До чего же он красноречив!»

Другой раз, когда рабби из Апты отправился в Бердичев навестить рабби Леви-Ицхака, люди валом валили, чтобы увидеть такого гостя. Едва отведав сладкой наливки и печенья, рабби из Апты принялся расхаживать по комнате, рассказывая свои истории. Он рассказал, как в бытность его равом в Яссах там решили построить большой мост прямо перед его домом и для того навезли целые горы бревен и досок... Среди слушателей был торговец, частенько ездивший в Яссы по своим торговым делам, и он с энтузиазмом принялся поддакивать: «Да, да, рабби, так оно все и было!» Рабби из Апты с удивлением повернулся к нему и спросил: «Да ты-то откуда об этом знаешь?»

ДОНОС

Два молодых человека жили в одном городе и дружили с детства. После женитьбы они решили стать деловыми партнерами, и их дело процветало. Однако жена одного из них, смышленая и умеющая ладить с

клиентами, была недовольна тем, что друг ее мужа, у которого была хорошенькая, но глуповатая жена, получает половину всех прибылей. Правда, ее муж внушал ей, что все решают не ум и практичность, а Божья воля. Она, однако, не хотела слушать мужа и все сильнее и сильнее приневоливала его, пока он наконец не сказал своему другу: «Мы должны разделиться, потому что я больше не в силах выносить упреки жены». Они разделили свое дело, но после этого стало везти мужу, у которого была глуповатая жена, в то время как умная жена стала совершать ошибку за ошибкой, промах за промахом. Это озлобляло ее все больше и больше; наконец ей в голову пришла мысль подкупить двух человек, которые бы засвидетельствовали супружескую неверность жены бывшего партнера.

Дело дошло до раввинского суда. После того как рабби Авраѓам-Йеѓошуа допросил свидетелей, он позвал своего сына и сказал ему: «Напиши и разошли по всей округе: "Всякий, кто, начиная с этой минуты, даст рабби из Апты хотя бы рубль – тот грешник в Израиле". Ибо сказано в Торе: "По словам двух свидетелей... будет предан подлежащий смерти"*. Но я вижу, что эта женщина невиновна. Значит, то, что я вижу, противоречит святой Торе, и потому всякий платящий мне – грешник».

* [Втор. 17:6]

Когда рабби из Апты с полной серьезностью сказал эти слова, свидетелей охватил ужас, и они, подталкивая друг друга локтями, признались во всем.

МИР ХАОСА

Однажды рабби из Апты завел разговор о мире хаоса, в котором обречены скитаться души умерших людей, тешивших себя при жизни тщеславными мечтаниями. И он рассказал такую историю:

«Несколько лет тому назад, в холодное зимнее время, бедняк отправился на городской рынок купить дров. Ему надо было натопить печь в комнате, где лежала жена с новорожденным младенцем. У продавца оставалось всего несколько вязанок хвороста, и бедняк уже собрался было купить их, как на рынок пришел глава городской общины и дал более высокую цену. Напрасно бедняк умолял сжалиться над женой и ребенком. В эту ночь они заболели и через несколько дней умерли. Сам бедняк ненадолго пережил их; а в день его смерти умер и глава городской общины.

А потом их души явились мне во сне. Бедняк призвал главу общины на мой суд. И я вынес свой приговор. Не раз на протяжении своей жизни глава общины представал перед земными судьями по жалобам тех, кого он притеснял и заставлял страдать; однако, будучи хорошо знакомым со всеми хитросплетениями законодательства, он всегда ухитрялся перевести дело в суд более высокой инстанции и в конце концов добивал-

ся оправдания. И даже теперь, пребывая в мире хаоса, он, судя по всему, не утратил самоуверенности и, как обычно, воззвал к судье более высокого положения. Тот явился без промедления, но, вопреки ожиданиям подсудимого, не только согласился с моим решением, но и потребовал более строгого приговора.

"Я еще покажу этому судье!" – озлился подсудимый и подал жалобу в суд еще более высокой инстанции. Но тот суд вынес ему еще более строгий приговор.

"Я это дело так не оставлю, – продолжал бушевать глава общины, – я дойду до самого императора!"

Пока что он дошел всего лишь до губернатора».

КОМУ СУЖДЕНО УСЛЫШАТЬ, УСЛЫШИТ

Однажды послушать поучения рабби из Апты собралось множество людей.

«Только напрасно вы толпитесь, – сказал рабби. – Тот, кому суждено услышать, услышит даже на большом расстоянии; а те, кому не суждено, не услышат, как бы близко ко мне они ни подошли».

ПУТИ

Ученик спросил рабби из Апты: «Сказано: "Ибо знает Бог пути праведников, а путь злодеев пропадает"*. Кажется мне, что эти две части предложения не соответствуют одна другой».

Рабби объяснил: «У праведников есть множество окольных путей, и у нечестивых есть множество окольных путей. Но Господь ведает пути праведников, ибо все они суть единый путь, верный путь. Пути же нечестивых многочисленны и различны, и все они вместе есть не что иное, как множество способов сбиться с верного пути. И в конце концов они сами осознают, что сбились со своего пути и с верного пути.

Это все равно, как если бы человек шел по лесу, держась одной тропки, но не зная, почему он выбрал именно эту тропку, а не какую-либо другую. Он может идти день и ночь напролет, пока не упрется в конце тропы в высокое дерево и не поймет, что путь его был неверным. И вот человек не в состоянии двигаться вперед и не смеет повернуть назад, ибо он сбился с пути».

* [Пс. 1:6]

СВОБОДА ВЫБОРА

Рабби Ѓешель сказал: «Наличие свободы выбора – это воля Господа. Вот потому-то Он и ждет до сегодняшнего дня. Ибо во дни Хра-

ма существовали смертная казнь и бичевание, и потому не было свободы. Потом в Израиле был уголовный кодекс – и, значит, по-прежнему не было свободы. Но сегодня всякий волен грешить в открытую, без стыда, и при этом преуспевать. И потому всякий, кто сегодня живет хорошо, является достойным в глазах Господа, и избавление зависит от него».

ВЕЛИКИЙ НАРОД

Рабби из Апты спросили: «В мидраше сказано, что Бог сказал Авраѓаму "иди" дважды: когда Он велел ему оставить дом своего отца и когда Он повелел ему принести в жертву своего сына. Мидраш говорит, что оба раза Господь подвергал Авраѓама испытанию. Как надо понимать это утверждение?»

Рабби ответил: «Когда Бог велел Авраѓаму оставить дом его отца, он пообещал, что от него произойдет великий народ. А дурное начало Авраѓама внушает ему: "Это – верное решение. Великий народ – это большая сила, а сила – это богатство".

Но на это Авраѓам только рассмеялся: "Великий народ – это народ, который святит имя Господа"».

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Рабби из Апты говорил: «Каждый из народа Израиля знает, что он был в числе тех, кто стоял на горе Синай, когда Бог даровал Тору. Это ведь для человека существует прошлое и будущее, но не для Бога; а Бог всякий день дарует нам Тору».

ДВА ВИДА ЛЮБВИ

Рабби из Апты задали вопрос: «Сказано: "И служил Яаков за Рахель семь лет, но они были в глазах его как несколько дней, по любви его к ней"*. Как надо это понимать? Ведь можно подумать, что время слишком долго тянется для влюбленного, и день кажется ему длиной в год».

Рабби из Апты объяснил: «Существуют два вида любви. Первый – когда влюбленный привязан к предмету своей любви, и это взаимная любовь, и тогда каждый час в разлуке тянется бесконечно, потому что влюбленный стремится к своей возлюбленной. Но есть и второй вид, истинная любовь, хотя она может быть и безответной. И тут не важно, живет ли влюбленный в двух шагах от своей возлюбленной или между ними – тысяча километров. Вот почему сказано: "И служил Яаков за Рахель семь лет, но они были в глазах его как несколько дней, по любви его к ней".

* [Быт. 29:20]

Яаков любил Рахель, он прилепился к ней, не думая о взаимности. Он не думал о себе или о своих желаниях. Это была истинная любовь».

ПОДОБНО СОСУДУ

Рабби Ѓешель сказал: «Человек должен быть подобен сосуду, который беспрекословно принимает все, что его владелец вздумает налить – будь то вино или уксус».

МЫ СОЗДАЕМ ПОДОБИЕ ЧЕЛОВЕКА РАДИ ГОСПОДА

Наши мудрецы говорили: «Знай, что вверху над тобой»*. И рабби из Апты так толковал эти слова: «"Знай, то, что вверху – от тебя". А что же это над тобою? Об этом говорит Йехезкель: "И над образом этого престола – образ, подобный человеку, на нем сверху"**. Разве можно было так сказать о Боге? Ведь разве не сказано: "И кому уподобите вы Меня, чтобы Я сравним был с ним?" *** Однако истина в том, что именно мы и создали такое "подобие человека". Такое подобие мы создаем, служа ему в глубине наших преданных сердец. Наши сердца и создают подобие человека ради нашего Создателя, ради Того, Кто, да будет Он благословен и благословенно Его имя, не может быть уподоблен никому. Когда человек милосерден и помогает ближним с любовью, он тем самым способствует созданию десницы Господа. А когда человек вступает в битву во имя Господа и сокрушает зло, он тем самым способствует созданию шуйцы Господа. Тот, кто над престолом, – это ты, сотворивший его».

* [Пиркей авот II, 1]

** [Йех. 1:26]

*** [Ис. 40:25]

ВДОВА

Ученик рабби из Апты рассказал такую историю: «Однажды я присутствовал при беседе моего учителя с вдовою. Он говорил с нею о ее вдовстве, говорил ей добрые слова утешения, и она всей душою воспринимала эти утешения, обретая новую силу духа. Но вдруг я увидел, что рабби плачет, и я тоже начал плакать, потому что я вдруг осознал, что он говорит о Шхине, которая оставила нас».

ДУША

В Йом Кипур, когда рабби Авраѓам-Йеѓошуа читал о порядке службы в Храме в этот день, называемый "Седер ѓа-Авода" , то вместо положенного «И тогда он сказал» говорил: «И тогда я сказал». Повторяя слова первосвященника, рабби тем самым подчеркивал, что не забыл то-

го времени, когда его душа пребывала в теле иерусалимского первосвященника, и что он помнит, как совершалась служба в Храме.

Как-то он рассказывал: «Десять раз я приходил в этот мир. Я был первосвященником, я был князем, я был царем, я был эксилархом, я был важным сановником. Но я так и не постиг тайну безграничной любви к ближнему, и потому всякий раз меня снова и снова посылали на эту землю. Если я на этот раз научусь любить людей по-настоящему, мне больше не придется возвращаться сюда».

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Некий человек поведал рабби из Апты о своих прегрешениях и сказал ему со слезами на глазах, как он раскаивается в содеянном. А цадик в ответ рассмеялся. Человек продолжил говорить о том, как он намерен искупить свой грех, а рабби не переставал смеяться. От этого смеха человек буквально лишился дара речи. Он с ужасом взирал на цадика. И вдруг у него перехватило дыхание, и в самой глубине души он осознал, сколь пустопорожними были все его разговоры о покаянии. И он обратился к Господу.

Позже рабби из Апты рассказал своим хасидам: «Две тысячи лет тому назад, еще до того, как стать первосвященником в Иерусалимском храме, я шаг за шагом постигал все тайны храмовой службы. Сначала я был одним из младших жрецов. А этот человек, который только что приходил сюда, жил в Иерусалиме и вел отшельническую жизнь. Он был человеком твердых правил, духовно чистым и высоконравственным. И вдруг, неожиданно, он допустил серьезное прегрешение и должен был, как того требовал закон, принести искупительную жертву.

В те дни существовал обычай: когда человек приходил к смотрителю, чтобы выбрать специально выращенное животное для принесения в жертву, тот подробно расспрашивал его о совершенном грехе, дабы определить, какая жертва здесь уместна. Когда согрешивший начинал покаянные речи, он изливал душу, подробно рассказывая о своем прегрешении. Затем он вел жертвенное животное по иерусалимским улицам к Храму, где должно было совершиться жертвоприношение. Там его встречали младшие жрецы, и они также расспрашивали его о совершенном грехе, и снова его сердце таяло, как воск на огне. К тому времени, когда согрешивший человек доходил до первосвященника, которому он каялся в совершенном грехе, он ощущал себя духовно обновленным.

И вот когда этот человек вошел в храмовое помещение со своим жертвенным животным, я почувствовал жалость, глядя на его заплаканное лицо со следами горестных переживаний. Я принялся утешать его, поплакал вместе с ним и облегчил его сердце, да так, что он перестал чувствовать всю тяжесть совершенного им греха. Когда он, наконец, дошел

до первосвященника, то уже не ощущал глубокой потребности встать на путь истинный, и его жертва не была принята. Вот почему с течением времени ему пришлось вернуться на землю, и случилось так, что он снова предстал предо мною. Только на этот раз я был к нему более милосерден».

РАБ ГОСПОДЕНЬ

Рабби из Апты рассказывал: «В последней главе пятой книги Пятикнижия Моисеева мы читаем: "И умер там Моше, раб Господа"*. Также сказано в первой главе Йеґошуа бин-Нуна: "... по смерти Моше, раба Господня"**. Почему же именуется Моисей рабом Божьим в час своей смерти и после смерти, как если бы нам об этом и так не было известно. Ведь до этого, главу за главой, мы читали о том, как он преданно служил Богу всем сердцем и всем существом своим».

* [Втор. 34:5]
** [Иеґош. 1:1]

Вот как объяснял это рабби из Апты: «Перед смертью Моисея Господь показал ему Землю обетованную с вершины горы Нево и сказал: "Вот страна, о которой поклялся Я Авраѓаму, Ицхаку и Яакову"***. Раши комментирует это следующим образом: "Господь послал Моисея первым и велел ему: Иди и расскажи праотцам, что я исполнил свое обещание, о котором я им клялся". Так и в смерти своей Моисей, став посланцем Божьим, оставался верным рабом Господним, и сама смерть его стала служением Господу на веки вечные».

*** [Втор. 34:4]

СТОЛ

В день новомесячия того месяца, когда рабби из Апты суждено было умереть, он рассуждал за обеденным столом о смерти праведников. Прочитав послетрапезную молитву, он встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате с просветленным лицом. Потом, подойдя к столу, он сказал: «Стол, мой простой стол, будь ты свидетелем того, что я здесь достойным образом ел и достойно учил своих учеников».

Позже он распорядился, чтобы из досок этого стола сделали его гроб.

НАДПИСЬ НА НАДГРОБИИ

Перед самой смертью рабби из Апты распорядился, чтобы на его надгробии было выбито: «Он любил Израиль» – и ничего более. Именно эти слова и написаны на его надгробном камне.

ПРИ СМЕРТИ

Лежа при смерти, рабби из Апты заплакал: «Почему не приходит Мессия?»

И, плача, сказал: «Рабби из Бердичева перед смертью обещал, что не даст покоя ни одному святому, пока Господь не пошлет Мессию на землю. Но, окунувшись в источник наслаждения в небесных покоях, он забыл свое обещание. Однако я-то не забуду. Мне не нужен рай, пока не придет Мессия».

ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАШЕГО РАЗУМЕНИЯ

После смерти рабби из Апты встретились два цадика, рабби Ицхак из Радзивиллова, сын магида из Злочева, и рабби Исраэль из Ружина, правнук рабби из Межерича. Рабби Исраэль спросил: «Как надо понимать его слова, что ему не нужен рай, пока не придет Мессия?» Рабби Ицхак ответил: «В псалме сказано: "Мы размышляли, Всесильный, о милосердии Твоем посреди Храма Твоего"*. Я же читаю этот стих вот как: "Мы размышляли, Всесильный. Милосердие Твое – посреди Храма Твоего". Имя Господне, Элоким, относится к божественным атрибутам невзгод. Итак, если мы "размышляли", значит, мы размышляли о наших горестях здесь, видя в них лишь божественные атрибуты невзгод, или Элоким. Но там, "посреди Храма Твоего", всякий, кто туда приходит, уже с порога знает, что там царит "милосердие" Всесильного».

* [Пс. 48:10]

ВИДЕНИЕ ТОРГОВКИ ОВОЩАМИ

Эту историю рассказал рабби Ицхак из Несхижа, сын рабби Мордехая из Несхижа: «Накануне дня, когда рабби из Апты неожиданно заболел и умер, старая торговка овощами на рынке рассказывала своей соседке: "Сегодня утром на рассвете, уж не знаю, наяву или во сне, я увидела моего мужа, да будет благословенна его память, умершего много лет тому назад. Я увидела, как он куда-то торопится, даже не глядя на меня. Я расплакалась и крикнула ему: 'Сначала ты умираешь, обрекая меня на жалкую жизнь с детьми-сиротами, а теперь ты даже не хочешь на меня взглянуть!' Но он бежал, не оглядываясь. Я сидела и плакала, а он вдруг вернулся и сказал: 'У меня нет ни минуты свободного времени. Нам велено окурить всю округу и очистить воздух, потому что он нехорош для цадиков из Земли Израиля, которые скоро придут сюда, чтобы встретить рабби из Апты и проводить его на ту сторону'".

Прекрасная история, не правда ли?»

МОГИЛА В ТВЕРИИ

Рассказывают. Однажды рабби из Апты сидел, погруженный в свои мысли, с видом озадаченным и невеселым. Когда хасиды поинтересовались, что его так беспокоит, он сказал: «До сих пор всякий раз, когда моя душа возвращалась на землю, я занимал почетный пост в Израиле; но на этот раз все не так». И в ту же минуту прибыл посланник из Земли Израиля и вручил рабби официальное письмо. Там говорилось, что палестинская община выходцев из Волыни, живущих в Тверии, назвала его своим главой. Рабби из Апты устроил по такому поводу праздник, а потом вручил посланнику деньги для того, чтобы приобрести участок земли возле могилы пророка Ѓошеа, таких же размеров.

Вечером того дня, когда рабби Авраѓам-Йеѓошуа умер, в окно синагоги выходцев из Волыни, что в Тверии, постучали: «Идите и проводите рабби из Апты к месту его упокоения». Когда сторож открыл дверь, все увидели похоронные носилки, плывущие по воздуху, и тысячи душ, окруживших эти носилки. Процессия отправилась на кладбище, и тело рабби Авраѓама-Йеѓошуа опустили в могилу.

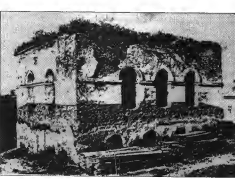
БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ПЕСНЬ

Юный Мендл мог добраться от своего дома в город, где жил рабби Элимелех, одним лишь способом: нанявшись помогать кучеру. Когда они останавливались на отдых, в его обязанности входило следить за повозкой и лошадьми. Был морозный зимний день. Кучер и его пассажиры грелись в корчме, ели и пили. А рабби Мендл, в своем легком пальтеце и дырявых башмаках, прыгал возле повозки, потирая замерзшие руки. «Хвала Создателю, что мне холодно, – запел он вполголоса. – Хвала Создателю, что я голоден». И начал приплясывать, распевая свою благодарственную песнь на танцевальный лад.

Вышедший из корчмы человек услышал его пение и спросил с изумлением: «Молодой человек, что это такое ты поешь?»

Мендл ответил: «Я благодарю Господа за то, что я в добром здравии и что я так проголодался».

«Но почему бы тебе не поесть досыта?» – спросил этот человек.

Мендл отнесся к вопросу со всей серьезностью: «Да потому, что для этого нужны деньги», – сказал он.

Тогда человек позвал слугу, чтобы тот последил за повозкой, привел Мендла в корчму и велел принести ему еды и теплого питья. После чего он снабдил Мендла прочными башмаками и овчинным тулупчиком, который обычно носят все деревенские евреи. Добравшись до Лежайска, Мендл не медля отправился к дому Элимелеха и, проскользнув мимо слуг так, что они его не заметили, прошел в комнату, где цадик сидел над книгой, погруженный в глубины познания. Сын Элимелеха, Элиэзер, замахал руками, призывая невоспитанного чужака выйти из комнаты и подождать за дверью, чтобы не отвлекать цадика от ученых занятий. Но рабби Элимелех, оторвавшись от книги, взял сына за руку и – не сказал даже, а скорее пропел, на манер благодарственной песни: «Лазарь, Лазарь, что тебе надо от этого маленького еврея? Посмотри, ведь огненные искры так и вьются над его головой».

ОБМЕННАЯ СДЕЛКА

Родители жены рабби Мендла постоянно настаивали, чтобы их дочь развелась со своим мужем, который оказался человеком полно-

стью не от мира сего и чья непригодность к коммерции была столь же очевидна, как и его нелюбовь к этим занятиям. Когда же она наотрез отказалась, они выселили молодых супругов, которые до того времени жили у родителей жены, согласно обычаям того времени. И молодая пара оказалась в жестокой нужде. Лишь изредка, при потворстве кухарки, юная жена ухитрялась раздобыть кое-какую еду с отцовской кухни или несколько вязанок хвороста из отцовского сарая. Но вот как-то ее родители уехали надолго, а торговцы уже не давали ничего в кредит, и она не могла принести рабби Мендлу, который сидел над книгами в доме учения, никакой еды на протяжении трех дней. На третий день она решилась заглянуть к булочнику и получила отказ. Она ушла, не сказав ни слова. Но булочник догнал ее и предложил ей хлеба и другой еды, столько, сколько она будет в состоянии унести, если взамен она пообещает ему свою долю в грядущем мире. Она колебалась секунду, не более, а затем приняла его предложение.

Войдя в дом учения, она увидела своего мужа, сидящего за столом. Он был почти без сознания, но крепко держал книгу обеими руками. Она постелила скатерть, разложила еду и стала смотреть, как он ест. Он взглянул на нее, потому что никогда раньше она, принеся еду, не оставалась с ним. Какое-то время они смотрели друг на друга, потом он посмотрел ей в глаза, и она поняла, что ему известно о ее сделке. И еще она поняла, что в эту секунду она получила свою новую долю в грядущем мире.

ГОЛОДНЫЙ РЕБЕНОК

Однажды в доме рабби Мендла не оставалось ни куска хлеба, и тут его сын подбежал к нему с плачем, жалуясь, что он настолько голоден, что не в силах больше сносить голод.

«Твой голод не настолько велик, – сказал отец. – Будь иначе, у меня нашлась бы хоть самая малость, чтобы утолить его».

Мальчик, не издав ни звука, пошел прочь. Но он еще не дошел до двери, как рабби заметил мелкую монетку, лежащую на столе.

«Я был к тебе несправедлив, – сказал рабби. – Ты и в самом деле очень голоден».

ЛОЖКА

Однажды рабби Мендл был в гостях у рабби Элимелеха, и его слуга забыл положить рабби Мендлу ложку. Все приступили к еде, кроме рабби Мендла. Цадик заметил это и спросил: «А ты почему не ешь?»

– У меня нет ложки, – сказал тот.

– Знаешь ли, – сказал рабби Элимелех, – пора уже научиться просить для себя ложку – да и тарелку, если на то пошло!

Рабби Мендл воспринял слова своего учителя со всей серьезностью. И буквально с этого дня его дела пошли на лад.

В ЮНЫЕ ГОДЫ

Однажды рабби Мендл с гордостью рассказал своему учителю, рабби Элимелеху, что он видел ангелов, которые по вечерам приглушают свет, нагоняя тьму, а по утрам рассеивают тьму, давая дорогу свету. «Да, – сказал рабби Элимелех, – в свои юные годы я тоже их видывал. А становясь старше, ты уже такого не видишь».

ПРИЗВАНИЕ

Человек пришел к рабби Мендлу и попросил укрепить его в желании стать рабби. По его словам, он достиг должной ступени бытия и теперь в состоянии излить благодать над Израилем. Какое-то время цадик смотрел на него молча. Затем он сказал:

«Когда я был молодым, мужской голос будил меня каждую полночь. И голос говорил мне: «Мендл, вставай читать Плач о Храме!»

Я привык к звуку этого голоса. Но вот в одну из ночей я услышал другой голос: «Рабби Мендл, – сказал этот голос, – вставай читать Плач о Храме». Я очень сильно испугался, продрожал от страха до рассвета и весь день был охвачен ужасом. «Может, мне почудилось», – попытался я успокоить себя. Но на следующую ночь голос сказал снова: «Рабби Мендл!»

После этого на протяжении сорока дней я умерщвлял свою плоть и неустанно молился, чтобы больше не слышать этот голос. Но Небеса не откликались на мои молитвы, и я продолжал слышать этот голос. И я примирился со своею судьбой».

ЗАВЕЩАНИЕ

Перед смертью рабби Элимелех возложил руки на своих четырех любимых учеников и разделил между ними все, что имел. Провидцу из Люблина он дал силу своего взгляда, Авраћаму-Йеһошуа – силу своих уст, чтобы произносить суждения, Исраэлю из Козниц – силу своей души, чтобы молиться, а Мендлу он дал свою духовную силу, дабы руководить общиной.

НЕЧЕГО ПРЕДЛОЖИТЬ

После смерти рабби Элимелеха некоторые из его молодых учеников решили выбрать своим учителем рабби Мендла, который тогда еще

жил во Фрыштаке. Они приехали к нему домой в пятницу после полудня. На столе они увидели две халы из ржаной муки и две маленькие свечи в глиняных подсвечниках грубой работы. Жена рабби сказала им, что он еще не вернулся из миквы. Нафтали, ставший впоследствии рабби из Ропшиц, не мешкая отправился в город и купил все необходимое: белую скатерть, субботние халы из пшеничной муки, большие и малые, и высокие свечи в красивых подсвечниках. Накрыв стол должным образом, они сели и стали ждать рабби.

Когда рабби Мендл вошел в комнату, они почтительно встали, дабы показать, что признают его своим духовным отцом. Он внимательно оглядел их всех, одного за другим.

Потом он сказал: «Вы принесли с собой то, что нужно, а с этим можно прийти даже ко мне, которому нечего предложить в ответ».

НЕСОГЛАСИЕ

В канун Рош ѓа-Шана рабби Мендл вошел в дом молитвы. Он пристально оглядел людей, пришедших из ближних и дальних мест. «Немало вас тут собралось, – сказал он. – Только имейте в виду, что я не смогу тащить вас всех на своих плечах. Каждому придется подумать о своей дальнейшей судьбе самостоятельно».

ВЕС И МЕРА

В последний день каждого месяца рабби Мендл проверял правильность весов и мер у всех еврейских торговцев. Однажды в лавке, принадлежавшей богатому горожанину, посланцы рабби Мендла обнаружили мерный сосуд для жидкости, не соответствующий нормам. Хозяин утверждал, что давно уже не пользуется этим сосудом по назначению. «Даже если он используется как плевательница, все равно по закону такие вещи нельзя держать в лавке», – сказал один из проверяющих, рабби Ѓирш, верный «Слуга» рабби Мендла, которого цадик негласно выбрал своим преемником. И, швырнув мерку на пол, растоптал ее.

«Неужели и Шауль в пророках?* – насмешливо спросил хозяин магазина. – Неужто и ты уже вправе устанавливать законы?»

* [I Сам. 10:11-12]

Ѓирш, вернувшись в дом цадика, сообщил ему, что все в порядке, но бывшие с ним рассказали рабби Мендлу о случившемся в лавке. Тот не медля послал глашатая обойти все дома и позвать жителей на проповедь в дом молитвы, но специально велел не звать богатого хозяина лавки.

Когда все собрались, рабби Мандл произнес проповедь о важности точных и правильных мер. И тогда богатый хозяин лавки, пришедший вместе со всеми, понял, почему он остался без приглашения. Его до глу-

бины души задело, что рабби говорил на собрании именно о нем, но при этом сознательно не позвал его на это собрание. И по окончании он подошел к рабби Мендлу, умоляя его назначить ему наказание, чтобы он мог заслужить прощение.

О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Некий человек пришел к рабби Мендлу и пожаловался, что не в состоянии исполнять заповедь о гостеприимстве, потому что его жена не любит принимать гостей и всякий раз, когда он приводит кого-то в дом, она начинает скандалить, и это ставит под угрозу мир в доме.

Рабби ответил: «Наши мудрецы говорят: "Гостеприимство важнее, чем приветствия лика Шхины"* Звучит, может, и как преувеличение, но это высказывание следует понимать должным образом. Ведь сказано, что когда между супругами мир, то Шхина царит меж них"**. Вот почему присутствие гостей в доме считается более важным, чем Шхина. Даже если гостеприимство ведет к нарушению супружеского согласия, заповедь о гостеприимстве все равно считается более важной».

* [Шабат 127а]

** [Сота 17а]

ХЛЕБ ДЛЯ ГОСТЕЙ

Когда сильно поднялись цены на продукты, рабби Мендл обратил внимание, что бедным людям, которые гостили у него дома, дают хлеба меньше, чем обычно. Он тогда распорядился давать хлеба больше, чем прежде, поскольку за столом надлежит учитывать не цену, а то, насколько человек голоден.

ДЫРЯВАЯ КРЫША

Правительственные чиновники прибыли в Риманов, чтобы выбрать дом, где можно было бы хранить продовольствие для армейских нужд. Оказалось, что единственное помещение, подходящее для этих целей, – это дом молитвы местной еврейской общины. Узнав об этом, встревоженные главы общины обратились к рабби Мендлу за советом; при этом один из них заметил, что, возможно, чиновники откажутся от своего решения, потому что крыша в доме молитвы протекает уже в течение довольно долгого времени, и в случае сильных дождей там, безусловно, нельзя будет хранить провизию.

«В таком случае решение об использовании дома молитвы под склад – это справедливое решение, – сказал рабби. – Таков приговор вашему безразличию и лени. Немедля следует починить крышу!»

Крышу починили в тот же день. Однако ничего не было слышно относительно решения чиновников. Прошло несколько недель, и только тогда жители Риманова узнали, что именно в тот самый день чиновники приняли решение устроить склад в другом городе.

В СУДЕ

Когда рабби из Апты и рабби из Риманова были в гостях у Провидца из Люблина в городе Ланцуте, где тот жил до переезда в Люблин, их недоброжелатели донесли на них властям, и они оказались в тюрьме. Они решили, что поскольку рабби Мендл лучше их всех владеет немецким (а немецкий язык был официальным языком, используемым в суде), то во время допроса он будет говорить от имени их всех.

Судья спросил:

– Чем вы занимаетесь?

Рабби из Риманова ответил:

– Служим Царю.

– Какому царю?

– Царю всех царей.

– А зачем вы, чужаки, приехали в Ланцут?

– Чтобы научиться у этого человека, который находится здесь, с нами, как с еще большим рвением служить нашему Царю.

– А почему вы носите белые одежды?

– Это знак нашей должности.

Тогда судья сказал:

– У нас нет претензий к таким людям.

И он отпустил задержанных.

ДВА СВЕТИЛА

Рабби Мендла из Риманова спросили: «Почему в одном городе не может быть двух цадиков?»

Он ответил: «Цадиков можно уподобить небесным светилам. Когда Господь создал два великих небесных светила, он поместил их оба на небесной тверди, чтобы каждое выполняло свое особое предназначение. С тех времен они пребывают в дружбе. Большое светило не похваляется своим величием, да и малое вполне удовлетворено тем, что ему уготовано. Так же было и во времена наших мудрецов: на небе сияло множество звезд, крупных и не очень, и все они были как собратья. Не то цадики наших дней! Никто не хочет быть малым светилом и признавать авторитет того, кто крупнее его. Поэтому лучше, чтобы у каждого светила была своя небесная твердь».

ПРИНЯТИЕ ТОРЫ

Утром первого дня праздника Шавуот, до чтения Торы, рабби Мендл вышел из комнаты молитвы и отправился к себе. Спустя некоторое время он вернулся в комнату молитвы и сказал: «Когда гора Синай поднялась над вашими головами, подобно гигантскому колоколу, вы подчинились и приняли Тору*. Сегодня я освобождаю вас от этого обязательства и этой ответственности. Вы снова свободны и вправе сделать свой выбор».

* [Шабат 88а]

И тогда все воскликнули: «Мы и сейчас принимаем Тору!»

Ученик рабби из Люблина, который оказался при этом, потому что не смог поехать, как он обычно делал, к своему учителю на праздник, добавляет всякий раз, когда рассказывает эту историю: «И все их грехи растаяли, как это было и тогда, на горе Синай».

ВО ВРЕМЯ БЛАГОВОЛЕНИЯ

Рабби Мендла спросили: «В субботу, когда мы читаем послеполуденную молитву, почему мы произносим слова из псалма: “А я в молитве моей к Тебе, о Бог, [обращаюсь] во время благоволения”?*

* [Пс. 69:14]

Он ответил: «Потому что намерение Всевышнего создать этот мир на благо всех Божьих тварей уже существовало в субботу после полудня, до первого дня творения. Каждую субботу, в то же самое время, это намерение проявляется снова и снова, и мы молимся, чтобы и на этот раз, в это время, когда суббота близится к исходу, намерение Всевышнего оставалось неизменным».

СКОЛЬКО НУЖНО НА ДЕНЬ

Рабби Калман из Кракова спросил рабби Ѓирша, преемника рабби Мендла, как он выбирает молитвы на каждый день.

Рабби Ѓирш ответил: «Я поступаю так, как завещал мне мой учитель, да найдет он успокоение в Грядущем мире. Написано о манне небесной: “И будет выходить народ, и собирать ежедневно, сколько нужно на день”*. Каждый день читаются определенные молитвы, и следует сосредоточиться на смысле этих конкретных молитв в каждый конкретный день».

* [Исх. 16:4]

ВЕРА И ДОВЕРИЕ

Рабби Мендла из Риманова спросили, как следует понимать слова Господа, сказанные Моисею, что народ должен собирать манны ежедневно столько, сколько нужно на день, «чтобы мне испытать его, будет ли он поступать по закону Моему или нет»*.

* [Исх. 16:4]

Он объяснил: «Если обратиться даже к совсем простому человеку с вопросом, верит ли он, что Бог един, он ответит убежденно: "Как ты можешь спрашивать! Разве не известно всем и каждому, что Бог един!" Но спросите у того же человека, уверен ли он в том, что Всевышний обеспокоится тем, дабы обеспечить все его нужды, человек этот растеряется и после паузы ответит: "Ну, боюсь, что я еще не достиг такой ступени бытия".

Однако в действительности вера и доверие находятся в тесной связи, и одно не может существовать без другого. Тот, кто истово верит, тот и полностью доверяет. Но если некто – от чего упаси нас Бог! – не уверен полностью в Создателе, то и вера его истончится. Вот почему Господь говорит: "Вот Я посылаю вам хлеб с небес" * – это означает: "Я могу послать вам хлеб с небес". Но тот, кто идет тропой моего учения, то есть тот, кто верит в меня, то есть тот, кто доверяет мне, – тот будет собирать манны столько, сколько надо на каждый день, и может не беспокоиться о дне завтрашнем».

* [Исх. 16:4]

ПОМЕЩИК И КРЕСТЬЯНИН

В пасхальную ночь, во время седера, рабби Мендл из Риманова любил рассказывать после песенки про «Одного козленка» вот какую историю:

«Крестьянин пришел на рынок продать теленка. К нему подошел помещик и спрашивает: "Сколько ты хочешь за эту собаку?" Крестьянин отвечает: "Это не собака, это теленок". Они препирались какое-то время, после чего помещик заехал крестьянину в ухо со словами: "Вот так ты, может, лучше запомнишь: если помещик говорит, что это собака, – значит, это и есть собака!" И крестьянин сказал: "Хорошо, теперь я запомню".

Некоторое время спустя приятель этого крестьянина прибежал в деревню, соседствующую с помещичьим имением, и, задыхаясь, сообщил, что в дальней деревне загорелось гумно и занялся дом старосты, который пользовался любовью окрестных жителей. Пожарная дружина поскакала на помощь, захватив все имеющееся снаряжение. Тогда крестьянин поджег с четырех сторон помещичий дом, который сгорел дотла.

Через несколько недель, узнав, что помещик собирается строить новый дом, крестьянин изменил свою внешность и явился к помещику под видом архитектора. Он предложил ему план постройки (потому что он был смышленым человеком), и они с помещиком принялись подсчитывать, сколько леса понадобится на строительство. Затем они отправились в помещичий лес, чтобы посмотреть, какие деревья годятся на сруб.

Они пришли в лес, и крестьянин пренебрежительно отозвался о деревьях, растущих у опушки. В чаще леса деревья получше, отозвался помещик, и они пошли дальше, пока не оказались в самой чаще леса. Там са-

мозваный архитектор остановился и с удовлетворением показал на огромное дерево, сказав, что из него выйдет такое-то количество превосходных досок.

"А я думаю, что можно напилить гораздо больше досок", – сказал помещик. "Архитектор" подошел к дереву и обхватил его обеими руками, чтобы измерить. "Нет, я прав!" – сказал он.

Помещик вслед за крестьянином тоже обхватил дерево. Тут крестьянин достал веревку и привязал помещика к дереву, после чего выпорол его как следует, приговаривая: "Чтобы ты лучше запомнил: если крестьянин говорит, что это теленок, – значит, это и есть теленок, а не собака!" Затем он скрылся, а помещик долго звал на помощь, пока его не освободили от веревок.

Добравшись до дому, помещик слег, и с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Доктора приходили один за другим, но никто не мог ему помочь. Тут распространился слух, будто в соседнем городе проездом объявился чудо-целитель, который в состоянии вылечить любого больного. Крестьянин, переодевшись доктором, действительно приехал в этот город и стал давать советы (потому что он был смышленым человеком). Помещик, прослышав о нем, велел пригласить доктора и пообещал, что заплатит любые деньги, если тот сможет ему помочь.

Доктор приехал, осмотрел больного и сказал не допускающим возражений тоном: "Оставьте нас наедине и не смейте заходить в комнату во время лечения, даже если больной будет кричать. Мой метод безотказный, хотя и болезненный". Как только все вышли из комнаты, он запер дверь на задвижку и задал помещику еще одну первоклассную трепку.

Стоявшие за дверью слышали вопли помещика и переговаривались: "Вот это настоящий доктор. Лечит как надо". А крестьянин тем временем сказал помещику: "Это я еще раз напоминаю, чтобы ты, наконец, запомнил: если крестьянин говорит, что это теленок, – значит, это и есть теленок, а не собака!" Затем он вышел из комнаты с таким самоуверенным видом, что никто даже и не подумал остановить его.

Когда помещик наконец выздоровел после всех побоев, он принялся за поиски крестьянина, но безуспешно, потому что тот не только изменил цвет лица и волос, но также изменил свои манеры и походку, так что его невозможно было узнать. Ранним утром ближайшего базарного дня крестьянин увидел помещика, сидящего в коляске неподалеку от рыночной площади и внимательно оглядывающего практически безлюдный рынок. Крестьянин обратился к своему приятелю, превосходному наезднику, с просьбой: "Друг, ты сможешь мне помочь?" "Конечно же, – сказал тот. – Надеюсь, ничего трудного?" – "Все, о чем я тебя прошу – это подъехать вон к тому помещику в коляске, наклониться к нему и сказать на ухо: 'Если крестьянин говорит, что это теленок, – значит, это и есть теленок!' А потом скачи что есть мочи и не останавливайся, пока те, кто ки-

нутся за тобой в погоню, не отстанут. После этого мы встретимся в корчме – ну, ты знаешь, в какой, – и я поставлю тебе такую сливовицу, какой ты никогда не пробовал”.

Приятель крестьянина сделал так, как его просили. Помещик, услышав сказанное, встрепенулся, решил, что перед ним как раз тот человек, которого он ищет, и закричал кучеру со слугой, чтобы они распрягли лошадей и кинулись в погоню. Те вскочили на лошадей и пустились во всю прыть.

Когда крестьянин увидел, что помещик сидит в одиночестве в распряженной коляске, он подошел к нему, дал ему оплеуху и сказал: “Третий раз напоминаю тебе: если крестьянин говорит, что это теленок, – значит, это и есть теленок, а не собака!” И бросился бежать в направлении корчмы.

“И все-таки, – так рабби Мендл заканчивал свой рассказ каждый седер, – все-таки теленок остается теленком и никогда не сделается собакой”.

А если дети спрашивали: “Как же звали умного крестьянина?” – рабби Мендл отвечал: “Михаэль”. Когда они спрашивали: “Как же звали злого помещика?” – рабби отвечал: “Самаэль”.

А когда дети спрашивали: “Как звали теленка, который никогда не сделается собакой?” – рабби отвечал: “Это всем известный теленок, Исраэль”».

ДОРОГИ

Рабби Мендл частенько жаловался: «Вот когда не было дорог, ты поневоле останавливался с наступлением темноты. Потом, в корчме, никто не мешал тебе помолиться, спеть псалмы, открыть книгу или по душам побеседовать с попутчиками. А сегодня ты можешь ехать по этим дорогам день и ночь, и человек уже вовсе не знает покоя».

СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОНА

Однажды ученик спросил рабби Мендла из Риманова: «В Талмуде сказано, что Авраѓам исполнял все 613 заповедей*. Но как же это надо понимать – ведь заповеди еще не были нам даны?»

«Дело в том, – ответил рабби, – что заповеди Торы можно уподобить костям человеческого тела, а запреты – мышцам и жилам. Таким образом, Закон во всей его целостности подобен нашему телу. Но все части тела Авраѓама были столь чисты и святы, что каждая из них выполняла все заповеди, для них предназначенные».

* [Иома, 28b]

СЕРДЦЕ

Рабби Мендл из Риманова частенько говорил, что когда он читает Шмоне-эсре, перед его мысленным взором проходят все те люди, которые когда-либо просили его вознести Господу молитву за них.

Однажды его спросили, как же это возможно – разве для этого хватает времени? Рабби Мендл ответил: «Нужды и беды каждого оставляют след на моем сердце. И в час молитвы я открываю свое сердце со словами: "Владыка вселенной, читай, что написано здесь!"»

ПАУЗА

Рабби Ѓирш «Слуга» рассказывал: «Когда мой святой учитель читал покаянные молитвы Слихот у амуда накануне Рош ѓа-Шана, он всегда делал паузу после фразы "Когда каждый обратится к Тебе с открытым сердцем и душой" и замолкал на некоторое время, после чего возобновлял чтение. Многие думали, что во время паузы он настраивал свою душу на искреннее раскаяние, но близкие ему люди знали, что он просто ждет, пока не убедится, что все присутствующие действительно обратились к Господу всем сердцем и всей душой».

ЗВУКИ РАБОТЫ

Рабби Мендлу задали вопрос: «В Писании говорится: когда "сказали Моше, что больше приносит народ, нежели нужно, чтобы исполнить работу, которую повелел сделать Бог, то приказал Моше, и провозгласили по стану: 'Мужчины и женщины пусть не делают больше работы для святых приношений'"* Как же это связано одно с другим? Ведь Моисею достаточно было повелеть, чтобы народ просто прекратил приношения».

* [Исх. 36:5-6]

Рабби Мендл объяснил это следующим образом: «Всем известно, что строительством святилища занимались святые люди, и результаты их работы также были святыми. Каждый удар молота по наковальне, каждый удар топора по дереву эхом отдавался в сердцах всех тех, кто слышал эти звуки, и окружающие были движимы святым желанием приносить больше, нежели было потребно. Вот почему Моисей обратился с призывом не делать больше работы».

УЧЕНИКИ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Ученики рабби Мендла приняли решение организовать свое сообщество. Они написали устав, начинавшийся такими словами: «Мы желаем основать сообщество друзей, взыскующих истины и стремящихся быть праведными и смиренными, обращенными к Господу всем сердцем, дабы чистота наших сердец приближала нас к святости».

Сформулировав свои клятвы и зароки относительно норм своего поведения, они написали их на свитке, вслед за текстом устава. Один из их зароков гласил: «Избегать недостойных слов, относительно которых

наш святой рабби сказал, что их произнесение равносильно нарушению заповеди “Не убий”».

Высказывание рабби Мендла, о котором идет речь, звучит следующим образом: «Всякое слово имеет свою определенную форму, и тот, кто, произнося его, тешит демонов, тот совершает грех по отношению к этому слову, подобно тому, кто поднимает руку на своего ближнего и убивает его».

КОВЧЕГ ЗАВЕТА И НЕСУЩИЕ ЕГО

Рабби Мендл говорил: «Когда человек жаждет служить Господу достойным образом, а что-то ему препятствует, то перед ним вырастают стены. Его молитвы становятся тусклыми, его учеба неглубокой. Тогда он восстает против самого себя в сердце своем, и идет к своему цадику, и предстает перед ним, трепеща и ожидая помощи, – и его смиренность делает смиренным также и самого цадика. Ибо тот, к которому обратились за помощью, видит кроткую и истовую душу обратившегося за помощью и думает: “Он лучше, чем я!” И в это мгновение цадик духовно поднимается до самых высот, обретая силу устранять любые препятствия. К этому и применима фраза “Ковчег Завета нес несущих его” *».

* [Сота 35а]

ВЗАИМНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Рабби Фейвиш из Збаража однажды приехал к рабби Мендлу, чтобы провести с ним субботу. В воскресенье, прощаясь, он заплакал и сказал: «Мне семьдесят четыре года, а я все еще по-настоящему не обратился к Господу».

Также заплакав, рабби Мендл ответил: «Это и мое горе».

И они решили благословить друг друга, чтобы наконец в полной мере свершилось их истинное обращение к Богу.

БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ РАДОСТЬ

Вскоре после смерти жены рабби Мендла умерла его дочь. Близкие не хотели сразу сообщать ему горестную весть. Рабби Мендл читал утреннюю молитву, когда его зять, плача, вошел в дом молитвы, и рабби сразу понял, что случилось. Он закончил молитву и сказал: «Владыка Вселенной, сначала ты забрал мою жену. Но у меня оставалась дочь, отрада моего сердца. Теперь ты забрал у меня и ее тоже. И у меня не осталось никого, кроме тебя. Отныне ты стал единственной радостью моей жизни». И в порыве радости он прочел дополнительную молитву.

❖ *Цви-Ѓирш из Риманова*

РОДОСЛОВНАЯ

Когда рабби из Ружина собирался женить своего внука на дочери рабби Ѓирша из Риманова, то перед составлением брачного контракта он сказал: «В нашей семье существует обычай читать родословную во время помолвки. Именно это я сейчас и намерен сделать. Отец моего деда был рабби Дов-Бер, мой дед был рабби Авраѓам Ангел, и мой отец был рабби Шалом-Шахна». Он произнес лишь имена Великого Магида, его сына и внука, не называя их почетных званий. Потом он обратился к рабби Ѓиршу: «А теперь твоя очередь. Расскажи нам, кто твои предки». Рабби Ѓирш ответил: «Мои отец и мать покинули этот мир, когда мне было десять лет, и потому я не могу рассказать о них много – знаю только, что они были достойными и честными людьми. После их смерти родные определили меня в ученики к портному. Я пробыл у него пять лет и, несмотря на свой юный возраст, работал хорошо. Я старался не испортить новые вещи и аккуратно чинил старые».

«Брак приемлем для обеих сторон», – воскликнул рабби из Ружина.

КАК СТЕЛИТЬ ПОСТЕЛЬ

Стелить постель рабби Менахема-Мендла из Риманова было одной из обязанностей его слуги, и тот никому ее не передоверял. Когда юный Цви-Ѓирш ушел от портного и был взят в дом цадика истопником, он не раз просил слугу позволить ему постелить постель рабби Мендла, но тот всякий раз отказывал, говоря, что рабби немедленно почувствует чужую руку. Однако однажды слуге пришлось отлучиться к вечеру, и потому он вынужден был передать свои обязанности юному истопнику, дав ему подробные указания относительно того, как надо это делать. Ѓирш заверил, что сделает все именно так, как ему было сказано. Когда рабби Мендл проснулся на следующее утро, он позвал слугу и спросил, кто вчера стелил ему постель. Слуга объяснил, как было дело, и испуганно попросил прощения.

«Я и представить себе не мог, – сказал цадик, – что можно спать так сладко. Теперь пусть истопник всегда стелет мне постель».

ДАР ЧИСТОТЫ

Рабби Натан-Йеѓуда, сын рабби Мендла из Риманова, рассказал такую историю.

«Наутро после свадьбы рабби Ѓирша "Слуги" я вошел в дом учения и увидел, как новобрачный убирается там со своим обычным рвением.

Мне это не понравилось, я пошел к отцу и спросил его: "Отец, хорошо ли, что твой слуга, забыв о своей женитьбе, занимается такой черной работой в свои семь свадебных дней? "

Отец ответил: "Ты принес мне добрую весть. А я уже начал было беспокоиться: как же я смогу сегодня молиться, если Цви-Ѓирш 'Слуга' не наведет порядок в доме учения. Ведь когда он убирает в комнате, он изгоняет всех демонов, и самый воздух становится чище. И тогда там особенно приятно молиться".

И в тот же день отец взял Цви-Ѓирша себе в ученики».

САМАЯ ВОЗВЫШЕННАЯ МОЛИТВА

Однажды рабби Ѓирш пожаловался своему учителю, что всякий раз, когда он молится, он видит, как перед его взором мелькают огненные буквы и слова. «Это, – сказал рабби Мендл, – знак мистической сосредоточенности, о котором говорил наш священный учитель рабби Ицхак Лурия. Так чего же ты жалуешься?»

«Но мне хотелось бы при молитве сосредоточиваться только на смысле слов», – ответил рабби Ѓирш.

«То, о чем ты просишь, – сказал рабби Мендл, – знак очень высокой ступени, доступной лишь одному человеку в целом поколении: постигнуть все секреты мудрости и в то же время уметь молиться, как маленький ребенок».

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЕГО УЧИТЕЛЯ

Существует немало рассказов о том, как рабби Ѓирш наследовал своему учителю. Рассказывается, например, что рабби Мендл видел во сне, как ангел Метатрон, «князь внутренних покоев», подвел Ѓирша «Слугу» к креслу цадика. Затем цадик обратил внимание на то, что Ѓирш видел души умерших и взыскующих избавления так же явственно, как и сам цадик. Это сгладило его ощущение неловкости и смущения, но с тех пор он уже не позволял Ѓиршу жить в его доме и выполнять обязанности слуги. Единственное, что рабби Мендл по-прежнему принимал от Ѓирша – это помощь при наложении тфилина, поскольку Ѓирш сумел убедить цадика, что это для него – великая честь.

Согласно другому рассказу, два сына рабби Мендла приехали после смерти отца к рабби Нафтали из Ропшиц, чтобы тот решил, кто из них должен наследовать отцу. Рабби Ѓирш поехал с ними в качестве слуги, и они уже договорились, что кто бы из них ни занял место отца, он возьмет Ѓирша в дом. По дороге к ним обратился местный житель, один из хасидов рабби Мендла. Узнав о смерти учителя, он пожелал вручить им символы главы общины, поскольку они были сыновьями рабби Мендла. Сыно-

вья, однако, отказались принять на себя ответственность, так как они еще не получили звания раввина, и младший сын предложил передать их рабби Ѓиршу, на что хасид согласился без всякой задней мысли. И братья удивились, а отчасти и смутились, увидев, что рабби Ѓирш взял эти символы, как будто так оно и надо. Когда же они приехали к рабби Нафтали, тот обратился к Ѓиршу, именуя его «рабби», и посадил его на почетное место.

Рассказывают также, что нашлись хасиды, которые пожелали выбрать старшего сына рабби Мендла, рабби Натана-Йеѓуду, но тот не просто отказался от этого предложения, а уехал на немалый срок в чужие края.

ОБНОВЛЕННАЯ ДУША

Рабби Ѓирш однажды сказал своим хасидам: «Когда человек пробуждается утром и осознает, что Бог вернул ему его душу и что он весь обновился, – этот человек не может не запеть хвалебную песнь Господу. Мой святой учитель рабби Менахем-Мендл знал одного хасида, который, дойдя в утренней молитве до слов "Мой Бог, душа, которую ты даровал мне, чиста", начинал танцевать и петь благодарственную песнь».

СОВЕРШЕНСТВО ТОРЫ

Однажды к рабби Ѓиршу пришла плачущая женщина и пожаловалась, что с ней несправедливо обошлись в раввинском суде. Цадик позвал судей и сказал: «Покажите мне тот текст, на основе которого вы приняли решение, потому что, как мне кажется, тут таится ошибка». Вместе они разобрали раздел «Хошен мишпат» из книги «Шульхан Арух», на котором основывались судьи, и пришли к выводу, что тут имело место неправильное толкование.

Один из судей спросил рабби, откуда он знал заранее, что была допущена ошибка. Тот ответил: «Потому что сказано: "Закон Бога совершенен, успокаивает душу"*. Женщина не плакала бы, будь решение суда основано на истинном законе».

* [Пс. 19:8]

СУТЬ ТОРЫ

Перед своей смертью рабби Ѓирш из Риманова раз за разом повторял слова песни Моисея: «Всесильный праведен, и нет несправедливости»*. А потом он сказал: «Суть святой Торы в том, что Он – Бог праведный и что поэтому не может быть несправедливости. Можно спросить: "Если это так, то зачем вообще вся остальная Тора? Было бы достаточно, если бы Бог сказал на Синае один только этот стих". На это я отвечу: "Никто не в силах познать всю истину, пока он не прочтет всю Тору и не будет следовать ее заветам"».

* [Втор. 32:4]

Хасидские истории.
Поздние учителя

ИЗ ШКОЛЫ РАББИ ШЛОМО ИЗ КАРЛИНА

Глава четвертая

❖ *Ури из Стрельска*

МИНЬЯН – ДЕСЯТЬ ПЮПИТРОВ

Когда, навестив своего учителя, рабби Шломо из Карлина, рабби Ури вернулся во Львов, он не смог собрать миньян из десяти человек, необходимый для общественного богослужения, и ему пришлось молиться в одиночку на протяжении целого года. Однажды, читая «Книгу сияния» («Зоѓар»), он обратил внимание на то место, где высказана похвала слушающим чтение Торы, и решил посещать дом молитвы каждую субботу, дабы слушать чтение Торы. Но в первую же субботу он заметил, что собравшиеся читали вовсе не то, что написано в Торе! И поэтому он решил не ходить в дом молитвы в следующую субботу. Но некоторое время спустя он обратил внимание на другое место в «Книге сияния», где воздается хвала тем, кто молятся всей общиной. Он собрал десять человек для совместной молитвы, сказав себе: «Даже если Господь повелит мне молиться в миньяне из десяти пюпитров для чтения Торы, я все равно буду молиться с ними».

УГОДНОЕ ПРИНОШЕНИЕ

Рабби Ури говорил: «Сказано: "А Авель принес также..."*. Он принес себя, свое "я". Только если человек приносит еще и самого себя, это приношение является угодным».

* [Быт. 4:4]

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЙТИ МОЛИТЬСЯ

Каждое утро, прежде чем пойти молиться, рабби Ури обходил свой дом, чтобы попрощаться с женой и детьми.

ТАЙНАЯ МОЛИТВА

Вот как рабби Ури толковал слова молитвы: «Пусть Тот, Кто знает, что сокрыто, откликнется на наш зов о помощи и услышит наш плач».

«Мы знаем, как нам следует молиться, и все же мы плачем и просим помощи, когда нам невмоготу. Сердцем мы ощущаем потребность выплакаться, хотя и не можем высказать свою сердечную боль. И потому мы молим Господа, чтобы Он откликнулся на наш зов о помощи и чтобы Он, Кому известно все сокровенное, услышал немой плач нашего сердца».

И СКРОМНО ХОДИТЬ ПЕРЕД БОГОМ ТВОИМ

Рабби Ури говорил: «Сказано: "И скромно ходить пред Богом твоим"* Мы знаем, что ангелы недвижны. Они недвижно и непрестанно стоят, каждый на своей ступени, тогда как мы движемся со ступени на ступень. Ангелы бесплотны; они не могут оставаться сокрытыми, и они явственно видны, на какой бы ступени они ни пребывали. Человек же на этой земле всегда во плоти, и он в состоянии укрыться в своем теле. Вот потому-то, сокрытый от взгляда, человек может перемещаться со ступени на ступень».

* [Миха 6:8]

ТАМ И ЗДЕСЬ

Рабби Ури учил: «Мы читаем в псалме: "Поднимусь ли на небо – Ты там. Слягу ли в могилу – и здесь Ты"*. Когда я возвеличиваю себя и полагаю, что в состоянии достигнуть неба, я обнаруживаю, что Бог вдалеке, там, и чем выше я поднимаюсь, тем больше Он отдаляется. Но если я слягу в могилу, если я страдаю в царстве мертвых, Он здесь, со мною».

* [Пс. 139:8]

ОТКРОЙ ГЛАЗА МОИ

Однажды за столом рабби Ури произнес со страстью слова из псалма: «Открой глаза мои, я буду созерцать чудеса в учении Твоем»* и истолковал их следующим образом: «Мы знаем, что Господь сотворил великий свет**, чтобы человек в состоянии был видеть от края и до края мира и чтобы никакая завеса не могла застить его взор. Но затем Господь скрыл этот свет. Вот почему Давид молил: "Открой глаза мои". Ведь зрит

* [Пс. 119:18]
** [Хагига 12а]

в действительности не глаз, с его зрачком и белком; глаз в состоянии зреть, лишь поскольку Божественная сила дает ему силу зрения. Но завеса не позволяет глазу видеть то, что находится далеко, столь же хорошо, как и то, что находится близко. Давид молил Бога, чтобы тот удалил эту завесу, дабы он мог узреть все чудеса. Потому он и говорит "в учении Твоем", имея в виду, что, согласно учению Его, не должно застить взор».

ГДЕ?

Однажды рабби Ури сказал хасидам, которые приехали к нему в Стрельск: «Ваша дорога лежит ко мне, а куда же лежит моя дорога? Моя дорога лежит туда, где я могу прилепиться к Богу».

ПОЖЕЛАНИЕ

Некий цадик, бывший в гостях у рабби Ури, спросил его: «Почему среди твоих хасидов нет богатых?»

«Сейчас ты поймешь, почему, – ответил рабби из Стрельска. – Позови сюда кого-нибудь из сидящих в прихожей». И цадик выполнил его просьбу.

«Сейчас пора милости Господней, – сказал рабби Ури хасиду, вошедшему в комнату. – И потому тебе будет даровано все, чего бы ты ни пожелал».

«Если я могу загадать желание, – сказал хасид застенчиво и вместе с тем проникновенно, – то я хотел бы, как и наш рабби, каждое утро быть в состоянии читать молитву "Благословен будь Тот, по чьей воле был создан весь мир"».

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ

Рабби Ури говорил: «Человек совершает деяния не только ради своих современников. Из поколения в поколение Давид воодушевлял пребывающих в горести, изгоняя из их душ уныние, а пример Самсона давал слабым душой силу героев».

КАЖДОМУ СВОЕ

Рабби Ури говорил: «Давид мог сочинять псалмы, а что под силу мне? Я могу петь эти псалмы».

БУКВЫ И ДУШИ

Рабби Ури говорил: «Мириады букв Торы соответствуют мириадам душ Израиля. Пропусти в Торе единую букву – и она потеряет свою

силу; лишись народ Израиля единой души – и он утратит Божественное присутствие. Подобно буквам, души могут соединяться и образовывать различные сочетания. Однако между буквами в тексте Торы обязательно должны быть пробелы. Почему? Потому что каждая душа Израиля должна иметь возможность быть наедине со своим Создателем».

РАСТУЩЕЕ ДЕРЕВО

Рабби Ури учил: «Человек подобен дереву. Если неотрывно смотреть на дерево, то невозможно увидеть, как оно растет и насколько оно выросло. Но ухаживай за деревом, обрезай побеги, уничтожай вредителей – и дерево будет расти, и вырастет в подобающий ему срок. То же и с человеком: ему надо только научиться преодолевать препятствия, и он будет, подобно дереву, цвести и разрастаться. Но отнюдь не следует смотреть на него неотрывно и измерять, насколько он вырос за один час».

НА СВОБОДЕ

Согласно преданию, до того как рабби Ури завершал церемонию ѓавдалы на исходе субботы, отделяя праздник от будней, ключи от ада были в его руке, и души, освобожденные от мучений на протяжении святого дня, могли беспрепятственно посещать этот мир.

ЗНАК

Несколько часов рабби Ури лежал без сознания в предсмертной агонии. Его любимый ученик, рабби Йеѓуда-Цви, постоянно приоткрывал дверь, глядя на умирающего, и снова закрывал дверь. Наконец он вошел в комнату и приблизился к кровати. И хасиды, последовавшие за ним, увидели, как по телу их учителя прошла судорога, и он умер. Позже рабби Йеѓуду спросили, как он узнал о том, что смерть близка, и он ответил: «Сказано: “потому что не сможет увидеть Меня человек и остаться в живых”*. И я понял, что он увидел Его».

* [Исх. 33:20]

СВИДЕТЕЛЬСТВО УЧЕНИКА

Рабби из Калева однажды попросил рабби Йеѓуду-Цви поведать ему слова учения, услышанные тем от его учителя, рабби Ури. «Учение моего учителя, – сказал рабби Йеѓуда-Цви, – подобно манне, оно усваивалось целиком, без отходов*». Но когда рабби из Калева продолжал настаивать на своем, рабби Йеѓуда-Цви рванул одежду на груди и воскликнул: «Загляни в мое сердце. Там ты увидишь, чему научил меня мой учитель».

* [Иома 75b]

❖ *Йеѓуда-Цви из Стретина и его сын Авраѓам из Стретина*

ЧЕЛОВЕК С ЧЕЛОВЕКОМ ВСТРЕЧАЕТСЯ

Как-то, находясь в пути, рабби Йеѓуда-Цви из Стретина узнал, что рабби Шимон из Ярослава едет той же дорогой, только в противоположном направлении. Он вылез из своей кибитки и пошел ему навстречу. И рабби Шимон, услышав, что едет рабби Йеѓуда-Цви, тоже вылез из своей кибитки и пошел ему навстречу. И они приветствовали друг друга, как братья. После чего рабби Йеѓуда-Цви сказал: «Теперь-то я понимаю, почему говорят: "Гора с горой не сходятся, а человек с человеком встречаются". Когда человек полагает себя простым и безгрешным и некто другой точно так же думает о себе, то они могут встретиться. Но когда один считает себя неодолимой горой и другой мнит о себе то же самое, то им никогда не встретиться».

БЕРЕМЕННОСТЬ

Рабби Йеѓуда-Цви говорил: «Когда человек узнает о том, что можно служить Господу каким-либо новым образом, он должен носить это знание в себе и не говорить никому ни слова в течение девяти месяцев, как если бы он был беремен этой мыслью. И только по истечении этого срока можно дать знать об этом всем окружающим – как будто ты родил эту мысль».

ГОСПОДЬ – ОН БОГ

Рабби Йеѓуда-Цви говорил: «Сказано: "Тебе дано было видеть, что Бог есть Всесильный, нет другого, кроме Него"*. Тот, кто все постиг, знает, что в действительности не существует различия между именем Бога (что переводится как "Господь"), то есть символ милосердия, и именем Элоким (что переводится как "Бог"), то есть символ строгости. Он знает, что в действительности все есть добро. В том и заключается тайное значение слов, сказанных после победы Элияѓу над пророками Ваала: "Господь – Он Бог"!**»

* [Втор. 4:35]

** [Млах. I 18:39]

МЕССИЯ, СЫН ЙОСЕФА

Хасид рассказывал такую историю: «Однажды рабби Йеѓуда-Цви сказал за столом: "Сегодня Мессия, сын Йосефа, будет рожден в

Венгрии, и он станет одним из скрытых праведников. И если Бог продлит мне жизнь, то я отправлюсь туда и повидаю его".

Восемнадцать лет спустя рабби отправился в город Пешт и взял меня с собою в числе других хасидов. Мы пробыли в Пеште несколько недель, и никто из нас, учеников, не знал цели нашего приезда.

Однажды в том месте, где мы жили, появился юноша. На нем был короткий сюртук, а лицом он был прекрасен, как ангел. Не спросив разрешения, он прошел прямо в комнату рабби и закрыл за собой дверь. Я вспомнил сказанное рабби много лет тому назад и потому подошел к двери, чтобы дождаться пришедшего, когда тот выйдет, и попросить его благословения. Но несколько часов спустя он появился в сопровождении рабби, который проводил его до ворот, а когда я выбежал на улицу, там уже никого не было. И сейчас, ведь прошло столько лет, а мое сердце все так же замирает, как и в тот момент, когда он прошел мимо меня».

СТРАДАНИЯ, КОТОРЫЕ ОН ПРИНЯЛ НА СЕБЯ

В последние три года своей жизни рабби Йеѓуда-Цви страдал от тяжкой болезни, и все тело его было в язвах. Врачи, исходя из своего опыта, говорили, что такие мучения человек выносить не в состоянии. Как-то один из близких друзей рабби завел об этом речь, и тот ответил: «Когда я был моложе, я всей силой своей души молился за больных, приходивших ко мне, чтобы облегчить их страдания. Когда сила моих молитв стала уже не той, что прежде, я стал принимать мучения людей на себя. А теперь я просто стараюсь переносить эти мучения».

ЛЕКАРСТВО

Один образованный, но невеликодушный человек обратился к рабби Авраѓаму из Стретина со словами: «Говорят, что ты даешь людям какие-то чудодейственные лекарства, и что они замечательно всем помогают. Дай мне чего-нибудь для обретения страха Божьего».

«Мне не известно лекарство для обретения страха Божьего, – сказал рабби Авраѓам, – но если хочешь, я могу дать тебе лекарство для приобретения Божественной любви».

«Еще лучше! – воскликнул этот человек. – Так дай же мне такое лекарство».

«Это лекарство – любовь к ближнему», – ответил цадик.

СОГЛАСИЕ ЧУВСТВ

Рабби Хаим из Цанза удивился, увидев, что гостивший у него рабби Авраѓам из Стретина не положил сахар в кофе. А в ответ на его

вопрос рабби Авраѓам ответил: «Сказано, что “нет мира в костях моих из-за прегрешений моих”*. Отчего же нет согласия в моих членах, если все они сотворены из единой плоти? Отчего глаза могут только лишь видеть, а уши – лишь только слышать? Из-за первородного греха между ними нет согласия. Но тот, кто сумеет очистить свою душу до самой глубины, до Адамова греха, тот вернет согласие своему телу. И такой человек сможет ощущать сладость не только языком, но и глазами».

* [Пс. 38:4]

ЦЕПЬ

Рабби Мордехай из Ляховичей говорил своим ученикам: «Цадик не может учительствовать, доколе его душа не взаимосвязана с душой его покойного учителя и учителя его учителя. Лишь только тогда звено соединяется с другим звеном, и учение переходит от Моше к Йеѓошуа, от Йеѓошуа к мудрецам, и так далее, вплоть до учителя цадика, а от учителя – к нему самому».

СУТЬ МОЛИТВЫ

Рабби Моше из Кобрина говорил: «Мой учитель, рабби Мордехай из Ляховичей, учил меня, как надо молиться. Вот чему он наставлял меня: “Неверно поступает тот, кто говорит слово ‘Господь’ мысленно готовясь при этом продолжить ‘Бог наш, Царь Вселенной’. Ибо, говоря слово ‘Господь’, он должен думать лишь о том, что вверяет свою душу Господу, так что даже если вдруг его душа покинет тело на слове ‘Господь’, и он не успеет договорить ‘Бог наш, Царь Вселенной’, для него было бы достаточно, что он смог вымолвить слово ‘Господь’.

И в этом вся суть молитвы”».

О ЦАРСТВИИ ТВОЕМ

Посланец из Земли Израиля, набожный и честный человек, опасался, что его будут встречать с несоразмерными почестями (как было принято в те времена), и это может стать для него источником гордыни. Потому он молил Господа наслать на него – если такое случится – желудочные колики, дабы телесная боль могла отвлечь его от славословий. Его молитвы были услышаны. Когда он прибыл в Ляховичи (а было это в пятницу), рабби Мордехай принял его с почестями, и вскоре посланец ощутил такие боли, что вынужден был лечь в постель, не имея сил сидеть за накрытым столом. Но, лежа в постели, он слышал, как хасиды пели в соседней комнате: «Они возрадуются о Царствии Твоем», и громче всех пел сам цадик.

Посланец вскочил с кровати, чувствуя, что у него ничего уже не болит. Босой, без сюртука, без шляпы – в одной ермолке, он ринулся в комнату и принялся плясать вокруг стола. «Восславим Господа, – воскликнул он, притоптывая в такт пению, – ведь Он привел меня туда, куда надо. Я же слышу – “Они возрадуются о Царствии Твоем”. Не о жене, не о детях, не о коровах или овцах, но о Твоем Царствии! Восславим Господа, который привел меня туда, куда надо. О Царствии Твоем! О Царствии Твоем!»

КАВЕРНА В ЛЕГКИХ

Рабби Мордехай из Ляховичей сказал однажды самому себе: «Мы ведь слышим, как поют птицы, вознося хвалу Господу с таким жаром и страстью, что их крошечное тельце буквально разрывается. А вот я молюсь и молюсь, но со мной так ничего и не происходит. На что же годны мои молитвы?»

После многих лет страстных молений у рабби начался процесс в легких. Врачи города Львова объявили его безнадежным, но рабби обратился к Господу со словами: «Я хотел бы и дальше молиться так же страстно». И Бог пришел к нему на помощь, и рабби выздоровел. Он снова приехал во Львов, и вот как-то врач шел мимо его дома и спросил окруживших дом хасидов, кого это они приветствуют. «Рабби из Ляховичей», – был ответ. «А разве он жив? – удивился врач. – Ну, значит, он умеет дышать без легких».

ЧУДЕСА

Рабби из Кобрина говорил: «Мы не замечаем чудес, творимых нашими учителями, а если порой вдруг чудо не выходит, учитель только выигрывает в наших глазах».

НЕ НАДО БЕСПОКОИТЬСЯ

Рабби Мордехай из Ляховичей говорил: «Беспокоиться вовсе не следует. Человек может беспокоиться только в том случае, если у него нет причин для беспокойства».

ЧТО ЗА ПРИЧИНА ДЛЯ ВЕСЕЛЬЯ?

По поводу строки из псалма «Возвесели душу раба Твоего»* рабби Мордехай однажды сказал так: «Что за причина для веселья? “К Тебе, Господь, вознопу душу мою” – разве благодаря веселью я могу вознести душу мою к Тебе?»

* [Пс. 86:4]

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Однажды рабби Мордехай был на церемонии обрезания сына его друга, рабби Ашера из Столина, и по окончании церемонии ему поднесли мальчика для благословения. И рабби Мордехай сказал: «Не лги Господу, не лги самому себе и не лги другим людям».

ЗНАМЕНИЕ КАИНУ

Вот как рабби Мордехай толковал стих: «И дал Бог Каину знамение, чтобы не убил его всякий, кто бы ни встретил его»*:

* [Быт. 4:15]

«Господь дал кающемуся Каину знамение силы и святости, дабы ни при каких нечаянностях или несчастьях не мог он пасть духом и отвлечься от раскаяния».

БЛАГОДЕТЕЛЬНАЯ ДЕРЗОСТЬ

Некий образованный пожилой человек, недружелюбно относившийся к хасидизму, однажды спросил рабби Мордехая из Ляховичей: «Объясни мне, почему так происходит: пока молодой человек занимается в доме учения и никак не связан со странностями хасидизма, он ведет себя достойно и может похвастаться хорошими манерами, но стоит ему стать хасидом, и он становится дерзким?».

Цадик ответил: «Надеюсь, ты слышал историю об ученом старике, который отнимает массу времени и приносит одни неприятности людям еще с незапамятных времен? Царь Соломон называл его "старым царем" («Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь»)*, и то обстоятельство, что он учится со всеми, кто учится, только подтверждает его ученость. Так вот, если этот ученый старик подойдет к застенчивому молодому человеку, у которого нет ничего, кроме хороших манер, и начнет искушать его, предлагая следовать своим путем, то молодой человек не рискнет от него отделаться. Но хасид, дерзкий хасид, обхватит старика обеими руками, прижмет его к себе так, что только косточки захрустят, и вышвырнет его за дверь».

* [Эккл. 4:13]

СТИХ ОТ СЕРДЦА

Однажды, когда рабби Мордехай был в великом городе Минске, толкуя Тору в собрании людей, враждебных его образу мыслей, они стали над ним смеяться. «То, что ты нам тут говоришь, вовсе не объясняет прочитанного стиха!» – кричали они ему.

«Неужто вы и в самом деле думаете, – ответил он, – что я пытался объяснить вам стих из Книги? Но он не нуждается в объяснении. Я хотел разъяснить вам стих, что идет от моего сердца».

РАДИ РАДОСТИ ДРУГИХ

Был еще случай, когда митнагдим пытались посмеяться над рабби из Ляховичей. На это он только улыбнулся и сказал: «Бог не создал еще ни единого существа, которое бы не приносило радости окружающим. Вот и я был создан ради радости других – для близких моему сердцу, потому что моя близость радует их, и для вас, потому что вы смеетесь надо мною». И митнагдим, слушая его, становились все тише и все мрачнее.

ХАСИД И МИТНАГИД

У хасида из общины ляховичского цадика был деловой партнер, митнагид. Хасид постоянно предлагал компаньону вместе навестить рабби, но тот упорно отказывался от приглашений. Но вот наконец они оказались в Ляховичах по делу, и митнагид, дав себя уговорить, пошел к рабби праздновать субботу.

Во время трапезы хасид видел, как его партнер буквально светился радостью. Позже он спросил митнагида о причине такого настроения, и тот ответил: «Когда цадик ел, он был буквально исполнен святости, как первосвященник, приносящий жертву». Через несколько дней хасид отправился к рабби и обеспокоенно спросил его, отчего другие смогли увидеть во время первой же встречи такое, чего хасид, давно и хорошо знавший рабби, никогда не видывал.

«Митнагид должен узреть, а хасид должен уверовать», – ответил рабби Мордехай.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Рабби Мордехай из Ляховичей занимался сбором денег для Земли Израиля, и он сам жертвовал немалые суммы на это угодное Богу дело. В любое время дня – встав ото сна, до утренней молитвы, после утренней молитвы, до начала занятий, после занятий, до обеда и после обеда, и так далее, до самого вечера он собирал дары для Земли Израиля. Когда набиралась определенная сумма, он отсылал деньги рабби Авраѓаму из Калиша, который в те дни отвечал за пожертвования в пользу Израиля, и прилагал листок бумаги, на котором были перечислены имена жертвователей. Но поскольку рабби Мордехай сам вносил значительные суммы и не хотел, чтобы другие знали, как велика его доля в пожертвованиях, он записывал часть своих денег другим жертвователям, по всему списку.

Когда список оказывался у рабби Авраѓама, он с улыбкой просматривал его, качал головой и показывал пальцем на имена одного жертвователя за другим, приговаривая: «Рабби из Ляховичей кое-что добавил сюда. И вот здесь кое-что добавлено от рабби из Ляховичей!»

ПРЕД ТОБОЮ

Однажды рабби Мордехай, читая стих из псалма: «Невеждою я был и не понял; как скот я был пред Тобою»*, вдруг прервался и сказал со слезами: «Владыка мира, пусть я буду невеждою, пусть я буду непонимающим, только бы мне быть пред Тобою».

* [Пс. 73:22]

ПО СЛЕДАМ СВОЕГО ОТЦА

Когда рабби Ноах, сын рабби Мордехая, наследовал отцу после его смерти, его ученики заметили, что во многом он поступает не так, как его отец, и спросили его о причине.

«Но я делаю точно так же, как делал мой отец, – ответил рабби Ноах. – Он никому не подражал, и я никому не подражаю».

ПРОТИВ ЛИЦЕМЕРИЯ

«Тот, кто служит Богу неискренне, ничего от этого не получает. Бога нельзя обмануть, а если ты сумел обмануть людей, то все равно в конце концов все выходит наружу. Тот, кто пытается обмануть других, обманывает лишь самого себя и остается в дураках».

«Я ВЕРУЮ»

Однажды рабби Ноах, сидя в своей комнате, услышал, как один из его учеников начал читать Символ веры в соседнем доме учения и остановился после слов «Я верую всей своей верой». И прошептал: «Я не понимаю этого!», и еще раз, громче: «Я не понимаю». Цадик встал и пошел в дом учения.

«Что же ты не понимаешь?» – спросил он.

«Я не понимаю смысла молитвы, – сказал ученик. – Ведь я говорю: "Я верую". Если я в самом деле верую, то как же я могу согрешить? Но если я в действительности не верую, то зачем же я лгу?»

«Но ведь слова "Я верую" – это молитва, – объяснил рабби. – Смысл этих слов: "О, если бы мне было дано веровать!"».

«Как это верно! – воскликнул хасид с просветлевшим лицом. – Как это верно! Если бы мне было дано веровать! О Владыка Мира, если бы мне было дано веровать!»

СВЕТ

«И сказал Бог: "Да будет свет" *». Рабби Шломо-Хаим из Койданова, внук рабби Мордехая из Ляховичей, читал этот стих таким образом: «И он сказал: "Бог, да будет свет!" Когда человек страстно молит: "Боже, да будет свет!", то он, несомненно, узрит свет».

* [Быт. 1:3]

ЕВРЕЙ

Перед смертью рабби Шломо-Хаим сказал своим сыновьям: «Не надо думать, что ваш отец был цадиком, рабби и "хорошим евреем". Но я не был и лицемером. Я ведь в самом деле старался быть евреем».

❖ *Моше из Кобрина*

РЫБА В ВОДЕ

Рабби Моше из Кобрина рассказывал эту историю: «Когда-то, еще ребенком, я играл с другими детьми в первый день месяца элул. И тут моя старшая сестра сказала мне: “Как ты можешь играть сегодня – ведь начался месяц, в который мы готовимся к Судному дню, когда даже рыба в воде, и та трепещет?”

После таких ее слов меня охватил трепет, и я дрожал несколько часов, не переставая. И даже сегодня, вспоминая это, я ощущаю себе рыбой в воде в первый день месяца элул, и, как рыба, я трепещу в ожидании избавления».

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Рабби Моше из Кобрина происходил из семьи, жившей в деревне, и его родители тяжелым трудом добывали себе скудные средства к существованию. Когда он был ребенком, в Литве выдался голодный год. Бедняки, оставив города, перебирались в сельскую местность в поисках пропитания. Каждый день голодные люди во множестве проходили через деревню, в которой жили родители Моше. Его мать ручной мельницей молола зерно, пекла каждое утро хлеб и раздавала его голодным.

Однажды пришло больше людей, чем обычно, и весь испеченный хлеб уже был роздан. Но печь еще была горячей, а в квашне оставалось тесто. Мать быстро слепила несколько хлебов и поставила их в печь. Тем временем голодные люди жаловались, что их вынуждают ждать, а несколько наглецов даже принялись браниться. Услышав все это, мать Моше расплакалась. «Не плачь, мама, – сказал мальчик. – Пусть они ругаются. А ты продолжай делать свое дело и выполняй заповедь Божью. Может, если бы они восхваляли тебя и осыпали благословениями, ты бы выполняла ее не так хорошо».

СТАТЬ СОЛДАТОМ

Рабби Моше из Кобрина рассказывал эту историю: «Однажды, когда я был маленьким, мне довелось быть в Пурим у моего учителя, рабби Мордехая из Ляховичей. Посредине трапезы он воскликнул: “Сегодня день даров, настал час раздачи подарков. Всякий, кто обратится ко мне, получит такую силу Божественного служения, какую он заслуживает”. Его ученики принялись просить самые различные духовные дары. Каждый получал желаемое и был доволен.

Наконец рабби спросил: "Ну, Моше, а тебе чего бы хотелось?"
И, поборов свою стыдливость, я ответил: "Мне не нужно ничего даром. Я хотел бы стать простым солдатом и заслужить все, что мне положено"».

НЕ ВСЕ СРАЗУ

Рабби из Кобрина рассказывал эту историю:
«Когда мой учитель обучал меня чему-либо, я не хотел и слышать ничего сверх этого – пока я не усваивал, чему он меня учил. И только тогда я снова был готов открыть свои уши».

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК

Рабби Мордехай из Ляховичей был учеником рабби Шломо из Карлина. Когда старый рабби умер, его ученики, рабби Мордехай и рабби Ашер из Столина, разделили общины его хасидов между собой. Однако они никак не могли прийти к согласию относительно Кобрина, который каждому хотелось заполучить. И рабби Мордехай предложил следующее решение: «Знаю я в Кобрине хасида, рабби Моше, – сказал он. – Сделай так, чтобы в течение года он приехал к тебе. Если приедет, то Кобрин твой. В течение этого года ты можешь любыми путями привлекать его к себе, а я буду делать все возможное, чтобы оттолкнуть его».

Так они и порешили. Когда рабби Моше приехал в следующий раз в Ляховичи, его учитель даже не поздоровался с ним. Однако Моше не задал ему ни единого вопроса и не усомнился ни в чем: он попрежнему сохранял верность рабби Мордехаю. И хотя рабби Ашер приглашал его к себе, всячески искал его расположения и делал самые заманчивые предложения касательно жизни и в этом, и в грядущем мире, Моше оставался непоколебимым. И его учитель получил Кобрин.

АНГЕЛЫ И ЛЮДИ

Рабби из Кобрина однажды поднял глаза к небу и воскликнул: «Ангел, маленький ангел! Совсем не трудно быть ангелом там, в небесах. Тебе не надо ни еды, ни питья, тебе не приходится растить детей и зарабатывать деньги. А сойди-ка ты на землю, начни заботиться о пропитании, о детях, о деньгах – и мы посмотрим, как ты сможешь вести ангельскую жизнь. Вот если сможешь – тогда и похваляйся. А сейчас нечего!»

ОТВЕТ

Рабби из Кобрина любил рассказывать историю о том, как ответил престарелый генерал царю Николаю. Генерал прослужил в армии полвека и был уже очень старым. Однажды на маневрах царь подъехал к нему и сказал: «Вижу, ты куда как бодр. Что, кровь еще горяча?»

На это генерал ответил: «Не в самочувствии дело, Ваше Величество, а в чувстве долга».

КНИГИ

Однажды рабби из Кобрина сказал:

«Будь на то моя воля, я бы спрятал все, что написано цадиками. Ведь если человек знает так много, его мудрость зачастую превосходит его деяния».

СУТЬ ВСЕГО

Рабби из Кобрина учил: «В конце Книги Экклесиаста мы читаем: “Бога бойся и соблюдай Его заветы, потому что в этом – вся суть человека”*. И к чему бы ты ни пришел в конце концов, неизменно ты услышишь лишь одно: “Бойся Бога!”, и важнее этого нет ничего. Нет такого во всем мире, что не было бы тебе примером: как следует бояться Бога и служить Ему. Все это заповедано».

* [Эккл. 12:13]

ВЕРХ И НИЗ

Рабби Моше из Кобрина учил: «Когда ты идешь по свежевспаханному полю, то борозды чередуются с гребнями. Точно так же и твоя служба Господу. То вверх, то вниз, то дурное начало одерживает верх, то ты побеждаешь его. Тут главное, чтобы последнее слово осталось за тобой».

РАДИ КОРОЛЯ

«И если один из вас вдруг упадет с высот, достигнутых им, – говорил рабби из Кобрина своим ученикам, – и ввергнется в бездну, то он не должен отчаиваться. Пусть он заново впряжется в ярмо Царствия Небесного и возобновит свои старания.

Когда саксонцы вели бои с русской армией, здесь, в наших краях, то однажды русский солдат сбил с ног саксонца. “Проси пощады, – крикнул он, – или ты сейчас умрешь!”

“Ни за что! – прохрипел саксонец. – Я никогда не навлеку позора на своего короля!”

Тогда русский солдат крикнул еще громче: "Проси пощады, или голова с плеч!" Но прежде чем сталь клинка впилась в его горло, саксонец повторил: "Я никогда не навлеку позора на своего короля!"»

ПРОСТО ДЕЛАЙ, ЧТО ТЕБЯ ПРОСЯТ

Прежде чем набрать воды для приготовления теста для мацы, рабби из Кобрина сказал стоящим вокруг него: «Царь учит своих солдат разным приемам боя, но в гуще битвы они забывают все эти премудрости и просто сражаются. Когда речь идет о том, как следует набирать воду, то и здесь существуют разные секреты. Однако если меня просят набрать воду, то я просто делаю то, что меня просят».

ПЛАТЬЕ НЕ ПО МЕРКЕ

Жена важного офицера заказала портному сшить дорогое платье. Но, примерив его, она сказала, что платье слишком узкое, и выгнала портного за дверь. Портной пошел к рабби из Кобрина и взмолился научить его, что ему следует сделать, дабы не лишиться расположения богатых заказчиков.

«Вернись к ней, – сказал цадик, – и предложи переделать платье. Затем распори его и снова сшей – как было».

Портной сделал, как ему было сказано. С видом смиренной застенчивости он снова принес якобы перешитое платье, и на этот раз оно было признано удачным.

Это одна из тех историй, которые рабби Моше любит рассказывать сам.

ДУША И ДУРНОЕ НАЧАЛО

Рабби из Кобрина учил: «Душа сказала дурному началу то, что сказал Авраѓам Лоту: "...если ты – налево, то я – направо, а если ты – направо, то я – налево"*. Но если ты вдруг присоветуешь мне пойти направо с тобою вместе, то я лучше пойду налево».

* [Быт. 13:9]

ГОРЬКО, НО НЕ ПЛОХО

Рабби из Кобрина учил: «Когда человек страдает, ему не следует говорить: "Как мне плохо! Как мне плохо!" Не может быть плохим то, что ниспослано Господом. Следует при этом говорить: "Мне горько!" Ведь существуют же лекарства, сделанные из горьких трав».

НЕ ОДНИМ ЛИШЬ ХЛЕБОМ

Однажды во время субботней трапезы рабби Моше взял кусок хлеба и сказал своим хасидам: «Сказано: "Не одним лишь хлебом живет человек, но всем, что исходит из уст Бога"*. Человек существует не благодаря хлебу, но благодаря искрам Божественной жизни, заключенным в нем. Все существует благодаря Его жизни, дающей жизнь, и когда Он удаляется ото всего, то все распадается и обращается в прах».

* [Втор. 8:3]

ПО ЧЬЕМУ СЛОВУ

Один из хасидов рабби Моше состоял на государственной службе. Однажды утром, придя на работу, он вдруг почувствовал сильное беспокойство. Не зная, как быть, он оставил все дела, вернулся в свой город и, не заходя домой, отправился прямо к цадику, который в это время как раз садился завтракать. Перед ним стояла миска овсяной каши, и он говорил благословение, кончающееся так: «по чьему слову существует все на свете».

Цадик даже не посмотрел на хасида, стоящего на пороге, и не протянул ему руку для пожатия. И хасид стоял, ожидая, когда представится возможность рассказать о своем беспокойстве. Наконец рабби спросил: «Залман, я-то думал, что ты похож на отца, а теперь вижу, что вовсе не похож. Твой отец как-то пришел ко мне с целым ворохом жалоб. Когда он вошел в дом, я как раз говорил благословение над едой, именно то, что ты слышал сейчас: "по чьему слову существует все на свете". Кончив благословение, я увидел, что твой отец собрался уходить. "Абраша, – спросил я его, – у тебя что-то случилось?"

"Нет, ничего", – ответил он и вышел.

Так ты понял? Когда еврею напоминают, что все на свете существует по слову Бога, – что еще он может спросить? Потому что это и есть ответ на все вопросы и волнения».

И рабби Моше протянул хасиду руку на прощание. Тот какое-то время стоял молча, потом попрощался с учителем и отправился восвояси, утешенный.

КТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?

Настало время субботней трапезы, и много молодых людей собралось вокруг стола рабби из Кобрина. Рабби пристально посмотрел на одного из молодых людей, часто бывавшего в его доме, и спросил слугу: «Кто этот человек?» Слуга не без удивления назвал имя молодого человека. «Но я его не знаю», – сказал рабби Моше. Слуга сказал, как зовут отца молодого человека и как зовут тестя, но рабби, похоже,

так и не мог ничего припомнить. Тогда слуга сказал ему, когда молодой человек появился в Кобрине и откуда он узнал о рабби.

Тут цадик вроде бы припомнил молодого человека и обратился к нему, стоящему в растерянности и недоумении: «Теперь понятно, почему я не узнал тебя. Я узнаю людей по их мыслям, а твои мысли находятся где-то далеко-далеко, и все, что я вижу, – это твое тело».

НЕ ТЕСНИТЕСЬ

Однажды вечером на Хануку люди столпились, глядя, как рабби Моше зажигает ханукальные свечи. Но он сказал: «Ведь написано в Торе: "И как увидел народ, содрогнулись и встали поодаль"*. Вот и вы, когда теснитесь и толпитесь, то тем самым только удаляетесь».

* [Исх. 20:18]

ПЛАМЯ УГАСАЕТ

Один хасид пожаловался рабби из Кобрина, что всякий раз, когда он выходит из дому, чтобы встретиться с рабби, его сердце объято радостным пламенем и ему мнится, что, представ перед учителем, он окажется на небесах; однако, уже встретившись с учителем лицом к лицу, он ощущает, как пламя угасает, и в его сердце воцаряется холод.

На это рабби ответил: «Помни, что сказал Давид-псалмопевец: "Жаждет душа моя Господа"*, и далее "Так, в святилище да увижу я Тебя"**. Давид молит Господа дать ему возможность ощутить в святилище то же рвение и энтузиазм, которые он испытал "в земле пустынной, иссохшей и безводной"***. Ибо сначала всемилостивейший Бог пробуждает в человеке религиозное рвение, но после того, как рвение вспыхнуло в его душе, Он забирает Божественное пламя, чтобы человек остался сам собой и сам по себе мог достигнуть состояния духовного пробуждения».

* [Пс. 42:3]
** [Пс. 63:3]
*** [Пс. 63:2]

УЛОВКИ САТАНА

«В былые времена, – рассказывал рабби из Кобрина, – когда Сатан хотел помешать хасиду повидаться с цадиком, он принимал облик его отца, или матери, или жены и делал все возможное, чтобы убедить хасида отказаться от своего намерения. Но, убедившись, что его противодействие только укрепляет душу хасида, он сменил свою тактику. Сделав вид, что он заключил мир с хасидом, Сатан стал вести себя подружески, говоря кротко и тихо: "Ты убедил меня. Иди к своему рабби и позволь мне сопровождать тебя. Ты будешь молиться, как считаешь

нужным, но позволь мне молиться рядом с тобой; ты будешь постигать новое, а я помогу тебе в этом".

И настанет время, когда Сатан скажет: "Ты садись в кресло цадика, а я сяду рядом с тобой. И мы с тобой будем неразлучны"».

ПРИЕМЛЯ ЭТОТ МИР

Один из хасидов рабби Моше был очень бедным. Он жаловался цадику, что невыносимые обстоятельства его жизни мешают ему молиться и изучать Тору.

«В наш век и в наши дни, – ответил ему рабби Моше, – набожность в высшем ее проявлении заключается не в молитвах и учении, а как раз в том, чтобы принимать этот мир в таком виде, как он есть».

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ СМЫСЛ

Вот что рабби Моше сказал человеку, который спросил его относительно каббалы, мистического учения, и каванот, мистического сосредоточения мыслей, направленного на достижение эффектов, превосходящих человеческие возможности. «Следует иметь в виду, что слово "каббала" происходит от слова "лекабель", "получать", а слово "кавана" – от слова "лекавен", "направлять". Высшее значение всей мудрости каббалы – принимать бремя Царствия Божьего, а высшее значение всего искусства каванот – направлять свое сердце к Богу. Когда человек говорит "Господь есть Бог", имея в виду: "Он – мой, а я – Его", разве не должна его душа покинуть тело?» И, сказав эти слова, рабби потерял сознание.

ДАР

После смерти рабби Ицхака из Ворки один из его хасидов пришел к рабби Моше из Кобрина. «Что ты надеешься получить от меня здесь, в Литве? – спросил его рабби. – Ведь то же, если не большее, ты мог бы получить от любого цадика в Польше». Хасид на это ответил: «Мой учитель часто говаривал, что получить знания от рабби Моше – это священная обязанность, поскольку он всегда говорит истину от всего сердца. И потому я решил приехать сюда, чтобы вы научили меня, как обрести истину».

«Истину нельзя обрести, – сказал рабби из Кобрина. – Бог наблюдает за человеком, который всю жизнь занят ее поисками, – и неожиданно дает ее, как дар. Вот почему сказано: "Ты явишь истину Яакову"*».

Рабби взял двумя пальцами щепотку нюхательного табака и рассыпал его по полу. «Глянь, даже меньше, чем эта малость!» Он взял еще щепотку, буквально не-

* [Миха 7:20]

сколько крупинок. «А может, даже еще меньше, если только это и есть истина!»

ИСТИННЫЙ СТРАХ ПЕРЕД ГОСПОДОМ

«Если бы я испытывал истинный страх перед Господом, – говорил рабби из Кобрина, – я бы выбежал на улицу, с криком: “Вы грешны перед Торой, в которой сказано: ‘Святы будьте’”»*.

* [Лев. 19:2]

КРЮЧОК И КОРОНА

Рабби из Кобрина говорил: «Вождю народа Израиля не следует полагать, что Господь, владыка мира, избрал его потому, что он – великий человек. Если царь повесит свою корону на деревянный крючок в стене, следует ли крючку мнить, будто царский выбор объясняется великолепием этого крючка?».

РАДИ ДРУГИХ

В канун Новолетия, перед полуденной молитвой, рабби из Кобрина, опустив голову на стол, прижался лбом к груде лежащих перед ним записок, в которых содержались просьбы членов общины, и сказал:

«Владыка мира, Ты знаешь неразумность мою, грехи мои не скрыты от Тебя»*. Но что я могу поделать со всеми этими людьми? Они полагают, что от меня и в самом деле что-то зависит! Потому-то я молю Тебя: «Пусть те, кто ждет Тебя, не устыдятся из-за меня!»

* [Пс. 69:6]

САМООБЛАДАНИЕ

Однажды в канун Новолетия рабби Моше, подойдя к амуду, чтобы начать молитву, вдруг ощутил дрожь во всех членах. Он ухватился было за амуд, но тот тоже раскачивался взад-вперед. Цадик удержался на ногах, лишь откинувшись назад. Казалось, он прилагает все усилия, чтобы загнать дрожь вовнутрь. Наконец ему это удалось, он выпрямился и начал молитву.

ЧТЕНИЕ МОЛИТВЫ

Прежде чем приступить к молитвам в первый день Новолетия, рабби Моше из Кобрина сказал:

«Однажды король разгневался на свой мятежный народ и стал вершить свой суд над ним. Никто не осмеливался предстать перед королем с просьбой о даровании милости. На это решился лишь человек,

который был во главе мятежа. Зная, что он сам все равно обречен на казнь, этот человек явился к королю и стал просить о милости. Вот так же в Дни трепета читающий молитвы предстает перед Ковчегом Завета и молится за всю общину».

ОН ВОЗЗВАЛ К НИМ

В первый день Новолетия, прежде чем вострубить в шофар, рабби из Кобрина воззвал к своей общине:

«Милые мои братья, не полагайтесь полностью на меня! Хорошо бы, если каждый из вас взял на себя свою часть!»

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Однажды в субботу рабби Моше из Кобрина стоял перед Ковчегом Завета и читал мусаф, дополнительную молитву, представляющую собой замену жертвоприношению в субботу и праздничные дни. Дойдя до слов «Приведи нас в нашу землю, и там мы будем совершать пред Тобою заповеданные нам жертвоприношения», он упал на пол, потеряв сознание. Его с трудом привели в чувство, и он закончил молитву.

Вечером этого дня, сидя за столом, рабби Моше сказал: «Там, в нашей Земле, мы будем совершать заповеданные нам жертвоприношения по субботам, ибо здесь у нас нет ни святилища, ни возможностей для приношения жертвы». И, все больше воспламеняясь, он воскликнул: «Владыка мира, мы, мы сами принесем себя в жертву!»

И тут все поняли, отчего он потерял сознание в доме молитвы и упал на пол, будто жизнь покинула его.

ГЛУПЕЦ

Рабби из Кобрина спросили: «Почему кантора всегда называют глупцом?»

«Дело в том, – объяснил рабби, – что мир музыки находится на самой грани мира Божественного, и когда кантор поет, он весь в мире музыки и так близок к Богу! Ведь ему ничего не стоит переступить грань и броситься в тот мир, изменив свою жизнь, – а он этого не делает. Из всех глупостей это самая глупая глупость».

СИЛА ЗА СИЛУ

Рабби Моше учил так: «Когда еврей собирается произнести “Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной” и уже готов сказать первое слово, “Благословен”, он должен сделать это с такой силой,

чтобы уже быть не в состоянии произнести следующие слова благословения. В этом и заключается смысл стиха из Писания "А надеющиеся на Господа обновят силу"*. Ведь по сути мы говорим вот что: "Отец Небесный, я отдаю Тебе всю свою силу в первом же слове, а теперь ты взамен дай мне новую силу, и дай в избытке, чтобы я мог продолжить свою молитву"».

* [Ис. 40:31]

ВНУТРЬ СЛОВА

Рабби Моше из Кобрина говорил: «Когда ты произносишь слово, обращенное к Богу, то войди в это слово всеми членами своего тела».

Один из присутствующих спросил рабби: «А как же человек, при всем его росте, сможет войти в маленькое слово?»

На это цадик ответил: «Но мы не ведем речь о людях, которые полагают, будто они больше, чем слово».

ТОТ, КТО НЕ УМЕЕТ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ

Когда рабби из Кобрина подходил к тому разделу пасхальной Агады, где говорится о четырех сыновьях, которым отец рассказывает о празднике, и о младшем сыне, который не умеет задавать вопросы, то рабби Моше, сказав эту фразу – «Тот, кто не умеет задавать вопросы», делал паузу и говорил со вздохом, обращаясь к Богу: «И тот, кто – увы! не умеет молиться, – открой же его сердце, чтобы он мог возносить молитвы».

КТО ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ «ОДИН»?

Вот что сказал рабби Моше из Кобрина о первом из вопросов, задаваемом в считалочке, которая поется уже ближе к концу пасхального седера: «Один, кто знает, что такое "Один"? Я знаю, что такое "Один"».

«Один, кто знает, что такое "Один"? Кто может знать, что такое "Один" – ведь это сама единственность. Разве не спрашивают и серафимы: "Где обитель Его славы?" Один, и я знаю это, несмотря ни на что! Ибо, как сказал мудрец [Йеѓуда Ѓалеви]: "Бог, где я могу найти Тебя? Ведь Ты же повсюду!" Вот и серафимы отвечают: "Вся земля полна славы Его!"* Я знаю, что такое "Один", который есть сама единственность, благодаря тому, что Он мне сделал».

* [Ис. 6:3]

ЛЕСТНИЦА

Рабби Моше учил: «Сказано: "И снилось ему: вот, лестница стоит на земле..."* Ему – это каждому из людей.

* [Быт. 28:12]

Каждый человек должен знать: я сотворен из глины, я лишь один из бесчисленных глиняных черепков, но "верх ее [лестницы] достигает неба" – моя душа достигает небес; и "вот, ангелы Всесильного восходят и спускаются" по лестнице – даже движение ангелов зависит от моих поступков».

ПОВСЮДУ

Рабби из Кобрина учил: «Бог говорит человеку, как он сказал Моше: "Сбрось обувь с твоих ног", то есть отбрось все привычное, что висит грузом на твоих ногах, и ты поймешь, что "место, на котором ты стоишь, – земля святая"*. Ибо нет такой ступени в жизни человека, когда мы не могли бы ощутить Божественную святость повсюду и во все времена».

* [Исх. 3:5]

ОН ГРЯДЕТ

Рабби из Кобрина учил: «В мидраше мы читаем: когда Моше объявил народу, что Бог избавит их от рабства, они ответили ему: "Как же Он может нас избавить, если вся земля Египетская осквернена нашим идолопоклонством?" Но Моше ответил им: "Если Он хочет вас избавить, Ему нет дела до вашего идолопоклонства". И ведь сказано: "Чу! Голос возлюбленного моего! Вот он идет! Скачет он по горам, прыгает по холмам"*. Так же дела обстоят и сейчас. Стоит человеку задуматься и пожелать избавления от недобрых дел, и тотчас дурное начало станет ему нашептывать: "Как же ты можешь надеяться на избавление! Разве не проводишь ты все свои дни в заботах об обыденном?" Но наши мудрецы говорят: "Если Он хочет вас избавить, Ему нет дела до былого, Он одним прыжком одолеет прошлое и даст вам избавление"».

* [Песнь 2:8]

РАДИ ВСЕВЫШНЕГО

Рабби из Кобрина учил: «Сказано: "И передал Моше слова народа Богу"*. Повинуясь Божественному велению, Моше принес народу Израиля весть, что будут они Богу "царством священнослужителей и народом святым"**, и они ответили: "Все, что сказал Бог, сделаем"***. Но такой ответ означал: сделаем не для того, чтобы достигнуть высшей ступени служения Богу, но лишь потому, что Он так сказал нам. Ответ этот удовлетворил Моше, и он сказал об этом Богу – от имени всего народа и от своего имени».

* [Исх. 19:8]
** [Исх. 19:6]
*** [Исх. 19:8]

НЕ БОЯСЬ СМЕРТИ

Однажды хасиды сидели в доме рабби из Кобрина в праздник Шавуот, и рабби обратился к ним: «Сказано, что на горе Синай народ говорил Моше: "Говори ты с нами, и услышим, пусть не говорит с нами Всесильный, а то мы умрем"*. Как же могло случиться, что в свой самый великий час народ Израиля отказался услышать голос Господа, страшась смерти, которая есть не что иное, как высвобождение души из телесной оболочки, дабы она могла существовать в царстве света!»

* [Исх. 20:19]

Цадик повторил свой вопрос один раз и другой, а на третий он лишился чувств и какое-то время лежал без движения. Когда его привели в чувство, цадик выпрямился в своем кресле и продолжил свои поучения: «"...а то мы умрем". Потому что им было страшно подумать, что они больше не смогут служить Господу на земле».

САМЫЙ СКРОМНЫЙ

Рабби из Кобрина спросили: «Как могло случится, что Датан и Авирам упрекнули Моше в том, что он хочет над ними властвовать?* Разве в Торе не сказано, что Моше был самым скромным из людей?»

На это рабби ответил: «Когда Моше сидел в кресле цадика, его суждения были твердыми и властными, и вот почему можно было подумать, что он стремится властвовать над окружающими. Но в глубине души Моше был очень скромным человеком. Сколь же отличаются от него все те, кто неизменно стоит на своем, но при этом ходит потупив взор и именует себя скромником. Такая скромность – это притворство. Истинная скромность – в глубине души человека».

* [Чис. 16:12-13]

СЛОВА, НЕ ДОШЕДШИЕ ДО СЕРДЦА

Однажды рабби из Кобрина поучал за субботней трапезой; в завершение он сказал хасидам, сидевшим с ним вокруг стола: «Как я вижу, ни одно из сказанных мною слов не дошло до ваших сердец. И если вы спросите меня, почему я так думаю – не будучи ни пророком, ни сыном пророка, – то я вам отвечу. Слова, идущие от сердца, всегда находят путь к сердцу другого человека во всей их полноте. Но если слова не нашли сердца, к которому они были обращены, то Бог оказывает милость говорящему: Он возвращает ему эти слова, дабы они не пропали втуне. Это случилось и со мною: я ощущаю, как сказанные мною слова переполняют мое сердце.

* * *

После смерти рабби Моше один из его друзей сказал: «Если бы ему было с кем говорить, он бы не умер».

ОТДОХНОВЕНИЕ

Однажды, уже будучи старым, рабби Моше сидел за субботней трапезой, и всем было видно, как он ослаб. Его верный слуга предложил ему пойти отдохнуть. «Глупец! – воскликнул рабби. – Для меня единственное отдохновение – общаться со своим народом. Я не знаю никакого другого отдыха».

«ЕСЛИ БЫ ЗНАТЬ»

Однажды рабби Моше сказал:

«Если бы только знать, что мне удалось помочь хотя бы одному из моих хасидов по-настоящему служить Господу, то ничего другого мне и не надо».

В другой раз он сказал:

«Если бы только знать, что я хотя бы раз сказал "Амен" так, как следует говорить, то ничего другого мне и не надо».

И еще как-то он сказал:

«Если бы только знать, что после моей смерти на небесах скажут: "К нам идет еврей", то ничего другого мне и не надо».

КОНЕЦ

В Великую субботу, за несколько дней до своей смерти, рабби Моше из Кобрина снова и снова повторял слова псалма: «Славьте Бога! Восхваляй, душа моя, Бога»*. Затем он сказал вполголоса: «Душа моя, ты будешь славить Бога в любом из миров, где бы ни был этот мир. Но все же вот о чем я молю Бога: "Буду восхвалять Бога, пока я жив"** – и пока я существую, я хочу, чтобы у меня были силы восхвалять Его».

В последний день Песаха он долго говорил за праздничным столом, прежде чем сказать благословение. И потом вздохнул: «Мне нечего больше добавить. Скажем теперь благословение».

На следующий день он уже не встал с постели и неделю спустя умер.

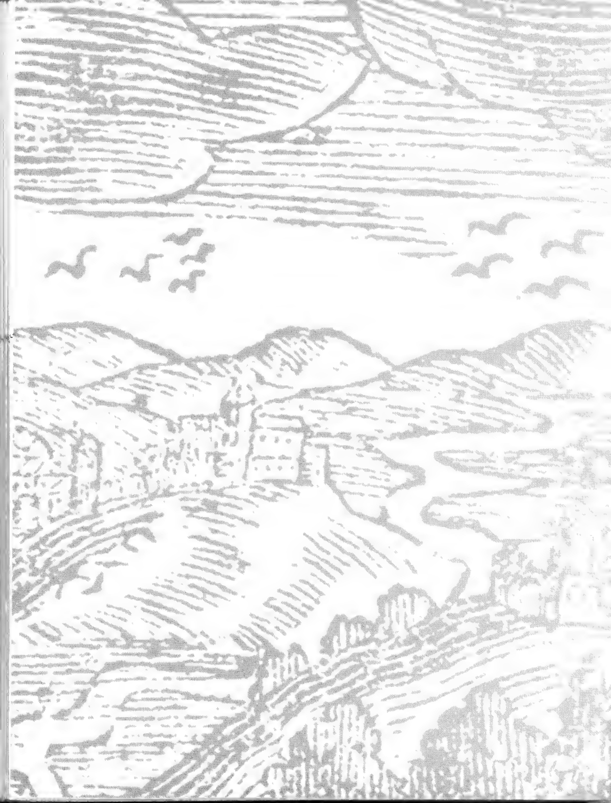
* [Пс. 146:1]

** [Пс. 146:2]

САМОЕ ВАЖНОЕ

Рабби Мендл из Коцка спросил вскоре после смерти рабби Моше одного из его учеников: «Что было самым важным для твоего учителя?»

Подумав, ученик ответил: «То, чем он занимался именно в этот момент».

Хасидские истории.
Поздние учителя

ИЗ ДОМА МАГИДА ИЗ КОЗНИЦ

Глава пятая

❖ *Моше и Элиэзер из Козниц*

ЧТОБЫ ЗАЖИГАТЬ СВЕТИЛЬНИК

Рабби Моше, сын Магида из Козниц, говорил: «Сказано: “Чистое оливковое масло, выжатое из маслин, для освещения – чтобы зажигать светильник”*. Нас тоже надо жать, мять и давить, чтобы мы могли излучать свет».

* [Исх. 27:20]

ОКНО И ЗАНАВЕСКА

Когда юный рабби Элиэзер из Козниц, сын рабби Моше, гостил в доме рабби Нафтали из Ропшиц, он как-то раз не без удивления взглянул на окно с раздвинутыми занавесками. Хозяин дома спросил, в чем причина его удивления, и рабби Элиэзер ответил: «Если тебе хочется, чтобы люди заглядывали к тебе в дом, то зачем вообще занавески? А если тебе не хочется, чтобы люди заглядывали к тебе в дом, то зачем тогда тебе окна?»

«Ну, а ты как объяснишь раздвинутые занавески?» – спросил рабби Нафтали.

«Если тебе хочется, чтобы человек, которого ты любишь, заглянул к тебе, – ответил юный рабби, – тогда ты отдергиваешь занавеску».

❖ *Хаим-Меир-Йехиэль из Могельницы и Иссахар из Вольбужа*

ОПРАВДАНИЕ

Рабби Хаим-Меир-Йехиэль рассказывал: «Моя мать, мир ее праху, теряла детей в самом младенчестве, одного за другим. Наконец она родила мальчика, которому дали имя Моше, и выглядел он вполне здоровым. Впервые он сел за стол со своим дедом, святым магидом, в третью трапезу субботы, и было ему тогда семь лет. В тот день читалась недельная глава Торы, где Бог велел Моше "сказать скале, чтобы она дала воду"*, и "Моше ударил по скале посохом своим два раза, и обильно потекла вода"**. Вся семья сидела за едой, и тут мальчик Моше вскочил на стол и закричал: "Тора говорит о грехе Моше – но какой же грех в том, чтобы ударить по скале посохом? И разве не сам Господь сказал ему: 'Возьми посох'"?***

И он продолжил говорить, и представил логичное оправдание поступку нашего учителя Моше. Затем он слез со стола и сказал матери: "Мама, голова болит". Он пошел в свою комнату, лег на кровать и умер. Впоследствии цадики этого поколения говорили, что в мальчика вселилась душа учителя нашего Моше и что он родился для того лишь, чтобы оправдать поступки Моше.

Когда он умер, моя мать стала умолять своего отца, святого магида, сделать так, чтобы хоть один ее ребенок дожил до взрослых лет. Тот ответил ей: "Дочь моя, когда ты ложишься со своим мужем, твоя душа воспаряет высоко в небеса в порыве радости, и потому дети, которых вы зачинаете, имеют мало земного. Верни свою душу на землю, и тогда твой ребенок будет жить долго". Моя мать восприняла этот совет всем сердцем, и вскоре на свет появился я.

В ночь накануне моего рождения ей снилось, что ее ввели в огромный зал, где старики в коронах и белых мантиях сидели вокруг длинного стола и слушали председательствовавшего за этим столом мальчика – ее сына Моше. Она кинулась было к нему, чтобы обнять и поцеловать, но он сказал: "Не прикасайся ко мне!" После чего он дал благословение на час ее родов».

* [Чис. 20:8]
** [Чис. 20:11]
*** [Чис. 20:8]

ВО ПЛОТИ

Рабби Хаим-Меир-Йехиэль рассказывал: «Когда мне было пять лет, я сказал моему деду, святому магиду: "Дедушка, ты ходишь к рабби, и мой папа ходит к рабби. А я – единственный, кто не ходит к рабби. Я тоже хочу ходить к рабби". И я заплакал.

Тогда мой дед сказал мне: "Но я – тоже рабби".

Тогда я спросил его: “Зачем же ты ходишь к рабби?”

А он спросил меня: “С чего ты взял, что я хожу к рабби?”

И я сказал: “Потому что по ночам я вижу, что ты сидишь со стариком, и сидишь так, как сидят ученики перед учителями – значит, этот старик и есть твой рабби”.

“Дитя мое, – сказал он, – но это Баал Шем Тов, пусть его достоинства защитят нас. Когда ты станешь постарше, тоже сможешь брать у него уроки”.

Я сказал: “Нет, я не хочу учиться у мертвого рабби”.

И я до сего дня думаю точно также. Я не хочу подниматься на ступень духовного совершенства не во плоти. Когда ученик учится у рабби, он должен быть похожим на своего учителя хотя бы в одном – быть во плоти. Это и есть тайна Шхины в изгнании».

САМОСТОЯТЕЛЬНО

Рабби Хаим-Меир-Йехиэль, внук Магида из Козниц, рассказывал: «Когда я был мальчишкой одиннадцати лет, мой дед позвал меня и сказал: “Приходи ко мне на рассвете, и я начну учить тебя каббале”. Я не послушался деда, но с этого времени я стал самостоятельно учиться, начиная с рассветного часа, потому что не хотел ничего такого, чего бы я не смог сделать самостоятельно.

Некоторое время спустя мой дед снова позвал меня и сказал:

“Сначала я было подумал, что тебе не хочется рано вставать. Но я узнал, что ты сам встаешь очень рано и все равно не приходишь ко мне”. Но он, однако же, осознал, что я хочу заниматься самостоятельно, и потому добавил: “Во всяком случае, постарайся каждое утро приходить ко мне, когда я молюсь, и я позабочусь, чтобы ты получал святое озарение”.

Но я и тут не хотел прибегать ни к чьей помощи и потому приходил только к началу молитвы и потом в конце. Время шло, и вот как-то ночью мне было видение. Мой учитель, рабби из Апты, да будет благословенна его память, предстал предо мною и дал мне тфилин, принесенный им прямо из рая. И, возложив этот тфилин на голову, я ощутил святое озарение».

ВЫБОР ДУШИ

Однажды рабби Хаим-Меир-Йехиэль рассказывал своим хасидам: «Я знаю человека, который в ночь накануне своего совершеннолетия оказался в высших мирах, где ему предложили выбрать душу по своему желанию. И он выбрал великую душу. Однако после этого он не достиг высшей ступени бытия, оставаясь обыкновенным человеком».

И хасиды поняли, что рабби рассказал им о себе.

СЕКРЕТ ОТСЧЕТА

Рабби из Могельницы сказал однажды своим хасидам: «Я растолкую вам секрет отсчета пятидесяти дней между Песахом и Шавуот. Сначала вы пребываете во тьме, затем делается немного светлее, затем снова наступает темнота, а затем, день за днем, постепенно становится все светлее и светлее, пока, наконец, не наступает истинный свет, и мы получаем Тору, к дарованию которой мы внутренне готовились все это время».

ПРОТИВ БЛАГОЧЕСТИВЫХ МЫСЛЕЙ

Однажды в Пурим рабби из Могельницы читал свиток Эстер; а когда рабби закончил чтение, молодой человек, стоявший неподалеку от него, сказал: «Боюсь, я не слушал достаточно внимательно, и, возможно, я упустил одно-два слова, пока я повторял текст за вами, про себя».

Позже рабби сказал своим друзьям: «Вот вам человек с избытком благочестия. Думает он только о том, как бы все делать строго по правилам. Но тот, чья душа готова исполнять волю Бога и все Его заповеди, всецело прилепившись к Господу, вполне может ошибиться и сделать не все строго по писаному, да это и не очень его беспокоит. Ибо сказано: «Любовь искажает меру*.

* [Берешит раба 22:97]

НИКАКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Рабби из Могельницы говорил:

«Всем известно, что высказывания наших мудрецов, которые порой будто противоречат одно другому, все суть «слова Бога живого»*. Мысли каждого из них – плоды их небесных рассуждений, а на Небесах все слова истинны, поскольку там не существует противоречий. Все противоположности – к примеру, запреты и дозволения, вина и невиновность – составляют там единое целое. Различия между запретом и дозволением проявляются только на земле».

* [Эрувин 13b]

ЕСТЬ РАЗНИЦА

Рабби из Могельницы собирался отправиться в путь, но, будучи старым и слабым, никак не мог залезть в повозку. Кто-то из хасидов отправился в дом принести стул. Но рабби Иссахар, увидев, что учитель стоит и ждет, лег на землю; цадик встал ногой ему на спину и залез в повозку.

Позже ученики рабби обсуждали случившееся. Один из них сказал: «Ну и что тут такого? Я был бы готов и два часа пролежать под ногами рабби».

В канун субботы, прежде чем цадик сел за трапезу, этот ученик лег под стол. Но рабби тут же заметил это. «Ну-ка, ну-ка, – сказал он, – немедленно вылезай из-под стола!»

БРАК

Рабби Иссахар вспоминал: «Однажды после моей женитьбы мы с моим другом сидели в доме учения и разбирали законы о браке, и тут вошел наш учитель, рабби Хаим из Могельницы; он дал нам некий документ, суть которого, по его словам, является самоочевидной, – и тотчас же ушел. Документ оказался брачным контрактом, и мы не нашли в нем ничего такого, что требовало бы разъяснений. Тогда мы обратились с вопросом к сыну рабби.

"Неужели вы не видите, – сказал он, – что здесь нарисованы две соединенные руки? Именно об этом он и спрашивал".

Потом его отец подтвердил слова сына и растолковал символику. "Судя по изображению рукавов, это руки жениха и невесты. Жених подает невесте свою руку со словами: 'И обручу тебя Мне навеки'* – и никогда их руки не разъединятся – 'и обручу тебя Мне правдою и справедливостью' – тут рука поглаживает руку, и рука шлепает по руке – 'благочестием и милосердием' – тут лакомый кусочек, а тут добрая выпивка – и мы пребудем вместе – 'навеки'; и мы никогда не потеряем самообладания". Вот такими и должны быть отношения еврея с Владыкой Вселенной – он неизменно должен сохранять самообладание!»

* [Гош. 2:21]

МИР ИНОЙ

Рассказывают такую историю. К рабби Иссахару явился умерший человек, которого он знавал в былое время, когда тот был живым и пользовался уважением всей общины, и обратился к рабби с просьбой о помощи, объясняя, что его жена умерла некоторое время тому назад, и ему нужны деньги для вступления в новый брак.

«Но разве тебе не известно, – спросил его цадик, – что тебя нет среди живых, что ты находишься в ином мире?»

Покойник отказался ему поверить, и тогда рабби приподнял фалды его сюртука, чтобы тот увидел саван.

Позже сын рабби Иссахара спросил отца: «Если так обстоят дела, то, может, и я тоже нахожусь в ином мире?»

«Если ты знаешь, что существует такой мир, – ответил его отец, – то, значит, ты там не находишься».

Хасидские истории.
Поздние учителя

ИЗ ШКОЛЫ РАББИ ИЗ ЛЮБЛИНА

Глава шестая

❖ *Давид из Лелова*

НОВЫЙ КОСТЮМ

Отец маленького Давида был бедным человеком. В год очень суровой зимы он все никак не мог купить сыну теплую одежду. Наконец он наскреб денег на покупку. Но когда Давид пришел в школу в новом костюме, он увидел маленького мальчика, дрожащего от холода в своих отрепьях, и немедленно предложил ему обменяться одеждой.

Вернувшись домой, Давид обо всем рассказал матери. «Надень свой старый костюм, – сказала она, – и отправляйся в школу. Если отец сейчас придет домой и увидит, что ты наделал, он очень рассердится и побьет тебя».

«Но, мама, – ответил мальчик, – уж лучше пусть он побьет меня и тем избавится от греха гнева».

ИМЯ БОГА

Рабби Давид из Лелова однажды услышал, как не очень образованный человек во время молитвы произносил имя Бога после каждого стиха. Делал он это потому, что каждый стих в молитвеннике завершался двумя точками, одна над другой. Этот человек полагал, что каждая точка – это мелко напечатанная буква йуд, или йод, а поскольку он слышал, что имя Бога иногда передается двумя буквами йуд, то и решил, что следует читать это имя после каждого стиха.

Цадик разъяснил ему: «Если ты увидишь двух евреев [йуд], рядом и на равных, – значит, это имя Бога. Но если ты заметишь, что один еврей [йуд] возвышается над другим – тогда они, несомненно, не евреи [йуд], и это никак не имя Бога».

О ТЕХ, КТО ЗАНЯТ РЕМЕСЛОМ

Рабби Ицхак из Ворки рассказывал: «Однажды мы с рабби Давидом из Лелова, да будет благословенна его память, приехали в маленький городок. Было уже после полуночи, и рабби Давид не хотел никого беспокоить, и потому мы отправились к рабби Беришу, пекарю. Он стоял у печи и пек хлеб. Когда мы вошли, то я заметил, как рабби Бериш нахмурился – потому что мы застали его за работой.

"Ах, – сказал рабби Давид, – если бы только Бог дал мне возможность зарабатывать на жизнь своими руками! Ведь каждый из нас стремится сделать хотя бы что-то для ближнего. Всякий, кто владеет ремеслом – торговец, сапожник, портной, булочник, – берет деньги за свой труд с тем только, чтобы иметь возможность существовать и по-прежнему делать что-то для ближнего". По мере того, как рабби Давид говорил все это, я видел, как светлело лицо булочника».

ОШИБКА

Рабби Ицхак из Ворки рассказывал следующую историю: «Однажды мы были в дороге с моим святым учителем рабби Давидом из Лелова и остановились на ночлег в городке далеко от наших мест. Вдруг какая-то женщина выскочила на улицу и набросилась на рабби Давида с побоями. Ей показалось, что она увидела своего бывшего мужа, который бросил ее много лет тому назад. Через несколько мгновений она осознала свою ошибку и разрыдалась.

"Не надо плакать, – сказал ей рабби Давид. – Ведь ты била не меня, а своего мужа". И добавил тоном ниже: "Как часто мы набрасываемся на человека по ошибке, приняв его за кого-то другого"».

МИРОТВОРЕЦ

Рабби Давид и его ученик Ицхак, ставший впоследствии рабби из Ворки, однажды отправились в одно место, куда рабби Давида попросили приехать для того, чтобы помирить двоих местных жителей, давно уже бывших в ссоре. В субботу рабби Давид произнес проповедь, причем в синагоге присутствовали оба пребывавших в контрах. После исхода субботы рабби Давид собрался домой и велел закладывать лошадей.

«Но рабби не сделал того, ради чего мы приехали», – заметил его ученик.

«Ты ошибаешься, – ответил рабби Давид. – Во время молитвы я ведь сказал: "Тот, кто творит мир на небесах, да сотворит его и для нас", – так оно и стало».

РАББИ ДАВИД И ДЕТИ

Всякий раз, когда рабби Давид из Лелова приезжал в какое-либо еврейское местечко, он собирал всех детей и давал каждому по свистульке. Затем он усаживал их в большой фургон, в котором он обычно совершал свои поездки, и катал их по городу. Сидящие в фургоне дети всю дорогу что было мочи свистели в свои свистульки, и лицо рабби Давида светилось улыбкой.

РАББИ ДАВИД И ЖИВОТНЫЕ

Однажды рабби Давид в сопровождении своего ученика рабби Ицхака поехал праздновать Новый год к своему учителю Провидцу из Люблина, как он это делал из года в год. В день Рош ѓа-Шана, когда настало время трубить в шофар, Провидец огляделся по сторонам и увидел, что рабби Давида нет нигде поблизости. Ицхак немедленно бросился на поиски и увидел рабби возле конюшни, где он кормил лошадей ячменем, насыпав его в свой картуз. Кучер, торопясь в дом молитвы, забыл задать лошадям корм.

Когда, покормив лошадей, рабби Давид вернулся в дом молитвы, Провидец сказал: «Рабби Давид показал нам, как надо трубить в шофар!»

* * *

Однажды в пятницу, уже после полудня, рабби Давид был в дороге, и вдруг лошадь остановилась и отказалась двигаться дальше. Кучер огрел было ее кнутом, но цадик запротестовал.

«Рабби, – воскликнул кучер, – солнце пошло на закат, и суббота уже почти наступила».

«В этом ты прав, – согласился рабби Давид, – но надо сделать так, чтобы лошади стало понятно. А иначе настанет день, когда ты предстанешь перед небесным судом, и решение будет в пользу лошади».

ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ

Рабби из Лелова говорил своим хасидам: «Не может быть избавления для человека, пока он не признает изъяны своей души и не приложит

все усилия, чтобы исправить их. И не может быть избавления для народа, покуда он не признает изъяны своей души и не приложит все усилия, чтобы исправить их. Те же, кто не признают своих недостатков, будь то человек или народ, не вправе рассчитывать на избавление. Избавление возможно лишь в той мере, в которой мы признаем свои изъяны.

Когда сыны Яакова сказали Йосефу: "Мы честные"*, он им ответил на это: "Потому-то и говорил я вам, что вы соглядатаи"**. Потом же, когда они признали свою вину и устами, и сердцем, "и сказали они друг другу: 'Вот, наказаны мы за брата нашего'"***, это были первые проблески раскаяния. И, переполненный сочувствием и жалостью, Йосеф "отвернулся от них и заплакал"****».

* [Быт. 42:11]
** [Быт. 42:14]
*** [Быт. 42:21]
**** [Быт. 42:24]

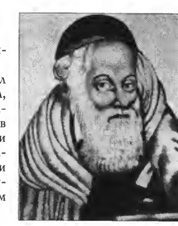
❖ *Моше Тейтельбойм*

НЕДРУГ

В молодые годы рабби Моше Тейтельбойм был недругом хасидизма, потому что он считал его ересью. Однажды он гостил у своего приятеля рабби Йосефа-Ашера, который также относился неодобрительно к этим новшествам. И примерно в это время вышел из печати молитвенник святого рабби Ицхака Лурия. Когда друзьям принесли эту книгу, рабби Моше вырвал ее из рук посланника и швырнул на пол. Но рабби Йосеф-Ашер поднял ее, со словами: «Ведь это же молитвенник, и мы должны относиться к нему с уважением».

Когда об этом рассказали рабби из Люблина, тот заметил: «Рабби Моше станет хасидом, а рабби Йосеф-Ашер останется нашим противником – потому что горящий ненавистью способен также и на пламенную любовь к Богу, но холодная враждебность извечно остается неизменной». Так оно и случилось.

СТРАХ

В своих заметках рабби Моше Тейтельбойм пишет о своих юношеских снах:

«Я выглянул в окно в канун Нового года и увидел множество людей, спешащих в дом молитвы. И я понял, что они движимы страхом перед Судным днем. И я сказал себе: "Благодарение Господу, я вел себя праведно в течение всего этого года. Я учился должным образом и молился должным образом, так что мне нечего страшиться". И тут я увидел плоды своих добрых дел: они были истерзаны, разодраны, загублены! В ту же минуту я проснулся и, охваченный страхом, помчался в дом молитвы вместе со всеми».

РАЙ

В заметках рабби Моше Тейтельбойма о своих снах говорится: «Я побывал в раю таннаев». А на другом листе заметок написано: «Ангелы окунут тебя, и вреда тебе никакого не будет». Во сне он стоял подле горы, желая войти в рай таннаев. Однако ему сказали, что сначала он должен окунуться в колодец Мирьям. Тут он взглянул в глубину колодца, и его охватил страх. Но ангелы подхватили его, окунули в воду колодца и вынесли на поверхность. И тогда он вошел в рай таннаев. Там он увидел мудреца в штраймле, читающего трактат, называющий-

ся «Первые врата». И тут кончилась дорожка, по которой он шел. Рабби Моше, сильно удивленный, воскликнул: «Нет, это не может быть раем!» На что ангелы сказали ему: «Послушай, дитя, ты ведь думаешь, что таннаи в раю, хотя это и не так – потому что рай в самих таннаях».

ГОРЕСТИ И РАДОСТИ

Когда рабби Моше Тейтельбойм стал учеником Провидца из Люблина, он начал постигать хасидизм, который нравился ему все больше и больше. Но однажды он задал себе вопрос, идущий из глубины души. Ведь хасиды все делают с радостью: радостно выполняют любую работу, ходят радостно, отдыхают радостно и с особой радостью молятся. И ему пришли на память слова: «Всякий богобоязненный человек должен скорбеть и сокрушаться о разрушении Храма». На следующий день, по дороге к рабби из Люблина, его переполняли сомнения, но он сдержал их и обратился к Господу: «Боже, тебе ведомы все мои мысли, и ты знаешь, что не в моих намерениях осуждать пути, которыми идут добрые люди. Пребудь же со мною, когда я приду к своему учителю, и помоги мне задать ему вопрос. Ибо наши мудрецы говорят: "Когда человек приходит, чтобы очиститься, они помогают ему"*. И сказано "они", а не "он". Поскольку "они" говорится о человеческих существах». Так он молился и беседовал с Богом всю дорогу до Люблина.

Как только он переступил порог, Провидец тут же спросил его: «Почему ты такой хмурый сегодня? Да, в самом деле, сказано, что всякий богобоязненный человек должен скорбеть и сокрушаться о разрушении Храма. Но поверь мне, мы тоже плачем о Иерусалиме в полночь, мы стонем и рыдаем, и тем не менее мы все делаем с радостью. Знаешь ли ты историю о царе-изгнаннике? Он долго странствовал, пока не нашел прибежище у друга. Этот верный друг проливал слезы, вспоминая о том, как жил царь в своем дворце, но вместе с тем и радовался, что сейчас царь живет в его доме. Теперь ты видишь, мой друг, что изгнанная Шхина пребывает с нами. Мне не следовало бы говорить об этом, поскольку нам велено хранить молчание о таких материях, но наши мудрецы говорят: "Когда человек приходит, чтобы очиститься, они помогают ему". И сказано "они", а не "Он", поскольку "они" говорится о человеческих существах».

* [Иома 38b]

ОЖИДАНИЕ

Рабби Моше Тейтельбойм постоянно жил в ожидании Машиаха.

Услышав шум на улице, он спрашивал трепещущим голосом: «Не посланник ли явился?» Ложась спать, он клал подле кровати свои субботние одежды и рядом свой посох паломника. Сторожу было вменено в обязанность разбудить рабби при первых же знаках прихода Машиаха.

Однажды некто предложил рабби купить прекрасный дом рядом с домом молитвы. «Зачем он мне? – сказал рабби. – Скоро придет Машиах, и я отправлюсь в Иерусалим».

Великие цадики его дней говорили, что в душе рабби возродилась искра души пророка Ирмеяѓу. Когда в день траура в память о разрушении Храма окружающие спрашивали о причинах его столь глубокой скорби, он отвечал: «Отчего вас это так удивляет? "Я муж, видевший бедствие от бича гнева Его"*, но Господь дозволит увидеть мне и восстановленный Храм».

Хотя рабби Моше был уже очень пожилым человеком, ему и в голову не приходило, что он может умереть до прихода Машиаха.

* [Плач 3:1]

* * *

Однажды на седьмой день праздника Суккот, Ѓошана раба, обходя биму, рабби Моше молился: «Владыка Вселенной, даруй нам наступление конца. И не думай, что я забочусь о своем собственном благополучии. Пусть я сам не удостоюсь освобождения и избавления; я готов быть камнем, пущенным из пращи, и претерпеть любые муки – с тем лишь, чтобы Шхина более не подвергалась страданиям».

* * *

В возрасте восьмидесяти двух лет он молился в канун Йом Кипур, перед произнесением Коль Нидрей: «Владыка мира, ты же знаешь, что я великий грешник, но ты также знаешь, что я всегда говорю правду. Я не лгу и потому скажу лишь то, что есть на самом деле. Если бы я, Моше, сын Ханы, знал, что мои волосы поседеют до прихода Машиаха, я бы, наверное, не перенес этого. Но ты, Владыка мира, изо дня в день дурачил меня, и вот я уже стал седым. Клянусь жизнью, ты, Всемогущий, и в самом деле сумел одурачить меня, старого дурака! И я молю тебя, Владыка мира, сделай так, чтобы он пришел сейчас! Не ради нас – ради Тебя самого, ради Твоего имени, которое да будет свято среди многих!»

* * *

Перед смертью рабби Моше сказал: «Я думаю о моих святых учителях, чьи души пребывают в раю. Почему же они молчат? Почему они не могут сотрясти все миры, да так, чтобы Машиах оказался на земле?» И спустя некоторое время добавил: «В царстве наслаждений они, похоже, пребывают в такой радости, что забыли про нашу землю и думают, будто Машиах уже пришел». И, прежде чем испустить последний вздох, сказал: «Но я – это совсем другое дело. Я не оставлю свой народ».

СТОРОЖ

В Ропшицах, городке, где жил рабби Нафтали, богатые люди обычно нанимали сторожей – охранять по ночам их дома, особенно стоявшие изолированно или на окраине. Однажды вечером рабби Нафтали прогуливался в лесочке, окружавшем город, и встретил сторожа, ходившего дозором. «Кого ты охраняешь?» – спросил рабби. Сторож ответил и в свою очередь спросил: «А кого ты охраняешь, рабби?»

Этот вопрос как громом поразил цадика. «Сейчас – никого», – едва смог вымолвить он. Потом он какое-то время шел рядом со сторожем и, наконец, спросил: «Не хотел ли бы ты стать моим слугой?» «Я бы не против, – ответил сторож, – а какими будут мои обязанности?»

«Напоминать мне о моих обязанностях», – ответил рабби.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

«Есть цадики, – говаривал рабби Нафтали, – которые молятся о том, чтобы люди, нуждающиеся в помощи, пришли к ним и получили помощь благодаря их молитвам. А вот рабби из Ропшиц встает рано утром и молится о том, чтобы всякий, кто нуждается в помощи, мог получить ее дома, чтобы ему не пришлось ходить в Ропшицы и потом обманываться мыслью, будто бы ему помог именно рабби из Ропшиц».

ЖЕЛАНИЕ

Однажды после мусафа в Йом Кипур рабби из Ропшиц сказал: «Я бы желал в следующей жизни быть коровой, чтобы евреи могли приходить ко мне по утрам и получать немного молока, дабы освежиться перед тем, как начать служить Господу».

ВОЖДЬ И ПОКОЛЕНИЕ

Однажды рабби Нафтали размышлял об истории из мидраша, в которой говорится, что Бог показал Моше все последующие поколения еврейского народа, поколение за поколением, с их мудрецами, поколение за поколением, с их судьями.

«Почему же, – спросил один из учеников, – сначала говорится о поколении и лишь затем о вождях? Разве не следовало бы сначала сказать о вожде?»

«Ты же знаешь, – ответил рабби, – что сияние лица Моше было подобно солнцу, сияние лица Йеѓошуа – подобно луне*,

* [Бава батра 75а]

а лица всех последующих вождей становились все бледнее и бледнее. Если бы Бог ненароком дал Моше увидеть лицо Нафтали, школьного учителя [так рабби Нафтали любил называть себя], то Моше воскликнул бы: “Как! И это – рабби?” и лишился бы чувств. Вот почему Бог сначала показывал ему народ и лишь затем вождя, подобающего этому народу».

НЕУМНАЯ ПРОСЬБА

Рабби из Ропшиц рассказывал такую историю: «Во время осады Севастополя царь Николай однажды объезжал укрепления, и неприятельский солдат прицелился в него, но русский солдат, завидев это, громко крикнул, царский конь отпрянул в сторону, и царь был спасен. Царь сказал солдату, чтобы тот просил, что хочет. “Наш капрал – просто зверь, – нерешительно пробормотал солдат, – он всегда бьет меня. Нельзя ли мне служить под началом другого капрала?”

“Дурак! – прикрикнул на него царь. – Проси, чтобы самому стать капралом!”

Вот так и мы: просим в своих молитвах о несущественных вещах, вместо того, чтобы молиться об избавлении».

ДВОЙНЫЕ БУЛКИ

Два молодых хасида были закадычными друзьями, и они частенько сиживали у рабби Нафтали за обеденным столом. Когда рабби раздавал хлеб (так было принято в его доме), им он давал двойную булку, то есть две булки, слипшиеся еще на противне. И вот как-то они разобиделись друг на друга; они сами толком не знали причин этой ссоры, но мириться не собирались. Когда они пришли к рабби в Ропшицы в субботний вечер и сели за стол, то рабби взял две слипшиеся булки, разделил их ножом и дал каждому из них по одной. Возвращаясь домой после субботней трапезы, они почувствовали стыд и раскаяние и в один голос воскликнули: «Это мы сами виноваты!» Они зашли в дом одного из них и выпили за здоровье друг друга. На следующий день, за полуденной трапезой, рабби Нафтали дал им, как и прежде, двойную булку.

ЯРОЕ ПЛАМЯ

Юный рабби Фейвиш, ученик рабби из Ропшиц, читал полуночный плач о Храме с такой страстью, будто Иерусалим был разрушен только сегодня. Всякий раз его буквально переполняла безграничная скорбь.

Однажды поздним вечером рабби из Ропшиц позвал сидевших с ним хасидов отправиться в дом учения. «Я вам растолкую, – сказал он, – что значат слова пророка: “Вставай, взывай в ночи!”*».

* [Плач 2:19]

В полутьме дома учения они обнаружили юного Фейвиша, мертвым сном спящего на лавке. Какое-то время они стояли и смотрели на него, недоумевая, зачем рабби привел их сюда. Вдруг юный рабби скатился с лавки на пол, рванул ворот рубахи и зарыдал: «Мама, я весь горю!» И тут часы пробили полночь.

По прошествии времени Фейвиш оставил рабби из Ропшиц и перешел к рабби из Апты. Рабби Нафтали очень сокрушался из-за этого. «Всеми силами своей души, – говорил он, – я старался сдерживать его порывы. Но в учениках у рабби из Апты он сгорит в яром пламени своего сердца». Вскоре после этого рабби Фейвиш умер прямо в доме молитвы, читая «Всякое дыхание да славит Господа»*.

* [Пс. 150:6]

УЧИТЕЛЬ

К рабби Нафтали из Ропшиц пришел хасид, заявивший, что на нем очень много грехов и что он уже был у другого цадика, но тот наложил на него слишком тяжелое покаяние, которое он физически не в состоянии вынести. Рабби Нафтали резко оборвал пришедшего. «Что же сделал тебе Отец наш, – закричал он страшным голосом, – что ты осмелился предать его?» Эти слова как громом поразили пришедшего, и он упал на пол, лишившись чувств.

Несколько хасидов из Венгрии, бывших в то время в комнате, начали смеяться. Рабби Нафтали сурово посмотрел на них. «Я едва не погубил человеческую душу, – воскликнул он, – а вы смеетесь!»

Венгерские хасиды принялись извиняться. «Когда наш учитель, рабби Айзик из Калло, лежал на смертном одре, он дал нам знак: "Если вы найдете человека, который сможет вынуть душу из грешника, очистить ее от греха и вернуть в тело, да так, что тот останется в живых, то именно такой человек и должен стать вашим рабби". Вот почему мы и рассмеялись. Мы нашли себе учителя и будем следовать за ним до прихода Машиаха – а потом мы вернемся к нашему старому учителю». Тогда и сам цадик присоединился к их смеху. Он помог кающемуся грешнику подняться с пола. «"Грех твой снят будет, и твоя вина будет прощена"*, – сказал он. – Иди с миром, следуй Божьему пути, и Создатель не оставит тебя».

* [Ис. 6:7]

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК, КОТОРОМУ БЫЛО СТЫДНО

Грешник, желавший искупить свои грехи, пришел к рабби из Ропшиц, чтобы узнать, какое ему следует наказание. Ему было стыдно признаваться цадику во всех своих грехах, хотя без полного признания рабби не мог определить меру покаяния. И потому он сказал, что его приятель совершил то-то и то-то, но ему стыдно было прийти к рабби самому, и потому он попросил пойти вместо него и узнать, как можно очиститься от всех грехов.

Рабби Нафтали с улыбкой посмотрел на хитроватое и беспокойное лицо посетителя. «Твой приятель – глупец, – сказал он. – Ему бы следовало прийти ко мне самому и сделать вид, что он пришел вместо кого-то, стесняющегося обратиться ко мне самостоятельно».

САМОНАДЕЯННЫЙ ПОДВИЖНИК

Когда рабби Нафтали был молодым, в его родном городе жил человек, который постился и ночи напролет молился с таким усердием, что полагал себя близким к совершенству, и его сердце преисполнялось гордыней. Рабби Нафтали отлично знал, что представляет собой этот человек. Однажды на глазах рабби Нафтали в доме учения какой-то мальчик задел локтем этого подвижника, погруженного в размышления. Рабби сделал мальчику замечание: «Как ты смеешь нарушать покой такого человека! Разве ты не знаешь, что он постится вот уже двадцать четыре часа?»

«Правильнее сказать, от субботы до субботы», – поправил его подвижник. После таких слов все тайное стало явным.

ПОЛДЕЛА

Однажды в Великую субботу рабби из Ропшиц пришел домой из синагоги очень уставшим. «Что с тобой?» – спросила его жена. «Проповедь была нелегкой, – ответил рабби. – Я говорил о нуждах бедного человека, о том, что цены растут, а ведь необходимо купить и мацу, и вино, и все прочее, что необходимо для пасхального седера».

«И чего тебе удалось добиться своей проповедью?» – продолжила свои расспросы жена.

«Полдела сделано, – ответил рабби. – Видишь ли, бедные уже готовы получать пожертвования. Что касается другой половины – то есть готовы ли дать что-нибудь богатые, так этого я еще не знаю».

НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ!

В день Симхат Тора рабби из Уланова, близкий друг рабби из Ропшиц, лежал при смерти. В Ропшицах хасиды начали танцевать во дворе дома цадика. Он стоял у окна и смотрел на них с улыбкой. Вдруг он сделал знак рукой, и все остановились, затаив дыхание. Какое-то время он стоял молча, и у него был вид человека, собирающегося сообщить дурные вести. Потом он взмахнул рукой и прокричал: «Когда один из генералов гибнет в разгар битвы, разве войско пускается в бегство? Битва продолжается! Радуйтесь и танцуйте!» Позднее стало известно, что рабби из Уланова умер именно в этот час.

НЕПОКОРНЫЕ ГЛАЗА

«Когда я был ребенком, – рассказывал рабби Шломо-Лейб из Ленчицы, – я умолил все части своего тела не делать ничего, кроме того, что должно делаться по воле Бога. Все они согласились – все, кроме глаз. И тогда я сказал, что не стану открывать глаза, и так лежал с закрытыми глазами. Когда моя мать спросила меня, почему я не встаю, я не стал ей отвечать, и она побила меня палкой. Я тогда спросил у глаз, готовы ли они теперь дать свою клятву – но они снова отказались. Мать побила меня еще, и так сильно, что глаза сжалились надо мною и сказали: "Ладно". И тогда я смог встать с постели».

БЕССТРАШНЫЙ

Рабби Цви-Элимелеха из Динова спросили, в самом ли деле они с рабби Шломо-Лейбом из Ленчицы остаются верными друзьями, несмотря на свою принадлежность к разным школам. На это он ответил: «Как же может быть иначе! Когда мы с ним были учениками рабби Мендла из Риманова, все так боялись нашего рабби, что не осмеливались и глазом моргнуть в его присутствии. Но он, Шломо-Лейб, сняв башмаки, плясал в одних чулках на столе рабби, прямо перед его носом, а тот сидел и смотрел на него, не говоря ни слова».

ПО ОБРАЗУ БОЖЬЕМУ

Рабби Яаков-Ицхак из Пшисхи по прозвищу Йеѓуди (что означает «Еврей») однажды сказал своему другу рабби Калману из Кракова, что среди его учеников есть один, в чьем лице явно виден Божественный образ. Рабби Калман взял свечу и пошел в дом учения, где обычно спали ученики. Он внимательно вглядывался в их лица, но не нашел никого, про которого можно было бы такое сказать.

Когда он сообщил своему другу о безрезультатных поисках, тот сказал: «Но ты, наверное, не смотрел за печкой». Они вместе отправились в дом учения и за печкой нашли юного Шломо-Лейба. Рабби Калман долго вглядывался в его лицо при свете свечки. «И в самом деле, – сказал он наконец. – И в самом деле».

СТРАННИК И БЕГЛЕЦ

Проучившись некоторое время в Люблине и Риманове, рабби Шломо-Лейб почувствовал особую симпатию к Йеѓуди, который сказал ему:

«Самый лучший способ покаяния – стать странником и беглецом». И потому рабби Шломо-Лейб решил в глубине души своей стать странником и беглецом.

Много лет спустя хасид, живший в Ленчице, приехал к рабби Мендлу из Коцка. Рабби спросил его: «Как там ваш рабби Шломо-Лейб?»

«Я виделся с ним перед самым отъездом», – ответил хасид.

«Он по-прежнему бодр и весел?» – спросил рабби из Коцка. – «Да», – сказал хасид. «Вот так оно и бывает, – с грустью сказал рабби из Коцка. – Те, кто были в юности странниками и беглецами, потом не теряют веселья и бодрости».

ЧЕТЫРЕ СОТНИ

Рабби Ицхак из Ворки однажды спросил рабби Шломо-Лейба из Ленчицы: «Почему твои хасиды всегда выглядят подавленными и упавшими духом?»

Тот ответил: «Известно ли тебе, что мои хасиды – из числа тех четырехсот человек, что отправились в изгнание с Давидом и о ком сказано: "все угнетенные, и все теснимые заимодавцами, и все недовольные"»*.

[I Сам. 22:2]

ИСКУСНЫЙ ПЛОВЕЦ

Когда сын рабби из Ленчицы был маленьким, он как-то увидел рабби Ицхака из Ворки за молитвой. Изумленный, он прибежал к отцу и спросил, почему это цадик молится тихо и бесхитростно, без малейшего вдохновения.

«Плохому пловцу, – разъяснил ему отец, – приходится делать резкие движения, чтобы только не потонуть. А искусный пловец ловит волну, и она несет его сама».

ДВА ПУТИ

Внук рабби из Радошиц рассказывал: «В юности рабби Иссахар-Бер был учеником рабби Моше-Лейба из Сасова. Рабби из Сасова брал его с собой, когда отправлялся выкупать заключенных. Однажды, когда они переправлялись через Вислу, разразилась гроза, и их лодка едва не перевернулась. Рабби из Сасова приподнялся и воскликнул: "Мы идем к нашему Отцу!" И захлопал в ладоши, как гость на свадьбе во время танцев. Но они спаслись.

Вскоре они добрались до Варшавы, где должны были встретиться с губернатором. Прибыв в губернаторский дворец, они увидели, что он окружен стражей, не допускающей никого без письменного разрешения. Рабби Моше-Лейб спросил моего деда: "Что я должен им сказать?" Дед ответил: "Надо сказать на их языке: 'Puszczaj!' Это означает: 'Пропустить!', а также 'Отпустить!'".

Рабби Моше-Лейб, человек огромного роста, подошел к одному из стражников и громовым голосом крикнул: "Puszczaj!" Неизвестно, что произошло далее, но возможно, что рабби из Сасова крикнул: "Puszczaj!" и самому губернатору, потому что все заключенные, за которых они хлопотали, были освобождены».

ГОРШОК С КАРТОШКОЙ

В юные годы рабби Иссахар-Бер был очень беден. Был год, когда ему пришлось поститься не только перед Йом Кипуром, но и после, а когда настал Суккот, у него не было денег, чтобы встретить праздник должным образом. Он оставался в доме учения и после молитвы, поскольку знал, что дома все равно нет еды. Но его жена продала все еще остававшееся у нее драгоценное украшение, не сказав ему об этом ни слова, и на вырученные деньги купила халы и свечи для праздничного стола, а также картошку.

Ближе к вечеру, когда рабби вернулся домой и вошел в сукку, он обнаружил там накрытый стол и не мог скрыть радости. Совершив омовение рук, он сел к столу и принялся с аппетитом поедать одну картофелину за другой, поскольку уже не первый день провел впроголодь.

Однако осознав, насколько он поглощен едой, рабби Иссахар-Бер немедленно взял себя в руки. «Берчик, – сказал он самому себе, –

ты вроде бы и не в сукке сидишь, а прямо-таки в горшке с картошкой». И не съел больше ни кусочка.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ В МИКВЕ

Рассказывают.

Однажды в юные годы Иссахар остался буквально без гроша и не ел несколько дней кряду, поскольку ему было не по нутру жаловаться кому бы то ни было на свое положение. И вот как-то к вечеру, почувствовав, что вряд ли ему удастся еще долго протянуть в таком состоянии, он решил, прежде чем ослабеет окончательно, пойти в микву. В те дни городская миква в Радошицах была в глубоком подвале – ступеней шестьдесят или семьдесят. Он разделся до рубашки и пошел вниз по ступеням. Вскоре он услышал странный шум – будто кто-то хлопал ладонью по воде. Иссахар продолжил спускаться, а плеск становился все слышнее и слышнее, словно несколько человек били по воде ладонями. Иссахар-Бер замедлил было свои шаги, но потом продолжил спуск. Тут порыв ветра задул его фонарь. В темноте страшный шум внизу стал еще слышнее. Иссахар увидел какие-то странные существа, бросившиеся ему наперерез. Он поспешно скинул рубашку и нырнул в воду. И тотчас же стало тихо. Последнее, что он услышал, было будто кто-то сказал: «Упустили!» и прищелкнул пальцами. Иссахар-Бер несколько раз подряд окунулся с головой. Затем он вылез из воды, поднялся к выходу и отправился домой. Перед его домом он увидел повозку, груженную мешками с мукой и еще какой-то провизией. «Рабби Иссахар-Бер? – спросил возница. – Мне велено доставить вам все это».

За несколько часов до описываемых событий бричка подъехала к дому винокура и торговца спиртным, местного хасида. В бричке сидел высокий, очень старый человек. Винокур вышел на крыльцо, чтобы приветствовать приезжего, и тот, пристально вглядевшись в него своими близорукими глазами, спросил: «Где живет здешний рабби?»

«У нас тут нет рабби», – ответил винокур.

«Разве у вас в Радошицах нет ни одного необычного человека? – продолжил свои расспросы высокий старик. – Ни одного "хорошего еврея"?»

«Нет у нас тут никаких "хороших евреев", – заверил его винокур. – И никаких необычных людей – если не считать того хасида, который учит детей всяким необычным вещам. Он и в самом деле не из простых людей – я бы сказал, из тех, кого зовут "блаженными". Но мы-то зовем его попросту – Берл-бездельник».

Старик расправил плечи, что придало ему еще более внушительный вид, и негодующе фыркнул: «Вот как? Вы зовете его бездельником? Нашли бездельника! Да он великий человек! Он сотрясает миры – точно так же, как обыкновенный человек может трясти дерево в лесу». Старик ко-

ротко сказал кучеру: «Назад, в Люблин!», – и в мгновение ока бричка с седоком исчезла.

Винокур сообразил, что этот высокий старик был, наверное, рабби из Люблина, потому что знал по описаниям, как он выглядит. Но тут же спохватился: «Ведь Провидец умер два года тому назад!» Тогда он поспешно погрузил в повозку мешки с мукой и еще какой-то провизией и послал кучера отвезти все это в Радошицы.

ПЕРВОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Однажды Иссахар-Бер, будучи еще молодым человеком, шел в Пшисху, к своему учителю Йеѓуди, и только он стал подниматься на взгорок, как услышал рыдания, доносящиеся, судя по всему, из дома его учителя, стоявшего в низине за взгорком. Встревоженный, Иссахар-Бер бегом бросился туда; как только Йеѓуди завидел его, он со слезами на глазах сказал, что его сын болен и уже при смерти. «Мы не представляем, что нам делать, но вот появился ты, в самый нужный момент. Возьми ребенка на руки, я уверен, что ты ему поможешь».

Иссахар-Бер выслушал все это в полном смятении. Ему никогда не доводилось делать что-либо подобное, и он не ощущал в себе никаких сверхъестественных сил. Но он взял ребенка на руки, положил его в колыбельку и принялся его укачивать. И, раскачивая колыбель, он всем сердцем обратился к Господу с мольбой о помощи. Через час жизнь ребенка была вне опасности.

КРЕСТЬЯНСКАЯ МУДРОСТЬ

Однажды рабби Иссахар-Бер повстречал старика-крестьянина из деревни Олешное, который знал его еще мальчишкой, но не представлял себе его нынешних обстоятельств. «Берл, – обратился к нему крестьянин, – как твои дела?»

«А как твои дела?» – спросил в свою очередь рабби.

«Ну, что я тебе могу сказать, Берл, – ответил крестьянин. – У человека есть лишь то, что он заработал».

С тех пор всякий раз, когда речь заходила о том, как следует достойно прожить свою жизнь, рабби Бер неизменно вспоминал: «А вот старик-крестьянин из деревни Олешное говорит: "У человека есть лишь то, что он заработал"».

ПРИЗНАНИЕ

Когда рабби Иссахар-Бер серьезно заболел, он сказал себе: «Человек в моем состоянии обычно кается в своих грехах. Так в чем же мне по-

каяться? Сказать: "Я грешил?" Но человеку в моем состоянии не следует лгать, а ведь я не грешил. Или сказать: "Я недостаточно усердно служил Богу?" Но ведь я делал все, что было в моих силах. И все же мне есть в чем покаяться. Мои чувства по отношению к Богу не были достаточно чистыми и искренними, я не в самой полной мере посвятил себе Ему, и лишь Ему одному. А ведь здесь всегда есть возможность для совершенствования – потому что наши чувства основаны на том, сколь ясно мы представляем себе величие Бога или Его беспредельность. Именно этому и следует посвятить все свои силы. Если Бог поможет мне выздороветь, я постараюсь быть по отношению к Нему чище и искреннее, посвящу Ему себя всего, без остатка».

Он выздоровел и прожил еще двадцать лет.

ПОДРАЖАТЕЛЬ

У рабби из Радошиц был ученик, который умел подражать манере учителя произносить благословение над вином во время вечерней субботней трапезы, и делал это настолько похоже, что всякий слышавший его на расстоянии был уверен, что это говорит сам рабби. Однажды, когда он был в Радошицах, цадик обратился к нему: «Говорят, что ты умеешь произносить субботний кидуш, полностью подражая моему голосу и телодвижениям. Ну-ка, сделай это для меня».

«Если рабби пообещает, что он не обидится, – сказал ученик, – то я сделаю это с удовольствием».

«Можешь не беспокоиться», – сказал цадик.

Ученик произнес благословение над вином совсем как рабби и с точно такими же телодвижениями. Однако, дойдя до определенного места, он умолк, замер неподвижно, а затем закончил благословение как мог.

По окончании цадик спросил ученика: «Почему ты остановился?»

«Рабби, – ответил ученик, – вы, дойдя до этого места, предлагаете себя в жертву – а я не в состоянии сделать это».

НЕ ВПОЛНЕ ОБЫЧНАЯ ПОМОЩЬ

Дочь рабби Моше из Лелова, правнучка рабби Давида из Лелова, добрый друг и покровительница Йеѓуды, была бездетной. Раз за разом она просила своего отца молиться за нее. Наконец он сказал, что помочь ей в состоянии лишь рабби из Радошиц. Она не медля собралась в дорогу и поехала в Радошицы в сопровождении своей свекрови, чей отец также был знаменитым цадиком. Когда она рассказала рабби Иссахару-Беру о своей беде, он напустился на нее и отчитал как избалованного ребенка: «Что за чушь ты несешь насчет детей, ты, скверная девчонка! Вон отсюда!»

Молодая женщина, нежного воспитания, никогда не слышавшая грубого слова, выбежала из комнаты в слезах. «Теперь я буду плакать и плакать до самой смерти», – сказала она себе. Ее свекровь спросила у рабби, почему он так опозорил несчастную женщину и уж не виновата ли она, по нечаянности, в каком-нибудь грехе.

«Пожелайте ей всего наилучшего, – ответил рабби. – С ней теперь все в порядке. Просто у меня не было другой возможности взволновать ее до глубины души». Молодая женщина вернулась к рабби, и тот благословил ее. Вскоре она зачала и родила сына.

Я И ТЫ

Рабби из Радошиц как-то спросили: «Как надо трактовать то место в Талмуде, где рабби Шимон бар Йохай говорит своему сыну: "Сын мой, ты и я – этого достаточно миру"?»* Рабби из Радошиц ответил: «В Тосефте мы читаем: "Смысл, определяющий сотворение мира, в том, что сотворенный говорит: Ты – наш Бог, а Святой, благословен Он, говорит: Я Господь ваш Бог". Это "ты" и это "я" – их достаточно для этого мира».

* [Шабат 33b]

МОЛИТВА БОГА

Рабби из Радошиц спросили: «Есть предложение в Талмуде, смысл которого нам не ясен. Мы читаем: "Из чего мы делаем вывод, что и сам Бог молится?"*». «Сказано: И их приведу Я на гору святую мою, и обрадую в доме молитвы Моем*. Не сказано: "их молитвы", но "моей молитвы". Из этого следует, что и сам Бог молится».

«Как нам следует трактовать такое? Это "но" – не означает ли, что нет необходимости в молитвах человека?»

Рабби ответил: «Отнюдь. Богу приятны молитвы праведных людей. И более того: именно Он вкладывает молитвы в души людей и дает им силу молиться. И потому молитва человека – это и молитва Бога».

* [Шабат 7а]
** [Ис. 56:7]

ОГОНЕК В ОКОШКЕ

Как-то на Песах, еще до того, как все сели за праздничный стол, рабби Иссахар-Бер подозвал к окну своего гостя, рабби из Могельницы, внука Магида из Козниц, и, показав ему на что-то вдали, спросил: «Видишь, рабби из Могельницы? Ты видишь?»

После окончания трапезы рабби из Могельницы танцевал вокруг стола, напевая вполголоса: «Святой человек, наш брат, показал мне огонек вдали – отблеск большого огня. Но кто знает, кто знает, сколько лет может пройти, сколько мы еще будет пребывать во сне, прежде чем он дойдет до нас, дойдет до нас».

❖ *Шалом из Белз*

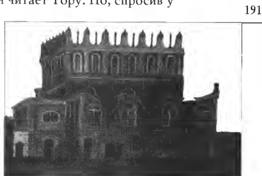
ПРЕВРАЩЕНИЕ

Старший брат рабби Шалома однажды спросил его: «Как тебе удалось достичь такого совершенства? Ведь когда мы были маленькими детьми, я учился лучше твоего».

«Вот как это случилось, брат, – ответил рабби из Белз. – В день бар-мицвы мой дед, рабби Элиэзер из Амстердама, да будет благословенна его память, явился мне в видении и дал мне другую душу взамен прежней. С тех пор я превратился в другого человека».

СВЕТ УЧЕНИЯ

Первым учителем Шалома был рабби из Луцка в Сокале. Затем он прослышал о Провидце из Люблина, и чем больше он слышал о нем, тем больше ему хотелось услышать, как он читает Тору. Но, спросив у своего учителя позволения отправиться в Люблин, он получил отказ. «Если ты поедешь туда, я лишу тебя всего, чего ты достиг здесь».

Это, однако, не остановило Шалома, и он все-таки отправился в Люблин. По возвращении он проезжал мимо дома своего прежнего учителя, и случилось так, что рабби из Луцка как раз стоял у окна. Он подозвал свою жену и сказал: «Ты только посмотри, как свет учения озаряет лицо моего ученика!»

ПРИЗНАНИЕ

Один хасид рассказывал:«Однажды я отправился к рабби из Белз и рассказал о своей беде: во время молитвы посторонние мысли приходили мне в голову и приводили меня в замешательство – и это были не мысли, связанные с повседневными делами, но дурные и пугающие видения. И я взмолился о духовном исцелении. Когда я закончил, рабби сказал мне: "Не стесняйся, сын мой, расскажи мне обо всем, что смущает и беспокоит тебя". Я приступил к рассказу и признался ему во всех ужасных и дурных страстях, обуревающих меня. Когда я говорил, он слушал меня с закрытыми глазами, но мне было видно, как его святые мысли изгоняют мои дурные мысли из самых глубин моей души. Когда я закончил свое признание, он сказал: "Господь поможет тебе, и

эти мысли больше не будут тебя мучить". И с тех пор такие мысли больше уже не приходили мне в голову».

ЗАВТРА

Это было перед Песахом, и хасиды, набирая воду для мацы, говорили друг другу: «В следующем году в Иерусалиме!» И тут рабби Шалом сказал: «А почему не раньше? Если придет Машиах и принесет нам избавление, то мы сможем испечь мацу в Иерусалиме уже завтра, до наступления праздника».

АДАМ И ЕВА

В одну из своих нередких поездок в Белз рабби Хаим из Цанза взял с собой сына Баруха. Рабби Шалом и его жена приняли их в комнате с простыми бревенчатыми стенами. Побыв немного, гости поехали домой. По пути рабби Хаим спросил сына: «Какое впечатление они произвели на тебя – святой рабби и его жена?»

«Когда мы вошли в комнату, – сказал мальчик, – мне пришла в голову мысль об Адаме и Еве до грехопадения».

«И я тоже подумал об этом, – подтвердил его отец. – А что ты скажешь о комнате, в которой нас принимали?»

«Будто рай», – ответил Барух.

«Слово в слово со мною», – сказал рабби Хаим.

ПОЧЕМУ?

Когда умерла его жена, рабби Шалом сказал:

«Владыка мира! Будь у меня силы пробудить ее, разве бы я не сделал этого? Но я просто не способен на такое. Ты же, Владыка мира, можешь сделать это, Ты всесилен – так почему же Ты не пробудил народ Израиля?»

ПОЖАР

Когда случился пожар в городе Броды и маленького Хаима отвезли к рабби Моше-Лейбу в Сасов, цадик спросил мальчика: «Расскажи мне, Хаим, что ты видел во время пожара?»

Мальчик ответил: «Я видел евреев, которые тушили огонь, но я видел и "немцев" [таким было прозвище тех, кто отказывался от еврейской одежды и обычаев], которые раздували огонь. И я спросил себя: "Зачем евреям тратить столько сил на борьбу с огнем? Ведь проще было бы прогнать "немцев", и тогда огонь стихнет сам по себе"».

НИКОГО, КРОМЕ...

Когда рабби Хаим был ребенком, видели, как он расхаживал по своей комнате, непрерывно повторяя тихим голосом: «Никого, кроме Тебя, никого, кроме Тебя, и только Тебя».

БОЛЬНАЯ НОГА

В молодые годы рабби Хаим из Цанза был учеником цадика из Ропшиц. Он молился с такой страстью, что изо всех сил топал ногами об пол. Надо сказать, что одна нога у него была больная. Однажды жена цадика, увидев Хаима на молитве, сказала мужу: «Какой же ты все-таки бессердечный! Зачем ты позволяешь ему стучать по полу больной ногой? Скажи, чтобы он топал только здоровой ногой».

«Могу сказать ему хоть сейчас, – отозвался цадик. – Только ты напрасно думаешь, что, впадая в экстаз, он отдает себе отчет, больная это нога или здоровая».

РАДИ МАЛЕЙШЕЙ ИСКРЫ

Цадик, таивший недобрые чувства по отношению к рабби Хаиму из Цанза, однажды сказал ему: «Ты воспаряешь в высшие миры, а вот я достигаю того же, прочтя десять псалмов».

«Я и в самом деле воспаряю в высшие миры, – согласился рабби из Цанза, – но ради малейшей искры Божьего страха я готов отдать все на свете».

УЧЕНИЕ И СЛУЖЕНИЕ

Некий рав, очень хотевший поговорить с рабби из Цанза о высоких материях, но так, чтобы им не мешали посторонние люди, добился, наконец, чтобы цадик пригласил его на прогулку в коляске, которую тот имел обыкновение совершать перед послеполуденной молитвой. Когда они выехали за городскую черту, рабби Хаим спросил рава, о чем он хотел поговорить. «Мне хотелось бы обсудить вот какой вопрос, – сказал рав. – Какова разница между учением и служением?»

Рабби раскурил свою трубочку и выпустил несколько густых клубов дыма. В промежутках между затяжками он издавал звуки, похожие на рычание разгневанного льва. Раву стало не по себе, и он уже сожалел, что завел этот разговор.

Когда они проехали около двух километров, рабби встряхнулся и сказал: «Ты хочешь знать, какова разница между учением и служением? Сейчас я объясню тебе эту разницу. Человек, учащий других, всегда готов отдать свою душу ради славы Всевышнего, а человек, который служит, – это тот, что всегда готов исполнить сказанное в стихе: "Души во мне не стало, когда он говорил!"*». И рабби дал знак вознице поворачивать в обратный путь.

* [Песнь 5:6]

К НАРОДУ

Однажды довольно навязчивый человек упорно пытался обратиться к рабби Хаиму по окончании послеполуденной молитвы. Он продолжал настаивать и после того, как получил окончательный отказ, и тогда цадик ответил ему в резких тонах. Друг рабби Хаима, присутствовавший при этом, спросил о причине такой резкости, и рабби ответил, что произнесение послеполуденной молитвы возносит человека в высшие миры, и потому как же не разгневаться, вернувшись с небесных высот, на маловажные просьбы мелких людишек.

Его друг ответил: «Обратившись к тому месту в Писании, где сказано о том, как Господь первый раз явился Моше на горе Синай, мы читаем: "И спустился Моше с горы к народу"*. Раши комментирует это следующим образом: "Сказанное означает, что Моше, спустившись с горы Синай, обратился не к своим делам, а к народу". И как мы должны это понимать? Какие дела наш учитель Моше, мир с ним, на время отложил, чтобы обратиться к народу? Мы должны понимать это следующим образом: когда Моше спустился с горы Синай, он был мыслями еще в высших мирах, занятый своей величайшей задачей – наполнить милосердием меру Божественной справедливости. Именно этим и был занят тогда Моше. И все-таки он прервал свои труды, отрешился от высших миров и обратился к лю-

* [Исх. 19:14]

дям. Он выслушал все их малозначащие просьбы, принял на себя все тяготы народа Израиля и вознес их в своих молитвах».

После таких слов гнев рабби Хаим немедленно улетучился. Он попросил вернуть того человека, с которым он был резок, и внимательно расспросил о его напастях. И потом почти всю ночь напролет он выслушивал сетования и просьбы своих хасидов.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИНЫ

Рабби из Цанза однажды сказал: «Я люблю бедных. А знаете, почему? Потому что Бог любит их».

ЧТО МЫ ПОЛУЧАЕМ ОТ ЖИЗНИ

Рабби из Цанза рассказал следующую историю, дополняя ее для пущей наглядности выразительными жестами.

«Ко мне часто обращаются люди из числа тех, кто приезжает на рынок не раз в неделю, а изо дня в день. Один из таких людей посетовал: "Рабби, я ничего не получаю от этой жизни. Каждый день я только и делаю, что перепрыгиваю с одной повозки на другую". Но ведь достаточно человеку задуматься о том, что он сам в состоянии молиться Богу, и он поймет: у него есть все, что надо в этом мире».

ЯБЛОКИ

Бедная женщина, торговавшая яблоками неподалеку от дома рабби Хаима, однажды пришла к нему пожаловаться: «Рабби, у меня нет денег, чтобы купить все необходимое для празднования субботы».

«А что же твоя торговля?» – спросил цадик.

«Люди говорят, что у меня плохие яблоки, – ответила женщина, – и они не хотят покупать их».

Рабби Хаим выскочил на улицу и закричал: «А вот кому хороших яблок!» Немедленно собралась толпа; люди давали деньги, даже не пересчитывая сдачу, и вскоре все яблоки были распроданы, причем по цене вдвое и втрое выше, чем они стоили.

«Вот видишь, – сказал рабби женщине, перед тем, как вернуться в дом, – твои яблоки хорошие. Все дело в том, что люди просто не знали об этом».

ИНДЕЙКА

Рабби Хаим знал всех бедняков в своем городе и давал им ежемесячно определенную сумму денег – таким образом, чтобы этого хватало для содержания их семей.

Как-то в базарный день торговец птицей привез в Цанз несколько очень хороших индеек. Он зашел в дом к рабби и предложил его жене одну птицу для субботней трапезы. Она, однако, сочла цену слишком высокой, и торговцу пришлось уйти. Через какое-то время ребецн узнала, что индейку купил один из тех, кто получал содержание от ее мужа. «Ну, и полюбуйся на своих бедняков, – сказала она рабби. – Я не смогла купить индейку, потому что цена была слишком высокой для нас, а он взял да и купил!» «Это свидетельствует о том, – сказал рабби, – что ему нравится хорошая индейка для субботней трапезы. Я не знал этого, но теперь буду знать. И, значит, мне теперь придется давать ему больше денег каждый месяц».

ОКОНФУЗИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Однажды бедный учитель пришел к рабби Хаиму из Цанза. «Ты ведь готовишься к свадьбе дочери, не так ли?» – спросил цадик. «Не знаю, что и сказать», – ответил учитель. Рабби Хаим посмотрел на него с недоумением. «У меня нет денег даже для того, чтобы купить жениху талес и штраймл, как того требует обычай», – грустно сказал учитель.

Рабби Йехезкель, сын рабби Хаима, прислушивавшийся к этому разговору, не выдержал. «Отец, – воскликнул он, – несколько дней тому назад я своими глазами видел, как этот человек купил и то и другое!» Учитель покраснел и выбежал из комнаты.

«Что ты наделал! – вскричал рабби Хаим. – Может, он не в состоянии заплатить за эти покупки, а может, ему нужны деньги, чтобы сшить платье жене для свадебного торжества – а он не хотел в этом признаваться. А ты так оконфузил человека!»

Рабби Йехезкель кинулся на улицу, догнал учителя и стал просить прощения. Но тот отказался простить его и настоял на том, чтобы сам цадик разрешил ситуацию. И вот они оба предстали перед цадиком.

«Не прощай его, – сказал старый рабби учителю. – Не вздумай простить его, пока он не оплатит все расходы по свадьбе, буквально вплоть до ботиночных шнурков». Так оно и вышло.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

Однажды рабби из Цанза стоял у окна и смотрел на улицу. Завидев прохожего, он постучал пальцем по стеклу и дал ему знак зайти в дом.

Когда незнакомец переступил порог комнаты, рабби Хаим спросил его: «Скажи-ка мне, если ты найдешь кошелек, полный золотых, ты вернешь его хозяину?»

«Рабби, – сказал этот человек, – если я знаю хозяина, то верну ему кошелек без малейшей задержки».

«Ты глупец!» – сказал рабби. Он снова подошел к окну, остановил следующего прохожего и задал ему тот же вопрос. «Не такой уж я дурак, – сказал тот. – Не настолько я глуп, чтобы отдать кошелек, попавший мне в руки!»

«Ты скверный человек», – сказал рабби и позвал третьего прохожего. «Рабби, – ответил третий, – откуда бы мне знать, на какой ступени я буду находиться, когда я найду этот кошелек. И смогу ли я одолеть дурное начало в самом себе. А вдруг дурное начало одержит верх, и я присвою чужую собственность. Но, возможно, Святой, благословен Он, поможет мне побороть дурное начало, и тогда я верну находку ее законному владельцу».

«Золотые слова! – воскликнул цадик. – Ты – истинный мудрец».

ПРИТЧА О ГЕНЕРАЛЕ

Однажды рабби Хаим отправился в поездку, и там его принимали с великими почестями. Позже он сказал своему сыну, который сопровождал его в поездке: «Я расскажу тебе притчу о генерале. Всем известно, что часовые приветствуют генералов с большим рвением, чем полковников. И вот одного генерала предали военному суду за какой-то проступок и понизили в звании до полковника. Когда он вышел из здания суда, часовые не обратили внимания на то, что он уже не в генеральских эполетах, и привычно приветствовали его как генерала. И вот тут-то он по-настоящему ощутил боль в сердце».

В ПОИСКАХ ВЕРНОГО ПУТИ

В месяце элуле, когда все начинают готовиться ко Дню искупления, рабби Хаим имел обыкновение рассказывать истории, которые обращали сердца его слушателей к Богу. Однажды он рассказал вот такую историю: «Некий человек заблудился в дремучем лесу. Какое-то время спустя другой человек тоже заблудился в этом лесу и случайно наткнулся на первого. Не зная, что тот тоже сбился с пути, он спросил его, как выбраться из леса. “Я не знаю, – ответил первый. – Но я могу показать тебе путь в самую чащу, а уж потом мы вместе начнем искать верный путь”».

«Итак, мои хасиды, – заключил рабби свой рассказ, – давайте искать верный путь вместе».

ЦАРСКИЙ МУНДИР

Эту историю рассказал слуга рабби из Цанза:

«Однажды утром, перед молитвой, рабби почувствовал себя нехорошо и решил ненадолго прилечь. И в это самое время пришел сборщик

налогов (к рабби он попал, как выяснилось, по ошибке, потому что всеми практическими делами занимался его сын, городской раввин). Этот приход встревожил рабби. Когда тот ушел, рабби сказал мне: "Ведь мытарь – простой мужик, но когда он появляется в царском мундире, то внушает нам страх. Давай-ка и мы облачимся в свои царские мундиры – талит и филактерии, чтобы все народы мира страшились Царя Небесного"».

ВСЕ

Рабби из Цанза частенько говаривал: «Все цадики служат каждый по-своему, в соответствии со своей ступенью, и тот, кто заявляет "Лишь мой рабби – праведник", теряет для себя оба мира».

СОВЕТ

Рабби Хаим женил своего сына на дочери рабби Элиэзера из Дзикова, сына рабби Нафтали из Ропшиц. На следующий день после свадьбы он навестил отца невестки и сказал: «Теперь, когда мы породнились и стали близкими людьми, я хочу сказать о том, что тревожит мое сердце. Ты только посмотри: мои волосы и борода уже поседели, а я все еще далек от избавления!»

«Ах, мой друг, – ответил рабби Элиэзер, – ты думаешь только о себе. Оставь эти мысли и подумай обо всем мире».

СМИРИТЬСЯ С СУДЬБОЙ

Рабби из Цанза не раз рассказывал эту историю о себе: «В юности, беззаветно любя Господа, я надеялся внушить это чувство всему миру. Со временем я понял, что было бы довольно внушить это чувство моим соседям-горожанам, и я пытался сделать это, но так и не преуспел. Тогда, осознав, что я по-прежнему желаю слишком многого, я решил сосредоточить усилия на своих домашних, но и здесь не добился успеха. Наконец, меня осенило, что следует сосредоточить усилия на себе самом, чтобы стать истинным слугой Господа. Но и этого я никак не в состоянии добиться».

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Незадолго до своей смерти рабби Хаим сказал навестившему его человеку: «Если бы у меня было девять истинных друзей, чьи сердца бились бы в унисон с моим, нам следовало бы, положив по буханке хлеба в котомку, выйти в чисто поле, и идти по полю, и молиться, и молиться, пока наши молитвы не приблизили бы избавление».

У АМУДА

Сын рабби из Цанза, рабби Йехезкель, приехав в венгерский город Уйхей, нанял глашатая, чтобы объявить о своей проповеди в доме молитвы. В назначенное время там собрались все прихожане. Рабби подошел к амуду и сказал: «Друзья мои! Однажды я проповедовал в этом городе, но мое сердце в тот час не было всецело исполненным мыслями о Небесах. А молиться не от всего сердца – это великий грех. И вот я прибыл к вам с намерением покаяться. Поскольку, как говорят наши мудрецы, грех следует искупить в том месте, где он совершен, то я и говорю об этом здесь, у этого амуда. И я молю Святого, благословен Он, даровать мне прощение».

И тут все собравшиеся познали силу Божественного слова, и прониклись Божественным страхом, и вернулись на истинный путь.

ЕГО ПРОПОВЕДЬ

Рабби Йехезкеля избрали городским раввином, когда он был еще довольно молод. Все прихожане ожидали, что он обратится с проповедью в первую субботу после своего прибытия, поскольку у них существовал такой обычай, но рабби Йехезкель отказался сделать это. Во время третьей субботней трапезы несколько уважаемых горожан, присутствовавших за столом, обратились к нему с просьбой дать толкование недельной главы. Он попросил принести Тору, открыл том на странице, где начиналась недельная глава, и прочел ее от начала до конца. Потом, закрыв книгу, он сказал: «Это Тора Господа нашего. Она священна, и не мне толковать ее». Он поцеловал книгу и поставил ее на место.

❖ *Цви-Ѓирш из Жидачева, Йеѓуда-Цви из Роздола и Ицхак-Айзик из Жидачева*

ИЗ ГЛУБИН

Эту историю рассказывал рабби Ѓирш из Жидачева: «В день накануне субботы меня изгнали из города Броды, и я был в великой немилости. Я шел и шел, не останавливаясь, и когда я добрался до дому к вечеру, уже в канун субботы, я пошел прямо в дом молитвы как был, в будничной одежде, и у меня хватило сил только помолиться. Но на следующее утро, до утренней молитвы, я обратился к Господу: "Владыка мира, ты видишь унижения тех, кто был подвергнут унижению, и ты видишь мое сокрушенное сердце. Пошли мне свет, дабы я мог молиться Тебе". И тут сердце мое охватило огнем. Моя молитва была подобна факелу. Никогда прежде со мной не бывало такого, и никогда такому не повториться».

ДВОЙНОЙ ОТВЕТ

Рабби Ѓирш однажды сказал своим хасидам: «Бывает, что когда человек приходит ко мне и просит помолиться, дабы оказать ему содействие в каких-то обыденных, мирских делах – просьба одного об аренде, другого – о лавочке, – то в тот же момент душа этого человека молит меня о спасении в высшем мире. И мой долг – дать ответ на обе мольбы в едином ответе».

НЕ ЧИСЛОМ...

Однажды рабби Ѓирш из Жидачева, войдя в дом молитвы, сказал собравшимся там хасидам: «Дети мои, ведь сказано: "Царь не спасется войском многочисленным"*. Если у цадика много хасидов, это не делает его сильнее в глазах Бога».

* [Пс. 33:16]

ПОДОЗРЕНИЕ И ОПАСЕНИЕ

Рабби из Комарно, племянник рабби Ѓирша, рассказывал:

«Это было в Шавуот. Только занималась заря, когда я вошел в комнату моего дяди и учителя – но он не заметил меня. Он расхаживал взад-вперед по комнате и изливал свое сердце Господу. В этот праздник к нему приехало человек четыреста, если не пятьсот. И он сказал: "Уж не Самаэль

ли послал всю эту толпу ко мне, чтобы отвлечь меня от общения с Тобою? Сжалься над моей бедной душой и не лишай меня Твоего присутствия!"»

КАЖДЫЙ РАББИ ИМЕЕТ СВОИ ДОСТОИНСТВА

Однажды в субботу рабби Цви-Ѓирш, прервав свои поучения во время третьей трапезы, сказал:

«Есть хасиды, которые, приехав к своему рабби, объявляют, что нет в мире другого учителя, кроме него. Это – идолопоклонство. А что им следует говорить? Говорить им следует вот что: "Каждый рабби хорош для своих хасидов, а вот для нас лучше всех – наш рабби"».

ИЗЛУЧАЮЩИЙ СВЕТ

Рабби Моше из Самбора, младший брат рабби Цви-Ѓирша, в молодости ходил по окрестным деревням и торговал вразнос. Когда он возвращался домой и читал послеполуденную молитву, он чувствовал, что все его тело буквально излучает свет.

Вот что рассказывает сам рабби Моше: «Однажды я спросил своего брата и учителя: "Почему так происходит: когда я возвращаюсь домой после целого дня торговли и начинаю молиться, я ощущаю, что мое тело излучает свет, будто на меня снизошла Шхина?"

Ответ моего брата был, как обычно, ясным и прямым: "А почему это тебя так удивляет? Когда путник ходит путем Господа, то порой, незаметно для него самого, все святые искры с полевых трав и деревьев в лесу прилепляются к этому человеку, освещая его великим светом"».

ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ!

По пути в Мункач (Мукачево) рабби Ѓирш обычно заходил к старому рабби Моше в город Уйхей, и рабби Моше сетовал, по обыкновению, что Машиах все никак не приходит. «Видишь ли, – говорил рабби Ѓирш, – я стараюсь не оставлять без внимания никого, даже самого нетвердого в вере, и дохожу до корней его отступничества, обнаруживая, что основа его греховности – нужда или вожделение. А в таких случаях мне удается выручить его из беды. И что ты скажешь: следует ли считать все эти души безнадежно потерянными? А ведь приди Машиах сегодня, и они окажутся потерянными».

ПЕРЕМЕНА

Вернувшись с похорон своей жены, рабби Ѓирш отправился в свою комнату, и домашние слышали, как он сказал: «До сего дня я достигал

святого единения благодаря браку здесь, на земле, а теперь мне следует попытаться достичь святого единения благодаря браку небесному».

Две недели спустя его не стало.

ВЕЧНОЕ ОСНОВАНИЕ

Жена рабби Йеѓуды-Цви из Роздола, дядей которого был рабби Ѓирш, однажды спросила его: «Почему вы никак не отвечаете вашим врагам, которые постоянно нападают на вас, и почему вы даже делаете им добро – хотя могли бы силой молитв навлечь на них гнев небес?»

Тот ответил: «Ты никогда не задумывалась, почему так много людей идут к цадику и несут ему дары, сотни и тысячи даров одному человеку? Да потому, что у каждого здания должен быть фундамент, и без основания не стоять никакому строению. Здание мира стоит благодаря цадикам, ибо сказано: "Праведник – основание мира"*. Потому и правильно, что все поддерживают того, кто поддерживает их всех. Однако почему же люди приходят также ко мне и несут мне дары, хотя я вовсе и не цадик? Я много думал об этом, и меня осенило: мир нуждается еще в одном основании. Ибо сказано: "Он подвесил землю ни на чем"**, и в Талмуде об этом же сказано: "Мир существует благодаря тем, кто в споре сдерживает свои уста и скромно ставит себя ни во что"***. Вот, ты видишь, людям нужно это "ничто", помимо мудрости цадика, и потому они поддерживают меня».

* [Пр. 10:25]

** [Иов 26:7]

*** [Хулин 89а]

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ВОЖДЕЛЕНИЙ

Один образованный человек сказал как-то рабби из Роздола: «Мне кажется, что стать цадиком – это величайшее из всех вожделений».

«Так оно и есть, – согласился рабби, – но только прежде чем стать цадиком, надо освободиться от всех прочих вожделений».

ПОМНИТЬ И ЗАБЫВАТЬ

В день Нового года рабби Йеѓуда из Роздола сказал: «Сегодня в молитве было сказано: "Ибо Ты есть тот, кто помнит с незапамятных времен все забытое". Каков же смысл этих слов? Что Бог помнит только то, что человек забывает. Когда некто делает доброе дело, и это ускользает из его памяти, и он не помнит, что именно им сделано, то Бог помнит его заслугу. Однако когда душа человеческая раздувается от гордости, и он твердит себе: "Как хорошо я сказал! Сколь глубоки мои познания!" – ничего из этого не сохраняется в памяти Господа. Если

человек впадет в грех, но затем одумается и раскается, то Бог забудет об этом прегрешении. Но Он помнит обо всех грехах, которые человек с легкостью забывает».

ЗНАК МИЛОСЕРДИЯ

Рабби Ицхак-Айзик из Жидачева, племянник рабби Ѓирша, был единственным сыном своих родителей. Однажды, когда он только вышел из мальчишеского возраста, отец спросил его: «Как ты понимаешь слова наших мудрецов: "Кто учит Тору ночью, того днем нить милосердия связывает [со Всевышним]"*. Разве мы и так не встаем в полночь, чтобы учить Тору, и разве мы, тем не менее, не живем днем в нужде и тревогах? Так о какой же нити милосердия может идти речь?»

На это ребенок ответил: «Отец, то, что мы встаем каждую полночь и учим Тору, не опасаясь никаких бед и тревог, – разве это само по себе не есть знак милосердия?»

* [Хагига 12b]

ТРИ ЗНАКА

Рабби Шалом из Каменки в один из своих приездов к рабби Цви-Ѓиршу в Жидачев взял с собой своего сына Йеѓошуа. За полуденной трапезой мальчик приметил молодого человека с густыми черными вьющимися волосами. Он вошел в комнату, держа в одной руке кувшин с водой, в другой тазик и перекинув через плечо полотенце. Он переходил от одного сидящего за столом к другому, радостно улыбаясь, и помогал им вымыть руки. «Отец, – спросил Йеѓошуа, – кто этот кудрявый юноша?» «Посмотри на него внимательнее, – ответил рабби Шалом. – Это будущий царь Израиля».

Прошло немало лет, рабби Ѓирш умер, а его младший брат Ицхак-Айзик, тот самый «кудрявый юноша», стал рабби из Жидачева, и хасиды толпами стекались к нему. О его славе знал и рабби Йеѓошуа, занявший место своего отца в Каменке. «Я поеду к нему, – решил рабби Йеѓошуа, – и посмотрю, что он собой представляет вблизи и не следует ли мне стать его учеником. А для этого мне нужны будут три знака: во-первых, выйдет ли он встретить меня, когда я приеду, во-вторых, пригласит ли он меня разделить с ним трапезу, и в-третьих, угадает ли он хотя бы одну мою мысль».

Рабби Йеѓошуа отправился в Жидачев, но, подъезжая к городу, он неожиданно почувствовал себя больным, и по приезде его в лихорадке внесли в дом и уложили в постель. Рабби Ицхак пришел к нему в комнату, заверил, что уже к вечеру ему станет лучше, и предложил поужинать вместе. А потом, когда оправившийся рабби Йеѓошуа сидел за

столом с рабби Ицхаком, тот сказал, улыбнувшись: «Так что же, рав из Каменки, если человек не в состоянии угадывать мысли другого человека, разве это значит, что он не может быть рабби?»

И рабби Йеѓошуа стал одним из любимых учеников рабби Ицхака.

ДАВАТЬ И БРАТЬ

Рабби Ицхак-Айзик говорил: «Девиз нашей жизни – “Давать и брать”. Каждый человек должен быть и дающим, и берущим. Кто не следует этим двум правилам, того можно назвать бесплодным деревом».

СКВОЗЬ ТЬМУ

Во время молитвы рабби Ицхак-Айзик никогда не давал воли своим эмоциям. Голос его был мягок и благочестив, но слова молитвы заставляли трепетать сердца всех собравшихся.

Однажды в Шавуот, когда он произносил «Песнь славы», что предшествует чтению Торы, один из его учеников, знавший еще Провидца из Люблина, был так сильно тронут, что потерял дар зрения, который вернулся к нему, лишь когда цадик закончил службу. Он сказал учителю о случившемся, и рабби Ицхак-Айзик объяснил ему: «Это случилось потому, что твою душу захватили слова о “мраке, облаке и мгле”* на горе Синай».

* [Втор. 4:11]

ДЫХАНИЕ

Эту историю рассказал ученик рабби Ицхака-Айзика: «Когда я только-только стал учеником рабби, я слушал его, но еще не мог уразуметь сказанное им, и потому я лишь открывал широко свой рот, дабы воспринять хотя бы святое дыхание учителя».

ИСПРАВЛЕНИЕ НРАВОВ

Однажды рабби Ицхак-Айзик принимал у себя рабби Залмана-Лейба из Сигета, что в Венгрии, и тот привез с собой несколько хасидов, и среди них были владельцы усадеб и виноградников, находившиеся под влиянием маскилим. Рабби Залман попросил рабби Ицхака попытаться наставить их на путь истинный, на что цадик сказал: «Мы здесь не занимаемся никакими особыми наставлениями. В субботу я обращаюсь к собравшимся и читаю молитву “Все будут благодарить Тебя, и все будут восхвалять Тебя”, – вот и все наши наставления. Если эти слова не способны заставить человека задуматься, то никакие увещевания не помогут».

Когда на следующий день рабби Ицхак-Айзик, стоя перед ковчегом Завета, читал эту молитву «Все будут благодарить Тебя», то венгерский рабби бросил взгляд на своих хасидов и увидел, что они плачут.

ПРАЗДНИК В ИЗГНАНИИ

Рабби Ицхак-Айзик говорил о своем намерении отправиться в Святую землю и поселиться там. И его сыновья, и его друзья всячески пытались отговорить его от таких намерений, но тщетно. А потом случилось нечто весьма странное. На вечернюю молитву в канун второго дня Песаха цадик пришел в синагогу в талесе, который он обычно носил по будним дням. После Молитвы Галель рабби, вместо того чтобы приступить к праздничным псалмам, какое-то время стоял молча, и хасиды смотрели на него с изумлением, потому что ничего подобного прежде с ним не бывало. Наконец он начал читать псалмы, и голос его звучал столь же величественно и вдохновенно, как и всегда.

Уже сев за трапезу, рабби сказал: «Сегодня во время вечерней молитвы мне показалось, что я вдруг совсем лишился здравого рассудка; более того, я пришел в дом молитвы в моем будничном талесе. Сначала я не понял, что же Бог сделал со мною, но в конце концов я осознал происшедшее. Мое намерение отправиться в Святую землю привело к тому, что я утратил связь со святостью второго дня Песаха – ведь второй день считается праздничным лишь в странах за пределами Святой земли, вот я и решил, что сегодня – холь ѓа-моэд. Осознав происшедшее, я все тщательно обдумал и решил, что не могу отказаться от святости второго дня, и потому лучше будет, если я откажусь от намерения поселиться в Святой земле. И лишь после такого решения я вновь обрел здравость рассудка».

Но хотя рабби Ицхак-Айзик и отказался от своего намерения уехать в Святую землю, он неизменно пребывал там в своих мыслях и в своем сердце. Он построил синагогу в святом городе Цфате, и она была названа его именем, а он стал говорить, что благодаря этому его молитвы доходят до небес. И еще он говорил, что каждый день после утренней молитвы он наведывается в Святую землю. А когда он затруднялся истолковать какой-либо отрывок из «Книги Зоѓар», то имел обыкновении прильнуть лбом к ящичку, куда собирались пожертвования в пользу Святой земли во имя рабби Меира Чудотворца (этот ящичек всегда стоял на его столе), повторяя слова наших мудрецов: «Самый воздух Святой земли делает человека умнее»*, и тотчас же врата премудрости открывались ему.

* [Бава Батра 158b]

МЫ ОТПРАВИМСЯ ТУДА ВМЕСТЕ

Некий хасид хотел совершить поездку в Святую землю и обратился к рабби Ицхаку-Айзику, чтобы получить от него совет. Цадик сказал: «Подожди немного. Скоро мы отправимся в Землю Израиля вместе». Хасид решил было, что рабби Ицхак тоже собрался в путь, и стал ждать от него весточки. Но взамен он получил известия о смерти цадика. Услыхав о его кончине, он сказал: «Мне тоже следует приготовиться в долгий путь». Он пошел в микву, попросил, чтобы известили хевру кадиша, и покаялся в грехах. Потом он написал завещание, лег в постель и через несколько дней умер.

СВОБОДЕН

На протяжении последнего года своей жизни рабби Ицхак-Айзик из Жидачева взял привычку указывать рукой на окно, выходящее на улицу, со словами: «Посмотрите, нет, вы только посмотрите на этот грубый мир!»

В день своей кончины – а умер он к вечеру – рабби, как обычно, надел талес и возложил филактерии. Но, начав читать утреннюю молитву, он остановился и велел снять с себя талес и филактерии со словами: «Сегодня я свободен и от талеса, и от филактерий, и от заповедей, а скоро я освобожусь и от этого мира».

❖ *Рабби Яаков-Ицхак из Пшисхи, по прозвищу Йеѓуди, и его потомки*

МИРОТВОРЕЦ

К отцу Яакова-Ицхака время от времени приезжал в гости его брат, живший в маленьком захолустном городишке, где он за мизерную плату прислуживал в доме молитвы, – а в действительности он был одним из тех тридцати шести скрытых праведников, на которых, согласно традиции, держится весь мир. Когда он приезжал навестить брата, они уходили на загородную прогулку и беседовали о таинствах Торы. Однажды они взяли с собой мальчика, и он шел вслед за беседующими взрослыми. Когда они подошли к лугу, на котором паслось стадо овец, то увидели, что животные сцепились, не поделив лучшие места выгона. Бараны наскакивали один на другого и бодались, а поблизости не было ни пастуха, ни пастушеской собаки. Но тут мальчик выбежал на середину пастбища и утихомирил расходившихся животных. Буквально в мгновение ока каждая овца и каждый ягненок получили свой участок; но теперь они, казалось, забыли про кормежку, сгрудившись вокруг мальчика, который почесывал им спины и беседовал с ними. «Знаешь, брат, – сказал прислужник в доме молитвы, – настанет день, и этот мальчик станет пастырем стада».

НА ПУТИ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Однажды Йеѓуди попросили проэкзаменовать тринадцатилетнего Ханоха, будущего рабби из Александрова, на знание Талмуда. Мальчику потребовалось около часа, чтобы растолковать предложенный ему отрывок. Когда он справился с задачей, цадик потрепал его по щеке и сказал: «В свои тринадцать лет я без особого труда разбирал отрывки и посложнее этого, а когда мне исполнилось восемнадцать, у меня уже была репутация подлинного знатока Торы. Но в один прекрасный день меня осенило, что человек не в состоянии совершенствоваться в одиночку. И я понял сказанное о нашем праотце Авраѓаме: он постигал солнце, луну и звезды и не нашел Бога, однако во время постижения ему открылось Божественное присутствие. В течение трех месяцев я размышлял над этим постижением. Затем я принялся размышлять над своими размышлениями, до тех пор пока не постиг истину непостижения».

КУЗНЕЦ

В свои молодые годы рабби Яаков-Ицхак жил в доме своего тестя, соседом которого был кузнец. Кузнец вставал рано утром и принимался стучать молотом по наковальне, да так, что звуки громом отдавались в ушах спящего молодого человека. Яаков-Ицхак также просыпался, с думой: «Если этот человек в состоянии прервать свой утренний сон ради мирских трудов и мирской выгоды, то неужели я не смогу сделать то же самое ради службы предвечному Богу?»

На следующее утро он поднялся раньше кузнеца, который, войдя в свою кузницу, услышал, как молодой человек читает вполголоса священную книгу. Это кузнеца разгневало: «Он уже встал и занят своим делом, хотя и вовсе не обязан вставать так рано. Уж точно я не позволю этому парню обойти меня!» На следующее утро он поднялся раньше, еще до Йеѓуди. Но молодой рабби принял вызов и в конце концов одержал верх. Впоследствии он не раз говаривал: «Всеми своими достижениями я обязан прежде всего кузнецу».

ЧЕМУ ОН НАУЧИЛСЯ В ЛЮБЛИНЕ

Познакомившись с юным Ицхаком и его взглядами, рав Липник, противник хасидизма, спросил его: «Что бы ты хотел получить от рабби из Люблина? Чему ты можешь от него научиться? И чему ты уже научился?» На это Йеѓуди ответил: «Во всяком случае, уж одной-то вещи я точно научился у моего учителя, святого рабби из Люблина: как только я ложусь в постель, я тотчас же засыпаю».

АНГЕЛЬСКАЯ СУДЬБА

Йеѓуди рассказал такую историю: «Хасид после смерти предстал перед Небесным судом. У него были влиятельные защитники, и казалось, что приговор будет в его пользу, но тут появился небесный посланник, обвинивший хасида в некоем прегрешении. "Что понудило тебя так поступить?" – спросили хасида, и он не нашел ничего лучше, как ответить: "Моя жена приневолила меня к этому". Небесный посланник поднял его на смех: "Вот уж и в самом деле оправдание! Не смог противиться голосу женщины!" Был вынесен приговор: хасида наказали за его прегрешение, а небесного посланника отправили на землю, где ему предстояло жить в человеческом теле, став мужем вздорной женщины». Дослушав этот рассказ до конца, хасиды решили, что рабби поведал им историю своей жизни.

ПЕРЕПАЛКА

Жена Йеґуди частенько набрасывалась на него со сварливыми нападками, а он выслушивал ее с полным спокойствием, не прерывая и не говоря ни слова. Однако однажды, когда ее придирки стали совсем невыносимыми, он решил ей ответить. Некоторое время спустя его ученик, рабби Буним, спросил его: «И чем же отличался этот день от всех других дней?» Йеґуди ответил: «Я почувствовал, что она буквально вне себя от злости, поскольку ее брань никак меня не задевает. И потому я сказал ей в ответ какой-то вздор, чтобы она решила, будто ее слова меня забрали за живое, и чтобы она таким образом смогла самоутвердиться».

ГНЕВ УМИРОТВОРЯЕТ НЕДРУГА

Немало людей вовсю старались очернить Йеґуди в глазах его учителя, рабби из Люблина, и в их числе жена рабби. Они утверждали, будто Йеґуди посягает на место рабби. Когда жена рабби в одночасье умерла, тот послал за Йеґуди и сказал ему: «Это ты виноват!»

– Боже упаси!

– Хорошо, скажи, что ты делал, когда слышал, что она поносит тебя?

– Я читал псалмы.

– Хочешь сказать, что ты так вот и реагировал?

– А что еще я мог делать?

– Разозлиться, – сказал рабби из Люблина.

– Рабби, – сказал Йеґуди, – посмотрите мне в глаза, загляните мне в сердце и сами посудите, могу ли я разозлиться.

Провидец посмотрел в глаза своему ученику. «Это верно, – сказал он, – Йеґуди не умеет злиться».

УТЕШЕНИЕ

Однажды, когда Йеґуди был в гостях у Магида из Козниц во второй день Шавуот, тот сказал: «Меня беспокоит, что на второй день праздника, отмечаемый лишь за пределами Святой земли, у меня возникает большее чувство святости, чем в первый и единственный, празднуемый в Земле Израиля. Не мог бы ты, святой Еврей, растолковать мне, почему этот второй день, празднуемый в изгнании, кажется ближе моему сердцу, чем единственный праздничный день, отмечаемый на нашей родине?»

Йеґуди ответил: «После того как человек, поссорившийся с женой, решает с нею помириться, их любовь становится сильнее, чем прежде».

«Ты вернул меня к жизни», – сказал магид и поцеловал его в лоб.

ИЛИЯ

Рассказывают.

Йеѓуди имел обыкновение, надев крестьянский кафтан и картуз и в сопровождении таким же образом одетого слуги, отправляться на рыночную площадь в поисках пророка Илии, тоже бродящего по свету в крестьянской одежде.

В один из таких дней он увидел на рынке крестьянина, ведущего под уздцы кобылу. Йеѓуди дернул своего слугу за рукав и крикнул: «Вот он!» Незнакомец со злобой посмотрел на рабби. «Ты, еврей! – крикнул он. – Если знаешь, то зачем болтаешь языком!» И он исчез в мгновение ока.

Говорят, что именно с тех пор рабби из Пшисхи стали звать не иначе, как Йеѓуди, то есть Еврей.

ИСКУШЕНИЕ

Однажды Йеѓуди прогуливался взад-вперед по улице. На протяжении нескольких часов он вроде бы беседовал с прохожими о незамысловатых мирских делах, а на деле свершал чудесное вознесение горних миров. И тут *ецер-ра*, дурное начало, шепнуло ему на ухо: «Полюбуйся, сколь величественна и славна сила твоей души!» Но рабби на это сказал: «И чем же я должен, по-твоему, гордиться? Не сомневаюсь, что любой в состоянии сделать то же самое; просто я не замечаю их способности точно так же, как они не замечают мои».

МОЧЬ И ХОТЕТЬ

Однажды Йеѓуди прогуливался за городом и увидел, как перевернулся воз с сеном. «Подмоги мне его поднять», – сказал возница. Рабби попытался, но не сумел даже сдвинуть его с места. «Не могу», – вздохнул он. Крестьянин глянул на него исподлобья. «Да можешь ты, – сказал он, – только не хочешь».

Вечером того же дня Йеѓуди беседовал со своими учениками: «Вот что мне сказали сегодня: мы можем поднять Имя Бога, возвеличить его, да только не хотим этого делать».

МОЛЧАНИЕ И СЛОВО

Некий человек принял на себя обет молчания и на протяжении трех лет не сказал ни единого слова – только молился и читал Тору. Наконец Йеѓуди позвал его к себе. «Как же это так получается, – сказал он, – что я не вижу ни единого твоего слова в мире истины?»

«Рабби, – ответил тот в свое оправдание, – на что мне суетность речи? Не лучше ли просто учиться и молиться?»

«Если ты так считаешь, – сказал Йеґуди, – значит, ни единого твоего слова не будет в мире истины. Тот, кто лишь учится и молится, тот умерщвляет слово своей души. Что значит – “суетность речи”? Любое слово, сказанное тобою, может быть и суетным, и истинным. А сейчас я велю, чтобы к вечеру тебе принесли трубку и табак. Придешь ко мне после вечерней молитвы, и я буду учить тебя, как надо вести беседу».

Они просидели вместе всю ночь напролет. К утру ученичество молодого хасида было завершено.

ЯЗЫК

Йеґуди и Перец, его ученик, шли по лугу. Мычали пасущиеся коровы, и в ручье, огибавшем луг, плескались гогочущие гуси, хлопая крыльями по воде. «Вот если бы можно было понимать, что все они говорят!» – воскликнул Перец.

«Когда ты научишься понимать всю суть того, что ты сам говоришь, – ответил рабби, – тогда ты сможешь понимать язык всех существ».

НЕ ТО, ЧТО ПОПАДАЕТ В РОТ...

Однажды Йеґуди велел своему ученику рабби Буниму отправиться в путь. Буним не стал задавать никаких вопросов, вышел из города с группой хасидов, и они отправились по главной дороге. К полудню они оказались в местечке и зашли в корчму. Корчмарь был счастлив видеть таких благочестивых гостей и пригласил их отобедать с ним. Рабби Буним сидел за столом на почетном месте, а остальные хасиды то входили, то выходили из комнаты, задавая массу вопросов относительно мяса, которое им должны были подать к обеду: не было ли у животного каких-нибудь изъянов, что за человек местный резник, насколько тщательно мясо было просолено. И тут человек, который сидел за печью, одетый в рубище и не выпускавший из рук посоха, сказал: «О, эти хасиды! Вы так беспокоитесь о чистоте того, что попадает вам в рот! Если бы вы хотя бы вполовину заботились о чистоте исходящего из ваших уст!»

Рабби Буним собрался было ему ответить, но странник в мгновение ока исчез – как и свойственно пророку Илие. И тогда рабби понял, с какой целью учитель отправил их в путь-дорогу.

ЧТИТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Йеґуди изучал Талмуд со своими учениками. Некий отрывок привел его в затруднение; он умолк и сосредоточился, пытаясь найти подходящее толкование. Среди его учеников был мальчик, чей отец умер ско-

ре после его рождения. Зная, что учитель может просидеть долгое время в поисках подходящего толкования, он решил сбегать домой, потому что почувствовал сильный голод. Когда, поев, он отправился в дом учения, мать попросила его натаскать сена с сеновала, но он не стал возвращаться домой, потому что боялся опоздать на занятия. Однако, сделав несколько шагов, он передумал, сказав себе: «Но ведь цель учения – это деяния». Он бегом вернулся домой, помог матери, после чего вернулся в дом учения.

В ту минуту, как он переступил порог, Йегуди оторвался от своих раздумий, выпрямился во весь рост и с довольным видом сказал ему: «Несомненно, ты сейчас почтил свою мать. Нам известно, что Аббайе был единственным из наших мудрецов, который не знал ни отца, ни матери, и что поэтому его душа иногда вселяется в тела тех, кто выполняет заповедь чтить своих родителей – поскольку сам он был лишен возможности выполнять эту заповедь. Так вот, Аббайе только что явился мне и помог растолковать этот сложный отрывок».

СВЯТОЕ ОТЧАЯНИЕ

Вот что говорил Йегуди по поводу стиха из псалма: «Доколе мне слагать советы в душе моей, [как избавиться от] скорби в сердце моем, целый день?»*.

«До тех пор, пока я слагаю советы в душе моей, сердце мое скорбит целый день. И лишь когда я пойму, что никакие советы не смогут мне помочь, и не буду более слагать советы, и не буду более ждать помощи иначе как от Бога – лишь тогда придет мне помощь». И он добавлял: «В этом заключается мистический смысл миквы».

* [Пс. 13:3]

ТОЛКОВАНИЕ ПИСАНИЯ

Однажды рабби Буним пришел в комнату своего учителя Йегуди. Тот отложил книгу и взглянул на него с видом человека, которого отрывают от дела, но при этом он и сам не прочь оторваться, и спросил едва ли не игриво: «Скажи мне стих из Торы, и я тотчас же истолкую его». Буним сказал первое, что пришло в голову: «И говорил Моше всему собранию Израиля слова песни этой до конца»*.

«До конца», – повторил Йегуди последние слова и вернулся к своей книге. Разговор был окончен.

Рабби Буним вышел из комнаты, исполненный великой радости. Пятнадцатилетний Ханох, бывший в комнате вместе с ним, спросил его, почему он столь радостен – ведь он не получил от рабби обещанного толкования. «Подумай немного!» – сказал ему Буним. И тогда Ханох тоже понял смысл сказанного: снова и снова Моше говорил сынам Из-

* [Втор. 31:30]

раиля слова этой песни, пока те не поняли ее до конца, обретя тем самым совершенство.

АВРАҐАМ И ЕГО ГОСТИ

Вот что говорил Йеґуди относительно стиха Писания, где сказано: «А сам стоял над ними под деревом, и они ели»*: «Почему так сказано в Писании? Ведь не принято же, чтобы хозяин дома, не садясь за стол со своими гостями, стоял над ними, пока гости едят. Вот каков смысл этих слов Писания: у ангелов есть свои достоинства и недостатки, и у человека есть его достоинства и недостатки. Достоинством ангелов является то, что они не могут становиться хуже, а их недостатком – что они не способны к совершенствованию. В числе недостатков человека – его способность становиться хуже, а в числе его достоинств – способность делаться лучше. Человек поистине гостеприимный способен перенять достоинства своих гостей. Итак, Авраґам обрел достоинство ангелов, то есть неспособность становиться хуже. И поэтому он над ними и выше их».

* [Быт. 18:8]

ИДЕАЛЬНЫЙ СЫН

После субботней трапезы, на которой присутствовало много отцов семейств, Йеґуди сказал: «Послушайте, вы все! Если спросить любого из вас, почему он так усердно трудится, ответ будет: "Чтобы дать возможность моему сыну учиться и служить Господу". А потом сын вырастает и, забыв отцовский тяжкий труд, в свою очередь начинает трудиться не покладая рук, а когда его спросишь, он тоже ответит: "Я хочу, чтобы мой сын стал ученым человеком и у него была хорошая работа". И так дела обстоят у вас у всех из поколения в поколение. Но когда же мы наконец увидим этого идеального сына, ради которого все трудятся, не жалея сил?»

НЕ СМЕШИВАТЬ

Йеґуди частенько говаривал:

«Самое главное – это не смешивать добро со злом. Достаточно и самой крошечной крупицы добра, если только в ней нет ни малейшей доли примеси».

АИСТ

Однажды у Йеґуди спросили: «В Талмуде сказано: аист называется на иврите хасида, потому что это преданная и любящая птица, за-

ботящаяся о своем потомстве. Тогда почему же Писание считает ее нечистой птицей?»

Тот ответил: «Потому что аист заботится только о своих».

ПРОВЕРКА

Йеѓуди говорил: «Все на свете поддается проверке, и можно определить, тем или иным образом, свойства и качества всего сущего. А как же можно проверить сынов Израиля? Исходя из того, насколько они любят Израиль. Если человек ощущает, как его любовь к Израилю растет с каждым днем, то он может не сомневаться, что восходит на все более и более высокую ступень служения Богу».

САМОЕ ДОРОГОЕ

Йеѓуди часто говорил: «Я был бы готов отдать свою долю и в этом, и в грядущем мирах ради самой малой доли Иерусалима».

САМОЕ ТРУДНОЕ

Йеѓуди однажды сказал: «Творить чудеса – не такое уж великое дело. Всякий, достигнув определенной духовной ступени, может сдвинуть и землю, и небо. Но вот быть евреем – это и в самом деле трудно».

ОСКУДЕНИЕ

Однажды пришлось Йеѓуди и его ученику рабби Буниму ночевать в одной комнате. Вопреки своему обыкновению Йеѓуди никак не мог заснуть, а все ворочался и вздыхал.

Рабби Буним спросил его, отчего он вздыхает.

Йеѓуди ответил: «Я все думаю о том, что после Моше у нас были судьи, после судей пророки, потом мужи Великого Собора, потом таннаи и амораи, и так далее, вплоть до моралистов, а когда и они оскудели и стали множиться лжеморалисты, то появились цадики. Вздыхаю же я потому, что вижу и их оскудение. Что же тогда будет с народом Израиля?»

ТОТ, КТО УШЕЛ РАНЬШЕ

Когда юный Перец лежал при смерти, Йеѓуди, сидя у постели своего ученика, сказал ему: «Перец, твое время еще не пришло».

Тот ответил: «Я знаю, рабби... Но можно я скажу одну вещь?»

«Говори», – согласился Йеѓуди.

«Я вижу, – сказал Перец, – что рабби скоро покинет этот мир, и я не хотел бы оставаться здесь без него».

Йеѓуди умер несколько недель спустя.

ПОСЛЕДНЕЕ ОЗАРЕНИЕ

Когда-то Йеѓуди сказал, что каждый Новый год он по-новому осознает свое служение Богу, и после такого озарения все, что он делал в прошедшем году, кажется ему малозначимым по сравнению с предстоящим, и он, таким образом, начинает новый этап на своем бесконечном пути. Но однажды в конце года, когда он читал «Книгу ангела Разиэля», ему открылось, что он умрет вскоре после Нового года. Йеѓуди отправился к своему учителю, Провидцу из Люблина, и все рассказал ему. «Приезжай на Новый год к нам, – сказал ему Провидец, – и тебя минует эта участь». Но Йеѓуди, попрощавшись с ним, вернулся в свой дом.

В день смерти Йеѓуди рабби Калман прогуливался с рабби Шмуэлем за городом, и рабби Калман сказал: «Сегодня должно быть завершено некое единение, и причем нигде, кроме как в Земле Израиля. Всякий, кто завершит его в любом другом месте, должен будет умереть в этот самый день. Такова была и участь Моше, нашего учителя, да будет мир с ним».

ЧАСЫ, КОТОРЫЕ ОН РАЗОБРАЛ

Рабби Йерахмиэль, старший сын Йеѓуди, который, прежде чем стать рабби, был часовых дел мастером, рассказал однажды такую историю собравшимся в доме учения:

«Когда я только постигал мастерство часовщика, я жил в доме моего тестя. Он тоже разбирался в часах. Однажды мне надо было поехать к великому цадику, а у меня не было денег на дорогу. Тогда я сказал моему тестю, что если он даст мне десять золотых, то я починю его часы, которые давно уже не ходили и которые он сам не мог исправить. Он согласился. Тогда я разобрал часы, чтобы посмотреть, что с ними, и увидел, что механизм в порядке, если не считать волосковой пружинки, которая немного деформировалась. Я подправил ее, и часы пошли, показывая точное время, совсем как новые».

Когда рабби Йерахмиэль кончил свой рассказ, все присутствовавшие заплакали.

ИГРАЯ С ЧАСАМИ

Хасид рабби Пинхаса из Коньске, внука рабби Йерахмиэля, однажды вошел в комнату своего учителя и увидел, что тот лежит в постели

и играет, забавляется со своими часами. Он был сильно удивлен, потому что время уже близилось к полудню, а рабби еще не молился. Тут рабби Йерахмиэль сказал хасиду: «Удивлен, чем я занимаюсь? А знаешь, чем я в действительности занят? Я готовлюсь к тому, чтобы покинуть этот мир».

ПОСЛЕ ИСХОДА СУББОТЫ

Однажды в пятницу, возвращаясь после миквы, рабби Йеѓошуа-Ашер, второй сын Йеѓуди, попросил своих сыновей не приходить к нему домой на субботнюю трапезу, как у них было заведено, но лечь пораньше спать, чтобы они могли побыть с ним подольше в ночь после исхода субботы. Сыновья, однако, не послушались и пришли к нему на субботнюю трапезу, как обычно. Встав из-за стола, он сказал им: «Завтра днем не приходите ко мне, как у нас заведено, а после обеда постарайтесь поспать». И снова они не послушали отца и пришли к нему обедать, как обычно. Во время последней субботней трапезы рабби попросил старшего сына порезать хлеб, а когда он сделал это с явной неохотой, рабби сказал: «Тебе следует научиться резать хлеб для народа Израиля и даровать ему благо в избытке».

После трапезы они прочли вечернюю молитву и совершили церемонию ѓавдалы; рабби приступил к трапезе проводов субботы с близкими ему людьми и снова попросил старшего сына порезать хлеб. После еды он сказал своим сыновьям: «Я очень прошу вас не уходить и побыть со мною». Некоторое время спустя он попросил, чтобы ему принесли чистое исподнее. Его жена удивилась такому пожеланию в столь неурочный час, но дала слуге одежду, и рабби переоделся. Затем он велел слуге зажечь свечи в доме учения и во всех комнатах. Жена рабби было возразила, но, поняв, что рабби действительно хочет этого, достала новые свечи. Вскоре после этого рабби велел открыть все двери и послал за своими сыновьями и близкими друзьями, которые ждали его приглашения в доме учения и у входной двери.

Рабби лег в постель и попросил дать ему трубку. Он сделал несколько неспешных затяжек и положил ее на стул подле кровати. Затем он укрылся с головой, вздохнул едва слышно и отошел.

НЕ ИСКАТЬ ПРАВЕДНЫХ

Некий человек, сделавший недоброе дело и страдавший от последствий своего проступка, обратился к магиду из Турийска за советом. Но тот напрочь отказался помочь. «Следует спрашивать совета до того, как ты что-то делаешь, а не после», – сказал он.

Тогда этот человек обратился к рабби Яакову-Цви из Паричи, сыну рабби Йеѓошуа-Ашера. «Тебе следует помочь, – сказал рабби Яаков-

Цви. – Мы должны не искать праведных, а молиться о защите грешников. Авраѓам искал праведников и не преуспел в этом. Но Моше взмолился: “Прости же вину народа этого по великой милости Твоей...”, и сказал Бог: “Простил Я по слову твоему”*».

* [Чис. 14:19-20]

ГДЕ ИСКАТЬ БОГА

Торговец пришел однажды к рабби Меиру-Шалому, сыну рабби Йеѓошуа-Ашера, и пожаловался на другого торговца, который открыл свою лавку дверь в дверь с его лавкой. «Похоже, что ты думаешь, – сказал цадик, – будто бы средства к существованию тебе обеспечивает твоя лавка, тогда как в действительности твое существование в руках Божьих. Но, возможно, ты не знаешь, где искать Бога. Между тем сказано: “Люби ближнего своего как самого себя: Я – Бог”*. Это значит: “Тебе следует желать для своего ближнего того, что ему необходимо, как ты желаешь этого для самого себя, – и таким образом ты найдешь Бога”».

* [Лев. 19:18]

ПРИВЕТСТВИЕ СТРАННИКА

Эту историю рассказал рабби Нехемья, третий сын Йеѓуди: «Возвращаясь из Садагоры, где он был в гостях у рабби из Ружина, мой дед задремал в повозке, на козлах которой сидел один из его хасидов. В дороге им встретился человек с большим мешком за плечами. Когда они поравнялись, человек с мешком окликнул деда – и от этого оклика он проснулся: «Нехемья, это ты?» Дед выглянул из повозки. «Маленький Нехемья, – повторил человек, – ты едешь в Польшу? Тогда передавай мои приветы святому рабби из Радошиц, передавай приветы святому рабби из Могельницы и твоему святому брату, рабби Йерахмиэлю!» И человек с мешком продолжил свой путь. Но ведь все те люди, которым он велел передавать приветы, уже умерли. Вскоре после возвращения домой умер и мой дед».

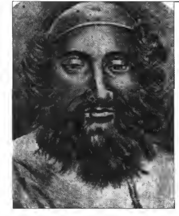

Хасидские истории.
Поздние учителя

ПШИСХА
И ЕЕ ДОЧЕРНИЕ ШКОЛЫ

Глава седьмая

❖ *Симха-Буним из Пшисхи*

СТИХИ ДЛЯ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ

В молодости, когда рабби Буним был торговцем древесиной, он любил играть в шахматы с довольно сомнительными личностями. Каждый ход он делал с душевной страстью, как будто выполнял некий священный ритуал, и время от времени сопровождал свои действия шутливыми стихами, которые он наполовину читал, наполовину пел. Например: «Ходи осторожно – так и без коня остаться можно». Речь в стихах всегда шла о том, что происходит на шахматной доске, но интонация, с которой Буним их декламировал, заставляла всех присутствующих слушать их с особым вниманием. И с каждым разом они все больше и больше осознавали, что стихи связаны с их жизнью. Не желая признаваться в этом даже самим себе, они пытались сопротивляться, но в конце концов вынуждены были подчиниться. И в сердцах своих они ощущали зарождающиеся перемены.

НЕВЕРНЫЙ ХОД

Однажды рабби Буним играл в шахматы с человеком, которого он очень сильно желал наставить на путь истинный. Рабби сделал неудачный ход, и ответный ход противника мог поставить его в безвыходное поло-

жение. Рабби Буним взмолился, чтобы противник позволил ему взять ход назад, и тот согласился. Но когда рабби сделал еще один неверный ход, противник отказался дать ему такую возможность. «Один раз я пошел тебе навстречу, – сказал он, – и этого достаточно».

«Горе человеку, – воскликнул цадик, – который настолько погряз в грехах, что даже молитва не имеет на него действия!» Его противник застыл и онемел, потрясенный до глубины души.

СУЕТНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Рабби Буним возил свой товар по Висле на продажу в Данциг, а по пути заезжал к святому Йеѓуди.

Однажды он приехал к Йеѓуди прямо из Данцига. «Что нового ты там слышал?» – спросил его святой Йеѓуди. Буним принялся рассказывать ему о самых различных вещах. Йерахмиэль, сын Йеѓуди, не мог скрыть своего раздражения тем, что внимание отца отвлекают какими-то суетными разговорами. Однако, когда гость ушел, Йеѓуди сказал сыну: «Знаешь ли ты, что все рассказанное им поднимается из бездны к подножью трона славы?»

СТЕНЫ ДОМА

Однажды по пути в Лейпциг рабби Буним вместе с несколькими торговцами-попутчиками остановился в одном еврейском доме, чтобы прочесть послеполуденную молитву. Но, едва войдя в этот дом, он впал в замешательство, потому что там царил стойкий неприятный запах. Рабби подал знак своим попутчикам, и они вышли из дома. Однако, сделав несколько шагов, рабби остановился: «Мы должны вернуться! – воскликнул он. – Стены дома взывают к справедливости, потому что я опозорил их своим презрительным отношением».

РАЗВЕ ОНИ ОТРИЦАЮТ БОГА?

Когда рабби Буним бывал в Данциге, он по субботам общался с «немцами» – так называли евреев, которые отошли от Закона и соблюдения еврейского образа жизни, – и вел с ними разговоры о Торе. Но «немцы» только посмеивались над ним, считая его поведение чудаковатым. Его сын, рабби Авраѓам-Моше, едва сдерживал свою досаду, упрашивая отца не обсуждать вопросы веры с неверующими, которые только насмехаются над ним.

«А что я могу поделать? – возражал рабби Буним. – Они раззадоривают меня, и я не в силах сдерживаться. Ну хорошо, в следующую субботу как увидишь, что я снова вступаю в эти разговоры, толкни меня но-

гой под столом, чтобы я сидел тихо». Так его сын и поступил в следующую субботу, когда они, как обычно, сели за стол.

Но рабби Буним сказал укоряющее: «Вовсе нет! Этих людей нельзя назвать неверующими! Мне довелось слышать, как один из них, страдая от головной боли, воскликнул: "Шма, Исраэль!" Вот фараон – тот был поистине неверующим, потому что, страдая от ниспосланных Богом казней египетских, все равно продолжал заявлять, что не признает Его».

«И сказал фараон: "Кто такой Бог, чтобы я послушался его и отпустил Израиль? Не знаю я Бога, и Израиль тоже не отпущу"»*.

* [Исх. 5:2]

ПРОГРАММКА И СПЕКТАКЛЬ

В то время, когда рабби Буним еще торговал древесиной, купцы Данцига спросили его, почему он, столь хорошо знающий Писание, тем не менее регулярно ходит к цадикам? Что же такого они в состоянии сказать ему помимо того, что он и так может прочесть в книге? Рабби Буним попытался объяснить им – но безуспешно. Вечером купцы пригласили его в театр, но он отказался. Вернувшись после спектакля, они стали рассказывать ему, какое удовольствие они получили от увиденного. «Я и сам знаю, – ответил рабби Буним, – я прочел театральную программку».

«Но разве чтение программки сравнимо с тем, что мы видели своими глазами!»

«Именно это я и хотел сказать вам – когда речь заходит о книгах и цадиках».

В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ

Один купец из числа торговых партнеров рабби Бунима попросил рабби взять его сына в Данциг и там присматривать за ним.

В один из вечеров рабби Буним обнаружил, что молодого человека нет в гостинице. Рабби отправился на поиски и вскоре подошел к дому, из окон которого доносились звуки фортепиано и пение. Когда рабби вошел в дом, певица как раз допела песню до конца, и он увидел, как сын его партнера направился к выходу. «Спой свою любимую песню», – сказал рабби девушке, давши ей золотой. Девушка запела, и тут отворилась дверь, впустив молодого человека.

Рабби подошел к нему и сказал как ни в чем не бывало: «Так вот ты где. А там тебя ищут. Пойдем вместе?» Вернувшись в гостиницу, рабби Буним с молодым человеком какое-то время играли в карты, после чего отправились спать. На следующий вечер рабби пошел с молодым человеком в театр. Однако когда они вернулись после спектакля, рабби Буним принялся читать псалмы и делал это с такой страстью, что полностью отвлек молодого человека от мирских помыслов.

Много лет спустя цадик говорил своим друзьям: «В тот раз, в публичном доме, я понял, что божественная Шхина может снизойти где угодно, в любом месте, и если в этом месте находится только один человек, обретающий ее, то этот человек обретает все блаженство».

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

Однажды, будучи в Данциге, рабби Буним отправился вечером в городской парк. По ярко освещенным аллеям парка прогуливались молодые люди и девушки в красивых платьях. «Эти огни – свечи на Йом Кипур, – сказал про себя рабби. – А эта одежда – китл молящегося».

МИЛОСЕРДИЕ

Когда рабби Буним еще занимался торговлей и ездил каждый год на ярмарку в Данциг, однажды он остановился в небольшом городке, чтобы провести там субботу. Там он услышал о благочестивом и начитанном человеке, который жил в великой бедности. Рабби Буним устроил так, чтобы провести канун субботы в доме этого человека; он приобрел посуду и всякую утварь, заказал еду и даже уговорил хозяина дома принять в подарок новую одежду. Прощаясь с этим человеком на исходе субботы, рабби Буним дал ему значительную сумму денег, но тот отказался, пояснив, что и так уже получил от рабби более чем достаточно.

«А этот дар, – сказал рабби Буним, – предназначен не тебе, а мне. Таким образом я врачую раны сострадания, нанесенные мне твоим тяжким положением; именно так я могу выполнить заповедь милосердия. Ибо сказано: "Дай же ему, и да не будет досадно тебе, когда дашь ему, ибо за это благословит тебя Бог Всесильный твой, во всех делах твоих и во всяком начинании твоем"*. Тот, кто не в состоянии выносить зрелище бедности, должен облегчить свое душевное беспокойство, помогая ближнему своему, и тогда печаль покинет его сердце».

* [Втор. 15:10]

АПТЕКАРЬ

По прошествии времени рабби Буним стал аптекарем в Пшисхе. Вечерами же он учился у рабби Яакова-Ицхака, святого Йеѓуди. Когда рабби, исцеляя хасидские души, сталкивался с особыми трудностями, он обычно говаривал: «Позовите аптекаря, пусть он мне поможет».

ГИТАРА

Рабби Йехезкель из Козниц говорил ученику рабби Бунима: «Когда твой учитель был аптекарем в Пшисхе, мы частенько виделись. То я за-

ходил к нему, то он ко мне. Однажды вечером я зашел в аптеку и увидел лежащий на скамье музыкальный инструмент со струнами, которые тот перебирал пальцами. Тут же вошла крестьянка с рецептом. Одной рукой рабби Буним приготовлял лекарство, другой пощипывал струны. Когда женщина ушла, я сказал: «Рабби Буним, это нечестивое поведение». А он ответил: «Рабби Йехезкель, ты не настоящий хасид!»

Я пошел домой и в глубине сердца затаил недоброе. Но этой же ночью мне явился мой дед; он дал мне хорошую затрещину и прикрикнул: «Не смей подкапываться под этого человека! Он сияет во всех небесных чертогах».

РЕШЕНИЕ

После смерти своего учителя, святого Йеѓуди, рабби Буним продолжал жить в Пшисхе. Однажды его жена, сидя у окна, увидела, как к их дому подъехала битком набитая повозка. Она кинулась к мужу с криком: «Буним, к тебе приехали хасиды, целая повозка!»

«О чем ты говоришь! – резко ответил он. – Не мое это дело, и ты это прекрасно знаешь». Но час спустя, когда приехавшие отбыли восвояси, он сказал жене: «Ничего не попишешь. Я не могу больше этому противиться. В ту секунду, как они переступили порог, я уже знал все нужды и пожелания каждого из них».

ПАСТЫРЬ

После смерти Йеѓуди его ученики какое-то время колебались, кого им выбрать своим учителем. И они обратились за советом к рабби Буниму.

Тот сказал: «Пастух пас стадо овец на лугу. Он почувствовал себя очень усталым, прилег на траву и уснул. Никогда прежде с ним не бывало ничего подобного. Он проснулся в полночь. На небе сияла полная луна, ночь была ясной и прохладной. Пастух напился из ручья и почувствовал себя гораздо лучше. Но в то же мгновение он вспомнил о стаде, и сердце его замерло. Он огляделся по сторонам и увидел в нескольких шагах от себя своих овец, мирно спящих, будто в овчарне. Он пересчитал их – все были в сохранности. И тогда он воскликнул: “Милосердный Бог, как я смогу отплатить Тебе! Доверь мне твоих овец, и я буду беречь их как зеницу ока”. Найдите такого пастыря и сделайте его своим рабби».

Рабби Абель Нойштедтер, который в свое время учил Йеѓуди каббале и которого многие из присутствовавших считали наследником его бывшего ученика, поднялся с кресла и усадил рабби Бунима на свое место.

ДОРОГОЙ ДОКТОР

Когда рабби Буним наследовал своему учителю Йеѓуди, немало молодых людей пришли к нему, забыв свой дом и былые обязательства. Их отцы были разгневаны, и рабби Буним подвергся нападкам в большей степени, чем любой другой цадик его поколения. Как-то тесть одного из этих молодых людей ворвался в дом рабби и с порога начал кричать: «Ты разлагаешь лучших из наших сыновей, и они бросают все, чтобы бесцельно провести годы и годы своей жизни в твоем обществе. А ты заявляешь, будто учишь их страху Божьему! Подумать только, Божьему страху! Не нужен ты нам! У нас имеется достаточно книг, откуда они могут почерпнуть больше полезного, чем услышать от тебя!»

Рабби Буним слушал этого человека, не перебивая, пока тот не иссяк. Затем он сказал: «Как тебе известно, я был аптекарем. И вот что я заметил: врачи, которые посещают всех больных даже без вызова и при этом не берут денег за визиты, пользуются меньшим уважением и доверием, нежели те, кто берут за свой визит немалые деньги. Все неприятности и напасти, которые молодые люди вынуждены терпеть от своих отцов и тестей, – это плата, которая причитается тем, кто приходит ко мне врачевать свои больные души. И они верят именно тому доктору, который оказался для них столь дорогостоящим».

ПЛАЩ

Ученика рабби Бунима однажды спросили: «Что же столь чудесного в твоем учителе, о котором идет так много разговоров?»

Ученик ответил: «Элияѓу нашел Элишу, когда тот пахал свое поле на волах. Элиша был отнюдь не пророком, а всего-навсего простым крестьянином, который лишь погонял своих волов. Однако как только его учитель появился и набросил на него плащ свой, тотчас же душа Элиши вспыхнула огнем, он зарезал своих быков и разломал плуг.

"Что я сделал тебе?" – спросил Элияѓу.

"О! – воскликнул Элиша, – и ты спрашиваешь, что ты мне сделал!"

Он оставил отца своего и мать свою и пошел за учителем, и ничто уже не могло их разлучить. Вот как бывает, когда рабби Буним выбирает себе ученика. И не важно, из какой семьи происходит ученик, – он начинает жить новой жизнью, и его охватывает желание полностью посвятить себя Богу».

«Элияѓу нашел Элишу, когда тот пахал; двенадцать пар волов пред ним, а сам он при двенадцатой. И прошел Элияѓу мимо него, и бросил на него плащ свой. И оставил Элиша волов, и побежал за Элияѓу, и сказал: позволь мне поцеловать отца моего и мать мою, и я пойду за тобою. Он же сказал ему: иди, воротись, ибо что сделал я тебе? Воротившись от него, взял Элиша свою пару волов и зарезал их, и на снаряжении волов сварил

* [Млах. I 19:19-21]

мясо их, и роздал людям, и они поели. А сам встал и пошел за Элияѓу и стал служить ему».*

СОКРОВИЩЕ

Рабби Буним имел обыкновение рассказывать молодым людям, приходящим к нему в первый раз, историю про рабби Айзика, сына рабби Йекеля из Кракова. Прожив много лет в бедности, хотя это нимало не пошатнуло его веру в Бога, он увидел сон: какой-то человек велел ему искать клад, зарытый под мостом в Праге, ведущим к королевскому дворцу. Когда сон повторился в третий раз, Айзик отправился в путь, в Прагу. Однако мост охранялся круглые сутки, и он никак не осмеливался приступить к поискам клада. Он, правда, ходил к мосту каждое утро и проводил там время до вечера.

Наконец старший из стражников спросил его, причем вполне дружелюбно, ищет ли он тут что-нибудь или ждет кого-то. Рабби Айзик рассказал ему о своем сне, который привел его в Прагу. Стражник рассмеялся: «Значит, чтобы потешить свои сонные фантазии, ты, бедняга, не жалея башмаков, приехал в такую даль! Вот если бы я верил в сны, то мне пришлось бы тащиться в Краков – ведь я тоже видел во сне клад, спрятанный под печью в доме человека по имени Айзик – ничего себе имечко: Айзик, сын Йекеля! Воображаю, как бы я искал этот дом – в городе, где половину евреев зовут Айзик, а другую половину – Йекель!» И он снова рассмеялся. Рабби Айзик отдал ему поклон, отправился к себе домой, в Краков, вырыл клад из-под печи своего дома и построил на эти деньги дом молитвы, названный им «Шуль реба Айзика».

«И пусть эта история затронет вас до глубины души, – добавлял обычно рабби Буним. – Запомните: есть вещи, которых вам не найти нигде в мире, ни даже в мире цадика – и все же есть на свете место, где их можно отыскать. Но для этого сначала следует «совершить путешествие в Прагу».

СТОРОЖ, ПРЕДАВАВШИЙСЯ РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Однажды рабби Буним сказал: «Порой случается, что человек впадает в грех, сам не зная, как это могло случиться – поскольку мысленно он все время был настороже». И рассказал такую притчу:

«У одного вельможи была скаковая лошадь, которую он считал самым ценным своим достоянием. Конюшня постоянно была на запоре, и у дверей всегда дежурил сторож. Как-то ночью вельможей овладело беспокойство, и он пошел посмотреть, что происходит в конюшне. Сторож был на месте и, судя по выражению его лица, предавался размышлениям.

“О чем ты думаешь?” – спросил вельможа.

“Вот интересно, – ответил сторож, – когда вбиваешь гвоздь в стену, то куда девается глина, из которой сделан кирпич, в который вбивается гвоздь?”

“Ладно, продолжай свои размышления”, – сказал вельможа. Он вернулся в дом и лег в постель. Но сон не шел, и через некоторое время он снова отправился посмотреть, что происходит в конюшне. Сторож по-прежнему сидел с задумчивым выражением лица.

“Ну, и о чем ты размышляешь сейчас?” – спросил его вельможа.

“Интересно, – сказал сторож, – когда жарят оладьи, то куда девается масло?”

“Ладно, продолжай свои размышления”, – сказал вельможа. Он снова вернулся в дом, и опять не смог заснуть, и в третий раз отправился посмотреть, что происходит в конюшне. Сторож по-прежнему сидел все с тем же задумчивым выражением лица.

“А сейчас о чем ты думаешь?” – спросил его вельможа.

“Вот интересно, – сказал сторож. – Дверь – она по-прежнему на запоре. Я – как сидел здесь, так и сижу, не спуская с нее глаз. А куда же могла деваться лошадь? Неужели ее украли?”»

ТРОЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

После смерти рабби Ури из Стрельска, по прозвищу Серафим, один из его хасидов пришел к рабби Буниму с просьбой взять его в ученики. Рабби Буним спросил: «Как твой учитель учил вас служить Богу?»

«Первым делом, – ответил хасид, – он стремился поселить смирение в наших сердцах. Вот почему всякому, кто приходил к нему, будь то грамотей или человек из богатой семьи, он велел принести два ведра воды из колодца на рыночной площади или поручал какую-либо другую тяжелую и неприятную работу».

Рабби Буним на это сказал: «Я расскажу тебе вот какую историю. Три человека, двое умных и один глуповатый, были посажены в глубокую темницу, куда не проникал ни единый луч света и куда им трижды в день опускали миски с едой и ложки. От темноты и отчаяния глуповатый заключенный лишился последних остатков разума и не в состоянии был пользоваться ложкой, потому что он ее не видел. Один из сотоварищей по заключению помогал ему, но на следующий день он опять все забывал, и его приходилось учить снова, и так раз за разом.

А третий заключенный сидел молча и не вмешивался в происходящее. И вот как-то второй заключенный спросил его, почему тот ни разу не предложил свою помощь.

«Сам посуди, – ответил тот. – Ты хлопочешь изо дня в день, но так и не добился успеха, потому что каждый новый день уничтожает

твои достижения дня предыдущего. А вот я сижу и размышляю о том, как бы нам проделать отверстие в стене, чтобы сюда проникал солнечный свет и мы были в состоянии снова все видеть».

СПАСЕНЫ

Рабби Буним рассказывал такую историю: «Рабби Элиэзер из Амстердама плыл на корабле в Святую землю, и вот в канун Нового года сильнейший шторм едва не пустил корабль ко дну. Перед рассветом рабби Элиэзер велел всем хасидам подняться на верхнюю палубу и при первых лучах зари трубить в шофар. И после звуков шофара море утихло.

Только не надо думать, – добавлял рабби Буним, – что рабби Элиэзер намеревался таким образом спасти корабль. Напротив, он был почти уверен в том, что они все потонут, но перед смертью он хотел выполнить святую заповедь и протрубить в шофар. Если бы он хотел спасти таким образом корабль от гибели, то вряд ли бы ему это удалось».

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ ОН РАССКАЗАЛ

Рабби Буним рассказывал: «Однажды я ехал в Варшаву, и когда мы уже почти подъехали к городу, мне вдруг захотелось рассказать одну историю. История эта, однако, была мирской, и я не сомневался, что она вызовет хохот у моих попутчиков. Дурное начало всячески старалось отговорить меня от моего намерения, утверждая, что попутчики, услышав эту историю, перестанут считать меня рабби. Но я сказал самому себе в глубинах моего сердца: “Как ты можешь судить о неисповедимых путях Господа?” И еще я вспомнил слова рабби Пинхаса из Кореца: “Все радости идут к нам из рая, и шутки тоже – если только они говорятся в радости”. Потому в глубине сердца я на мгновение забыл о своем положении рабби и рассказал эту историю. Все попутчики расхохотались. И я почувствовал близость всех окружающих – даже тех, кто держался до сих пор отчужденно».

ВСЕ И КАЖДЫЙ

Рабби Буним однажды сказал:

«В субботу, когда мой дом полон гостей, мне трудно “читать Тору”. Ведь каждому нужна его личная Тора, и каждый стремится достичь своего личного совершенства. И потому то, что я даю всем, – это то, что я недодал каждому из них».

УШИ И ЯЗЫК

Однажды, когда рабби Буним говорил слова Торы за обеденным столом, присутствовавшие так плотно столпились вокруг него, что слуга попросил их отодвинуться.

«Ничего, пускай, – сказал ему рабби. – Поверь мне, если они приставляют ладони к ушам, чтобы лучше слышать, я точно так же, как они, приставляю ладонь к своему уху, чтобы лучше слышать, что говорит мой язык».

ЩЕПОТЬ ПЕСКУ

Однажды рабби Буним прогуливался за городом со своими учениками. Вдруг он присел, взял щепоть песку, какое-то время рассматривал песчинки, после чего вернул их точно туда же, откуда взял. И сказал: «Тот, кто не верит, будто Богу угодно, чтобы эти песчинки лежали именно в этом месте и ни в каком ином, – тот вообще ни во что не верит».

НАЧАЛО УЧЕНИЯ

Рабби Буним начинал свое учение следующим образом:

«Мы благодарны Тебе, который благословен и который есть источник благословения, как явный, так и скрытый». Затем он продолжал: «Человек, обладающий чувствами, должен ощущать Его божественность точно так же, как он ощущает то место, в котором он находится. И точно так же, как он не в состоянии представить себя без такого места, подобным же образом он должен осознавать Его, Кто есть Место этого мира, явное средоточие этого мира; и в то же время он должен знать, что Он – это скрытая жизнь, наполняющая этот мир».

ВКУС ХЛЕБА

Однажды во время третьей субботней трапезы рабби Буним произнес: «Сказано: "Попробуйте, и вы увидите, что Бог хорош!" * Вкус хлеба, который вы ощущаете, – это не его истинный вкус. Лишь цадики благодаря их чистоте ощущают истинный вкус хлеба – того, что создан Господом. Они пробуют и видят, что Бог хорош».

* [Пс. 34:9]

ВСЕ КОСТИ

Когда недруги рабби Бунима спрашивали, отчего он каждое утро запаздывает с молитвой, он отвечал: «"У человека есть кости, которые продолжают спать даже после того, как он сам проснулся". Сказано, од-

нако: “Все кости мои будут говорить: ‘Бог! Кто подобен Тебе?’”* Вот почему человеку следует подождать с молитвой, пока не проснулись все его кости».

* [Пс. 35:10]

ДВА КАРМАНА

Рабби Буним говорил своим ученикам: «У каждого из вас должно быть два кармана, чтобы можно было залезть или в один, или в другой, в зависимости от конкретной надобности. В правом кармане должны быть слова: “Ради меня был создан мир”*, а в левом: “Я прах и пепел”**».

* [Санґедрин 37b]
** [Быт. 18:27]

ДВЕ ДВЕРИ

Рабби Буним говаривал: «Человек постоянно проходит через две двери: из этого мира в грядущий, а затем оттуда и снова туда».

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Рабби Буним учил: «Человек, который трудился всю свою жизнь, но не посвятил себя Богу, подобен тому, кто, полностью приготовившись к свадьбе, забыл купить обручальное кольцо, – в конце концов он заламывает руки и терзается угрызениями совести».

ШАРФ

Любимый ученик рабби Бунима потерял свой шарф и, не щадя усилий, повсюду искал его. Его товарищи начали над ним посмеиваться. «Он прав, – сказал цадик, – если он так дорожит вещью, которая верно служила ему. Точно так же после смерти душа навещает оставленное ею тело и склоняется над ним».

ТРИ ДАРА

Рабби Буним сказал своим хасидам: «Тот из вас, кто способен только любить – он все равно что блудодей; тот из вас, кто способен лишь быть преданным – он все равно что вор; тот из вас, кто всего лишь умен – он все равно что неверующий. И лишь тот, кому даны все три дара, способен истинно служить Господу».

МЕДОВУХА

Рабби Буним узнал, что его ученики собрались устроить дружескую пирушку. И тогда он рассказал им следующую историю:

«Некий человек хотел найти способ хорошо зарабатывать на жизнь и для этого обратился за советом к друзьям и знакомым. Ему посоветовали научиться варить медовуху, поскольку на этот напиток имеется постоянный спрос. И вот он отправился в соседний город, в обучение к опытному винокуру. Вернувшись после учебы домой, он первым делом – согласно обычаю – устроил пирушку и пригласил на нее множество людей, в расчете на то, что они станут повсюду рассказывать о достоинствах его продукции. Но гости, попробовав его медовуху, сделали кислые физиономии, потому что напиток никуда не годился.

Этот человек отправился к своему учителю в соседний город и потребовал вернуть ему деньги за обучение. Тот поинтересовался, все ли ингредиенты были использованы и в должных ли количествах. Получив утвердительные ответы, причем в гневном тоне, винокур задал последний вопрос – относительно качества меда. "Какой мед! – воскликнул этот человек. – Мне и в голову не пришло класть мед"».

«Как бы нечто подобное не произошло и с вами, – закончил свою историю рабби Буним. – Дружеская пирушка – это очень хорошо, но не забудьте о том, что необходим и добрый хасидский мед, причем в достаточных количествах».

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Эту историю рассказал рабби Ханох: «На протяжении целого года я очень хотел навестить своего учителя рабби Бунима и побеседовать с ним. Но всякий раз у меня не хватало смелости войти в его дом. Однажды, направляясь к его дому через поле, я заплакал и понял, что мне необходимо повидать его сегодня, и как можно скорее.

"Почему ты плачешь?" – спросил меня рабби. И я ответил: "Я живу в этом мире, я – существо, наделенное всеми чувствами, но я не знаю, для чего я был создан и на что я годен в этом мире".

"Дурачок, – сказал рабби. – Ведь точно такой же вопрос мучает и меня всю мою жизнь. Пойдем ко мне, и ты поужинаешь со мною"».

САМОНАДЕЯННОСТЬ

Эту историю рассказал рабби Ханох: «В доме моего учителя рабби Бунима существовал обычай: все его хасиды собирались там в канун Йом Кипура, чтобы напомнить о себе. Однажды после чистосердечного раскаяния во всех своих грехах я ощутил стыд при мысли, что он сейчас может меня увидеть. Но все-таки я решил пойти к нему вместе со всеми, просто чтобы напомнить о себе, а затем потихоньку удалиться. Так я и поступил. Однако, увидев, что я собрался уходить, рабби подозвал меня к себе. Такое внимание польстило моему тщеславию; однако в тот самый момент,

когда я в глубине души возомнил о себе, рабби сказал: “Ладно, ты можешь идти”».

ПИРКЕЙ АВОТ

Один из учеников рассказал эту историю: «Однажды мой учитель рабби Симха-Буним притянул мою голову своей святой рукой так, что его губы коснулись моего уха, и трижды прошептал мне слова из Пиркей Авот: “Не уподобляйся слуге, который служит своему хозяину только лишь за вознаграждение”. Моя голова, казалось, разламывается от святого и приводящего в трепет дыхания моего учителя».

* [Пиркей Авот I, 3]

ТРУБИ!

Однажды рабби Буним предоставил ученику из его дома молитвы высокую честь протрубить в шофар. Но когда тот начал свои длительные и утомительные приготовления, чтобы сосредоточиться на смысле звуков шофара, цадик крикнул нетерпеливо: «Идиот! Давай труби!»

ЦЕПЛЯТЬСЯ ЗА ЖИЗНЬ

Рабби Буним говорил: «В Новый год мир начинается заново, а прежде чем начаться, он подходит к концу. И точно так же, как перед смертью тело человека изо всей мочи цепляется за жизнь, должен и человек перед концом года всеми силами держаться за жизнь».

В ИЗГНАНИИ

В первый день Нового года, вернувшись из дома молитвы, рабби Буним рассказал хасидам, собравшимся в его доме, вот эту историю:

Царский сын восстал против отца и был выслан с глаз долой, подальше от столицы. Спустя некоторое время в сердце царя проснулась жалость, и он распорядился разыскать сына. Царские посланники не без труда нашли его далеко от дворца. Нашли его в деревенской корчме, босого и в драной рубашке, пляшущего с пьяными мужиками.

Придворный посланник поклонился ему и сказал: «Ваш отец велел мне узнать, каковы ваши желания. Он готов выполнить любое из них».

Принц расплакался: «Ах, если бы у меня была теплая одежда и пара прочных башмаков!»

«Вот видите, – сказал рабби Буним, – так мы вымаливаем себе сиюминутные блага, в то время как Шхина пребывает в изгнании!»

А Я МОЛЮСЬ

Вот что рабби Буним сказал, комментируя стих псалма «А я молюсь»*:

* [Пс. 109:4]

«Представим, что бедняк, не евший три дня, в лохмотьях, предстает перед царем. Надо ли ему говорить, в чем его нужда? Так же чувствует себя и Давид, представший перед Господом, – он молится».

МЯСНИК В СУББОТУ

Однажды рабби Буним сказал: «Как же я завидую мяснику, который всю пятницу только и занят тем, что взвешивает мясо, которое мы покупаем для субботней трапезы. А потом, до наступления субботы, ходит от дома к дому, собирая деньги. Но вот настает время встречать субботу, и он спешит в дом молитвы, а потом идет домой и читает благословение за праздничным столом, а потом вздыхает и говорит: “Благословен будь Господь, давший нам субботу для отдыха”.

О, если бы я мог наслаждаться субботним отдыхом так же, как и он!»

ЗНАК ПРОЩЕНИЯ

Однажды рабби Буним говорил своим ученикам: «В наши дни и в наше время, когда нет пророков, как нам понять, что грех, совершенный нами, прощен?»

Его ученики дали разные ответы, но ни один из них не удовлетворил рабби. «Понять мы можем, – сказал он, – лишь осознавая, что больше мы не совершаем этот грех».

ИСКЛЮЧЕНИЕ

Однажды рабби Буним сказал: «Да, мне известно, каким образом можно добиться раскаяния любого грешника – любого, если только это не лжец».

УМЕРЩВЛЕНИЕ ПЛОТИ

Один человек сказал как-то рабби Буниму: «Снова и снова я умерщвляю свою плоть и делаю все, что положено, а Элияѓу мне так и не является».

В ответ цадик рассказал ему такую историю: «Однажды святой Баал Шем Тов отправился в долгий путь. Он нанял упряжку лошадей,

сел в повозку и произнес одно из святых Имен. Лошади рванули с места в карьер и, не успев осознать происходящего, тотчас же оказались у первой станции, где их обычно кормили. Они, однако, проскочили эту станцию и не остановились, когда мимо промелькнула вторая станция. Тут животные решили, что превратились в людей и что они не получат еды до вечера, пока не прибудут в тот город, где им предстоит заночевать. Но наступил вечер, а они по-прежнему мчались от города к другому городу, и тогда лошади подумали, что их превратили в ангелов, которые не нуждаются ни в еде, ни в питье. Но тут, наконец, они достигли места своего назначения. Лошадей отвели в конюшню, задали им корма, и они сунули морды в торбы с овсом, как обычно и делают лошади, умирающие с голоду».

«И пока ты находишься в сходной ситуации, – сказал рабби Буним, – лучше всего тебе с этим смиряться».

СОН, ОБЯЗЫВАЮЩИЙ К МНОГОМУ

Некий человек, взыскующий почестей, пришел к рабби Буниму и рассказал, что этой ночью ему во сне явился его отец, объявивший: «Твоя судьба предопределена – ты должен стать во главе». Цадик выслушал эту историю в молчании. Некоторое время спустя этот человек пришел во второй раз и сказал, что снова видел тот же сон.

«Как я понимаю, – сказал ему на это рабби Буним, – ты согласен быть во главе. Если твой отец явится тебе еще раз, сообщи ему, что ты готов стать во главе и что теперь ему следует явиться всем тем людям, которых ты должен возглавить».

ВОПРЕКИ ПОГОВОРКЕ

Некий человек пришел к рабби Буниму и сказал: «Происходящее со мною опровергает известную поговорку насчет того, что слава стремится за теми, кто от нее убегает, и бежит от тех, кто к ней стремится. Дело в том, что я стараюсь как могу, чтобы убежать от нее, но она вовсе не собирается следовать за мною».

«По всей видимости, – ответил рабби, – она заметила, что ты, убегая, постоянно оглядываешься на нее, и потому потеряла к тебе всякий интерес».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ИДОЛАМ

У рабби Бунима спросили: «Что значит “жертвоприношение идолам”? Ведь не может быть, чтобы человек и в самом деле приносил жертвы идолам!»

Рабби ответил: «Сейчас я объясню вам на примере. Когда благочестивый и праведный человек сидит за столом в хорошей компании и ему хочется съесть еще немного, но он воздерживается, опасаясь, чтобы люди не подумали о нем чего-нибудь дурного, – вот это и есть жертвоприношение идолам».

ЛАБИРИНТ

В присутствии рабби Бунима зашла речь о цадиках, которые изнуряют себя служением.

Он ответил вот какой историей: «Царь распорядился построить вокруг своего дворца лабиринт с множеством запутанных поворотов и ответвлений. Всякий, кто хотел увидеть царя, должен был пройти через этот лабиринт, где на каждом шагу существовала опасность попасть в безвыходное положение. Те, кто решались войти в лабиринт ради великой любви к царю, принадлежали к двум категориям. Одни рассчитывали шаг за шагом пробиться к заветной цели, другие помечали наиболее запутанные повороты, давая тем самым знать идущим за ними о том, как двигались их предшественники, – что, впрочем, нимало не облегчало их продвижение вперед. Первые подчинялись сути царских приказов, вторые верили в царское милосердие».

Я ВИЖУ

Однажды, уже ослепнув, рабби Буним приехал к рабби Фишелю, повсеместно прославленному своими чудесными исцелениями. «Доверься моим заботам, – заверил его рабби Фишель, – и я верну тебе свет».

«Вряд ли в этом есть необходимость, – ответил Буним. – Я вижу все, что мне надо видеть».

НЕ СЛЕДУЕТ МЕНЯТЬСЯ МЕСТАМИ

Рабби Буним сказал однажды: «Я не хотел бы поменяться местами с нашим праотцем Авраѓамом! Что хорошего Богу в том, что Авраѓам станет подобен слепому Буниму, а слепой Буним станет подобен Авраѓаму? Вместо этого лучше я сам постараюсь стать хоть немного лучше».

ГЛУПЕЦ И МУДРЕЦ

Рабби Буним сказал однажды: «Если бы мне предложили дать глубокое и всестороннее толкование Писания, я бы мог сказать немало достойного внимания. Однако же глупец говорит то, что он знает, а мудрец знает то, что он говорит».

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Рабби Буним сказал однажды: «Когда я смотрю на этот мир, то порою мне представляется, что каждый человек – это дерево в пустыне, и что у Бога нет никого в этом свете, кроме него самого, и что ему не к кому обратиться, кроме как к Богу».

МЕСТО, НУЖДАЮЩЕЕСЯ В СПАСЕНИИ

Однажды рабби Буним молился в корчме. Люди теснили и толкали его, но он не хотел идти в отдельную комнату. Позже он сказал своим ученикам: «Порою кажется, что молиться в том или ином месте невозможно и потому следует приискать другое, более подходящее место. Однако делать так не следует, поскольку оставленное нами место скорбно вопиет: "Отчего ты отказываешься совершить свой обряд здесь, со мною? А если твоей молитве здесь что-то мешает, то твой долг – спасти и исправить меня"».

ЗАПРЕТНЫЙ ПУТЬ

Рассказывают.

Однажды рабби Буним выехал за город со своими учениками. В пути все они уснули, а когда ученики проснулись, то увидели, что утомленные лошади остановились в лесной чаще. Нигде не было видно ни дороги, ни просеки, и непонятно было, как они вообще забрались в такую глушь. Они разбудили цадика; тот огляделся по сторонам и крикнул: «Эй, караульный!»

«Кто идет?» – раздался голос из чащи.

«Аптекарь из Пшисхи!»

Тот же голос сказал с угрозой: «Проезжайте, но чтобы это было в последний раз!»

Тотчас же перед ними открылась дорога, повозка тронулась, и вскоре ученики узнали, где они находятся, – да только в тех местах никогда не бывало такого густого леса. Никто не осмелился оглянуться назад.

САМОЕ СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Рабби Буним говорил своим хасидам: «Грехи, совершаемые человеком, – это не самое страшное из его преступлений. Искушение сильно, а человек слаб! Самое же страшное преступление человека в том, что он хотя и может в любую минуту встать на истинный путь, но не делает этого».

ДАВИД И МЫ

Рабби Бунима однажды спросили: «Мы многократно каемся в своих грехах в Йом Кипур. Почему же мы не узнаем о том, прощены ли нам наши грехи?» Вот ведь Давид едва успел вымолвить: "Согрешил я пред Господом", как ему было сказано: "Господь снял твой грех". ["И сказал Давид Натану: согрешил я пред Господом... И сказал Натан Давиду: Господь снял твой грех – ты не умрешь"*]

Рабби Буним на это ответил: «Ведь Давид сказал: "Согрешил я пред Господом", имея в виду: "Поступай со мною согласно Твоей воле, и я приму это с любовью, ибо Ты, Господи, справедлив". Когда же мы говорим: "Мы согрешили", то полагаем, что Богу свойственно прощать нас; а когда сразу после этого мы добавляем: "Мы предали Тебя", то считаем, что теперь, уже простив нас, Он и в дальнейшем будет к нам благосклонен».

* [II Сам. 12:13]

МОЛОДЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Рабби Меир из Стопницы всегда выступал против рабби Бунима и его учения. Как-то раз он вынудил двоих своих хасидов поклясться, что они выполнят любое его поручение. Когда они дали слово, он велел им отправиться в Пшисху и передать рабби Буниму на словах следующее: «Каким это образом ты стал рабби? Разве можно сделаться рабби, торгуя древесиной в Данциге?»

Оба хасида прибыли в Пшисху с тяжелым сердцем. Они первым делом попросили у рабби Бунима прощения за то оскорбление, которое их вынуждают нанести ему, после чего повторили слова рабби Меира.

«Передайте своему учителю, – сказал им цадик, – что если бы в свои молодые годы я знал, что мне предстоит, я бы вел такую же жизнь, как и он. Но я не знал своего будущего – и это к лучшему».

Позже он говорил своим ученикам: «Меир был Божьим человеком с самых юных дней, и он даже представления не имел о том, как можно согрешить. Так откуда бы ему знать, что случается с людьми, обращающимися к нему за помощью? Я ездил в Данциг, я бывал в театрах, я имею представление о том, что такое грех, – и вот с тех пор я знаю, как выпрямить молодое дерево, если оно криво растет».

НА БОЛЬШОЙ СВАДЬБЕ

В Устилуге, на свадьбе внука великого рабби из Апты, где собралось более двухсот цадиков в белых одеждах, противники рабби Бунима выступили с самыми различными обвинениями против рабби и его хасидов, стараясь изгнать их из сообщества. Несколько учеников рабби Бунима защищали его страстно и убедительно; один из них даже вскочил на

стол и, рванув на груди рубаху, воззвал к рабби из Апты: «Загляни в мое сердце, и ты увидишь, каков мой учитель!» Наконец рабби из Апты, председательствовавший за столом, сказал: «Среди нас присутствует сын моего друга, святого Йегуди, да будет благословенна его память. Давайте попросим его сказать всю правду».

Поднялся рабби Йерахмиэль, сын святого Йегуди. Поскольку после смерти его отца произошло немало прискорбных инцидентов между его последователями и последователями рабби Бунима, все ожидали, что он выскажется не в пользу рабби Бунима. Однако рабби Йерахмиэль сказал: «Мой отец обычно говаривал: "Буним – отрада моего сердца". Помню, как однажды мне показалось, что он отвлекает внимание отца какими-то суетными разговорами; однако после его ухода отец сказал мне: "Знаешь ли ты, что все рассказанное им поднимается из бездны к подножью трона славы?"»

Все умолкли. И лишь рабби Шимон Дойч, который в свое время чернил святого Йегуди в глазах его учителя, Провидца из Люблина, никак не хотел униматься и сравнил рабби Бунима со лжемессией Шабтаем Цви. Тут старый рабби из Апты поднялся и сказал громовым голосом: «Рабби Шимон, ты наветчик! Да ты и в глухом лесу устроил бы свару – не с кем, так с листьями на деревьях. Мы не забыли, что ты понаделал в Люблине! Не станем тебя слушать». И после таких слов никто уже не возвращался к этому разговору на протяжении всех свадебных торжеств.

ВЕЧНОЕ ТВОРЕНИЕ

Рабби Буним учил: «Вот как нам следует понимать первые слова Писания: "В начале сотворения Всесильным неба и земли"*– что мир все еще пребывает в состоянии сотворения. Когда мастер делает какую-то вещь, и заканчивает свою работу над нею, то его усилия более не нужны. Но этого нельзя сказать про наш мир! Каждый день, каждое мгновение нашему миру потребно возобновление силы того изначального слова, которым он был создан, и если действие этой силы прекратится хотя бы на мгновение, земля вновь станет "пуста и нестройна"**».

* [Быт. 1:1]

** [Быт. 1:2]

ПРОКЛЯТИЕ И БЛАГОДЕЯНИЕ

Рабби Бунима спросили: «Почему Бог наложил такое странное проклятие на змея? Почему Он сказал: "И прах будешь есть все дни жизни твоей"?* Ведь если Бог наделил змея способностью питаться прахом, это скорее благодеяние, нежели проклятие, поскольку змей может где угодно найти все необходимое для жизни».

*[Быт. 3:14]

На это рабби Буним ответил: «Бог сказал человеку: “В поте лица твоего есть будешь хлеб”* а если у него не будет хлеба, то он может молиться Богу о помощи. Женщине Бог сказал: “Со скорбью рожать будешь детей”**, а если роды будут тяжелыми, то она может молиться Богу об облегчении болей. Значит, их связь с Богом не прерывается, и они могут молиться Ему. Змею же, источнику всего зла, Бог дал все необходимое, чтобы тот вовсе не обращался к Нему. Таким образом, во все времена Бог предоставляет нечестивцам изобилие и богатство».

* [Быт. 3:19],
** [Быт. 3:16]

РАДИ ИЗБАВЛЕНИЯ

Рабби Буним объяснял: «Сказано: “Теперь, может быть, протянет он руку свою и возьмет от дерева жизни и поест, и будет жить вечно”*. Когда человеческие существа совершили свой первородный грех, Бог в милости своей дозволил им жить в мире смертных, дабы они могли обрести идеальное избавление. Вот почему Он решил не давать им возможности «взять от дерева жизни», ибо в таком случае их дух никогда не стал бы свободным от материи и готовым к избавлению. И потому Он изгнал их из рая».

*[Быт. 3:22]

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ИЦХАКА

Рабби Бунима однажды спросили: «Почему в рассказе о жертвоприношении Ицхака подчеркивается, что “и пошли оба вместе”* – разве это и так не очевидно?»

*[Быт. 22:6]

На это рабби ответил: «Искушение, которому противился Ицхак, было сильнее того, которому противился Авраѓам. Ведь Авраѓам слышал повеление из уст Бога. А когда Ицхак услышал сказанное его отцом о том, что Бог “усмотрит себе ягненка для жертвы всесожжения”*, он все понял – хотя и услышал повеление из уст человеческих. Но Авраѓам размышлял: “Откуда мой сын черпает такую силу? Это, должно быть, силы его молодости!” И тогда Авраѓам призвал из глубин души силы своей молодости. И лишь тогда они оба действительно пошли вместе».

* [Быт. 22:8]

ДВА ВИДА РАБОТЫ

В субботу за трапезой рабби Буним толковал Писание.

«Сказано: “И застонали сыны Израиля от работы, и возопили – и вознесся этот вопль от работы их ко Всесильному”*. Почему слово “работа” сказано дважды? В первый раз речь идет о египетском рабстве, а во втором – о службе Богу. Это

* [Исх. 2:23]

отнюдь не работа во плоти и крови. Вот что они имели в виду, когда обращались к Богу за помощью. К Богу, служа Богу».

ИГО

Рабби Буним объяснял: «Сказано: “Я выведу вас из-под ига египтян” *. Почему здесь употреблено слово “иго”, а не слово “рабство”? Потому что сыны Израиля уже смирились с рабством. Когда Бог увидел, что они более не ощущают своего положения, он сказал: “Я выведу вас из-под ига египтян. Вы больше не будете страдать под их игом. Я верну вам вашу свободу”».

*[Исх. 6:6]

НЕ БОЛЕЕ ТОГО

Рабби Бунима спросили: «Сказано: “И будете вы мне царством священнослужителей и народом святым. Вот слова, которые ты скажешь сынам Израиля”*. Наш учитель Раши комментирует: “Это слова – не более того, хотя и не менее”. Что он хотел этим сказать?»

Рабби Буним объяснил: «Моше был добрым. Ему хотелось сказать народу больше, но это ему не было дозволено – поскольку на то была воля Бога, чтобы народ сам понял происходящее. Моше должен был сказать им именно эти слова – не более и не менее, чтобы они почувствовали: здесь имеется какой-то сокрытый смысл, и нам следует постараться понять его самим. Вот почему мы читаем далее: “И изложил им все эти слова”**. Не более того, но и не менее».

* [Исх. 19:6]

** [Исх. 19:7]

ЭТО Я

Рабби Бунима спросили: «Сказано: “Я – Бог, Всесильный твой, который вывел тебя из страны Египетской, из дома рабства”*. Почему же не сказано: “Я – Бог, Всесильный твой, который создал небо и землю”»?

* [Исх. 20:2]

Рабби Буним объяснил: «Небо и землю! На это они могли сказать: “Небо – это слишком много для меня”. Вот почему Бог сказал человеку: “Я тот, кто вытащил тебя из грязи. Ну-ка, подойди сюда и слушай меня!”»

МЫ ХОТИМ ВОДЫ

Рабби Буним объяснял: «Народ Израиля сказал на горе Синай: “Все, что говорил Бог, сделаем и будем слушать его слова”*. Разве не следовало ли сказать: “Я сделаю и буду слушать”, – поскольку каждый человек говорил сам за себя? Но представьте себе, как множество народу сидит в тюрьме, умирая от жаж-

* [Исх. 24:7]

ды в невыносимо жаркий день, и вдруг их спрашивают, не хотят ли они воды. И ведь каждый тогда ответит: "Да, мы хотим воды!" Потому что каждый из них осознает, насколько все они изнемогают от жажды.

Так и на горе Синай они все жаждали получить Тору, и каждый из них ощущал эту жажду всего народа, и, услышав слово Бога, каждый из них крикнул: "Мы"!»

МОШЕ И КОРАХ

«Душа Моше и душа Кораха* возвращаются в каждом поколении. Но если когда-нибудь, в грядущем мире, душа Кораха захочет покориться душе Моше, это даст Кораху избавление».

* [Чис. 16]

ОБРАЩЕНИЕ ИСТИННОЕ И ЛОЖНОЕ

Рабби Бунима спросили: «Почему грех поклонения золотому тельцу* был прощен, хотя мы не находим в Писании указания на то, что народ покаялся и встал на истинный путь, и почему грех распускавших злую молву о стране Кнаан** не прощен, хотя мы читаем, что народ покаялся и сожалел о содеянном? Ведь мы же знаем: нет такого, что не могло быть прощено благодаря покаянию и обращению на истинный путь».

* [Исх. 32]
** [Чис. 13]

Рабби Буним ответил: «Все зависит от того, каково это обращение. Одно дело, когда человек осознает, что ему не на что надеяться, и он ощущает себя комом глины, потому что расстроил ход своей жизни и не знает, как можно поправить содеянное, – и тем не менее, даже лишенный надежды, он готов продолжать служение Богу после раскаяния, и он действительно служит Богу. Вот это – истинное обращение, и ничто не может ему препятствовать. Так было с грехом поклонения золотому тельцу. Это был первый грех, совершенный народом, они ничего не знали о силе обращения и потому покаялись от всего сердца. А с грехом распускавших злую молву о стране Кнаан все было иначе. Народ уже знал, что может дать им покаяние, и они решили, что покаются, и все станет тогда попрежнему; потому они не раскаялись всем сердцем и вот почему не смогли поправить содеянного».

ПАСТЫРЬ ЗДЕСЬ

Рабби Буним однажды разбирал стих из Писания: «Видел я всех израильтян рассеянными по горам, как овцы, у которых нет пастыря»*.

Он сказал: «Это не значит, что там нет пастыря. Пастырь есть всегда, но порой он где-то таится, и тогда его действительно вроде бы и нет – для овец, потому что они его не видят».

* [I Ц. 22:17]

ПРОТИВ УНЫНИЯ

Рабби Буним давал такое толкование: «В псалме мы читаем: “Сокрушенных сердцем исцеляет Он, врачует скорби их”*. Почему мы говорим об этом? Потому что сокрушенное сердце угодно Господу, ибо сказано: “Жертва Всесильному – дух сокрушенный; сердце разбитое и угнетенное”**. Однако в псалме также сказано: “И врачуешь их раны”. Бог не дает полное исцеление человеку с сокрушенным сердцем – Он лишь облегчает его страдания, дабы человек не претерпевал мучения и не впадал в уныние, ибо уныние не угодно Господу. Сокрушенное сердце приготовляет человеку к служению Богу, тогда как уныние отвращает его от служения. Надо проводить точное различие между сокрушенностью и унынием – как между радостью и буйством; с легкостью можно принять одно за другое, и в то же время одно столь же далеко от другого, как небо и земля».

* [Пс. 147:3]

** [Пс. 51:19]

В ВОДЕ

Рабби Буним говаривал: «Сказано в Книге притчей Соломоновых: “Как в воде лицо – к лицу, так сердце человека – к человеку”*. Почему сказано “в воде”, а не “в зеркале”? Человек может видеть свое отражение в воде, лишь как можно ближе склонившись к ней; точно так же сердце человека должно быть близко к сердцу другого человека, и лишь тогда между ними возможна близость».

* [Пр. 27:19]

ВРАТА БОГА

Вот как рассуждал рабби Буним о словах псалма «Отворите мне врата правды, я войду в них, буду Бога благодарить»*: «Лишь так и возможно истинное служение Господу – когда человек постоянно ощущает себя вовне и молит Бога отворить для него врата истинной службы. Вот что имел в виду Давид, говоря: “Это врата Бога – праведники войдут в них”**. Нет другого пути к Господу, кроме как благодаря такой молитве».

* [Пс. 118:19]

** [Пс. 118:20]

СОЮЗ С ФИЛИСТИМЛЯНАМИ

Однажды рабби Буним велел запрячь лошадей и отправился в Варшаву с несколькими из своих хасидов. По прибытии туда он велел кучеру остановиться в корчме. Они вошли и сели за стол. За столом в углу сидели два грузчика; они пили шнапс и беседовали о самых разных вещах. И один из них спросил другого: «Ты уже прочитал недельную главу Торы?»

«Да», – сказал второй.

«Я тоже, – сказал первый. – Там есть одно место, где речь идет о нашем праотце Авраѓаме и Авимелехе, царе филистимлян, и где сказано "...и заключили они оба союз"*. Вот я и спрашиваю себя: почему сказано "они оба"? Нужно ли такое многословие?»

* [Быт. 21:27]

«Хороший вопрос! – отозвался второй грузчик. – И как же ты на него отвечаешь?»

«Я думаю вот что: они заключили союз, но тем не менее они не стали едины – каждый оставался сам по себе, то есть их было двое».

Рабби Буним встал из-за стола, вышел из корчмы и сел в повозку со своими хасидами. «Теперь, услышав рассуждения двух скрытых праведников, – сказал он, – мы можем возвращаться домой».

МИР ВО ВСЕМ МИРЕ И МИР В ДУШЕ

Учил рабби Буним: «Наши мудрецы говорят: "Ищи мира там, где ты есть"*. Нельзя обрести мир иначе как в самом себе. В псалме мы читаем: "Нет мира в костях моих из-за прегрешений моих"**. Когда человек обретет мир в самом себе, он сможет добиться мира и во всем мире».

* [ТИ Пеа 4а]
** [Пс. 38:4]

СОКРЫТИЕ

Рабби Буним говорил: «Перед приходом Машиаха сокрытие всего будет столь велико, что даже цадики в белых одеждах не будут знать своего пути, даже они будут введены в замешательство и отступятся от своей веры в приход Машиаха».

* * *

В другое время он говорил: «Перед приходом Машиаха будут зимы без холодов и лета без жары, мудрецы без Торы и хасиды без хасидизма».

ИСПЫТАНИЕ

«Баал Шем Тов, – говаривал рабби Буним, – был мудрее великого отступника Ахера. Когда Ахер услышал глас небесный: "Возвратитесь, дети-отступники"* – все, кроме Ахера**, он оставил все и покинул общину. А вот Баал Шем Тов, заметив, что неожиданно лишается всех своих великих дарований, сказал: "Так что же, я буду служить Господу, как любой простой человек. Пусть я глупец, но у меня есть вера". И он

* [Иер. 3:14]
** [Хагига 15а]

начал молиться, как маленький ребенок. Но в конце концов он поднялся на еще более высокую ступень, ибо это было всего лишь испытанием».

КНИГА АДАМА

Однажды рабби Буним сказал: «Я подумывал о том, чтобы написать книгу, которую я собирался озаглавить "Адам"; в этой книге было бы все о человеке. Но по здравом размышлении я решил, что лучше не писать такую книгу».

«ХОРОШИЙ ЕВРЕЙ»

Рабби Буним спросил однажды: «Почему цадика зовут "хорошим евреем"?» И сам дал шутливый ответ на этот вопрос: «Если речь идет о том, что он хорошо молится, то такого человека следует называть "благочестивым евреем". Если речь идет о том, что он хорошо знает Писание, то такого человека следует называть "начитанным евреем". А "хороший еврей" – это человек, который умеет думать, и умеет пить, и у которого вообще все в порядке».

А одному из своих новых учеников, пробывшему в Пшисхе совсем немного времени, рабби Буним сказал: «Тебе следует решить, ради чего ты пришел ко мне. Если для того, чтобы стать "хорошим евреем", то пришел ты зря. Но если ты здесь для того, чтобы стать просто хорошим евреем, то ты поступил правильно».

АВРАЃАМ И ИЦХАК

Рабби Буним разъяснял традицию, согласно которой Авраѓам является символом милосердия, а Ицхак – символом суровости.

«Дом Авраѓама был открыт для всех проходящих. Он был гостеприимным и готов был дарить все, что у него было. Благодаря своим качествам он открыл миру великое Имя Бога. Но когда Ицхак стал рабби, заменив Авраѓама, он отправился в лавку, купил железные засовы и закрыл все двери дома. Сам он поселился во внутренних покоях, подальше от всех людей, и посвятил себя изучению Торы, занимаясь этим и днем и ночью. Страх и трепет охватили как всех его хасидов, так и тех, кто приходил к нему за советом. И таким образом он открыл миру, что означает "суровость". Когда, пусть и не часто, двери его дома открывались для приходящих, то всякий допущенный к нему, лишь только встретившись с ним взглядом, немедленно осознавал неукоснительность обращения на истинный путь.

ХАСИДЫ И САТАНЫ

Рабби Буним рассказывал такую историю: «Когда Баал Шем Тов только собрал вокруг себя первых хасидов, *ецер-ра* воспринял это как угрозу, потому что, как сказал он своим приспешникам: "Теперь хасидизм Баал Шем Това ярко осветит весь мир своей святостью". И *ецер-ра* решил действовать следующим образом: изменив свой облик, он явился двум хасидам, жившим в маленьком городке. "Все, что вы делаете, достойно всяческих похвал, – сказал он им, – но вот только если бы вас было хотя бы десять человек, чтобы вы составляли миньян..." Он привел восьмерых из числа своих приспешников, и они присоединились к двум хасидам. А поскольку у них не было денег, чтобы купить свиток Торы и прочие необходимые вещи, он привел богатея – тоже из числа своих приверженцев, который и обеспечил их всем необходимым. И то же самое было проделано им в других хасидских общинах. Покончив со всеми делами, он сказал своим хозяевам: "Теперь нам нечего опасаться – ведь мы в большинстве, а это главное"».

ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Рабби Буним однажды сказал рабби Мендлу, своему ученику: «Зачем мне столько таких хасидов? Я бы предпочел немногих, но истинных».

«А почему мы не слышали ничего подобного от прежних цадиков?» – спросил в свою очередь рабби Мендл. Много лет спустя, когда его учитель уже умер, а сам Мендл стал рабби из Коцка, он спросил однажды своего ученика, рабби Ѓирша из Томашова: «Зачем мне столько таких хасидов? Я бы предпочел немногих, но истинных».

«А почему мы не слышали ничего подобного от прежних цадиков?» – задал встречный вопрос рабби Ѓирш.

НОЧЬЮ

Каждую ночь, на протяжении двух часов, уже лежа в постели, рабби Буним слушал, как его ученик Мендл, впоследствии рабби из Коцка, читал ему вслух из книги Зоѓар. Иногда рабби Буним задремывал на какое-то время, и чтение прерывалось. Проснувшись, он возобновлял его с того места, где оно было прервано.

Но вот однажды, проснувшись, он сказал своему ученику: «Мендл, я все думал и думал: зачем я живу так, как я живу? Ко мне приходят разные люди и отвлекают меня от служения Богу. Я не хочу больше быть рабби – я хочу полностью посвятить себя службе Богу». Он повторил эту фразу несколько раз; его ученик слушал и ничего не говорил.

Наконец рабби Буним снова задремал; почти тотчас же проснувшись, он сел в постели и сказал: «Мендл, ни одному рабби непозволительно так поступать. И мне тоже непозволительно так поступать».

УКАЗ, КОТОРЫЙ БЫЛ ОТМЕНЕН

Указом российского правительства хасидам было запрещено посещать цадиков. Одна знатная дама, которая материально поддерживала рабби Бунима в его молодые годы и по поручению которой он возил древесину в Данциг по Висле, обратилась к варшавским властям и добилась отмены этого указа.

Узнав об этом, рабби Буним сказал: «Она, разумеется, действовала из самых лучших побуждений. Но лучше бы они добилась такого правительственного указа, согласно которому дом каждого цадика был бы окружен высоким забором, а у ворот дежурили бы казаки, не давая никому прохода. Тогда мы были бы вынуждены, живя на хлебе и воде, выполнять наш долг».

ЗАДУШЕВНЫЙ ВРАГ

На протяжении многих лет рабби Буним и рабби Меир из Стопницы были в ссоре. Когда рабби Меир умер и хасид рабби Бунима принес ему эту весть, цадик вскочил и схватился за голову: «Ведь это было уготовлено мне, – вскричал он, – потому что он был моей истинной опорой». Рабби Буним умер летом этого же года.

КЛЮЧИ

Эту историю рассказал рабби из Гур: «У рабби Бунима были ключи от неба. А почему бы, собственно, и нет? Человек, который не думает о себе, это тот человек, которому доверены все ключи. Он мог бы оживлять мертвых, но, будучи достойным человеком, не делал того, что не положено ему по праву».

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Поняв, что рабби Буним умирает, его жена разрыдалась.

Он же сказал: «Что ты плачешь? Всю свою жизнь я потратил на то, чтобы научиться тому, как надо умереть».

ТАЙНА СМЕРТИ

Эту историю рассказал рабби Юдл, верный помощник рабби Авраѓама-Моше, сына рабби Бунима:

«Рабби Авраѓам-Моше сказал мне в канун последней субботы перед смертью рабби Бунима, что хотел бы поехать к отцу. Мы отправились вместе, и рабби Авраѓам-Моше сел у изголовья постели своего отца. Мы услышали, что рабби Буним стал читать вечернюю молитву, а сразу же по ее окончании начал читать утреннюю молитву.

Рабби Авраѓам-Моше сказал было отцу, что сейчас время вечерней молитвы, но тот принялся читать послеполуденную молитву.

Услышав это, рабби Авраѓам-Моше потерял сознание, упал и ударился затылком о пол. Я бросился к нему из дальнего угла комнаты, где стоял до того времени, и привел его в чувство. Придя в себя, он сказал мне: "Пошли домой", – и мы отправились домой.

Когда мы вернулись домой, он попросил меня прочесть кидуш вместо него, потому что сам он собирается немедленно лечь в постель. Он велел мне также никого не пускать к нему, что бы ни случилось. В постели он оставался до утра вторника. Время от времени я приносил ему небольшой стаканчик вина – от всего остального он отказывался.

Во вторник утром приезжало несколько человек с сообщениями, что рабби Буниму становится все хуже и хуже, но я никого не пускал к рабби Авраѓаму-Моше. Потом приехала мать рабби Авраѓама-Моше, жена рабби Бунима, мир с нею, и сказала из-за двери: "Сын мой, я умоляю тебя поехать к твоему больному отцу. Не хочешь же ты, чтобы люди говорили, что ты отказался быть с ним в его смертный час?"

"Мама, – ответил он, – поверь мне, если бы я мог, я бы, несомненно, поехал. Но я не могу".

Потом я узнал, что мать рабби Авраѓама-Моше поехала к рабби Ицхаку из Ворки, ученику рабби Бунима, и умоляла его убедить его друга, рабби Авраѓама-Моше, отправиться к отцу, находящемуся на смертном одре.

Рабби Ицхак ответил ей: "Если вы попросите меня влезть на крышу и спрыгнуть вниз, я повинуюсь беспрекословно. Но в этом деле я ничем не могу вам помочь. Происходящее между рабби Авраѓамом-Моше и его святым отцом таково, что тут не могут вмешиваться ни ангелы, ни серафимы, и уж тем более не смею вмешиваться я".

Вскоре после этого, в тот самый момент, когда рабби Бунима не стало, рабби Авраѓам-Моше открыл глаза и сказал мне: "Юдл, весь мир погрузился во тьму".

Когда носилки с телом рабби Бунима несли на кладбище мимо дверей рабби Авраѓама-Моше, он вышел и стоял, пока процессия не прошла мимо, а затем снова скрылся за дверью.

Много лет спустя мне довелось провести Песах с рабби Менахемом-Мендлом из Ворки, и в последний день Песаха умер его отец, рабби Ицхак из Ворки. И рабби Менахем-Мендл велел мне никого не пускать к нему, что бы ни случилось».

С ЭТОГО МОМЕНТА

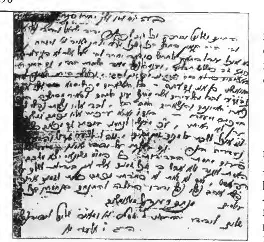
После смерти рабби Бунима его ученик Ицхак из Ворки пришел к сыну своего учителя, Авраѓаму-Моше, чтобы выразить свои соболезнования. Тот посетовал: «Кто же теперь будет учить меня?» «Мужайся, – сказал ученик его отца. – До сих пор он учил тебя в телесном виде, а теперь будет учить в виде бестелесном».

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Когда рабби Авраѓам-Моше вместе с матерью были на Ханукy в городе Бяла, он сказал ей о своем предчувствии смерти. Она ответила: «Мне довелось слышать от твоего отца, что надо научиться тому, как умирать». Он ответил: «Я этому научился». На что она ответила: «Мне довелось слышать от твоего отца, что этому надо долго учиться». И он ответил: «Я долго учился», – после чего слег в постель. Он умер на седьмой день праздника. Позже его мать узнала, что перед отъездом из дома он навестил своих любимых учеников и с каждым попрощался».

ДВА ВИДА УЧЕНИЯ

Когда Мендл уже стал и повсеместно известным, и сильно ненавидимым рабби из Коцка, он вернулся как-то в свой родной городок. Там он навестил учителя, который учил его азбуке, когда он был еще ребенком, и с которым он прочел Пятикнижие. Он, однако, не пошел к учителю, у которого он продолжал учебу; при случайной встрече тот спросил рабби, уж не стесняется ли он своего бывшего наставника. Мендл ответил: «Вы учили меня вещам, которые могут быть опровергнуты, поскольку согласно одному толкованию они могут значить одно, а согласно другому толкованию – другое. А мой первый учитель учил меня вещам, которые невозможно опровергнуть, и потому они остались со мною навсегда. Вот я и испытываю к нему особое почтение».

КАК ОН СТАЛ ХАСИДОМ

Рабби Мендл рассказывал: «Я стал хасидом потому, что в моем городе жил старик, который рассказывал истории о цадиках. Он рассказывал то, что знал, а я слышал то, что мне надо было услышать».

ЭТО ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГ МОЙ

Когда Мендлу исполнилось пятнадцать лет, он уехал к Провидцу из Люблина, не спросив родительского разрешения. Вскоре его отец приехал в Люблин за ним. «Почему ты оставил путь своих отцов, – воскликнул он, – почему ты пристал к хасидам!» «В песне, которую Моше и сыны Израиля пели, перейдя посуху Красное море, – ответил Мендл, – сказано сначала: “Это Бог мой, и я прославлю Его”, и лишь затем “Всесильный Бог моего отца – Его превознесу я”*».

* [Исх. 15:2]

ИЗ ЛЮБЛИНА В ПШИСХУ

Когда Мендл вместе с одним из своих друзей, разочаровавшись, оставил Люблин и поехал в Пшисху учиться у святого Йеґуди, ученика Провидца, то по дороге он заболел. Его друг кинулся к Йеґуди и по-

просил его молиться за Мендла. «Вы что же, уехали из Люблина, ничего не сказав рабби?» – спросил Йеѓуди. Услышав, что так оно и было, Йеѓуди пошел с ним в корчму. «Как только ты выздоровеешь, – сказал он Мендлу, – вы отправитесь в Люблин и попросите у рабби разрешения оставить его». Мендл покачал головой. «Я никогда не сожалею о правильных решениях», – сказал он. Йеѓуди посмотрел на него долгим изучающим взглядом и наконец сказал: «Если ты так уверен в своих суждениях, то ты, несомненно, поправишься». Так оно и вышло.

Но когда Мендл поправился и пришел к нему, Йеѓуди сказал: «Писание гласит: "Благо мужу, несущему бремя заповедей в юности своей"*. При этих словах юноша почувствовал, что готовность искренне служить Богу охватила все его существо.

* [Плач 3:27]

Какое-то время спустя Провидец спросил Йеѓуди, есть ли среди его учеников стоящие молодые люди. Тот ответил: «Мендл хочет быть стоящим». Через много-много лет, когда рабби Мендл из Коцка был уже пожилым человеком, он припомнил и этот вопрос, и этот ответ. «Тогда я еще не стремился быть стоящим. Но с того момента, как святой Йеѓуди сказал такое про меня, я захотел быть стоящим – и стал».

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЙЕЃУДИ

Рабби Мендл рассказывал эту историю своему ученику рабби Ханоху: «Когда святой Йеѓуди лежал в постели больной, все кругом читали псалмы, а я стоял возле печки, не желая читать псалмы. Ко мне подошел рабби Буним и спросил: "Почему ты так испытываешь волю Небес?" – но я его тогда не понял. После смерти Йеѓуди он сказал: "Все кончено. Рабби с нами больше нет, но он оставил нам страх Божий, и там, где есть слово рабби, там есть и он сам". На это я ничего не сказал, только стал искать повсюду слово рабби. И, не найдя, ушел к рабби Буниму».

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Рассказывают, что когда его учитель умер, рабби Мендл был в смятении, не зная, кто теперь станет его наставником. И рассказывают также, что Йеѓуди явился ему во сне и попытался утешить его, говоря, что будет по-прежнему наставлять его. «Мне не нужен учитель из другого мира», – ответил Мендл.

ОТВРАЩЕНИЕ

Одна дама, жившая в Варшаве и известная своей благотворительностью, посетила рабби Бунима в Пшисхе и передала ему некоторую сумму денег для распределения между достойными нуждающимися молодыми людьми в доме учения. Цадик доверил это одному из своих учеников. Когда тот кончил раздачу денег, в комнату вошел рабби Мендл в рваном пальто, из старой подкладки которого вылезали клочья ваты. «Какая жалость! – воскликнул молодой человек, распределявший помощь. – Я совсем забыл про тебя, а денег больше не осталось!»

«Деньги!» – сказал рабби Мендл и сплюнул. И потом на протяжении нескольких недель он не мог видеть без отвращения даже мелкие монеты.

БЕСЕДА

Рабби Буним однажды сказал рабби Мендлу, своему ученику: «Если меня отправят в ад – что мне делать?»

Мендл на это ничего не ответил.

После паузы рабби Буним сказал: «Вот что я, пожалуй, сделаю. Наши мудрецы говорят: “Если высылают ученика, то с ним высылают и его учителей”*. Я им и скажу: “Приведите сюда моих учителей, Провидца из Люблина и святого Йеѓуди!”»

Тут Мендл прервал молчание: «С вами-то, конечно, дело так далеко не зайдет, но что касается меня, то я постараюсь это запомнить».

* [Маккот 10а]

СКРЫТЫЕ ПОХОРОНЫ

Рабби Мендла не было при смерти его учителя рабби Бунима, потому что в этот день он был на свадьбе своего сына. Уже на смертном одре рабби Буним умолил Мендла оставить его и поехать на свадьбу, причем не желал слышать никаких возражений.

После свадьбы рабби Мендл узнал, что его учитель умер и что похороны уже состоялись. Он приехал в Пшисху, попросил ключи от комнаты, где умер его учитель, и заперся там. Долгое время спустя он вышел из комнаты и сказал собравшимся друзьям: «Только мне, и больше никому, довелось присутствовать на похоронах рабби».

ЗАЧЕМ ПОСТРОИЛИ ЭТОТ ЗАМОК

Однажды, будучи в окрестностях Пулав, рабби Мендл побывал в замке князей Чарторыских. Он обошел его, комнату за комнатой, а затем спустился в сад, где тоже провел немало времени. Как раз тогда в Пула-

вы приехал рабби Исраэль, сын Провидца из Люблина. Узнав, что рабби Мендл побывал в замке, он рассказал вот какую историю:

«Мы с моим отцом, да будет благословенна его память, проезжали тут, еще когда замок только строился. Мой отец окинул взглядом строящееся здание и сказал: "Для кого они его строят? Для цадика, который когда-нибудь побывает здесь". Поскольку цадик уже побывал в замке, я правильно сделаю, если отправлюсь туда и повидаю цадика».

СУББОТА

Рабби Мендл из Коцка сказал однажды одному из своих хасидов: «Знаешь ли ты, кто я такой? Был рабби Бер, и был рабби Шмелке, и был рабби Элимелех, и был рабби из Люблина, и был святой Йеѓуди, и был рабби Буним. Я – седьмой. Я – квинтэссенция их всех. Я – суббота».

О ЕГО ДУШЕ

Рабби Мендл из Коцка сказал однажды своему зятю: «Моя душа – из времен, предшествовавших разрушению Храма. Я не ровня людишкам сегодняшнего дня. И я пришел в этот мир для того, чтобы провести различие между святым и нечестивым».

НЕБЕСА

Цадик, противостоявший рабби из Коцка, направил ему послание: «Я столь велик, что достигаю седьмого неба». На это рабби из Коцка ответил: «А я столь мал, что все семь небес покоятся на мне».

ВЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Эту историю рассказал ученик рабби из Коцка: «Однажды, находясь в комнате моего учителя, рабби из Коцка, я осознал смысл сказанного в Книге Притчей царя Шломо: "Но верного человека кто найдет?"*. Это не значит, что таких верных лишь один на тысячу. Это значит, что верного человека, то есть человека, которому возможно по-настоящему доверять, вовсе не сыщешь, поскольку он скрыт – ты можешь стоять буквально рядом с ним и не видеть его».

* [Пр. 20:6]

ЗРЕНИЕ И ВЕРА

Рабби из Коцка так говаривал о некоторых цадиках его дней: «Они утверждают, что в праздник Суккот они видели в своей сукке семерых

ушпизин, почетных гостей. Я при этом полагаюсь на свою веру. Вера яснее и совершеннее, чем зрение».

ШУБА

Рабби из Коцка однажды сказал об одном известном рабби: «Это цадик в шубе». Ученики попросили рабби пояснить смысл сказанного. «Зимой один человек покупает шубу, – объяснил рабби, – а другой – дрова. Какова же разница между ними? Первый хочет согреться сам, а второйа – еще и согреть других».

ГРЕХ КОРАХА

Ученик спросил рабби из Коцка, почему Корах выступил против Моше и Аѓарона.

«Он увидел, – отвечал рабби, – что когда он стоял среди поющих левитов, то великие дары нисходили на него. И он возмечтал, что если он будет стоять в Скинии, с курильницей, то ему суждены еще большие дары. Он не знал, что обязан своими благами тому, что Аѓарон стоит на своем месте, а он, Корах, – на своем».

РАДОСТЬ ТОРЫ

Хасид рассказывал своему сыну: «Однажды я был в Коцке в Симхат Тора, и рабби, обносивший свиток Торы вокруг бимы, подошел к тому месту, где я стоял, и сказал стих из псалма: "И в Храме Его все возвещает о славе"*. Тогда я почувствовал, будто я оказался в Небесном храме и слышу голоса ангелов, возглашающих: "Слава!" Я лишился чувств и пришел в себя уже совсем другим человеком».

* [Пс. 29:9]

СВЫШЕ

Рабби из Коцка спросили, откуда ему известно, какие советы следует давать хасидам, обращающимся к нему по вопросам коммерции, – ведь он, несомненно, стоит выше всех дел такого рода. Он ответил: «А откуда бы еще можно было видеть все на свете?»

ИБО СКАЗАНО...

Когда рабби Ицхак-Меир, ставший потом рабби из Гур, в первый раз побывал в Коцке, он заметил, что дом цадика и неухоженный, и заброшенный, а каких-то вещей явно недостает. Однажды он слышал, как

Фейвл, слуга, сетовал жене рабби: «Да как же тут не красть, когда все лежит на виду – приходи и бери!» И тут рабби прикрикнул на него из своей комнаты: «Фейвл, но ведь сказано же: «Не кради!»* Услышав это, рабби Ицхак-Меир вдруг ощутил всю безусловность этой заповеди – для кого бы то ни было и относительно чего бы то ни было.

* [Исх. 20:15]

ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ

Однажды утром после молитвы рабби из Коцка сказал: «Когда я проснулся сегодня, мне почудилось, что меня нет в живых. Я открыл глаза, посмотрел на свои руки и убедился, что я могу ими двигать. Тогда я умыл руки. Потом я посмотрел на свои ноги и убедился, что могу двигаться. Тогда я сделал несколько шагов. Потом я произнес благословение "Благословен Ты, воскрешающий мертвых" и окончательно убедился, что я жив».

ХОЗЯИН ЗАМКА

Однажды рабби Мендл говорил со своими хасидами о притче мидраша: некий человек проходил мимо замка и, увидев, что здание охвачено пожаром, который никто не пытается потушить, решил, что замок никому не принадлежит; но тут некто, выглянув из окна, закричал: «Я – хозяин этого замка!»* И всех слушавших рабби охватило чувство глубочайшего почтения: «Замок горит, но у него есть хозяин».

* [Берешит раба XXXIX.1]

И УВИДИШЬ ТЫ МЕНЯ СЗАДИ

Толкуя стих из Писания «И увидишь ты Меня сзади, но лицо Мое не будет увидено тобою»*, рабби из Коцка заметил: «Говоря о спине Бога, мы имеем в виду все, что ставит нас в тупик и смущает; но ни одному из людей не дано увидеть Его лицо, где все – сама гармония».

* [Исх. 33:23]

ВСЕ ВМЕСТЕ

Рабби из Коцка говаривал: «Сказано: "Законы правосудия Бога – истина, все они справедливы"*. В этом мире мы видим одни законы, писанные для одного человека, и противоречащие ему законы, писанные для другого; ты удивляешься и не в состоянии понять, как те и другие могут быть справедливыми. Но в грядущем мире мы увидим их все вместе и убедимся, что все они справедливы».

* [Пс. 19:10]

ДЛЯ ЧЕГО БЫЛ СОЗДАН ЧЕЛОВЕК?

Рабби Мендл из Коцка спросил однажды своего ученика рабби Яакова из Радзина: «Яаков, для чего был создан человек?» Тот ответил: «Чтобы иметь возможность совершенствовать свою душу».

«Яаков, – сказал цадик – разве это мы слышали от нашего учителя, рабби Бунима? Вовсе нет! Человек был создан для того, чтобы он мог возносить миры».

ЛЕСТНИЦА

Рабби Мендл из Коцка говорил своим ученикам: «Души спускаются из небесного предела на землю по лестнице. Затем эту лестницу убирают. А потом призывают души вернуться на небо. Есть души, которые при этом даже не двигаются с места, ибо разве можно подняться на небо без лестницы? Другие начинают подпрыгивать, но падают и после нескольких неудач оставляют всяческие попытки. Но есть и такие, кто понимают тщету своих усилий, но все же не оставляют стараний, раз за разом, пока Бог не протягивает им руку, помогая подняться».

ПРЕИМУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Так говорил рабби Мендл относительно слов Писания: «Вот закон о жертве всесожжения»*:

«Почему Бог требует, чтобы жертву приносили люди, а не ангелы? Жертва, приносимая ангелом, была бы много чище любой жертвы, приносимой человеком. Но Бог желает не только самого деяния, но и приготовления к деянию. Святые ангелы не в состоянии заниматься приготовлениями, они могут лишь совершить жертвоприношение. Приготовление – удел человека, который, столкнувшись с бесчисленными препятствиями, должен их все преодолеть. В этом и заключается преимущество трудов человеческих».

* [Лев. 6:2]

ПОГРУЖЕНИЕ

Вот что говорил рабби из Коцка по поводу слов рабби Акивы «Бог есть воды погружения сынов Израиля»* [в интерпретации Иеремии – «Источник воды живой»**]: «Воды погружения очищают душу лишь тогда, когда человек полностью погружен в воду и ни волоса не остается на поверхности. Точно так же мы должны погружаться в божественное».

* [Иома VIII.9]
** [Иер. 17:13]

ОБИТАНИЕ БОГА

«Где место обитания Бога?»

Таким вопросом рабби Мендл любил удивлять ученых людей, приезжающих повидаться с ним. Те начинали смеяться: «Что за вопрос! Разве не весь мир – пристанище Его славы?»

И тогда рабби Мендл давал ответ на свой вопрос:

«Бог обитает там, куда его пускает человек».

ОТЦЫ И ДЕТИ

Некий человек приехал к рабби Мендлу с жалобой на своих сыновей, которые отказываются его содержать, хотя он уже стар и более не способен зарабатывать себе на жизнь. «Я всегда был готов делать для них все, что угодно, – говорил он, – а теперь они не хотят и знать меня». Рабби молча возвел очи горе. «Вот как это бывает, – сказал он тихо. – Отец разделяет горести своих сынов, но они не хотят разделять отцовские горести».

СОСУД

Ученик рабби Мендла рассказал эту историю, уже будучи пожилым человеком, незадолго до своей смерти: «Вот первая мудрость, услышанная мною из уст рабби. Много мудрых слов я слышал от него за долгие годы, но это его высказывание навеки воспламенило мое сердце. Это был вечер субботы, после кидуша. Рабби сидел в своем большом кресле, и лицо его преобразилось, будто его душа оставила тело и витала где-то над ним. Он решительным жестом простер руки, совершил омовение, прочел благословение над хлебом и преломил хлеб. И потом он сказал:

"В этом мире есть мудрецы, ученики и мыслители. Все они думают о Божественных тайнах и пытаются постичь их. Но на что они способны? Лишь на то, что им дано на их ступени познания. Однако у святых сынов Израиля имеется сосуд, благодаря которому они в состоянии воспринять более, нежели дадено другим на такой ступени; они в состоянии воспринять то, что возможно лишь на ступени ангелов-хранителей. Вот что значат слова, сказанные на Синае: 'Все, что говорил Бог, сделаем и будем слушать'*. Ведь делая, мы и воспринимаем"».

* [Исх. 24:7]

ДАВАЯ И ПОЛУЧАЯ

Рабби из Коцка спросили: «Почему Шавуот называется "временем, когда Тора была дарована нам", а не временем, когда мы получили Тору?»

Рабби ответил: «Дарование Торы было в день, который мы отмечаем этим праздником, но получаем мы Тору во все времена. Тора была дарована нам всем в равной мере, но не в равной мере народ получает Тору».

НА СЕРДЦЕ ТВОЕМ

Рабби Мендл из Коцка говорил: «“И будут слова эти, которые я заповедаю тебе сегодня, на сердце твоем”*. Сказано: “на сердце твоем”, а не “в сердце твоем” – ибо случаются времена, когда сердце твое бывает закрытым для слов. Но слова будут лежать на сердце твоем, и когда в святой час твое сердце откроется, они проникнут в самую его глубину».

* [Втор. 6:6]

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО У ТЕБЯ ЧУЖОГО БОГА

Рабби из Коцка спросили: «Каков особый смысл слов Давида: “Чтобы не было у тебя чужого бога и не поклонялся ты божеству чужеземному”?*. Ведь разве не сказано уже в Десяти заповедях: “Да не будет у тебя иных богов, кроме меня?”**»

Рабби ответил: «Смысл слов Давидова псалма таков: “Бог не должен быть для тебя чужим”».

* [Пс. 81:10]
** [Исх. 20:3]

ЛИТЫЕ БОГИ

Рабби из Коцка говорил: «Сказано: “Не делай себе литых богов”*. Ибо когда ты думаешь о Боге, ты должен думать лишь о Нем, а не о литых богах, возникших в твоем воображении».

* [Исх. 34:17]

ИЗВАЯНИЕ ОБРАЗА

Ученики рабби из Коцка однажды обсуждали, почему сказано: «Остерегайтесь же, чтобы не забыть вам союз Бога, Всесильного вашего, который Он заключил с вами, и чтобы не сделать себе изваяние какого-либо образа, что повелел тебе Бог, Всесильный твой»*, – а не, как то следовало бы по смыслу: «что запретил тебе Бог, Всесильный твой». Цадик, слушавший этот спор, включился в обсуждение. «Тора предупреждает нас, – сказал он, – не делать себе изваяние какого-либо образа, как Бог, Всесильный наш, повелел нам».

* [Втор. 4:23]

ОХОТНИК

Рабби Мендл из Коцка рассказывал историю об охотнике, которого пророк Элияѓу повстречал в пустыне и спросил, почему тот живет в пустыне без Торы и без заповедей. Охотник попытался оправдаться: «Мне все никак не удавалось отыскать дорогу, ведущую к Богу».

«Но ведь ты, несомненно, не родился охотником, – сказал Элияѓу. – Скажи тогда, каким образом ты обучился этому ремеслу?»

«Нужда заставила меня», – ответил охотник.

На это пророк сказал: «А если бы ты столь же безысходно нуждался в вере в Бога, неужели ты думаешь, что твоя нужда не привела бы тебя к Нему?»

СТРАХ

Рабби Мендл из Коцка спросил одного из своих хасидов:

– Ты когда-нибудь видел волка?

– Да, – ответил он.

– А ты боялся его?

– Да.

– Но ты понимал, что боишься его?

– Нет, – сказал хасид, – просто боялся, и все тут.

– Вот точно так же мы должны бояться Бога, – сказал рабби.

ДВА ВИДА СТРАХА

Рабби Мендлу задали такой вопрос: «Когда народ стоял на горе Синай, то они сказали Моше: "Говори ты с нами, и услышим, пусть не говорит с нами Всесильный, а то мы умрем!"* А Моше ответил: "Не бойтесь". И далее он сказал, что Бог явился "для того, чтобы вас возвысить, и чтобы страх пред Ним был у вас, дабы вы не грешили". Нет ли тут противоречия?»

Рабби Мендл сказал: «"Не бойтесь" означает: этот ваш страх, страх смерти – не тот страх, который нужен Богу. Он хочет, чтобы вы страшились Его, он хочет, чтобы вы боялись Его отдаленности и не впадали в грех, который отдалял бы вас от Него».

* [Исх. 20:19]

ЧТО ТЕБЕ ДО ЭТОГО?

Некий хасид пришел к рабби из Коцка. «Рабби, – пожаловался он – я все размышляю и размышляю и похоже, что никак не могу остановиться».

– И о чем же ты размышляешь? – спросил его рабби.

– Я размышляю о том, существуют ли истинный суд и судья?

– А что тебе до этого?

– Но, рабби, если нет ни суда, ни судьи, то что же тогда значит все мироздание!

– А что тебе до этого?

– Но, рабби, если нет ни суда, ни судьи, то что же тогда значат все слова Торы!

– А что тебе до этого?

– Рабби! Как это – что тебе до этого? Я хочу знать, что думает мой рабби! Что может быть для меня важнее?

– Ну, если все это так много для тебя значит, – сказал рабби, – стало быть, ты хороший еврей. А хорошему еврею свойственно размышлять – ничего плохого с ним от этого не может случиться.

БЕСПОКОЙСТВО

Хасид пришел к рабби Мендлу и стал жаловаться на бедность и тяготы жизни.

«Не беспокойся, – сказал ему рабби. – Молись Богу от всего сердца, и милосердный Бог сжалится над тобой».

«Но я не умею молиться от всего сердца», – сказал хасид.

Рабби Мендл посмотрел на него с жалостью.

«Вот тогда у тебя есть настоящая причина для беспокойства».

СВЯТОСТЬ

Сказано: «И людьми святыми будьте мне»*.

Рабби из Коцка объяснял: «Вы будете святыми мне, но как люди, вы будете святыми в пределах человеческих сил».

* [Исх. 22:30]

НЕДОСТАТОК

Некий человек пришел к рабби из Коцка и рассказал ему о том, что его огорчает.

«Люди называют меня ханжой, – сказал он, – но ведь это недостаток. Почему они считают меня ханжой? Почему не благочестивым человеком?»

«Ханжа, – ответил ему рабби, – это человек, для которого основные наказы благочестия становятся второстепенными, а второстепенные приобретают неоправданную важность».

ИЗДАЛЕКА

Вот как рабби Мендл толковал стих из Писания: «Разве только вблизи Я Бог, а издалека не Бог?»*

* [Иер. 23:23]

«"Издалека" относится к грешникам, а "вблизи" относится к праведникам. Бог говорит: "Разве мне нужны только те, кто уже и так близок ко мне, разве мне нужны только праведники? Нет, мне нужны и те, кто далек от меня, мне нужны также и грешники!"»

«ПУТИ» НЕЧЕСТИВЫХ

Вот как рабби Мендл толковал стих из Писания: «Оставит нечестивый путь свой»*.

«Разве у нечестивого есть свой путь? Он не идет, а блуждает. Сказанное же означает: пусть нечестивый оставит то, что он считает "путем" и что на деле есть заблуждение».

* [Ис. 55:7]

ОПРАВА

Рабби Мендл говаривал: «Чем крупнее и красивее драгоценный камень, тем больше его оправа. Чем величественнее и прекраснее душа, тем более велика ее "оболочка"».

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Рабби Мендл говаривал: «Тот, кто учит Тору, хотя она и не трогает его душу, кто грешит и находит себе извинения, кто молится лишь потому, что точно так же молился вчера, – да самый отъявленный негодяй лучше его!»

НЕДЕЛЯ И СУББОТА

Однажды рабби из Коцка сказал рабби Ицхаку-Меиру из Гур: «Не представляю, чего они от меня хотят! Целую неделю он делает все, что заблагорассудится, но вот приходит суббота, он надевает черный кафтан, подпоясывается черным поясом, нахлобучивает черный штраймл – и нате вам, пожалуйста: радуется субботе, как жених радуется невесте. А я вот что скажу: как человек проводит неделю, так он должен проводить и субботу.

ЧЕСТНОСТЬ

Рабби из Коцка говорил своим хасидам: «Что это за разговоры насчет того, что надо "молиться честно"? Что это значит – "честно молиться"»?

И когда они были не в силах понять его вопрос, он добавлял:

«Разве вообще есть такие вещи, которые мы не обязаны делать честно?»

МЕЖДУ СЕРДЦЕМ И ГОЛОВОЙ

Рабби Мендл требовал от своих хасидов, чтобы они ничего не повязывали на шею во время молитвы – чтобы, как он говаривал, не было никаких препятствий между сердцем и головой.

МОЛИТВА И ЕДА

Рабби Мендла однажды спросили: «Сказано: "И служите Богу Всесильному вашему, и он благословит хлеб твой и воду твою"*. Почему сначала сказано "вы" – "вы служите", а потом "ты" – "твой хлеб"»?

* [Исх. 23:25]

Рабби объяснил: «Служить – значит молиться. Когда человек молится, то, даже если он делает это в одиночку, все равно он должен ощущать свое единение со всем народом Израиля. Таким образом, истинная молитва совершается всей общиной. Но когда человек ест, то он ест один, сколько бы людей ни сидело за столом».

ТРИ ПРИНЦИПА

Рабби Мендл из Коцка однажды сказал своим хасидам: «Чего я от вас прошу? Прошу я всего лишь три вещи: не смотреть искоса на окружающих, не лезть в чужие дела и не думать только о себе».

СРАВНИВАЯ ОДНО С ДРУГИМ

Некто однажды сказал рабби Мендлу, что такой-то человек более значителен, чем такой-то, причем обоих он назвал по имени. Рабби Мендл ответил: «Если я есть я, потому что я есть я, а ты есть ты, потому что ты есть ты, тогда я есть я, а ты есть ты. Но если я есть я, потому что ты есть ты, а ты есть ты, потому что я есть я, тогда я – не я и ты – не ты».

ИДОЛОПОКЛОНСТВО

Рабби из Коцка говаривал: «Когда человек с почтением смотрит на кого-то, кто есть никто, – тогда это называется идолопоклонством».

ФАЛЬШИВЫЙ МИР

Рабби Мендл из Коцка и рабби Ицхак из Ворки вместе учились у мудрого рабби Бунима, были друзьями, и их братские отношения никогда не расстраивались. Однако их хасиды имели различные взгляды на Учение и не всегда сходились во мнениях. Однажды оба цадика оказались в одном городе. После взаимных приветствий рабби Ицхак ска-

зал: «У меня есть хорошие новости. Наши ученики наконец помирились». Но рабби Мендла это рассердило, и он воскликнул, сверкнув глазами: «Значит, силы обмана одерживают верх, и Сатана скоро изгонит истину из этого мира!»

«Что ты говоришь?» – растерянно переспросил рабби Ицхак.

Рабби Мендл продолжил: «Помнишь, в мидраше говорится о том, как Бог готовился создать человека и как ангелы разделились во мнениях?* Любовь сказала: "Пусть он будет создан – ведь он будет создан для любви". Истина сказала: "Не следует его создавать – он станет источником обмана". Справедливость сказала: "Пусть он будет создан – это будет справедливо". Мир сказал: "Не следует его создавать – он станет источником споров и ссор".** Что же сделал Бог? Он схватил Истину и швырнул ее на землю. Ты когда-нибудь задумывался над этой историей? Странновато звучит, не так ли? Истина повержена ниц и уже более не препятствует созданию человека. Но что же делает Бог с Миром, какой ответ Он дал Миру?»

* [Берешит раба VIII.5]

* [Пиркей Авот V, 20]

Рабби из Ворки промолчал.

«Ну, так посуди сам, – сказал рабби Мендл. – Наши мудрецы учат нас, что споры и ссоры во имя Небес изначально связаны с Истиной. После того, как Истина оказалась поверженной, Мир осознал, что Мир без Истины – это фальшивый мир».

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ПОДДЕЛАТЬ

Рабби из Коцка сказал: «Все на свете поддается подделке – кроме истины. Потому что фальшивая истина перестает быть истиной».

УМНОЖАТЬ ПОЗНАНИЯ

Вот что сказал рабби Мендл о словах Шломо «Кто умножает познания, умножает скорбь»*:

«Человеку следует умножать свои знания, даже если при этом он и умножает свои скорби».

* [Еккл. 1:18]

СЫНОВЬЯ

Некий человек пришел к рабби Мендлу и спросил, как ему сделать своих сыновей приверженными к изучению Торы. Рабби ответил: «Если ты и в самом деле хочешь, чтобы они изучали Тору, то тебе самому следует проводить больше времени за таким занятием, и тогда они последуют твоему примеру. В противном случае не только они не станут ревностными знатоками Торы, но и детей своих отвадят от этого

занятия, и детей своих детей. Ибо сказано: "Только берегись и весьма оберегай душу свою, чтобы не забыл ты того, что видели глаза твои... и поведай сынам твоим и сынам сынов твоих"*. Если ты сам забудешь Тору, твои сыновья также забудут ее и станут лишь понуждать своих сыновей изучать ее, а те также забудут Тору, говоря сынам своим, что им следует учить Тору, и тогда вообще не останется знающих Тору».

* [Втор. 4:9]

ВЫСОКИЕ ЦЕНЫ

Однажды, когда цены в Коцке и окрестностях сильно поднялись, хасиды, приехавшие к рабби на субботу, хотели отправиться домой уже на следующий день, но рабби все откладывал их отъезд. Его жена возилась у печи, когда он пришел на кухню, покуривая свою трубочку. «Мендл, – сказала она, – зачем ты задерживаешь хасидов? Цены в корчме высоки и им приходится так много платить за еду!»

«Почему еда стала такой дорогой? – сказал Мендл. – Да потому, что люди постоянно едят. Если бы они постоянно учились, то дорогой стала бы учеба, а еда была бы дешевой».

ЧУДЕСА

Рабби Мендлу из Коцка рассказали о человеке, владеющим чудесным секретом и знающем, как создать *голема*. «Это не много значит, – ответил рабби. – А вот известно ли ему тайное искусство создания хасидов?»

КАК БОНДАРЬ

В один из дней рабби Мендл из Ворки, сын рабби Ицхака из Ворки, вышел из комнаты рабби Мендла из Коцка умаянный и весь в поту. Он присел на лавку у входа в дом, чтобы немного прийти в себя, и сказал окружившим его хасидам: «Ну, я вам доложу, наш святой рабби разобрал меня по косточкам, испытывал меня, как бондарь бочку».

ГЛАВНЫЙ ВЫИГРЫШ

Рабби Йехиэль-Меир, будущий рабби из Гостынина, человек бедный, пришел к своему учителю рабби Мендлу из Коцка, широко улыбаясь, и сообщил, что ему достался главный выигрыш в лотерее. «Ну, уж я-то здесь и вовсе не при чем», – сказал цадик. Рабби Йехиэль отправился домой и раздал все выигранные деньги своим нуждающимся друзьям.

КАК У КОГО ЗАВЕДЕНО

Хасид рабби из Коцка и хасид рабби из Чернобыля обсуждали, что и как у них заведено.

Ученик рабби из Чернобыля рассказал: «Мы бодрствуем всю ночь с четверга на пятницу, в пятницу мы раздаем пожертвования в соответствии с нашими достатками, а в субботу мы читаем всю Книгу Псалмов».

«А мы, – рассказал хасид из Коцка, – бодрствуем каждую ночь, покуда хватает сил, раздаем пожертвования, когда встречаем нуждающихся людей, если при этом у нас есть деньги, и мы читаем те псалмы, которые уместны по ситуации, а не все подряд – ведь для того, чтобы написать всю Книгу Псалмов, Давиду понадобилось 70 лет упорных трудов».

НЕ КРАДИ

Рабби Йехиэль-Меир из Гостынина провел Шавуот в гостях у своего учителя в Коцке. Когда он вернулся домой, его тесть поинтересовался: «Ну что, тамошние люди воспринимают Тору иначе, чем в других местах?»

– Разумеется, – ответил ему зять.

– А как именно? – спросил тесть.

– Ну, вот хотя бы такой пример, – сказал рабби Йехиэль. – Как тут у нас понимается заповедь «Не укради»*?

– Это значит, что не следует красть у своих ближних, – ответил его тесть. – По-моему, тут все ясно.

– Тогда об этом не следовало бы и говорить. Но в Коцке эта заповедь толкуется так: не кради у самого себя!

* [Исх. 20:15]

РАЗНИЦА

Когда размолвка между хасидами Коцка и хасидами Радошиц была в самом разгаре, рабби Иссахар-Бер из Радошиц сказал хасиду из Коцка: «Ваш учитель полагает, что если человек не может перелезть через препятствие, то он должен подлезть под него. А я считаю, что если он не может перелезть через препятствие, то все равно должен продолжать свои попытки».

Рабби Ицхак-Меир из Гура, ученик и друг рабби из Коцка, определил эту разницу иным образом (когда хасид рабби из Радошиц навестил его после смерти своего учителя): «Весь мир полагает, что между Коцком и Радошицами существуют размолвки на грани ненависти. Но это вовсе не так. В действительности мы расходимся лишь в одном: в Коцке стремятся приблизить сердца евреев к их Отцу Небесному, а в Радошицах – приблизить самого Отца Небесного к еврейским сердцам».

МЕЖДУ КОЦКОМ И ИЗБИЦЕЙ

Некоторое время спустя после того, как рабби Мордехай-Йосеф из Избицы окончательно порвал отношения с Коцком и основал свою общину, некий хасид, последовавший за ним в Избицу, заехал в Коцк и зашел навестить рабби. Рабби Мендл внимательно посмотрел на него и спросил: «Кто это?», как будто бы он видел этого хасида впервые в жизни. А когда хасид спросил с сильнейшей душевной болью: «Рабби меня не узнает?» – тот ответил: «Быть не может, чтобы это был ты! Ведь наши мудрецы говорят: "И пусть страх перед твоим учителем будет подобен страху перед гневом небесным"*. А разве могут быть два неба?»

* [Пиркей авот IV, 15]

СКАЖИ СЫНАМ ИЗРАИЛЯ

Когда ученик рабби из Лешно приехал повидать рабби из Коцка, тот сказал ему: «Передай мои приветствия твоему учителю. Я его очень люблю. Но только для чего он взывает к Богу, дабы тот послал Машиаха? Почему бы ему не воззвать к сынами Израиля, дабы они обратили свои сердца к Богу? Ведь сказано же: "Что ты вопиешь ко Мне? Скажи сынам Израиля"*».

* [Исх. 14:15]

ТРИ СТОЛПА*

* [Пиркей авот I, 2]

Рабби Мендл говаривал: «На трех столпах держится этот мир: Тора, служение Господу и добрые дела; и по мере того, как мир движется к своему концу, первые два столпа дали трещину, и лишь добрые дела остаются неизменными. И тогда истиной станет то, что было сказано: "Сион искупится правосудием"**».

** [Ис. 1:27]

ЗАВЕТНЫЙ МИГ

Рабби из Коцка говорил: «Поколение за поколением прилагали свои усилия, дабы приблизить приход Машиаха, каждое поколение делало все от них зависящее, но безуспешно. Оказалось, что никому не под силу приблизить приход Машиаха. Но настанет день, когда все евреи будут трудиться, добывая свой хлеб насущный, и души их будут исполнены смятения, – и тогда он придет».

ТЕ, КТО НЕ В СОСТОЯНИИ МОЛИТЬСЯ

В канун Йом Кипур рабби Мендл сказал одному из своих хасидов: «Герш, ты станешь молиться за тех евреев, которые не в состоянии молиться, за тех евреев, которые в поле и в лесу, за тех, кто здесь, и за тех,

кого здесь нет, и не только за живых, но и за мертвых. Потому что, поверь мне, наш дом молитвы исполнен душами!»

ПРИЮТ ЛЮБВИ

Рабби Мендла однажды спросили: «В былые времена все хасиды любили друг друга. Почему же сейчас все стало иначе?»

Он ответил: «На Небесах есть приют любви. Его основал рабби из Бердичева для всего рода человеческого, и вот потому хасиды прониклись любовью друг к другу. Но нечестивые также смогли найти туда дорогу, захватив нашу любовь ради своих обыденных любовей. И тогда цадику пришлось закрыть этот приют».

УГОЛ

Сказано: «Он полагает предел тьме»*.

Всякий раз, читая эти слова, рабби Мендл говорил: «Всего лишь один маленький уголок – Бог оставил один маленький уголок в темноте, чтобы человеку было где спрятаться».

* [Иов 28:3]

ЗАЧЕМ МНЕ ПИСАТЬ КНИГУ?

Хасиды рабби Мендла спрашивали его, почему он никак не напишет книгу. Наконец он дал им вот какой ответ:

«Допустим, я написал эту книгу. Кто же ее купит? Наши хасиды. Но когда им читать эту книгу, если всю неделю они заняты тем, что зарабатывают себе на жизнь? Допустим, они смогут читать эту книгу в субботу. Но когда же им найти время в субботу? Сначала они идут в микву, затем им надо учиться и молиться, а затем наступает время субботней трапезы. Но наконец трапеза подошла к концу, и можно заняться чтением. Вот один из купивших книгу ложится на диван и открывает книгу. Но после сытной еды его тянет ко сну. Глаза закрываются, и книга выскальзывает из рук на пол. Вот и скажите, зачем мне писать эту книгу?»

СВЯЩЕННЫЙ КОЗЕЛ

Рабби Ицхак из Ворки был в числе тех немногих, кого рабби Мендл допускал к себе в то время, когда он удалился от мира. Однажды рабби Ицхак приехал в Коцк после долгого отсутствия; он постучался в дверь и приветствовал рабби Мендла словами: «Мир тебе, рабби».

«С какой стати ты называешь меня рабби? – буркнул рабби Мендл. – Я не рабби. Разве ты не узнал меня? Я – козел! Я – священный козел. Помнишь эту историю?

Старый еврей, идучи из дома учения, потерял свою роговую табакерку и принялся причитать: "Надо же, чтобы еще и такое случилось со мною! Мало нам нашего вавилонского пленения! О горе мне, горе, потерял я свою роговую табакерку!" И тут он повстречал священного козла. Священный козел гордо шествовал по земле, и кончики его черных рогов касались звезд. Услыхав сетования старого еврея, он склонился к нему и сказал: "Отрежь кусочек от моих рогов и сделай себе новую табакерку". Старый еврей так и поступил. Потом он наполнил новую табакерку свежим табаком и отправился в дом учения, где стал угощать всех желающих. Каждый брал понюшку и каждый говорил: "Ах, какой замечательный табак! Наверное, потому, что ты держишь его в такой табакерке. Ах, какая замечательная табакерка! Где ты такую достал?" И старый еврей рассказал о добром священном козле. Тогда один за другим евреи отправились на улицу в поисках священного козла. Священный козел по-прежнему гордо шествовал по земле, и кончики его черных рогов по-прежнему касались звезд. Один за другим подходили к нему евреи и просили позволения отрезать кусочек от его рогов. И тот, наклоняясь к просящему, позволял ему отрезать кусочек. Много табакерок было сделано таким образом, и молва об этих чудесных табакерках распространилась по всему свету. Священный козел не мог уже сделать и шагу, чтобы кто-нибудь не попросил его позволения отрезать еще кусочек от его рогов.

Священный козел и по сей день, как и прежде, гордо шествует по земле, вот только рогов у него совсем не осталось».

ОЧКИ

Со временем у рабби Мендла стали болеть глаза, и ему посоветовали носить очки. Но он категорически отказался: «Я не стану возводить стену между моими глазами и священной Торой!»

В ЛЕСАХ

Как-то ближе к концу своей жизни рабби Мендл из Коцка сказал: «Я всегда полагал, что число моих хасидов не должно превышать четыре сотни. Мы отправились бы с ними в леса, и я кормил бы их манной, и они постигли бы добрую власть Бога».

РАБОТНИК, ПРЕНЕБРЕГАВШИЙ СВОИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ

Рабби Ицхак из Ворки однажды упрекнул одного из своих сыновей в том, что он недостаточно усердно учил Тору. Когда тот, будучи уже главой семейства, в свое оправдание сослался было на многочисленные домашние дела и неприятности, рабби рассказал ему следующую историю:

«Когда я еще работал переписчиком у некоей дамы-благотворительницы, я как-то увидел, что ее управляющий бьет работника за недостаточное усердие. И я удивился тому, как этот работник, снеся побои, стал косить траву еще усерднее. Улучив момент, я спросил этого работника, почему он удвоил свое рвение. “Ты, глупый еврей, – ответил он, – неужели тебе не ясно, что я получил свое за плохую работу. Так что нечего удивляться, если после побоев я набросился на работу, не щадя сил”. С тобой происходит то же самое, сын мой: все твои неприятности оттого, что ты пренебрегаешь изучением Торы».

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ САМОГО СЕБЯ

Однажды рабби Ицхак принимал у себя нескольких уважаемых членов общины, и разговор зашел о ценности честного и добросовестного слуги. Гости утверждали, что хороший слуга сам в состоянии организовать хозяйство, и ссылались на пример Иосифа, преуспевавшего при дворе фараона. Рабби Ицхак высказал свое несогласие. «Раньше я тоже так считал, но мой учитель убедил меня, что все зависит от хозяина дома. Видите ли, в первые годы после свадьбы жена доставляла мне немало неприятностей, и хотя сам я по возможности старался мириться с ее поведением, мне было жалко слуг. Вот почему я отправился к моему учителю, рабби Давиду из Лелова, чтобы посоветоваться, не следует ли мне принять какие-то меры в отношении моей жены. На это мой учитель ответил коротко: “Зачем ты спрашиваешь у меня? Спроси у себя самого”. Я раздумывал над этими словами довольно долго, прежде чем до меня дошла их суть. Но в полной мере я осознал их сокровенный смысл, лишь припомнив слова Баал Шем Това: “Есть мысль, есть речь, и есть действие. Мысль – это жена человека, речь – это его дети, и действие – его слуги. Преуспеет тот, кто в состоянии властвовать над всеми тремя”. И тогда я понял, что имел в виду мой учитель: все зависит от меня самого».

УМЕРЕТЬ И ЖИТЬ

Комментируя слова псалма: «Не умру я, но буду жить и возвещать о деяниях Бога»*, рабби Ицхак говорил: «Чтобы жить по-настоящему, человек должен обратиться к мысли о смерти. Однако, сделав это, он осознает, что его удел – не умирать, но жить».

* [Пс. 118:17]

АДАМОВ ГРЕХ

Рабби Ицхака спросили: «Какой грех в действительности совершил Адам?»

«Истинный грех Адама, – ответил рабби, – состоял в том, что он тревожился о дне завтрашнем. Вот что змей смог внушить ему: "Ты не в состоянии служить Богу, ибо ты не можешь знать разницу между добром и злом, и потому не в состоянии сделать свой выбор. Съешь этот плод, и ты обретешь возможность отличать добро от зла – тогда ты сможешь выбрать добро и быть за это вознагражденным". Адам прислушался к этим словам – в том и была его провинность. Он был обеспокоен тем, что не может служить Богу – хотя его служение Богу в тот час заключалось в одном: повиноваться слову Бога и устоять перед змеем».

КЛЕВЕТНИК

Некий человек делал все от него зависящее, чтобы возмутить хасидов рабби Ицхака из Ворки против их учителя, распространяя о нем всяческую клевету. Это беспокоило хасидов, и они поставили цадика в известность. Рабби Ицхак позвал к себе этого человека и поговорил с ним с глазу на глаз. «Глупец, – сказал он ему, – зачем же ты распространяешь обо мне всяческие небылицы, за что тебя и называют лжецом? Хочешь, я расскажу тебе всю правду про себя? Тогда ты сможешь говорить обо мне все, что захочешь, и никто не упрекнет тебя в клевете».

ПРИНОШЕНИЕ

Рабби Ицхак навестил рабби из Коцка в ту субботу, когда читается недельная глава Торы о приношениях. Как раз в это время рабби из Коцка начал жить в затворничестве, принимая только самых близких друзей, таких как рабби из Ворки.

«Отчего, – спросил рабби из Ворки, – ты решил отстраниться от людей?»

Рабби Мендл ответил: «Прочитай, что сказано в сегодняшней главе Торы: "Пусть возьмут приношения для Меня"* – "для Меня" значит "Во имя Меня". Когда еврей намеревается ид-

* [Исх. 25:2]

ти верным путем, путем Бога, то он не может не делать приношений. Он должен принести в жертву все свои отношения с людьми – и не только с дурными людьми, но и с людьми достойными, поскольку ниже мы читаем: "[Приношения] от каждого человека, сердце которого пожелает того"».

«Но ответ на все, сказанное сейчас тобою, – отозвался рабби из Ворки, – также содержится в сегодняшней главе Торы, в том же стихе: "Пусть возьмут приношения для Меня". Когда еврей желает идти верным путем, путем Бога, то он должен принимать все, что ему приносит каждый человек. Он не должен отказываться от своих отношений с людьми и должен получать от каждого из них все, что те могут дать ему для следования путем Бога. Но тут есть одна оговорка. Он не сможет получить ничего от человека, сердце которого закрыто для других. Лишь человек, "сердце которого пожелает того", в состоянии делать приношения».

ЕГО ДОСТОИНСТВО

Некий человек пришел к рабби Ицхаку с вопросом: «Мне непонятна история, рассказанная в Талмуде о рабби Зейре*, – сказал этот человек. – Там говорится, что когда ученики рабби Зейры спросили его о причинах его долголетия, тот ответил, что никогда не радовался несчастьям других людей. Но разве это можно назвать достоинством?»

* [Мегила 28а]

Рабби сказал: «Это означает следующее: я никогда не мог радоваться своему благополучию, когда я слышал о чьих-нибудь несчастьях».

В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Рабби Ицхака спросили: «Почему в Йом Кипур мы, каясь в своих грехах, перечисляем их в алфавитном порядке?»

На это рабби ответил: «Будь это как-нибудь иначе, мы бы никогда не прекратили бить себя в грудь – потому что нет конца нашим грехам и нет конца осознанию наших грехов, но все же есть конец алфавиту».

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Рабби Ицхака спросили, как надо понимать высказывание наших мудрецов: «Следует делать все, что говорит тебе хозяин, кроме одного: когда он велит тебе идти прочь»*. Ведь разве мы не должны повиноваться нашему хозяину, когда он велит нам идти прочь?

* [Псахим 86b]

На это рабби ответил: «Правы те, кто понимает, что здесь под "хозяином" подразумевается "Бог". Мы должны повиноваться Ему во всем – кроме того, когда он изгоняет нас от себя. Ибо

нам известно: "думает Он о том, чтобы не был отторгнут от Него и совсем отверженный"*. Вот в чем заключается истина: тот, кто совершил наибольшие прегрешения, должен и претерпеть больше других, возвращаясь к Богу. Глас небесный провозвещает, что возвращение грешника на истинный путь не угодно Господу и не будет принято. Однако если грешник не впадает в отчаяние, если он, несмотря ни на что, обращается к Господу, тогда он спасен. Рассказывают, что когда великий отступник Элиша бен Авуя, по прозвищу Ахер, то есть Другой, услышал глас небесный: «Возвратитесь, дети-отступники»** – все, кроме Ахера***, он порвал все узы, связывавшие его с Торой и общиной, и отрекся от истины. Следовало ли ему не поверить гласу небесному, который обратился прямо к нему – и, следовательно, хотел сказать что-то именно ему? Возможно, это бы ему и не помогло. И все же Божественное милосердие висит на волоске: если бы он обратился к Господу, то, возможно, и был бы спасен».

* [II Сам. 14:14]

** [Иер. 3:14]

*** [Хагига 15а]

ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА

Вдова пришла к рабби Ицхаку с жалобой, что некие торговцы, у которых ее покойный муж работал переписчиком, отказываются платить деньги, которые они задолжали мужу еще при жизни, и их не трогает ее тяжелое положение. Цадик пригласил к себе этих торговцев, которые в один голос заявили: «Разве можно слушать эту безнравственную женщину! Ее муж умер три года тому назад, а полгода тому назад она родила!»

«Эта женщина, – сказал рабби, – стала падшей из-за своей бедности».

ПО ПРОШЕСТВИИ ТРИДЦАТИ ЛЕТ

Некий человек тридцать лет жил затворником, посвятив себя изучению Торы. Отказавшись от затворничества, он прослышал о рабби Ицхаке и отправился к нему. По пути он представлял себе, как будет польщен цадик и как он обрадуется приходу такого ученого человека, который столь долгое время посвятил изучению Торы. Когда он предстал перед рабби Ицхаком, тот сказал ему: «Ты такой ученый человек, и ты приложил столько усилий для изучения Торы на продолжении столь долгого времени – несомненно, ты знаешь, что говорит Бог». Человек этот смутился и растерялся. Наконец он сказал неуверенным голосом: «Бог говорит, что мы должны молиться и учиться». Цадик рассмеялся. «Ты не понимаешь, о чем я тебя спрашиваю», – сказал он. Человек покинул цадика в расстроенных чувствах. Однако он приходил к рабби Ицхаку еще и еще,

и всякий раз цадик встречал его все тем же вопросом. Наконец он решил отправиться домой и пришел попрощаться с цадиком.

«И что же ты постиг за все эти годы, – спросил рабби Ицхак, – если ты даже не знаешь, что говорит Бог!» Человек расплакался и сказал: «Рабби, для того я и пришел – узнать то, чего не знаю».

«Это сказано в книге пророка Иеремии, – ответил цадик. – “Если спрячется человек в тайнике, то разве Я его не увижу? – сказал Господь”*. И вот что это значит: “Если спрячется человек в тайнике” означает – если человек закроется на тридцать лет в своей комнате и будет изучать Тору; “разве Я его не увижу?” означает – я могу и не захотеть смотреть на такого человека; “сказал Господь” означает – вот что говорит Бог.

* [Иер. 23:24]

Потрясенный до глубины души, этот человек лишился на какое-то время не только дара речи, но и способности мыслить. Наконец он спросил со вздохом: «Рабби, можно один вопрос?»

«Спрашивай», – сказал цадик.

«Что предписано делать в тех случаях, – спросил человек, – когда клочки и обрывки священной книги упали на землю?»

«Их следует поднять, – ответил цадик, – а иначе они будут уничтожены безвозвратно».

Человек упал ниц перед цадиком. «Рабби, рабби, – заплакал он, – вот лежит сосуд, полный обрывков Писания. Спаси его от уничтожения!»

Цадик обеими руками приподнял его с пола и посадил рядом с собой. Затем он завел с ним беседу и помог ему своим словом.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Когда рабби Ицхак жил в городе Коньске, один богатый человек пригласил его на торжественный обед. Войдя в ворота, цадик увидел, что передний двор ярко освещен фонарями, а ступени дома покрыты ковром. И он отказался идти далее, пока хозяин не погасит фонари и не уберет ковры – или же пока не даст обещание, что точно таким же образом тот будет принимать и всех прочих, не столь именитых гостей.

«Нам заповедано быть гостеприимными, – сказал цадик. – И точно так же, как предписано не делать различий между двумя бараньими рогами, когда приходит час трубить в шофар, мы не можем делать различий между нашими гостями». Хозяин дома умолял рабби отказаться от его требования, да только напрасно. В конце концов он вынужден был уступить, и потому, не будучи в силах пообещать такой же прием всем без исключения, он распорядился привести свой дом в обычный будничный вид.

ЗАПОВЕДЬ И ДЕНЬГИ

Рабби Ицхак однажды с похвалой отозвался о хозяине корчмы, который делал все от него зависящее, чтобы удовлетворить пожелания каждого постояльца. «Как ревностно этот человек выполняет заповедь гостеприимства», – заметил рабби. «Но ему за это платят», – возразил кто-то из присутствовавших. «Он берет деньги, – ответил цадик, – для того, чтобы иметь возможность выполнять заповедь».

ЦАДИКИ И ПОСТРОЕНИЕ ХРАМА

Рабби Ицхака однажды спросили: «Как нам следует понимать высказывание "Цадик, при жизни которого не был построен Храм, вовсе не цадик"? Означает ли это, что все цадики, жившие со дня разрушения Храма, не были цадиками?»

Рабби Ицхак объяснил: «Цадики всегда причастны к построению верховного святилища. Тот же, кто не участвует в строительстве, – тот просто не цадик».

ВЕРНЫЙ СЛУГА

В мидраше говорится: ангелы-хранители однажды сказали Богу: «Ты позволил Моше писать все, что он считает нужным, и теперь ничто не может помешать ему объявить народу Израиля: это я дал вам Тору».

На это Бог ответил: «Так Моше никогда не поступит, но если даже он это сделает, все равно он будет хранить верность мне»*.

Ученики рабби Ицхака из Ворки однажды попросили его растолковать этот мидраш. В ответ рабби рассказал следующую притчу:

* [Берешит раба 47:9]

«Некий торговец, собравшись в дальний путь, оставил в лавке вместо себя своего приказчика, а сам пока решил побыть в соседней комнате, откуда было слышно все происходившее в лавке. В течение первого года он слышал, как приказчик говорил покупателям: "Хозяин не согласился бы на такую низкую цену". Торговец решил подождать. В течение второго года приказчик стал говорить: "Мы не можем согласиться на такую низкую цену". И торговец продолжал откладывать свой отъезд. Но на третий год он услышал, как приказчик начал говорить: "Я не могу согласиться на такую низкую цену". Вот тогда торговец отправился в путь».

ГДЕ БУДЕТ ОБИТАТЬ БОГ

Ученики рабби Ицхака сказали ему: «В Писании говорится, что всего, принесенного народом для строительства Скинии, было "достаточно и оставалось еще"*, и потому немало осталось

* [Исх. 36:7]

после того, как была завершена работа. В мидраше сказано, что Моше спросил Бога, что делать со всем оставшимся, и Бог ответил: "Воздвигни шатер откровения и поставь там ковчег свидетельства"*, и Моше сделал так. Как следует понимать сказанное? Разве не ковчег, где находятся скрижали, мы называем скинией и разве он не был уже построен?»

* [Исх. 40:2-3]

«Как вы знаете, – ответил рабби, – Скинию делало священной Божественное присутствие. Но люди все спрашивали и спрашивали без конца, каким образом Его величие, о котором сказано "ведь небо и небеса небес не могут вместить Тебя"**, могло быть ограничено пределами ковчега? Но вспомним слова Песни Песней: "Паланкин сделал себе царь Шломо из дерев Леванона. Столбы его сделал он из серебра, обивка его – из золота, а сиденье его из пурпура"*** Если же кто-либо сомневается, насколько удобен такой паланкин, то вот и ответ: "Внутри он застлан любовью"****. Это любовь народа, строившего Скинию, в которую снизошло Божественное присутствие. Любви было "достаточно и оставалось еще", и вот почему Моше спросил, что делать с этим избытком, и Бог ответил: "Воздвигни из этого" – имея в виду избыток любви сынов Израиля – "шатер откровения для ковчега свидетельства", свидетельства того, что благодаря этой любви Он сошел в этот мир, где и будет обитать».

** [Млах. I 8:27]

*** [Песнь 3:9]

**** [Песнь 3:10]

НА ВЫСШЕЙ СТУПЕНИ

Рабби Ицхака однажды спросили: «Сказано: "И вот благословение, которым благословил Моше, человек Всесильного, сынов Израиля перед смертью"*. Раши толкует слова "перед смертью" как "перед самой смертью" и в обоснование своего толкования добавляет: "Если не сейчас, то когда?"

* [Втор. 33:1]

В каком смысле говорится, что это есть самое значительное из всего, что можно почерпнуть из Писания?»

«Заметим, – отвечал рабби Ицхак, – что это место – единственное в Торе, где Моше именуется "человеком Всесильного". Вот как все было: Моше беззаветно любил народ Израиля и постоянно желал благословить его – но всякий раз он говорил себе, что, когда он достигнет еще более высокой ступени, его благословение обретет еще большую силу – потому-то он все медлил со своим благословением. Но когда он наконец достиг ступени "человек Всесильного" – а это ступень ангелов, которые, в отличие от людей, уже не переходят со ступени на ступень, и когда он знал, что смерть его близка, вот тогда он и благословил сынов Израиля – ибо "Если не сейчас, то когда?"»

ВЕРА

Один из хасидов рабби Ицхака был бездетным. Раз за разом он молил своего учителя благословить его, и всякий раз тот отсылал его к рабби Беру из Радошиц, известному чудотворцу. Но хасид всякий раз отклонял это предложение. Другой хасид спросил его, отчего он не хочет ехать в Радошицы. «Если я поеду, – ответил он, – а ведь поеду я без веры в успех, то помощи мне не будет. Если же мне удастся обрести хотя бы немного веры в рабби из Радошиц, то ведь это означает, что ровно столько же веры я потеряю в своего рабби. А если – от чего избави Бог – моя вера в моего рабби станет не столь совершенной, то зачем мне дети?»

ИСПЫТАНИЕ

Рабби Ицхак из Ворки однажды повез сыновей навестить своего учителя, рабби Бунима, которые дал каждому из них по стаканчику крепкого темного пива и спросил их, что это они пили. Старший сын ответил: «Я не знаю». А вот Менахем-Мендл, младший, которому было тогда всего три года, ответил: «Горькое и вкусное».

«Вот этот мальчишка станет главой большой общины», – сказал рабби Буним.

ВОЗНИЦА

Когда рабби Ицхак из Ворки и Мендл, его младший сын, были в гостях у рабби Исраэля из Ружина, то хозяин пригласил своих друзей прокатиться по окрестным местам. Мендл попросил, чтобы его взяли со взрослыми. Рабби из Ружина сказал: «Не следует ехать тому, кто не знаком с тайной Божественной колесницы». «Но я смогу править лошадьми», – сказал Мендл. Рабби из Ружина пристально посмотрел на него и сказал: «Если умеешь – то садись». Мендл влез на козлы и взял в руки вожжи.

Во время поездки рабби из Ружина несколько раз спрашивал: «Рав из Ворки, неужели ты заслужил такого сына?» На это рабби Ицхак отвечал: «Это незаслуженный дар».

КОМПАНИЯ В ВИННОМ ПОГРЕБЕ

Группа сверстников, с которыми юный Мендл проводил время, состояла из молодых людей, находившихся на высоких ступенях бытия, хотя все они, подобно и ему самому, очень хорошо умели скрывать свою истинную сущность.

Рабби Бериш, впоследствии рабби из Бялы, бывший в то время учеником рабби из Ворки и пользовавшийся репутацией весьма начитанного человека, не мог скрывать своего удивления, видя, что вся эта компания не слишком поглощена учебой. В одну из первых ночей праздника Шавуот, когда забрезжила заря и все уже вставали из-за стола, он заметил, что эти молодые люди во главе с Мендлом сели в повозку и отправились по направлению к трактиру. Он тайком пробрался за ними и, спрятавшись в укромном местечке, наблюдал, как они облачились в талиты, наскоро прочли утреннюю молитву, а затем сели за стол и начали пить. Все это очень огорчило рабби Бериша. Тут он, однако, заме-

тил, что после второго стакана Мендл что-то сказал им вполголоса – рабби Бериш не смог расслышать ни слова из своего укромного местечка, – после чего они склонили головы и заплакали. Рабби Беришу даже показалось, что их стаканы наполнились слезами. Впоследствии он просился, чтобы его приняли в их компанию, но ему был назначен долгий период ожидания своей очереди.

ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО НЕОБХОДИМО

На свадьбе рабби Мендла бадхен в самый разгар своих полушутливых, полусерьезных разглагольствований завел песню, в которой повторялись слова: «Молись, и учись, и служи своему Богу». Немедленно рабби Мендл подхватил на тот же мотив: «Не молись, не учись, но не гневи своего Бога».

ПОВИНОВЕНИЕ РАНЬШЕ СРОКА

Будучи в Варшаве по делам своей общины, рабби Ицхак из Ворки почувствовал себя плохо, и его старший сын, рабби Довид из Мщонува, с трудом уговорил его отправиться домой. После долгих возражений отец наконец согласился. Рабби Довид позвал возчика и велел запрягать лошадей. Тем временем появился рабби Мендл, младший сын, который не присутствовал при их разговорах. Услышав от возчика, что отец собирается возвращаться в Ворку, он сказал: «Иди домой. Рабби никуда не поедет». Когда рабби Довид узнал о происшедшем, он пожаловался отцу.

«Чего же ты хочешь от него? – спросил рабби из Ворки. – Он слушается меня еще до того, как я отдаю распоряжения».

ТЫ СЛИШКОМ МАЛО СДЕЛАЛ

Когда рабби Ицхак из Ворки серьезно заболел, его старший сын принялся поститься и читать псалмы, тогда как младший, рабби Мендл, проводил время с компанией хасидов его возраста, которые сдружились с ним еще в детские годы и называли себя его телохранителями. Они пили шнапс за здоровье друг друга, хотя время от времени Мендл уходил в лес в полном одиночестве. Когда рабби Ицхак выздоровел, было решено отпраздновать это событие за праздничным столом. Рабби Мендл не преминул сказать своему брату: «Ты слишком мало сделал, чтобы радоваться от всего сердца, – ты только лишь постился и молился».

ГОЛОС

После смерти рабби Ицхака много хасидов пришло в Ворку на праздник Шавуот. В их числе был и рабби Биньямин из Люблина, быв-

ший учеником Провидца, но в свое время, еще при жизни своего первого учителя, перешедший к ученику Провидца, Йеѓуди, на которого возводилось множество наветов. Рабби Биньямин, человек пожилой и нездоровый, после приезда в Ворку лег отдохнуть. После молитвы его навестили оба сына рабби Ицхака. «Дети, – сказал он им, – скажите мне, как вы толкуете слова из Писания: «Весь народ видит голос»*. Рабби Яаков-Довид, старший сын, дал внятное и отчетливое толкование, а рабби Менахем-Мендл, как обычно, стоял и молчал. «Ну, а ты что думаешь?» – спросил его рабби Биньямин.

* [Исх. 20:18]

«Я думаю, – ответил Менахем-Мендл, – что это надо толковать следующим образом: они увидели и осознали, что должны понять сказанное и повиноваться тому, что было сказано».

НЕТ РЕЧИ, НЕТ СЛОВ

Через некоторое время после смерти рабби Ицхака оба его сына уже стояли во главе своих общин; и вот однажды они встретились в городке, далеком от места жительства каждого из них, и в их честь был устроен обед. Рабби Довид произнес длинную проповедь, тогда как рабби Мендл не сказал ничего. «Почему бы тебе тогда не произнести слова Торы?» – спросил его брат.

Мендл на это ответил: «Обращаясь к Небесам, мы читаем в псалмах: "Нет речи, нет слов, не слышен голос их"*. Только этот стих не в почете уже по всей земле».

* [Пс. 19:4]

Однако в другой ситуации, когда великий цадик спросил его, почему он отказывается произнести слова Торы, рабби Мендл ответил: «В Талмуде рассказывается, как Шимон из Эммауса толковал все стихи Писания, где присутствует частичка "эт"**. Но когда он дошел до стиха, означающего заповедь "Бога, Всесильного твоего, бойся и ему служи"***, – он воздержался от толкования».

** [Псахим 22b]
*** [Втор. 6:13]

НОЧЬ В МОЛЧАНИИ

Однажды рабби Менахем-Мендл провел целую ночь в компании своих хасидов. Все хранили молчание, будучи исполнены глубочайшего уважения друг к другу и душевного подъема. К утру рабби сказал: «Хорошо еврею, знающему, что "Один" – это один!»

РЕЧЬ В МОЛЧАНИИ

Однажды хасиды рабби Мендла сидели за столом в его доме в полном молчании. Молчание было столь глубоким, что слышно было

жужжание мухи на потолке. Когда было сказано благословение, рабби из Бялы заметил соседу по столу: «Что за обед у нас был сегодня! Меня расспрашивали и расспрашивали, да так, что я уж начал бояться, как бы мои жилы не лопнули, но все же я смог выдержать до конца, отвечая на все вопросы, которые мне задавали».

ИСКУССТВО МОЛЧАНИЯ

Когда рабби Мендл, сын цадика из Ворки, и рабби Элиэзер, внук Магида из Козниц, встретились впервые в жизни, они тотчас же удалились в отдельную комнату, где и провели целый час, глядя друг на друга в полном молчании. Затем они присоединились ко всем собравшимся. «Вот теперь мы готовы», – сказал рабби Мендл.

* * *

Когда Мендл приехал в Коцк, рабби этого города спросил его: «Где ты так научился искусству молчания?» Мендл уже собрался было ответить, но передумал и взамен продемонстрировал ему, насколько он совершенен в этом искусстве.

БЕЗЗВУЧНЫЙ ПЛАЧ И БЕЗЗВУЧНЫЕ РЫДАНИЯ

Однажды рабби Мендл толковал стих из Писания «Ибо услышал Всесильный голос отрока»* и объяснял его следующим образом: «В предыдущих стихах нет никакого упоминания о том, что Ишмаэль плачет. Нет, это был беззвучный плач, и Бог услышал его».

* [Быт. 21:17]

В другой раз рабби Мендл толковал стих из Писания, где рассказывается о дочери фараона: «И открыла, и увидела его, младенца, и вот – мальчик плачет»**.

«Здесь нам следовало бы ожидать слов “она услышала его, младенца, и вот – мальчик плачет”. Но мальчик плакал молча, про себя. Потому дочь фараона и сказала: “Не иначе, как он – из детей евреев”***. Это были беззвучные рыдания – еврейские рыдания».

** [Исх. 2:6]

*** [Исх. 2:6]

ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА

Однажды рабби Менахема-Мендла спросили, каковы свойства истинного еврея. Он ответил: «Нам свойственны три вещи: непреклонное коленопреклонение, беззвучные рыдания и танец без движения».

БЕЗОБМАННЫЙ СОН

Это было накануне Нового года; люди отовсюду приходили в Ворку и собирались в доме учения. Кто-то сидел у стола и учился, другие, которым не удалось найти места для ночлега, лежали прямо на полу, подложив под головы свои котомки. Шум в комнате был такой, что многие даже не заметили вошедшего рабби Мендла. Тот сначала посмотрел на сидящих за столами, а затем на тех, кто лежал на полу. «Спящие на полу выглядят, на мой взгляд, более искренними, чем те, кто сидит и учится», – сказал рабби.

ПРЕКРАСНАЯ СМЕРТЬ

Вскоре после смерти одного цадика, бывшего другом рабби из Ворки, к рабби Мендлу пришел хасид, присутствовавший при смерти цадика.

«Расскажи мне, как все было», – попросил рабби Мендл.

«Это была прекрасная смерть, – сказал хасид. – Как будто он вышел из одной комнаты в другую, соседнюю».

«В соседнюю комнату? – переспросил рабби Мендл. – Нет, просто из одного угла комнаты в другой».

❖ *Ицхак-Меир из Гур*

ГДЕ ЖИВЕТ БОГ?

Когда рабби Ицхак-Меир был маленьким мальчиком, его мать както повезла ребенка к Магиду из Козниц. Там один из хасидов сказал ему: «Ицхак-Меир, я дам тебе золотой, если ты скажешь, где живет Бог». Ицхак-Меир ответил: «Я дам тебе два золотых, если ты скажешь мне, где Он не живет».

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ГРАММАТИКЕ

Рабби из Гур рассказывал такую историю: «Ребенком я не любил занятия грамматикой, полагая, что это всего лишь один из многочисленных предметов, ничем не отличающийся от других. Но потом я занялся ею очень серьезно, потому что понял: грамматика хранит многие тайны Торы».

НЕДОВОЛЬНЫЙ

В молодые годы рабби Ицхак-Меир был учеником рабби Моше из Козниц, сына Магида из Козниц. Однажды учитель поцеловал его в лоб за то, что он благодаря своей поразительной проницательности помог ему решить сложную проблему. «Что мне по-настоящему нужно, – подумал Ицхак-Меир, – это рабби, который будет терзать меня и рвать мою плоть на куски – а не целовать меня».

Вскоре после этого он уехал из Козниц.

БЫСТРЫЙ СОН

Жена рабби Ицхака-Меира однажды спросила его, почему он так мало спит и не вредно ли это для здоровья. Он рассмеялся и ответил: «Почему твой отец выбрал меня тебе в мужья? Потому что я был способным учеником. А что значит быть способным учеником? Это значит усваивать за два часа такое количество материала, на которое у другого уйдет целый день. Вот то же и со сном: за два часа я могу выспаться так, как другому не выспаться и за целую ночь».

ПОДОБНО ВОЛУ

Некий хасид жаловался своему рабби из Гур: «Я работаю, я тружусь и все никак не получаю удовлетворения от трудов своих – в отличие

от искусного мастера, который после двадцати лет трудов видит достигнутые им результаты – он работает или лучше прежнего, или более споро, чем прежде. Я же не вижу ничего. Как я молился двадцать лет тому назад, точно так же я молюсь и сегодня».

На это цадик ответил: «Сказано, от имени Элияѓу: "Человек должен взвалить Тору на себя, как вол ярмо или как осел поклажу"*. Вот посмотри: вола утром выводят из стойла, ведут в поле, целый день он пашет, и вечером его отводят в стойло. Для вола один день не отличается от другого, однако вспаханное поле дает урожай».

* [Авода зара 5b].

ГРЯДУЩИЕ ИСПЫТАНИЯ

Рабби из Гур говаривал: «Нам всем приходится противиться многочисленным и невыносимым искушениям, и те, кто не готов к этому – те могут считать себя пропащими. Слишком поздно противиться, когда тебя уже вводят в искушение. Искушение – это лишь испытание для человека, позволяющее отделить шлак от металла».

ОПАСНОСТЬ

Рабби из Гур однажды отправился в поездку с одним из своих любимых хасидов. Дорога шла по крутому склону; вдруг лошади, испугавшись чего-то, понесли, и их едва удалось остановить. Хасид был очень перепуган; однако, взглянув на цадика, он увидел, что тот не потерял самообладания. «Разве можно было не испугаться той опасности, которой мы подвергались?» – спросил он.

«Если ты осознаешь истинную опасность, которая подстерегает тебя в этом мире на каждом шагу, – ответил цадик, – то ты не станешь пугаться сиюминутных опасностей».

КРЕПОСТЬ

Когда было закончено строительство большого дома учения в Гурах, осмотреть его прибыл рав из Варшавы, который сказал рабби из Гур: «Судя по всему, у вас была веская причина уехать подальше от нас и построить этот дом за городской чертой». На это рабби из Гур ничего не ответил, и рав продолжил: «Я понимаю, что вами двигало. Вы хотели соорудить крепость для защиты Варшавы, а такая крепость должна быть, несомненно, за пределами города. И вообще дом занимает выигрышную позицию, с которой можно даже вести огонь по городу». И на это рабби из Гур не сказал ни слова, но только улыбнулся – улыбкой человека, полностью согласного с собеседником.

ПО ПОВОДУ ЕДЫ

Рабби из Гур однажды спросил хасида, какие истины тот узнал из уст рабби Менахема-Мендла из Коцка. «Я слышал, – ответил ему хасид, – как рабби Менахем-Мендл говорил, что его удивляют утверждения, будто одной только застольной молитвы недостаточно, дабы сделать человека богобоязненным и добрым».

«Я так не думаю, – сказал на это рабби из Гур. – Меня вообще удивляет, что самой по себе еды не достаточно, дабы сделать человека богобоязненным и добрым. Ведь сказано: "Вол знает владельца своего, а осел – ясли хозяина своего"*».

* [Ис. 1:3]

* * *

Когда рабби из Гур спросили о том, каково различие между обычными отцами семейств и хасидами, он рассмеялся и ответил: «Обычные отцы семейств молятся, а потом учатся, хасиды же молятся, а потом едят. Дело в том, что когда хасид понимает, что ни в размышлениях, ни в молитвах он не осознал величие Бога, он идет к накрытому столу со словами: "Пусть я еще и не вол, знающий своего владельца, но я уже могу сойти за осла, знающего, где ясли моего хозяина"».

«ПРОПАДИ ПРОПАДОМ»!

Рабби из Гур говаривал: «Часто слышишь, как люди говорят: "Да пропади он пропадом, этот мир!" И хочется спросить такого человека: "Ты желаешь этому миру пропасть – а разве это твой мир?"»

ГРЕХИ ЛЮДЕЙ

Спустя некоторое время после праздника Шавуот рабби из Радзыня приехал навестить рабби из Гур, и тот увидел, что его друг выглядит осунувшимся и утомленным. «Что с тобой? – спросил его рабби из Гур. – Это из-за жары или у тебя какие-то горести?»

«Так бывает каждый год, – ответил рабби из Радзыня, – в летние месяцы, когда мы читаем главы Писания, посвященные странствиям сынов Израиля по пустыне. Там говорится о бесчисленных грехах, в том числе и о грехе распускавших злую молву о стране Кнаан*, и о том, как "прилепился Израиль к Баал-Пеору"**. И ведь эти грехи были совершены теми, кто принадлежал к поколению знания, поколению пустыни – вот что причиняет мне особые муки!»

* [Чис. 13]
** [Чис. 25:3]

Рабби из Гур ответил: «Когда они совершали грехи, о которых ты говоришь, у них могла быть особая цель – ибо Тора состоит также и из

этих греховных деяний. Или ты полагаешь, что Тора могла состоять из одних только добрых дел?»

ПРОПОВЕДЬ

Накануне Йом Кипура рабби из Гур сказал хасидам, собравшимся за его столом: «Ѓилель, наш учитель, говорил: "Если я не за себя, то кто за меня?"* Если я не выполняю свой долг, кто выполнит его за меня? Каждый должен выполнять свой долг. И далее он же говорил: "Если не теперь, то когда?" Когда наступит это "Теперь"? Это "Теперь" – оно и есть теперь; оно – то самое мгновение, которого не существовало никогда прежде со времен сотворения мира и которое не никогда более не будет существовать. Ранее было другое "Теперь", и потом будет другое "Теперь", и каждое "Теперь" имеет свое собственное, особое значение – подобно тому, как мы читаем в книге Зоѓар: "Утренние одежды – это не то, что вечерние одежды".

* [Пиркей Авот I, 14]

Стремись к Торе всеми своими силами, и ты прилепишься к Торе – а поскольку шестьсот тысяч букв Торы соответствуют шестистам тысячам душ народа Израиля, о котором Тора и говорит, то таким образом ты окажешься связанным со всем народом. А если ты предлагаешь себя всему целому, то ты и получаешь от всего целого; ты получаешь даже более того, что ты даешь. И потому к твоему собственному "Теперь" ты сможешь добавить какую-то часть "Теперь" твоего ближнего, часть тех добрых дел, которые он творит на протяжении этого "Теперь". Далее, наш учитель Ѓилель говорит: "Но если я только за себя, то зачем я?" Если – от чего избави нас Бог – я буду отделен от общины, то когда я смогу наверстать свое "Теперь"? Никаким другим "Теперь" я не смогу заменить это "Теперь", поскольку каждое мгновение сосредоточено на своем конкретном "Теперь".

Человек, совершивший неблаговидный поступок, постоянно говорящий об этом и думающий об этом, не в состоянии изгнать низость своего деяния из своих мыслей, и о чем бы он ни думал, его мысли постоянно возвращаются к этому поступку, его душа целиком и в самой полной мере поглощена этим, он всецело сосредоточен на низости своего поступка. Он, несомненно, не сможет возвратиться на истинный путь, ибо душа его огрубеет, а сердце станет упрямым и неподатливым, да к тому же он будет преисполнен тоски и уныния. Что же делать? Греби грязь в одну сторону, греби грязь в другую сторону – грязь остается грязью. Согрешил я или не согрешил – что с того Небесам? Вместо того чтобы предаваться подобного рода размышлениям, я мог бы нанизывать жемчуга ради Небесного великолепия. Вот почему сказано: "Уклоняйся от зла и делай добро"*– отвратись от

* [Пс. 34:15]

зла, не мучай себя воспоминаниями о нем и делай добро. Совершил дурной поступок? Уравновесь его добрым деянием.

И потому в канун Йом Кипура уклонимся от зла и укрепим свой дух, пусть наша радость идет из глубины души и не будет деланной или принужденной. Прочтем перечень своих грехов так скоро, как это только возможно, и не будем терзать себя воспоминаниями, но обратимся к словам молитвы: "И кроме Тебя, нет у нас Владыки..."»

СТЫД

Когда рабби из Гур произносил слова Торы, он вдруг глубоко вздохнул и сказал:

«Порой сказанное нашими мудрецами трогает меня до самой глубины души и терзает все мое земное нутро. Наши мудрецы говорят: "Если человек не испытывает стыда, значит, его праотцы не стояли на горе Синай"*. Ну, и где же, в таком случае, стыд?»

* [Недарим 20а]

ВЫДЕЛЕНИЕ СЛОВ ИЗ РЕЧИ

Рабби из Гур наставлял своих учеников: «Выделяя в своей речи то или иное слово, пусть даже и в незначительной степени, можно умалить усердие твоего ближнего в служении Богу. Например, слова змея, адресованные Еве: "Хотя и сказал Бог"* – они прозвучали вот каким образом: "Ну, и допустим, что Бог в самом деле сказал так – что же из того?" Незначительное изменение интонации – и Ева охладела в своей вере и съела запретный плод».

* [Быт. 3:1]

ПРИЧИНА

К рабби из Гур обратились с вопросом: «Зачем Бог спросил Каина: "Отчего досадно тебе и отчего поникло лицо твое?"* Ведь разве могло ему не стать досадно, если Бог не принял его приношения?»

* [Быт. 4:6]

Рабби ответил: «Бог спросил Каина: "Отчего досадно тебе и отчего поникло лицо твое? Оттого, что я не принял твое приношение, или оттого, что принял приношение твоего брата?"»

ТРИ ВОПРОСА

Рабби из Гур, толкуя Тору и разбирая сказанное Яаковом своему слуге: «Когда встретит тебя Эсав, брат мой, и спросит тебя, говоря: Чей ты? И куда идешь? И для кого эти, что перед тобою?»*, говорил своим ученикам: «Заметьте, насколько вопросы Эсава напоминают

* [Быт. 32:18]

слова наших мудрецов: “Размышляйте о трех вещах: откуда вы пришли, куда вы идете и кому вы через некоторое время будете давать отчет”*. Как следует заметьте это сходство, поскольку всякий, кто размышляет об ответах на эти три вопроса, должен в полной мере давать отчет самому себе, дабы быть в состоянии ответить Эсаву внутри себя. Ведь Эсав тоже может задать такие вопросы, и если вы не будете готовы ответить на них, тогда на ваше сердце ляжет тяжесть».

* [Пиркей авот III, 1]

ТЬМА В ДУШЕ

Разбирая то место в Писании, где говорится о непроглядной тьме в стране Египетской, где «не видели брат брата, и не вставал никто с места своего»*, рабби из Гур сказал: «Тот, кто не хочет смотреть на брата своего, вскоре прилипнет к месту, где он сидит, и не сможет встать с места своего».

* [Исх. 10:23]

УВИДЕТЬ И ПОВЕРИТЬ

У рабби из Гура спросили: «Вот сказано: “И увидел Израиль силу великую”, и далее: “И уверовали в Бога и в Моше, служителя Его”*. Почему так сказано? Вопрос относительно того, верить или не верить, мог возникнуть лишь до того, как они увидели (силу великую)».

* [Исх. 14:31]

Рабби ответил: «Вы ошибаетесь. Ведь именно тогда и можно было задаться таким вопросом. Увидеть силу великую не означает, что вера могла возникнуть без видимых доказательств. Лишь увидев великую силу, мы осознаем, насколько велика была наша нужда в ней. И увиденная сила стала началом веры в то, что мы не в состоянии видеть».

ИСТИННЫЙ ИСХОД

У рабби из Гура спросили: «Почему Шавуот, праздник дарования Торы, считается также праздником, напоминающем об исходе из Египта?»

Рабби ответил: «Разве не обращался Бог к Моше из неопалимой купины, говоря: “И вот тебе знамение, что я посылаю тебя: когда выведешь этот народ из Египта, вы будете служить Всесильному на этой самой горе”*. Дарование Торы на Синае было знамением исхода из Египта. До этого момента они все еще пребывали в египетском рабстве».

* [Исх. 3:12]

ВЕЧНЫЙ ГОЛОС

Рабби из Гур говорил: «О голосе с горы Синай в Писании сказано: “и более не продолжал”*, а в Таргуме фраза понимается как означающая,

* [Втор. 5:19]

что голос звучал не прерываясь. И действительно, этот голос звучит и по сей день – так же, как и в давние времена. Но и сегодня – так же, как и в те дни – его нельзя услышать, не будучи к тому приуготовленным. И сказано: "А теперь, если вы будете слушаться Меня и соблюдать союз Мой"*. И когда бы мы ни слышали этот голос, это означает, что настало "Теперь"».

* [Исх. 19:5]

РУТИНА И СОКРОВЕННОЕ

Как-то вечером, в конце лета, рабби Ицхак-Меир прогуливался во дворе дома учения со своим внуком. Был первый день месяца элул, и молодая луна уже показалась на небе. Цадик спросил, трубили ли уже в шофар, поскольку это следует делать за месяц до Нового года. Потом он сказал: «Когда человек становится во главе общины, ему надо заниматься обустройством и думать обо всем необходимом – это и дом учения, и столы, и стулья, и назначение хорошего управляющего, и поиски надежного слуги... А потом появляется Сатана и наносит вред самому сокровенному. И все вроде бы остается как и было, и продолжает вращаться колесо рутины, но только нет уже больше самого главного. Но, – и рабби возвысил голос, – мы, с Божьей помощью, не допустим этого!»

ПРОСТИ МЕНЯ

Когда мать рабби Ицхака-Меира умерла, он, следуя за похоронными носилками, плакал и молил ее о прощении. Когда засыпали могилу, он говорил сквозь слезы: «В этом мире люди уважают меня и называют "рабби". Но вот теперь ты входишь в мир истины, и ты увидишь, что все не так, как думают эти люди. Потому прости меня и не думай обо мне плохо. Что же я могу поделать, если люди ошибаются на мой счет».

КОМУ Я ПОМОГАЮ

Однажды на Песах в доме рабби из Гур собралось много народа. Неожиданно рабби, возвысив голос, обратился к собравшимся: «Вам следовало бы знать, что я не похож на других рабби. Я не алчу денег и не стремлюсь к почестям. Я думаю лишь об одном: как обратить сердца евреев к Небесам в те немногие годы, которые мне еще суждено прожить. И я молю всех, кто думает иначе, не приходить ко мне. Все те, кто пришел сюда с тем только, чтобы вымолить средства к существованию, или детей, или здоровье – лучше будет, если они обратятся к другому рабби. Но всякий, кто ощущает, что недостаточно усердно служит Богу, все, кто обеспокоен тем, что бедность, или болезни, или бездетность препятствуют им истово служить Богу, – вот им всем я в состоянии помочь».

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Рабби из Гур однажды спросил одного из своих учеников, гостивших в его доме, о чем тот думал по пути к своему учителю. Ученик ответил: «Хасиды приезжают к рабби с самыми различными просьбами – у одних нелады с делами, у других – со здоровьем или еще что-нибудь. А вот я всегда спрашиваю себя: "Разве рабби должен заниматься всем этим?"»

«И какой же ответ ты даешь себе на свой вопрос?» – поинтересовался цадик.

«Я говорю себе, – ответил ученик, – что рабби помогает приезжающим к нему за помощью подняться на более высокую ступень, и тогда Богу легче услышать их молитвы».

«А вот у меня другая точка зрения, – сказал цадик. – Рабби рассуждает следующим образом: "Кто я такой и что представляет собой моя жизнь, если люди приходят ко мне и просят меня молиться за них. Я же ведь не что иное, как капля в ведре воды!" Рассуждая таким образом, он обращается к Богу, а поскольку его жизнь связана с жизнями всех тех, кто прибегает к его помощи, спасение перетекает от него к ним».

Этот ученик приезжал к рабби в последний раз, потому что вскоре после его приезда рабби умер.

ПРАХ

Однажды рабби из Гур спросили: «Почему люди всегда плачут, говоря слова молитвы: "Из праха пришли и в прах уйдем"? Можно было бы плакать, если бы мы приходили из золота и уходили в прах – но ведь мы возвращаемся туда, откуда пришли».

Цадик ответил: «Мир сотворен из праха, а человек в этом мире для того, чтобы поднять прах до вершин духа. Но в конце пути человек слабеет, и все обращается в прах».

СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ

В старости рабби из Гур рассказывал такую историю: «Когда я был еще учеником, рабби Шломо-Лейб подошел ко мне в доме учения и сказал: "Молодой человек, тебя называют способным евреем из Польши, так что скажи-ка мне, почему на стих из Писания 'Люби Бога, Всесильного твоего, всем сердцем своим и всей душою своей'* наши мудрецы говорят: 'Даже если Он возьмет твою душу'**, но при этом не говорят: 'Даже если он возьмет твое сердце' – хотя в стихе и сказано, что мы должны любить Его всем сердцем своим".

Я не знал, что ответить, поскольку не видел здесь никакого вопроса. Ведь взять душу – означает только взять жизнь. Но что творится со

* [Втор. 6:5]

** [Брахот 61b]

мною, если я не хочу даже знать, что рабби имеет в виду? Чем старше я становился, тем более значительным становился для меня этот вопрос. Если Бог пожелает того, Он может взять нашу жизнь, но Он обязан оставить нам наше сердце – ведь любим мы Его сердцем».

СТРАХ СМЕРТИ

Однажды рабби из Гур сказал: «Почему человек страшится смерти? Ведь разве после смерти он не попадает к своему Отцу? Нет, человек страшится того момента, когда из другого мира ему откроется вид на всю его земную жизнь».

❖ *Ханох из Александрова*

ПЕРЕД ГОСПОДОМ

В молодые годы рабби Ханох из Александрова был учеником рабби Симхи-Бунима и жил в Пшисхе; в его обязанности входило читать утренние молитвы в доме по соседству с его учителем. Ханох имел обыкновение молиться громко и со страстной жестикуляцией, чем разительно отличался от рабби Бунима, который молился сдержанно не только дома, но даже и перед общиной. Однажды, когда юный Ханох читал молитву, в комнату вошел рабби, и Ханох немедленно понизил голос и перестал жестикулировать. Но, сделав так, он тотчас же сказал себе: «В конце концов, мнение рабби – это не главное; ведь я же стою перед Господом!» И продолжил молитву в своей обычной манере.

После молитвы рабби подозвал его к себе. «Ханох, – сказал он, – сегодня мне очень понравилось, как ты молился».

ОТКРОВЕНИЕ

Рабби Йехиэль-Меир из Гостынина в свои молодые годы как-то был на свадьбе в Пшисхе. В корчме его соседом по комнате оказался рабби Ханох из Александрова, с которым он тогда не был знаком. В вечер перед свадьбой рабби Ханох веселился и куролесил как мог, что не очень нравилось рабби Йехиэлю-Меиру. Но после полуночи он заметил, как Ханох, полагая, что сосед его не видит, выскользнул из кровати и пробрался в переднюю. Йехиэль-Меир внимательно прислушался, и услышанное тронуло его до глубины души. Его сосед читал псалмы так трогательно и выразительно, как Йехиэлю-Меиру никогда не доводилось слышать. Когда Ханох вернулся в постель, Йехиэль-Меир притворился спящим. Во время свадебных торжеств, когда читались Семь благословений, рабби Ханох опять забавлялся как мог. Он отпускал шуточки по поводу женщины, известной как Ханночка-злодейка, и гости хохотали до упаду. Йехиэль-Меир смотрел на него с изумлением: неужели это тот самый человек, чьи истовые моления ему довелось слышать минувшей ночью? И тут неожиданно, в самый разгар веселья, Ханох пристально посмотрел ему прямо в глаза. Йехиэль-Меир почувствовал себя так же, как и во время давешнего чтения псалмов, и дрожь охватила его с головы до пят.

ТАЙНА

Рабби Буним говаривал: «Тайна – это нечто, сказанное вами таким образом, что всякий может слышать, но никто из непосвященных не в состоянии понять услышанное».

А рабби Ханох, его ученик, добавлял: «Тайны Торы настолько глубоко сокрыты, что их вообще невозможно поведать. Ведь сказано: “Тайна Бога – боящимся Его”*. Эти тайны могут воспринять лишь богобоязненные, а иначе их никак не постигнуть».

* [Пс. 25:14]

ПОСМОТРИ В КНИГУ

К рабби Ханоху пришел хасид и, плача, стал рассказывать о постигшей его беде.

«Когда я учился еще в хедере, – заметил рабби, – один мальчик заплакал на уроке, и учитель сказал ему: “Тот, кто смотрит в книгу, перестает плакать”».

УГРОЗА

Некий именитый человек угрожал рабби Ханоху, что единым махом сможет сбросить его с той ступени бытия, на которой он находится. Тот ответил: «Навряд ли можно сбросить меня ниже, чем я сейчас пребываю».

СТОН РЕЗНИКА

Вскоре после того, как Ханох стал рабби, он рассказывал: «Резник резал мясо и не заметил, как наступила суббота. Он тогда бросился бегом в дом молитвы и, вбежав туда, услышал, как собравшиеся поют:

Выйди, друг мой, навстречу невесте,
с тобой вместе мы встретим Субботу.

И тогда он громко простонал, но это был стон не резника, а стон еврея, идущий из глубин души. Ибо сказано: “И застонали сыны Израиля от работы, и возопили”*. То был стон сына Израиля, то был вопль еврея, идущий из самой души».

* [Исх. 2:23]

ДОМ ДЛЯ СВАДЕБНЫХ ТОРЖЕСТВ

Рабби Ханох рассказывал такую притчу: «Житель маленького городка перебрался в Варшаву и снял себе комнатку. В первый же вечер он услышал, как в соседнем доме играет музыка и люди танцуют. “Наверное, свадьба”, – решил он про себя. Но на другой день там также играла веселая музыка, и то же самое было на следующий день. “Интересно, кто там живет? – спросил он своих знакомых. – Сколько же сыновей у хозяина дома, если каждый день он женит их, одного за

другим?" Знакомые рассмеялись. "Этот дом, – сказали они, – снимают специально для устройства свадеб. Музыка играет, гости танцуют. Вот почему мы зовем его домом свадеб"».

После чего рабби Ханох добавил: «Вот и наши мудрецы сравнивают этот мир с домом свадеб»*.

* [Эрувин 54а]

ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ

Вот какую историю рассказал рабби Ханох: «Жил да был очень глупый человек. Вставая по утрам, он с трудом мог отыскать свою одежду, и потому по вечерам он неохотно ложился спать, опасаясь неудобств, которые ждут его после пробуждения. Наконец, в один прекрасный вечер, он взял карандаш и бумагу и как можно точнее записал, куда он положил свою одежду. На следующее утро, очень довольный собой, он взял свой листок и принялся читать: "шляпа" – вот она, и он надел ее на голову, "брюки" – вот они, и он натянул их, и так далее, и так далее, пока он полностью не оделся.

"Все это очень хорошо, но где же я сам? – спросил он себя в оцепенении. – В каком мире я нахожусь?" Он смотрел и смотрел, но все его поиски были тщетны».

«То же самое происходит и с нами», – заметил рабби.

«ОТПУГНИ»!

Вот какую историю рассказал рабби Ханох: «Молоденькая девушка из Польши нанялась служанкой в Германию. А в той стране хозяйки используют слово "отпугнуть" в необычном смысле. "Отпугнуть" значит у них плеснуть холодную воду в горшок с кипящим супом, чтобы легче было снимать пену. И вот как-то хозяйка дома, где работала эта девушка, отправилась на рынок, наказав служанке: "Следи за супом и не забудь 'отпугнуть' его вовремя". Девушка не поняла сказанного, но ей было неудобно признаться в этом. И потому, увидев, как начала подниматься пена, она схватила метлу и принялась "пугать" горшок со всех сторон, пока не перевернула его и не залила всю плиту».

«То же самое и с вами, – заметил рабби. – Пытаясь "отпугнуть" дурное начало в себе, вы только сделаете хуже. Следует научиться, как надо снимать пену».

ИСТИННОЕ РАБСТВО

Рабби Ханох говорил: «Истинное рабство сынов Израиля в Египте началось тогда, когда они стали безропотно выносить свои страдания».

РАБСТВО

Рабби Ханоха спросили: «Вот сказано: “И подняли сыны Израиля глаза свои, и вот – египтяне гонятся за ними, и весьма устрашились, и возопили сыны Израиля к Богу”*. Чего же они устрашились, если они знали, что Бог помогает им?»

Рабби Ханох ответил: «Когда они были в Египте, в безысходном рабстве, они перестали замечать свое состояние. Но тут они избавились было от рабства – и вдруг увидели, что угнетатели снова их преследуют. Они полагали, что, поскольку Бог вывел их из Египта, все их страдания кончились. Узрев же своих преследователей, сыны Израиля возопили к Богу. “И сказал Моше народу: ‘Не бойтесь, стойте и смотрите, как Бог спасает вас сегодня! Ибо египтян, которых вы видите сегодня, не увидите более вовеки’”**. Это означает, что вы видели своих угнетателей в последний раз. “Бог будет сражаться за вас”***. Теперь, когда вы сами увидели себя в рабстве, Бог снимет с вас оковы рабства. “А вы будьте спокойны” ***. Будьте спокойны, ибо помощь уже дарована вам».

* [Исх. 14:10]

** [Исх. 14:13]

*** [Исх. 14:14]

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕСТЕСТВА

Рабби Ханоха спросили: «Почему мы говорим, что Красное море было “расколото”, а не “рассечено”, поскольку ведь сказано: “Рассек Он море и провел их”*?»

Рабби Ханох дал такое объяснение: «“Рассечь” означает сделать лишь небольшую трещину, узкое углубление, тогда как “расколоть” означает сделать более широкую расщелину. В мидраше мы читаем, что Моше повелел морю расступиться**, на что море ответило, что не намерено повиноваться человеку из плоти и крови и выходить за пределы естества; оно расступилось, лишь увидев гроб Иосифа. Вот почему и в псалме читаем: “Море увидело и побежало” ***. Оно увидело и уразумело, что Иосиф, чьи кости сыны Израиля несли с собой в Землю обетованную, некогда также вышел за пределы естества, не поддавшись искушению. Тогда и море вышло за пределы естества, расколовшись на две части. Вот почему мы говорим “раскололось Красное море”».

* [Пс. 78:13]

** [Шмот раба XXI]

*** [Пс. 114:3]

ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ

Рабби Ханоха спросили: «Ведь сказано: “Вот Я иду к тебе в густом облаке, чтобы услышал народ, как Я буду говорить с тобою”*. Почему же говорится, что народ будет слышать лучше, если Бог будет окутан густым облаком?»

* [Исх. 19:9]

Рабби Ханох дал такое объяснение: «Зрение более важно для человека, чем слух. Но поскольку в густом облаке нет возможности что-либо видеть, то способность слышать становится более важным чувством».

ДО СЕРДЦА НЕБЕС

Вот как рабби Ханох объяснял слова Писания: «А гора горит огнем до сердца небес»*: «Огонь на горе Синай прожег людей до мозга костей и сделал их сердца небесными».

[Втор. 4:11]

ИХ ЖЕЛАНИЕ

Рабби Ханоха спросили: «В Книге псалмов сказано: "Желание благоговеющих пред Ним исполняет Он"*. Как же можно утверждать, что Бог исполнит все, что только ни пожелают благоговеющие перед Ним? Разве богобоязненные люди не должны страдать, помимо всего прочего, еще и оттого, что они не имеют желаний или вынуждены обходиться без того, что они желают?»

[Пс. 145:19]

Рабби ответил: «Сказанное следует понимать так, что Он сам приуготовляет желания благоговеющих перед ним. Бог сам создает эти желания. Человек же должен лишь возжелать эти желания».

СЫНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Прочтя стих из псалма «Небеса – небеса Бога, землю же Он отдал сынам человеческим»*, рабби Ханох помолчал немного и потом сказал: «"Небеса – небеса Бога" – это значит, что они уже небесные; "землю же Он отдал сынам человеческим" – это значит, что сыны человеческие должны сделать ее небесной».

[Пс. 115:16]

ДВА МИРА

Рабби Ханох говаривал: «Другие народы также веруют, что существуют два мира. Они тоже говорят: "В другом мире". Разница же в том, что все полагают, будто эти два мира разделены и обособлены, тогда как всякий из сынов Израиля верит, что эти два мира – в сущности, один и что они в конце концов действительно станут одним миром».

БОЙ

Рабби Ханоха спросили, почему хасиды не начинают молиться в определенное законом ѓалахи время.

«Когда солдаты в учении, – ответил он, – они должны делать все по установленному распорядку. Но в гуще схватки они забывают правила и сражаются так, как того требуют обстоятельства».

«Хасиды, – заключил рабби, – это бойцы».

ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ

Однажды, сидя за обеденным столом со своими хасидами в один из девяти дней, предшествующих Девятому ава, дню скорби о разрушении Храма, рабби Ханох сказал им:

«Ранее, когда наступали эти дни, каждый из нас испытывал страдания, скорбя о сожженном Храме, и у нас не было святилища, где мы могли бы принести жертву. Но теперь хасиды сидят за обеденным столом, как бы совершая жертвоприношение, и говорят: "Бог был, есть и пребудет; святилище было, есть и пребудет"».

И еще он сказал: «Мы еще увидим, когда придет Машиах, сколь важными оказались эти наши жертвоприношения».

О СТАРОСТИ

Однажды, слушая скрипача, игравшего старую мелодию, рабби Ханох сказал: «Даже музыка стареет и теряет свою прелесть. Когда мы слушали эту мелодию во времена рабби Бунима, много лет тому назад, она заставляла сильнее биться наши сердца. А теперь она уже не так восхищает нас, как бывало прежде. То же и со всем остальным. Нам следует готовиться к старости. Мы молимся: "Не брось меня в годы старости"*, ибо тогда мы утрачиваем вкус к жизни.

Но в старости есть и нечто благодатное. Ведь видя, что после всего сделанного мною я все равно ничего собой не представляю, я осознаю необходимость начать все сызнова. Как сказано о Боге: "Каждый день, каждое мгновение возобновляющий творение мира"**».

* [Пс. 71:9]

** [Утренняя молитва]

ШМУЭЛЬ-ЙОСЕФ АГНОН О МАРТИНЕ БУБЕРЕ

Перевод с иврита и комментарии
Зои Копельман

Израильский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Шмуэль-Йосеф Агнон (1888, Бучач, Восточная Галиция – 1970, Израиль) познакомился с Мартином Бубером в Германии, куда в 1913 году приехал из Страны Израиля учиться и завоевывать свое место на литературном небосклоне. Еще раньше, в Стране Израиля, определились литературные интересы Агнона как современного автора, обильно черпающего из сокровищницы еврейского религиозного наследия, в том числе хасидского. Как известно, дед Бубера, Шломо Бубер (1827–1906), религиозный еврей и ученый, занимавшийся текстологией мидраша, тоже был родом из Восточной Галиции, а в зрелом возрасте проживал в Лемберге (Львове). Увлеченность хасидизмом и сходные биографические истоки – Мартин Бубер в детстве подолгу живал у деда – сблизили Агнона и Бубера, и после Первой мировой войны они вместе работали над книгой хасидских историй под условным названием Corpus Hassidicum, рукопись которой сгорела в июне 1924 года, когда в доме Агнона вспыхнул пожар. В том же году Агнон вернулся в Страну Израиля, тогда как Бубер прибыл туда лишь в 1938 году. Оба они жили в Иерусалиме, но если Бубер уверенно шел по академическому пути и стал профессором Еврейского университета в Иерусалиме, то Агнон к тому времени сделался одним из ведущих еврейских прозаиков. Несмотря на различие поприщ и взглядов на многие вопросы современной им истории еврейского народа, эти двое великих пристально следили за деятельностью друг друга.

Предлагаемые ниже три выступления Агнона в печати посвящены Мартину Буберу в разные периоды его жизни, а итог им подводят мемуарные заметки писателя. Все эти материалы, написанные на иврите, публикуются на русском языке впервые.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О БУБЕРЕ

Открытие Еврейского издательства. *Берлин 1902 г.* Слева направо: *сидят:* Б. Файвель (писатель, Моравия), М. Бубер; *стоят:* Э.-М. Лилиен (художник, Галиция), Х. Вейцман (впоследствии всемирно известный химик и президент Всемирной Сионисткой организации, Россия), Д. Трейч (впоследствии сионистский деятель, Россия)

Я делю свои воспоминания о Бубере на две части. В одной расскажу о Бубере, которого я еще лично не знал, в другой – о Бубере, с которым общался лицом к лицу. Как заведено у мемуаристов, так и я поступлю и расскажу о том, что говорил Бубер и что говорили о нем другие. И несмотря на то, что я пишу воспоминания, не стану утруждать вас рассказами о самом себе, разве только для большей ясности понадобится припомнить и мое имя.

Имя «Бубер» я услышал еще в юности. Староста главного дома учения в Бучаче купил у заезжего из другой страны книгопродавца мидраш «Шохер тов». Книга эта предназначалась для дома учения, но староста благоволил ко мне и дал мне ее на время, пока не появится переплетчик и не переплетет ее наново. С радостью и душевным трепетом я взял незнакомый мне дотоле мидраш и поспешил домой, где встал у окна и погрузился в чтение. То были псалмы с пояснениями, преданиями и притчами, псалом – и мидраш к нему, псалом – и мидраш. Когда я дошел до псалма «У рек Вавилонских...», встали вдруг пред моими глазами левиты, повесившие на ивах свои арфы, когда злодей Навуходоносор потребовал от них спеть ему песни Сиона. Я увидел, как они протягивают вперед руки – пусть лучше им отрубят пальцы, только б не петь сион-

ских песен на земле чужой. Зашел ко мне приятель, увидел, что глаза мои залиты слезами, и сколько я ни утираю их, они льются вновь и вновь. Взял у меня книгу, поглядел на титул и прочел вслух имя Шломо Бубера, напечатавшего этот мидраш. А потом сказал мне буквально так: «Рабби Шломо Бубер усыпляет нас старыми мидрашами, но зато его сын Марчин Бубер (он произнес Марчин, как принято в Польше) пробуждает нас новыми словами». И не долго думая, мой товарищ принялся с жаром пересказывать мне те новые слова, что прочел недавно в одной из статей Бубера, переведенной на польский язык. Но печаль, охватившая меня из сострадания к левитам у рек Вавилонских, помешала мне вникнуть в содержание той статьи.

Вскоре после того случая мой сосед, покойный Хаим Готфрид, большой человек, мудрец и знаток, сказал мне: «Идем, покажу тебе нечто новенькое». Протянул мне газету, как кажется «Ди цайт», а там история, приключившаяся в еврейской общине Никольсбурга, о том, как каббалист изгонял дибука из тела девушки. А возможно, то была история о том, как рабби Йоэль баал Шем изгонял стадо бесов, облюбовавших подвал некоего еврея. То, о чем я сейчас пишу, случилось пятьдесят пять лет назад, и не удивительно, что я могу перепутать истории. Зато я отчетливо помню, как веселился рабби Хаим Готфрид. А позабавил этого ученого мужа тот факт, что то, над чем насмехаются в Бучаче, всерьез печатают в Вене, в столичной газете, да не просто печатают, а за подписью доктора Мартина Бубера, молодого ученого, проживающего в Берлине.

Не прошло и года, как я сделался завсегдатаем палестинофильского общества нашего города. Как-то раз попалась мне в руки брошюра, которую выпустил Мартин Бубер с двумя товарищами – Хаимом Вейцманом[1] и Бертольдом Файвелом[2], а в той брошюре предложение основать в Иерусалиме университет. Должен признаться, я многому готов поверить, и тем более это верно было в дни моей юности, однако мне легче было представить себе, что я сижу и учу Тору из уст Машиаха, чем вообразить, что в Иерусалиме есть еврейский университет. Чтобы лучше понять, как далека была идея еврейского университета в Иерусалиме от жителей нашего города, расскажу о незначительном происшествии, случившемся десятью годами позже, в те дни, когда я скорбел о кончине моего благословенной памяти отца. Пришли меня утешать знатные евреи Бучача. А было это после того, как я вернулся из Страны Израиля. Сказал мне один талмудист: «Слыхал я, в Яффе есть ивритская гимназия, да не могу себе представить, какова она. Положим, историю на иврите преподавать можно, поскольку Калман Шульман[3] уже изложил нам на иврите историю мира. Но другие-то науки – как же»?

[1] **Хаим Вейцман** (1874, Мотоль, Гродненская губ. – 1952, Реховот) – первый президент Государства Израиль, президент Сионистской организации, химик.

[2] **Бертольд Файвел** (1875 – 1937) – немецко-еврейский публицист. Помимо упомянутой брошюры, автор очерка о Кишиневском погроме 1903 г.

[3] **Калман Шульман** (1819, Старый Быхов, Могилевская губ. – 1899, Вильна) – ивритский писатель и переводчик, сторонник просветительства среди евреев.

И еще несколько раз приходилось мне встречать имя Бубера. В журнале «Вельт», где он был первым редактором, и в журнале «Ост унд вест», и среди первых опытов молодежи в журнале «Еврей». И фотографию его я видел в сборнике сионистских статей. Я не любитель читать статьи, оттого и тот сборник не читал тоже. Признаюсь честно, статьи, что я прочел за всю свою жизнь, малышка колибри легко унесет на своих крыльях. Но из опасения, как бы не увлечься рассказом о самом себе, позабыв о Бубере, я перейду теперь ко второй части.

Около шести лет прожил я в Стране Израиля и уехал оттуда в Берлин. Будучи в Берлине, я неоднократно слышал имя Бубера, а порою – рядом со своим именем. Как дело было? Когда я рассказывал что-нибудь о хасидах или приводил хасидское изречение, кто-нибудь из присутствующих замечал: «Жаль, Бубер Вас не слышит».

Как-то раз, накануне зимы я поехал к Буберу в Целендорф, по соседству с Берлином. Кто-то, Шломо Шиллер[4] или Рабби Биньямин[5] или Яаков Тахон[6], написал мне для Бубера рекомендацию.

Приехал я к Буберу. Служанка, едва говорившая по-немецки, провела меня в полутемную комнату. Картины, развешанные на стенах, и книги, поблескивавшие сквозь стекла шкафов, словно играли со мной в прятки. Но я думал о хозяине этого дома и не размышлял ни о доме, ни о его содержимом. Тем не менее мне показалось, что все вещи в этом доме к месту и на месте, и я, прибывший сюда с кратким визитом, тоже оказался к месту.

Вскоре появился хозяин. Ростом чуть ниже среднего, с аккуратной бородкой и складно одетый. Если бы он не вышел с непокрытой головой, я сказал бы, что уже встречал его в Иерусалиме, у Западной Стены. Он приветливо глянул на меня и спросил, как меня зовут, потому что служанка назвала меня не Агноном, а Аѓароном. Услышав, кто я, он стал еще приветливее и сказал, что днем раньше был у него... великий еврейский писатель, проживавший в Берлине, и особо хвалил ему мой рассказ «И стала кривизна прямизною». Мне было приятно снова услышать о похвале того писателя, особенно потому, что он уже хвалил меня в письме к рабби Биньямину.

Я собирался рассказать Буберу хасидские истории, но до этого дело не дошло. Поскольку я приехал из Страны Израиля, он начал расспрашивать меня о Стране Израиля. А коль скоро вспомнили при мне о Стране Израиля, я начал говорить и не мог остановиться. Из замечаний Бубера я понял, как дорога и близка была ему та страна и как много он знал о ней, хотя и не бывал там. Среди прочего он сказал мне, что две вещи удерживают его от переезда в Страну Израиля: первая, что там нет музеев

[4] **Шломо Шиллер** (1870?, Михайловка, близ Белостока – 1925, Иерусалим) – публицист, сионистский деятель, директор ивритской гимназии в Иерусалиме (с 1912), писал по-польски и на иврите.

[5] **Рабби Биньямин** (псевдоним Йеѓошуа Радлера-Фельдмана: 1880, Зборов, Галиция – 1957, Иерусалим) – журналист, эссеист и общественный деятель; писал в основном на иврите. Активный член религиозно-сионистской партии Мизрахи.

[6] **Яаков-Йоханан Тахон** (1880, Львов – 1950, Иерусалим) – сионистский общественный деятель.

изобразительного искусства, а вторая, что там всякий может явиться к тебе в дом без предупреждения.

По прошествии месяца или двух прибыл в Берлин рабби Биньямин, кажется, по поручению сионистской организации. Бубер относился к рабби Биньямину с большой симпатией, как и многие берлинские сионисты. В один из дней рабби Биньямин пригласил меня вместе с ним навестить Бубера. С тех пор Бубер сам меня приглашал, и я сделался постоянным гостем в его доме.

Вижу я, что одно цепляется за другое, и воспоминания мои расплываются. Поэтому постараюсь покороче и расскажу лишь о двух вещах, о хасидских историях и о языке.

Как я уже много раз рассказывал, стоило мне заговорить о хасидах и рассказать какую-нибудь хасидскую байку, тотчас кто-нибудь говорил: «Жаль, Бубер Вас не слышит». Однажды, будучи у Бубера и беседуя с ним о хасидизме, я рассказал ему хасидскую историю. Когда я закончил рассаз, Бубер достал тетрадку, заглянул в нее, тут же взял непереплетенную еще книгу и показал мне мой рассказ в напечатанном виде. И так было с большинством историй, которые я ему рассказывал. Однако мне все-таки немножко посчастливилось, потому что не все стороны хасидского учения и не все истории, рассказанные мною, были ему известны, либо он знал их, но в несколько ином виде. А Бубер записывал все хасидские истории, и во всех вариантах. Мне же это было в диковинку: и порядка такого я не знал, и вдруг увидел множество томов с хасидскими историями, записанными одним человеком. До того времени мне не приводилось видеть хасидские истории в печатных сборниках, я привык узнавать их со слов рассказчика. Только про хасидское учение я читал в книгах.

А теперь о языке. Бубер пригласил меня заниматься с его сыном ивритом. Когда мы обсуждали с ним, каким учебником воспользоваться, Бубер сказал: «Я не прошу, чтобы мой сын знал, как на иврите "кофе", я прошу, чтобы он знал все слова Священного Писания и их значения». Признаться, речь его меня удивила. Мы, жители Страны Израиля, всякий день изобретаем новые слова, чтобы обозначить все материальное, а он отказывается от этого ради языка Торы, пророков и прочих библейских книг. Мы, жители Страны Израиля, вот-вот позабудем, что есть Тора и вообще Писание, а ему важны именно значения библейских слов.

Поскольку я не собираюсь писать книгу изречений Бубера, пропущу несколько лет и остановлюсь на том периоде, когда я особенно с ним сблизился, когда мы вместе собирались упорядочить все хасидские истории и распределить их по частям. Напомню, что первая часть – истории Бешта – уже была составлена и готова к печати, и выпустить ее собиралось издательство «Двир»[7], но в моем доме в Бад-Гомбурге разразился пожар, и эта книга сгорела вместе со всем, что мною написано, включая роман-трилогию «Среди живых»,

«Двир» – ивритское книжное издательство, первоначально – собственность ивритского поэта Хаима-Нахмана Бялика (1873, Рады, близ Житомира – 1934, Вена; похоронен в Тель-Авиве).

о выходе в свет которого успел известить читателей журнал «Ѓа-ткуфа» (том 4).

Как-то раз Бубер оказался в Бад-Гомбурге. Ахад Ѓаам и Бялик захотели его повидать. Оттого и получилось, что в закатный час сидели на балконе моей квартиры, лицом к заросшему деревьями саду, три вождя поколения и обсуждали дела нации. Зашла речь о Декларации Бальфура[8]. Ахад Ѓаам сказал: «Если упустят момент, другая такая возможность не представится, ибо все сроки прошли, и это – последний шанс на Избавление». Содрогнулся Бубер и сказал: «Я представляю себе Избавление народа Израиля иначе». Опустил Ахад Ѓаам голову на грудь и умолк, и легчайшая улыбка тронула его лицо при мысли об этом разумнике, романтические мечты которого лишают его здравого смысла.

[8] Декларация о доброжелательном отношении Великобритании к сионистским стремлениям евреев, была написана Артуром Джеймсом Бальфуром, британским министром иностранных дел, 2.11.1917.

В другой раз навестили меня в Иерусалиме Ахад Ѓаам и Бялик. За беседой я рассказал им, что Бубер назначен профессором в университете Франкфурта. Бялик пожал плечами, как человек, у которого подобное назначение вызывает сомнение. А Ахад Ѓаам сказал: «Вижу я, что ты недоволен. Был бы назначен такой-то, стал бы читать лекции об ивритской филологии, был бы назначен сякой-то, стал бы читать о другом в том же роде. Но Бубер, поверь мне, человек ответственный, он свою роль исполнит лучше, чем кто-либо другой из еврейских ученых».

Мартин Бубер проводит семинар для студентов Еврейского университета в Иерусалиме

Я стар годами и многих людей знавал на своем веку. Мудрецов, и литераторов, и всевозможных деятелей. Но кажется мне, что никто из них не был столь благожелательным, как Бубер. Он в любую минуту готов был помочь стоющему человеку. Этой душевной щедростью он привлекал к себе молодежь, в которой видел задатки таланта.

А вот и пример. Приехал к нам молодой лектор из западной страны и не нашлось никого, кто бы ему посодействовал. Его оттеснили, и он упал. Когда об этом рассказали в присутствии Бубера, тот сказал: «В другом обществе о таком человеке постарались бы позаботиться с самого начала и не дали бы ему упасть, а упал бы – поспешили его поддержать, чтоб поскорее поднялся снова».

Коль скоро я упоминал об Ахад Ѓааме, добавлю, что Ахад Ѓаам высоко ценил Бубера. Среди наших ивритских литераторов Ахад Ѓаам был, пожалуй, единственным, кто понимал величие Бубера. Когда я перебираю в памяти свои беседы с пишущими на иврите, складывается впечатление,

что они не разглядели исходившего от Бубера света, не удосужились глубже вникнуть в его слова. Слишком близко от них находился Бубер, слишком был велик, чтобы обозреть его, чтобы понять его своеобразие и оригинальность. Им казалось, что главная его особенность заключается в том, что он пишет по-немецки.

Среди литераторов назову Моше Гликсона[9], который признавался мне, что жаждет перевести на иврит книгу Бубера «Царство небесное», да не может найти издателя. Нашел бы, была бы у нас на иврите эта книга.

Бялик высоко ставил Нордау[10]. Он видел в нем далекого брата, ставшего нам ближе, когда он прославился благодаря своим чуждым нам по языку и культуре произведениям. Но Бубера, который прославился у нас благодаря еврейскому содержанию своих книг, особенно о хасидах, Бялик не понял и по достоинству не оценил.

Покойный Аѓарон Элиасберг, друживший с Бубером еще с юности, сказал мне: «Встречали вы другого такого человека, который как Бубер, готов длить беседу с неистощимой энергией?» Он рассказывал мне, что Бубер способен ночь напролет просидеть с друзьями или противниками и обсуждать с ними вопросы духовного содержания, а утром и днем как ни в чем не бывало выполнять свою работу, тогда как остальные либо спали, как убитые, либо сомнамбулически передвигались в пространстве.

Да, Бубер был редким собеседником. Боюсь, в новом поколении не найдешь собеседника, подобного Буберу. Собеседника, умеющего говорить и умеющего слушать.

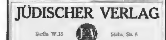
Рукопись из архива Агнона.
Опубликована в томе его наследия «От себя к себе».

[9] **Моше-Йосеф Гликсон** (1878, Голинка, Польша – 1939, Тель-Авив) – сионистский общественный и культурный деятель, мыслитель, первый редактор газеты «Ѓа-арец», исследователь истории культуры. Доктор философии от университета Франкфурта.

[10] **Макс Нордау** (псевдоним Симхи Меира [Симона Максимилиана] Зюдфельда, 1849, Будапешт – 1923, Париж) – немецко-еврейский философ, писатель, публицист и общественный деятель, один из основателей Сионистской организации.

О БУБЕРЕ

К 50-летию Бубера

JÜDISCHER VERLAG

Berlin W.15 — J.V. — Sächs. Str. 6

Das Buch von den polnischen Juden

Herausgegeben von S. J. Agnon und Ahron Eliasberg

Martin Buber

Die Jüdische Bewegung

Gesammelte Aufsätze und Ansprachen 1900—15

Achad-Haam

Am Scheidewege

Zweiter Band

Объявление о выходе новой книги в Еврейском издательстве в Берлине

Уподоблю Мартина Бубера тем дорогим моему сердцу евреям, что открывают заезжий двор вдали от еврейских городишек, чтоб если случится кому-то из сынов Израилевых забрести неведомо куда, нашел бы себе кров и утолил голод кошерной пищей. Так и Мартин Бубер – он пишет на чужом языке, но насыщает страждущую душу чистой еврейской мыслью.

Говорят, мол, у Бубера новый хасидизм. Нет, вовсе это не новейшая выдумка, просто хасидизм наполняет сердце Бубера всякий день новой радостью.

Пусть он – учитель, но преклоняет ухо, вслушиваясь в хасидские побасенки, словно ученик.

А как часто Бубер проникает в такие тайны мысли, которые были неведомы и высказавшим ее.

А как часто его собственные мысли выражены с такою простотою, словно он сам из первых хасидских учителей.

Бывает, возьмет Бубер нечто малое и возвеличит его, и возвысит на недосягаемую высоту. Так возвысил он беседы хасидов и поставил в один ряд с легендами народов мира.

газета «Давар» 10.02.1928

ТЕМ, КТО ДОЛЖЕН ПОЗНАКОМИТЬСЯ С МАРТИНОМ БУБЕРОМ И ВСЕ ЕЩЕ НЕ ЗНАКОМ С НИМ
К 80-летию Бубера

1 Много раз я хотел написать о Мартине Бубере, и не ради того, чтобы выказать свое к нему уважение, но ради тех, кто должен бы знать, кто такой Мартин Бубер, и все еще не знаком с ним. А почему следует знать о Мартине Бубере? Потому что Бубер – учитель многих и наставник избранных. Он учит нас на письме и изустно, в компании друзей и в большом собрании слушателей, и в беседе один на один. Не было в нашем поколении в Германии человека, оказавшего большее влияние на сионистски настроенную молодежь, чем Мартин Бубер. И пусть иные отдалились от него – воспринятое от Бубера учение определяло многие их поступки. Сегодня, когда Мартину Буберу исполнилось 80 лет, попробую и я совершить поступок. Удастся ли мне воплотить задуманное – боюсь, не вполне. Как бы то ни было, я пишу о том, что задумал, хоть обрывочно, но и связно, порою внятно, а порой намеком.

2 Бубер родился в межвременье. Между еврейским просветительством и национальным возрождением. Возрождением еврейства и возрождением всего человечества.

Его колыбель стояла на чужой земле, но над ней уже звучали песни Сиона. Мужание его духа совпало с мужанием сионизма.

Бубер был еще очень молод, когда принялся за дело. Мы находим его статьи в давно позабытых и исчезнувших журналах, которые когда-то читались с волнением и надеждой. Не было важного вопроса современности, который прошел бы мимо него. Иногда он очерчивал такой вопрос глубже и значительнее, иногда предлагал свой ответ. Случалось, что глубина велика, а ответ скромен. Но никогда его ответы не препятство-

вали деяниям. Ведь задача разъяснения – наставление, а деяние – цель наставления. Бубер – человек мысли, привыкший к действиям. Он не чурается дела, приводящего к размышлениям, и мыслей, зовущих к действию.

3 Я упомянул о возрождении еврейства, напомню и о его стремлениях.

Эти сокровенные стремления к возрождению, становлению и провиденциальному Избавлению Бубер выразил в благородных и возвышенных духовных категориях философии и тем позволил нам ходить с гордо поднятой головой и свысока взирать на тех евреев, которые заявляли, будто миссия еврейства себя исчерпала, и на тех иноверцев, которые утверждали, будто Израиль утратил последнюю свою надежду. Вы скажете, что стремления требуют действия и свершений, а если так, что толку в философских категориях, пусть и самых возвышенных? Но таковы уж все стремления, что пока не воплотились, они милы нам и греют душу, а при воплощении что-то в них портится и нарушается и порой даже приводит к горьким последствиям. В том-то и проявилась великая заслуга Бубера, что он исследовал устремления прежде, чем они обернулись действием, и исследовал такие деяния, что не посрамили самих себя.

4 Бубер взрастал под сенью возрождения Израиля, которое не вторгалось в пределы мировых чаяний, вроде космополитизма. Однако обе эти сферы подпитывали друг друга. Идея гражданина мира не имела общего с политикой, она понималась как неизменная гармония между нацией и личностью, меж народом и человечеством. В те годы, когда мужала душа Бубера, люди еще не изверились в прогрессе на благо всего человечества, в усовершенствовании мира и тому подобных идеях. Эту веру Бубер унаследовал от просветителей, и идеалы Просвещения много способствовали формированию его души.

Щедро оделило Бубера еврейское просветительство. Иные из этих щедрот себя исчерпали, а иные по нашему постыдному нерадению вот-вот канут в небытие. Потомки наши, что придут вслед за нами, будут рассказывать о них как о преданьях старины. Бубер, возможно, – один из немногих, кто и ныне верен идеалам Просвещения, ведь этот мудрец порой наивен, как семеро младенцев.

5 В этой главке остановлюсь подробнее на сказанном выше, на просвещении.

На просвещение Бубера повлияли все премудрости человечества. Китай и Египет, Индия и древние цивилизации, и народы, о которых я даже не имею представления, обогатили его знанием. К сему добавилось

западноевропейское образование и наследие еврейских поколений, и все это переплавилось в тигле его мысли и выплавило его собственный стиль мышления.

Его стиль был отличен от стиля поколения. Его высказывания и идеи не повторяли того, чем жили его современники. И потому он должен был самостоятельно выпестовать свой новый стиль и найти свои новые слова и словосочетания, которые нередко бесили наших евреев, ревниво следящих за чистотой немецкой речи, как если бы эта чистота осквернилась его нововведениями. Но и нас сердило его словотворчество, хоть и по другой причине. Уж слишком многие немецкие нечестивцы уснащали ими свои выступления. И когда злодей Геббельс хотел восславить злодея Гитлера, он величал его «Kunder», тем самым словом, которым Бубер назвал библейских пророков, когда вместе с Францем Розенцвейгом[11] переводил на немецкий Священное Писание.

6 Из любви к Священному Писанию я припомню здесь то, что написал Буберу по получении его перевода Книги Бытия, перевода, который одновременно был и толкованием.

Тогда я написал ему примерно так: всякое поколение, не истолковавшее Тору, словно было обделено и Тору не получало. А вот что я добавлю теперь: первый перевод Писания на чужой язык – перевод семидесяти толковников, называемый Септуагинта[12], был сделан в начале нашего Изгнания, а последний перевод Розенцвейга и Бубера сделан в начале нашего Избавления.

Страшно Изгнание, во всех поколениях и во всех языках порабощающее народ Израиля переводами. Благословенна Тора, озаряющая жизнь Израиля во всех изгнаниях и на всех наречиях.

7 Язык и слова нуждаются в форме. Придашь им форму, они живут, не придашь им форму, они, считай, мертвы. Бубер – умелый формотворец. Что бы он ни писал, все облекал в ласкающие душу формы. Из вящей приязни к форме, Бубер нередко позволял ей господствовать над материалом; бывает, формы много, да с материалом скудно, а то форма искусна, да материал простоват. И поскольку я пишу эти слова на берегу моря, в Ашкелоне, поясню примером, внятным морю. Мило нам глядеть на красивую морскую раковину, но не хотелось бы обнаружить в ней живого трепещущего молюска.

8 Я кончил прежнюю главку притчею, притчею и начну. Однако прежде приведу слова Ахад Ѓаама[13] из его статьи «Духовное возрождение»:

[11] Франц Розенцвейг (1886, Кассель – 1929, Франкфурт-на-Майне) – немецко-еврейский философ. Главный философский труд – «Звезда спасения» (1921). Совместно с Бубером переводил еврейскую Библию (успел лишь до книги Исайи; 1925). После его смерти Бубер завершил перевод в Израиле.

[12] Древнегреческий перевод всех книг еврейского канона Библии; по преданию, выполнен в III в. до н.э.

[13] Ахад Ѓаам (псевдоним Ушера Гинцберга: 1856, Сквира, Малороссия – 1927, Тель-Авив) – еврейский писатель-публицист и философ. Писал на иврите.

«Со стыдом приходится признать, что если мы захотим найти хотя бы отголосок подлинно еврейской литературы нашего времени, нам следует обратиться к хасидским книгам, где наряду с тем, что не стоит и гроша, найдется немало глубоких суждений, отмеченных печатью истинно еврейской неповторимости; их там наберется во сто крат больше, чем во всей литературе нашего Просвещения».

А теперь расскажу мою притчу. Чудная жемчужина затерялась в куче отбросов. Люди проходили мимо, люди ее топтали. Шел мимо Бубер и ее заметил. Наклонился и поднял, и очистил от грязи, пока не засиял ее блеск во всей красе. А коль скоро засияла жемчужина дивным блеском, утвердили ее в венце поэзии. Жемчужина – это хасидизм. Отбросы – это небрежение, которым пытались перечеркнуть хасидизм. Попирание ее и топтание – это презрительные насмешки, которыми осмеивали хасидизм. Пришел Бубер... – это язык, которым он выразил хасидизм по-немецки.

9 Бубер не был первым. Еще в эпоху Просвещения, за сто лет до Бубера, нашелся верный чистосердечный человек по имени Яаков-Шмуэль Бек[14], распознавший светоч хасидизма. Если вы хотите узнать о Беке, прочтите статью Элиэзера-Меира Лифшица, опубликованную в альманахе «Хермон» за 1906 год и перепечатанную в его собрании сочинений издательства «Мосад рав Кук».

А после Бека был Элиэзер-Цви Цвейфель[15], ученый муж энциклопедических знаний. А за ним – Михаэль-Леви Родкинзон[16]. А за ним – Семен Дубнов[17]. А за ним – Шмуэль-Аба Городецкий[18], но, возможно, Городецкий был прежде Дубнова. А за ними – Авраѓам Каѓана[19] и р. Гилель Цейтлин[20], Господь отомстит за кровь праведника.

10 Что же сделали эти мудрецы? Рабби Яаков-Шмуэль Бек сделал великое дело. Он провозглашал достоинства хасидизма и не побоялся ни просветителей, ни религиозных противников хасидов. Рабби Элиэзер-Цви Цвейфель написал книгу из четырех частей – «Шалом аль Исраэль» – антологию хасидских историй, выдержек из хасидских книг и прославлений хасидизма. И когда он писал ее? В поколении, когда слепота поразила людские очи, и они не видели света хасидизма. Из-за ненависти рационалистов к хасидизму его обвинили в лицемерии и

[14] **Яаков-Шмуэль Бек** (1841, Словакия – 1899, Прага) – раввин, опубликовал по-немецки книги по истории еврейства и его духовной литературы, а также несколько книг на иврите, в том числе сборник стихов.

[15] **Элиэзер-Цви Цвейфель** (1815, Могилев, Белоруссия – 1888, Глухов, Малороссия) – еврейский писатель и публицист. Писал преимущественно на иврите. В 1853–1873 гг. преподавал Талмуд в раввинском училище в Житомире. Автор истории хасидизма в 4 тт. «Шалом аль Исраэль» («Мир Израилю», 1868–1873), в прозе – родоначальник стиля, совмещающего библейский и талмудический иврит.

[16] **Михаэль-Леви Родкинзон** (1845, Дубровна, Могилевской губ. – 1904, Нью-Йорк) – автор книг «Толдот баалей Шем Тов» (4 тт., т. 4 – «Амудей хабад», Кенигсберг, 1876), «Адат цадиким» (Лемберг, 1897). В Нью-Йорке (с 1899) переводил Талмуд на английский язык.

[17] **Семен Маркович Дубнов** (1860, Мстиславль, Могилевская губерния – 1941, Рига) – еврейский историк, публицист и общественный деятель, автор «Всемирной истории еврейского народа» (10 тт. на иврите,

угодничестве. И еще есть у него заслуга, потому что ему принадлежит создание литературного стиля, называемого стилем Менделе Мойхер-Сфорима[21], как справедливо заметил в своих воспоминаниях Паперна[22].

Михаэль-Леви Родкинзон был знатного происхождения. Сын дочери автора книги «Аводат Ѓалеви»[23], ученика автора «Тании»[24]. Он издавал хасидские книги и служил старостой в доме учения рабби Исраэля-Дова[25], цадика из Виледников, и писал хасидские истории. Если не ошибаюсь, книга «Адат цадиким» им написана. Он составил две книги о хасидизме – «Толдот баалей Шем Тов» и «Амудей Хабад». Другие его деяния, к хасидизму не относящиеся и добродетелями не являющиеся, тут поминать не к чему. Эти книги, «Толдот баалей Шем Тов» и «Амудей Хабад», преставляют собой истории о чудесах и чудотворцах, но никак не научное исследование.

Исследованием хасидизма занимались Дубнов и Городецкий, Авраѓам Каѓана и Ѓиллель Цейтлин. Дубнов собрал в своей книге известные и неизвестные материалы. Но узнать об учении и практике хасидизма из его книги нельзя, как не познал этого и сам автор из собранных им сведений.

Иное дело – труд Городецкого, ставший основополагающим в историографии хасидизма. Городецкий был потомком цадиков и вырос при дворах цадиков. Он рассказывает о том, что сам видел и слышал, и обильно цитирует хасидские сочинения. Только вот цитаты-то хороши и поучительны, да не всегда говорят о том, что подразумевает приводящий их Городецкий. Что же касается его видения и слышания, тот, кто не имел возможности узнать о хасидах из другого источника, несомненно пополнит тут свои знания.

И иное дело – Авраѓам Каѓана. Он взял хасидские предания и составил из них историческое сочинение. Да только предания не для истории нам дадены. Если бы Каѓана умел изящно писать, досталась бы нам книга для чтения. А так, все им добавленное – незначительно, а все им переписанное не нуждалось в добавлениях.

русском и немецком), «Истории хасидизма» (Тель-Авив, 1930–1931, иврит).

[18] **Шмуэль-Аба Городецкий** (1871, Малин, Киевская губ. – 1957, Тель-Авив) – историк еврейского мистицизма и хасидизма. Его труд «Хасиды и хасидизм» печатается в московском журнале «Лехаим» начиная с марта 2008 г.

[19] **Авраѓам Каѓана** (1874, Скомороха, близ Житомира – 1946, Тель-Авив) – исследователь и комментатор еврейского литературного наследия – Танаха, апокрифов и псевдоэпиграфов, автор ряда книг, в том числе «Рабби Исраэль Баал Шем Тов» (Житомир, 1901).

[20] **Ѓилель Цейтлин** (1871, Корма, Могилевская губ. – 1942, на пути в Треблинку) – религиозный писатель, поэт, философ и публицист. Писал на иврите и идише. Автор ряда книг о хасидизме.

[21] **Менделе Мойхер-Сфорим** (псевдоним Шолома-Якова Абрамовича, 1835?, Копыль, Минской губ. – 1917, Одесса) – писатель, основоположник новой идишской литературы.

[22] **Авраѓам-Яков Паперна** (1840, Копыль, Минской губ. – 1919, Одесса) – первый на иврите литературный критик. В русском варианте его мемуаров «Из николаевской эпохи» (в кн.: В. Кельнер. Евреи в России, XIX век. М.: НЛО, 2000) Цвейфель не упомянут.

[23] **Элиэзер Ѓалеви.**

[24] **Шнеур-Залман из Ляд** (1745, Лиозно, Польша, ныне Беларусь, – 1812/1813, похоронен в городе Гадяч, Полтавской губернии, ныне Украина) – раввин, основатель движения и учения Хабад.

[25] **Цадик Исраэль-Дов-Бер из Виледников** (1789–1850) – ученик цадика из Чернобыля.

У вклада Гиleля Цейтлина свои достоинства. Цейтлин своей гибелью освятил Имя Всевышнего, а своей жизнью воплощал хасидизм. Оттого его книги проникнуты духом хасидизма, и хасиды читают их.

11 И на немецком языке у Бубера был предшественник. Таков рабби Агарон Маркус[26], еврей из Гамбурга, который родился и воспитывался в Германии и получил немецкое образование, а потом снял немецкий сюртук и облачился в одежды хасидов. И не только одеяние переменил он, но и самую душу. Помню, рассказывал мне Давид Фришман[27], что однажды случилось ему быть в книжной лавке Агарона Фауста в Кракове и застать там рабби Агарона Маркуса. Показал ему рабби Маркус портрет милого молодого немца и сказал: «Это я в юности». Поглядел на него Фришман и сказал: «Во многих сложностях мне довелось разобраться, но понять, откуда возник этот хасидский нос на вашем лице, боюсь, не смогу». И еще рассказали мне сыновья рабби Агарона, что отец не позволил им учить нееврейские языки, чтобы они навсегда оставались хасидами, как прочие галицийские хасиды. Так вот, рабби Агарон Маркус написал по-немецки большую книгу о хасидизме и хасидах, свидетельства человека, много повидавшего при дворах хасидских раввинов, где ему приходилось проживать, и близко знавшего потомков великих цадиков, из уст которых он воспринял хасидизм. Книга эта дорога во многих отношениях, и не один собиратель хасидских историй обращался к ней как к источнику и поминал ее автора добром, величая принятыми у хасидов почетными прозваньями. Однако ненужные суждения и многословные отступления сильно убавляют достоинства сего труда.

Не стану писать о вкладе Шломо-Залмана Шехтера[28] в изучение хасидизма, поскольку не держал в руках его книгу. И современников своих не стану касаться, написавших о хасидизме тома, а сразу перейду к сочинителям, сделавшим хасидизм предметом своего вымысла. Начну я с Ицхака-Лейбуша Переца[29], потому что как раз Перец и положил начало подобному сочинительству.

12 Перец был великим художником и нарисовал прекрасные картины. Но очи его таланта не разглядели ни хасидов, ни хасидизма. Идеи, прорастающие из его прозы, и сами рассказы, обрамляющие эти идеи, не имеют

[26] **Агарон Маркус** – торговец, немецко-еврейский писатель, исследователь, публицист. Жил в г. Подгорцы, близ Лемберга. В дневнике Теодора Герцля есть запись о том, что хасид Маркус обещал ему поддержку галицийских хасидов в деле сионизма.

[27] **Давид Фришман** (1859?, Згреж, предместье Лодзи – 1922, Берлин) – писатель, критик, переводчик. Писал на иврите и на идише.

[28] **Шломо Шехтер** (Шнеур-Залман: 1847, Фокшани, ныне Румыния – 1915, Нью-Йорк) – ориенталист-гебраист, исследователь талмудической и раввинистической литературы, теолог, деятель консервативного иудаизма в США. По рождению – хабадник.

[29] **Ицхак-Лейбуш Перец** (1852, Замостье, Люблинская губ. – 1915, Варшава) – поэт и прозаик, один из основоположников новой литературы на идише, в т.ч. автор серии рассказов о хасидах в духе неоромантизма. Писал также на иврите.

ничего общего с миром хасидов и их учением. Хоть сам иди и ищи всюду, где обитали хасиды, начиная от Бешта и до сего дня, да собери всех хасидов из прошлого и настоящего и заставь их говорить, ни от одного не услышишь ничего, даже отдаленно похожего на речи хасидов в хасидских рассказах Переца, вроде «Между двух гор» и других.

13 После Переца пришел Миха-Йосеф Бердичевский[30] и тоже написал хасидские рассказы. А следом – Йеѓуда Штейнберг[31]. Помню Бердичевский опубликовал свой рассказ «Четыре праотца» (см. «Сифрей шаашуим», вып. 3, сборники, издававшиеся Ицхаком Фернхоффом в Бучаче) – о четырех цадиках, рабби Леви-Ицхаке из Бердичева, рабби Исраэле из Ружина и рабби Рафаэле из Бершадь, а вот кто четвертый – не упомню. Так после публикации издателю пришлось извиняться со страниц еженедельника «Ѓа-магид» за то, что тем рассказом он причинил огорчение многим-многим евреям[32]. Однажды нашли у меня в клойзе[33] сборник, где был напечатан тот рассказ, и сожгли его.

Коль скоро я коснулся хасидских историй, скажу о них следующее. Все, что сохранилось в первоисточнике, читай в первоисточнике, а литературное переложение выбрось. Все, что не сохранилось в первоисточнике, если о нем рассказал поэт, суди его, как судишь об изящной словесности, а рассказал о нем просто писака – не стоит и прочтения. Когда сочинителю не удается создать рассказ, он приписывает его хасидам или вообще народу.

[30] **Миха-Йосеф Бердичевский** (1865, Меджибож, Подольская губ. – 1921, Берлин) – еврейский писатель и мыслитель, один из основоположников светской еврейской культуры на иврите. Потомок хасидских раввинов, резко порвавший со своим окружением.

[31] **Йеѓуда Штейнберг** (1863, Липканы, Бессарабия – 1908, Одесса) – еврейский писатель на иврите. Особой популярностью пользовались сборники его рассказов из хасидской жизни (Одесса, 1904).

[32] Этого выпуска «Ѓа-магида» сейчас нет у меня, и я передаю смысл сказанного там своими словами. (Прим. автора.)

[33] Клойз – синагога.

14 И ранние рассказы Бубера заслуживают критики. Дух времени и дух чужого народа наложили на них свой отпечаток, но не витать этим духам под крыльями херувимов. Зато велика заслуга Бубера – автора кратких и прелестных хасидских историй, изданных им в более поздние годы. Они должны служить эталоном всякому, кто решил писать хасидские рассказики. Впрочем, все они идут по стопам Бубера, независимо от того, сознают они это или нет. Странная получается ситуация, у многих хасидизм в дому обретается, но пока не пришел Бубер, чем обладали – не ведали.

15 Рабби Симха-Буним (1765–1827) из Пшисхи рассказывал такую историю. (Она есть в «Тысяча и одной ночи», но источник ее гораздо более древний.) Рабби Айзик сын рабби Якельша нашел клад и построил роскошную синагогу[34]. Как же ему это удалось? Однаж-

[34] В Кракове, XVIII век.

ды ночью ему приснился сон, что в некотором месте за пределами города зарыто в земле сокровище. Когда тот же сон приснился ему снова и снова, он решил отправиться в то место и вырыть клад. Начал копать, а мимо идет прохожий. Спрашивает: «Что ты делаешь тут в темном месте посреди ночи?» Испугался рабби Айзик сын рабби Якельша, что иноверец заподозрит его в колдовстве, и рассказал все, как было. Но прохожий лишь высмеял простодушного еврея и сказал: «Ну и простак ты! Снам веришь! Взять хоть меня – и я тоже сон видел, и сказали мне во сне, что если б я начал копать в печи Айзика сына Якельша, нашел бы там сокровище. Так неужто я теперь должен идти незнамо куда и лишаться ночного отдыха?» Выслушал эти слова рабби Айзик сын рабби Якельша и вернулся домой. Покопался в печи и нашел там великое сокровище, отдал его на святое дело и построил роскошную синагогу, зовущуюся его именем.

16 На что похож сей рассказ? Да на тех, кто благодаря Буберу начали копать в своей печи. Жаль мне их. Жаль, что не удостоились того, что удалось Буберу.

Но вернусь к отбросам и жемчужине. Не всякому пришлось по душе, что Бубер вызволил жемчужину из мусорной кучи. Нашлись такие, что зажмурились и остались с закрытыми глазами, лишь бы не видеть жемчужины, а другие сделали вид, что жемчужина по-прежнему скрыта сором и их дожидается.

О первых промолчу, о вторых скажу. Когда они склонились долу, чтобы поднять жемчужину, обнаружили одни отбросы, потому что Бубер опередил их. Из зависти, из глупости, а может, по безграничной наивности, они говорят: мы нашли ее, вот она – у нас в руках. Был один такой, что похвалялся мне, будто есть в его владении целые пачки хасидских историй, а поскольку он сам потомок хасидов, я и отправился к нему, так, на авось. И что ж я у него обнаружил? Варианты имен и варианты текстов, лучшие из которых были написаны в свое время Бубером, чудным буберовским стилем.

Если я позволил себе тут излишнее многословие, то исключительно из назидания позволил. Как часто случается, читает человек что-нибудь хорошее и думает, ведь и я так могу. А примется за дело, и в подметки первому не годится.

Я уже сказал, что Бубер – отец всех, пишущих короткие хасидские истории, и сегодня, во времена хасидского просперити, их книгами полнятся многие книжные шкафы. Да только сердце ими не наполнишь.

17 Все, что Бубер написал до переезда в Страну Израиля, он написал по-немецки, и с немецкого языка его книги были переведены на все прочие языки. Кроме Эйнштейна, нет другого такого известного в мире великого еврея, как Бубер. Уж сколько раз доводилось

мне слышать, как знаменитые иноверцы превозносили Бубера и говорили о нем с беспредельным восхищением. Благодаря Буберу, иные из них поняли, какой негасимый свет несет народ Израиля, а другие – что им следует по крупицам вычищать из собственной души антисемитизм, впитанный с молоком матери. Говоря о Бубере, как не вспомнить слова пророка: «Посол, к народам посланный» (Иеремия, 49:14).

18 Ради Мартина Бубера, изложившего по-немецки истории Бешта, я закончу свою статью одним из рассказов о Беште.

Зять Бешта был из немецких земель. Как-то раз он захотел съездить в страну Ашкеназ, то есть Германию, припасть к могилам предков. Бешт ему сказал: «Возьми с собой шофар». Взял он с собой шофар, но очень тому дивился, поскольку дело было в конце месяца нисана, а Ашкеназ же не столь далекая страна, и до Новолетия оставалось более пяти месяцев. Отправился он в путь, и прибыл на место, и припал к родным могилам. Возвращаясь, сбился с пути, и когда пришло время Новолетия, оказался в пустынном месте, вдали от городов и селений. Огорчился он, что не дано ему помолиться в общине, и возрадовался, что может исполнить заповедь о шофаре. По прошествии времени вернулся к тестю своему, Бешту. Сказал ему Бешт: «То место пустовало с шести дней Творения и не удостоилось слышать звук шофара. Если бы ты туда не забрел и не протрубил бы там в шофар, уже теперь исчезло бы то место с лица земли».

Рассказ этот – притча, и говорит он по существу обсуждаемого нами предмета.

газета «Ѓа-арец», 7.02.1958

ИСТОРИЯ ОБ ОДНОМ ДЕЯНИИ, или ХАСИДСКАЯ БАЙКА

К 85-летию Бубера

Много важных книг написано Мартином Бубером – о Писании, философии и прочих премудростях, но более всего – о хасидах и хасидизме. Славой и признанием овеяны хасидские истории, вышедшие из-под его пера, и обрели известность на многих языках. Расскажу-ка я историю о Бубере и хасидизме.

В годы великой войны я проживал в Лейпциге. Кое-что из того, что я тогда пережил, описано в моей повести «Вот пока и все» (עד הנה). Жил я среди братьев наших, выходцев из Галиции, Польши и Литвы, в их синагогах молился и с ними общался, а особенно с раввином рабби Давидом Фельдманом, благословенной памяти праведником, который в те дни был председателем раввинского суда в общине богомольных. И каждый день, до полудня, прежде чем идти разбирать всевозможные тяжбы, число которых умножилось вследствие войны, сидел рабби Давид со мною над листом Талмуда.

Однажды пришел я к нему и не застал хозяина. Где ж он? Пошел к доктору Гольдману. Четыре раввина управляли тогда в Лейпциге, доктор Феликс Гольдман и доктор Карлебах возглавляли городские общины, а раввин рабби Давид Фельдман был раввином общины богобоязненных, и еще один раввин был там, поскольку галицийские богатеи искали для себя особого почета и устроили себе отдельную синагогу, и назвали ее Гинденбургской[35], и взяли себе раввина в дополнение к прочим раввинам, чтобы наставлял их в Торе и заповедях и во всем, что им надобно, кроме связей с властями, каковые связи уже находились в руках местных зажиточных домовладельцев.

[35] **Гинденбург, Пауль фон** (1847—1934) — немецкий военачальник и президент (с 1924) Германии.

Покойный доктор Феликс Гольдман не был знатоком Торы. И сионистом тоже не был. Но его любовь к евреям была столь сильна, что следовало бы позавидовать ей всем праведникам того поколения. (Его вспомнает рав доктор И.Д. Вильгельм из Стокгольма в книге, посвященной юбилею Зигфрида Мозеса.)

Пока я дожидался хозяина, пришла женщина с тремя дочерьми, а с ними – хасид, которого я уже неоднократно встречал на трапезах, что устраиваются на исходе субботы, и за прочими дружескими застольями. Поначалу он был хасидом ребе из Шинова, а когда тот цадик умер, перешел к ребе из Беложева. При каждой нашей встрече он рассказывал мне что-нибудь из хасидской жизни. Но в тот день он сидел молча, теребил свою бороду, прикусывал ее зубами и молчал. Что приключилось с ним? А приговорили его к выселению – его, и жену, и трех дочек, и не было им, куда идти.

Здесь не место вспоминать беды и невзгоды наших братьев, которых из-за войны согнали с насиженных мест, где живали еще их отцы и деды, и деды их отцов, и вынудили скитаться, не имея крова над головой, а когда находили место для ночлега, являлась полиция и изгоняла их снова. Так и та семья. Свой дом в Западной Галиции они бросили, спасаясь от фронта, и долго шли вдоль дорог, пока не очутились в Вене, а потом в Венгрии, а потом еще в ряде мест и добрались наконец до Лейпцга, потому что надеялись на помощь проживавших в Лейпциге родичей, только родичи тем временем покинули Лейпциг и ушли из города. Я не знаю, чем кормился тот хасид и чем кормил своих домочадцев, но сложность была не в пропитании, а в том, чтобы не выбили у них из-под ног землю, на которой обрели они шаткий покой.

Раввин рабби Давид вернулся расстроенным и печальным. По всему видно было, что ходатайство ему не удалось. Доктор Гольдман всяко старался помочь и отвратить беду, но ничего сделать не смог. Не из антисемитизма и не из особой нелюбви к галичанам присудили ту семью к выселению, а из-за нехватки продовольствия в городе. Коли Лейпциг с трудом обеспечивает продовольствием своих постоянных жителей, было бы несправедливо вырвать у них изо рта кусок и отдать пришельцу. Оттого отцы города постановили ограничить право жительства и тех, кто поселился тут без разрешения, изгонять силами полиции. Таково положение дел, и изменить ничего нельзя.

В тот день мне довелось беседовать с доктором Гольдманом. Я слышал, что он написал кое-что интересное о моих рассказах, а к написанному добавлял на словах. Я хотел отплатить ему той же монетой и сказал: «Известно мне, что Ваша любовь к евреям не ограничивается только чтением их произведений, но, как мне сказывал рабби Фельдман и другие, Вы готовы душу за них положить». Доктор Гольдман ответил: «Как видно, душа моя в ходатайствах не высоко ценится, ведь даже одной семье я не сумел помочь».

Сказал я ему: «Уж не о том ли хасиде и жене его ведете вы речь, которых собираются выселить из Лейпцига?» Ответил мне доктор Гольдман: «Вы не найдете влиятельного человека в городе, к которому я б не обращался, и все напрасно. Есть правда еще один важный полицейский чин, который мог бы помочь, но как-то так вышло, что я с ним не знаком. Его тут недолюбливают и даже поносят, а отчего? Оттого, что взяток не берет. Он человек образованный, доктор юриспруденции или философии. Но сколько б я ни пытался, не могу с ним знакомство свесть».

Имя того неугодного обществу немца мне запомнилось, а Тот, Кто управляет причинами и следствиями, устроил так, что несколько дней спустя мне довелось беседовать с этим человеком.

Как это произошло? А вот как. Один богатый еврей из моих знакомцев выдавал дочь замуж и устраивал по этому случаю пиршество. Он и меня позвал на торжество, и там я встретил обоих раввинов, раввина большей общины доктора Гольдмана и раввина богобоязненных рабби Давида Фельдмана, которых пригласили совершить обряд бракосочетания.

Обложка журнала **Der Morgen** («Утро»)

Перед бракосочетанием рав Гольдман спросил рава Фельдмана: «Как мы распределим роли в совершении обряда?» Отвечал ему рав Фельдман: «Ведь доктор Гольдман знает, что мы не признаем браков, заключенных вами». – «Что ж, – ответил ему рав Гольдман с приязнью, – если так, вы совершайте обряд, а я произнесу проповедь». И рав Фельдман с радостью принял предложение.

Доктор Гольдман произнес чудесную речь, и она произвела сильное впечатление на собравшихся. А среди гостей оказался высокий полицейский чин города Лейпцига, тот самый человек, от которого зависела судьба хасида и его семьи и с которым у доктора Гольдмана никак не находилось повода для знакомства. Сейчас, после речи, тот чиновник подошел к доктору Гольдману и с радостью и почтением пожал ему руку.

За трапезой обоих раввинов усадили во главе стола, а по правую руку от доктора Гольдмана посадили высокого гостя, начальника лейпцигской полиции. И мне тоже место среди гостей выделили.

Беседуя с шефом полиции, доктор Гольдман указал на меня и сказал: «Этот господин лучше меня разбирается в данном вопросе, у него вы можете найти совершенно точный ответ». Освободили тут для меня но-

вое место и усадили теперь рядом с начальником. Не описать, как я огорчился этой непрошенной почестью. Однако я ответил на все его вопросы и еще добавил сверх спрошенного. Так за разговором мы подошли к судьбе галицийских евреев, которых Отец их Небесный лишил отчего дома, так что они оказались на чужбине, где отцы города не дают им приюта. А евреи эти – люди благочестивые, набожные, и вся их забота лишь об изучении Учения и исполнении Вышнего волеизъявления, но теперь эти хасиды обречены на скитальчество, и земля горит у них под ногами.

Тут, желая пояснить, кто такие хасиды, я припомнил книги Бубера о хасидизме. Я сказал полицейскому начальнику: «Может, попадались вам книги Мартина Бубера о хасидизме?» Ответил начальник: «Я – большой поклонник Бубера, и его хасидские истории произвели на меня глубочайшее впечатление».

Спустя три дня, в часы моих занятий с равом Фельдманом, благословенной памяти праведником, позвали раввина рабби Давида к телефону. Когда он вернулся, лицо его сияло радостью – он только что узнал от доктора Гольдмана, что тому хасиду, его жене и трем их дочерям дано право жительства в Лейпциге.

Спросил я у рабби Давида Фельдмана: «Знает ли раввин, чья это заслуга?»

Он засмеялся и сказал по-арамейски: «Так ведь он благочестив».

Я же сказал: «И каким же образом помогло ему, что хасид он, иначе говоря, благочестив? Нет, все дело в книгах Мартина Бубера!»

Засмеялся рабби Довид и сказал: «Выходит, благодаря хасидским байкам?»

Я же сказал: «Да, но только тем, которые Бубером написаны».

Он ответил: «И все-таки трудно понять – ну какое дело полицмейстеру до хасидских историй?»

Я же сказал: «И вовсе не трудно. Тот немецкий начальник привык читать хорошие книги, а поскольку Бубер – прекрасный писатель и хорошие книги написал о хасидах, прочел полицейский начальник книги Бубера, и благодаря им по воле Небес судьба одной еврейской семьи устроилась к лучшему».

Спросил раввин: «А что, разве он верит всем этим хасидским историям?»

Я же сказал: «Ясно одно – свершилось чудо, а средством его свершения послужили буберовские хасидские рассказики, и против этого не возразишь».

газета «Ѓа-арец», 8.2.1963

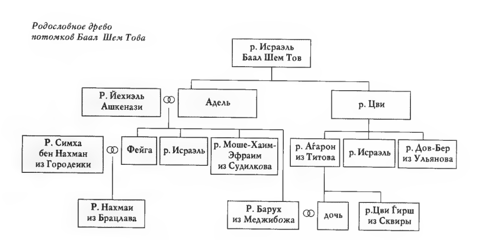
БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ХАСИДСКИХ УЧИТЕЛЯХ

Основатель хасидизма

Рабби Исраэль бен Элиэзер, Бешт (аббревиатура от Баал Шем Тов – «Добрый чудотворец»), 5458–5520 (1698–1760) гг.

Р. Исраэль осиротел в младенчестве и был воспитан на средства общины местечка Окуп. Согласно преданию, в молодости он днями прислуживал в *хедере*, прикидываясь полубезумным невеждой, а по ночам возносился в Высшее Училище, где постигал тайны Торы. Из Окупа Бешт перебрался в Тлуст и женился на сестре одного из крупнейших раввинов того времени, р. Авраѓама-Гершона из Кутова, который сначала изо всех сил противился браку сестры с безродным сиротой, но после того, как ему открылась тайна сокровенного величия жениха, дал свое согласие. Много лет Бешт с женой вели уединенную жизнь в Карпатских горах, зарабатывая на пропитание торговлей глиной, пока в тридцатишестилетнем возрасте повелением свыше Бешт не принужден был открыться миру. Вернувшись в Тлуст, он выступил с проповедью своего учения, совершая множество чудес и дивных знамений. Впоследствии Баал Шем Тов основал дом учения в Меджибоже, в который стекались многочисленные ученики из различных общин Подолии. Вместе с избранными учениками он совершил множество путешествий, нередко предоставив лошадям выбирать направление.

Учение Бешта изложено во многих трудах, первым из которых является комментарий к Пятикнижию *Толдот Яаков Йосеф* («Потомство Яакова – Йосеф») Яакова-Йосефа из Полонного. Наиболее популярный сборник легенд о Беште – *Шивхей Бешт* («Прославление Бешта») был составлен Дов-Бером Шойхетом много десятилетий спустя его смерти.

Второе поколение хасидских учителей – ученики Бешта

Дов-Бер, Великий Магид (проповедник) из Межерича, 5464–5533 (1704–1773) гг., любимый ученик и наследник Бешта, распространивший хасидизм по всей Европе и превративший его в организованное движение.

Дов-Бер, с детства заслуживший репутацию гения в Торе, еще до знакомства с Бештом был знаменитым проповедником. Углубленные занятия каббалой, сопровождаемые суровой аскезой и умерщвлением плоти, довели его до тяжелой болезни, которую не могли облегчить врачи. Поддавшись на уговоры близких, Дов-Бер отправился к Бешту, прославленному своими чудесами, и, поддавшись его обаянию, стал его верным учеником. Бешт сам избрал Магида своим наследником, с чем прочие ученики безоговорочно согласились.

Великий Магид не удовольствовался семенами, посеянными его учителем в Подолии, и перенес центр хасидизма в Межерич на Волыни. Из-за слабого здоровья он не мог разъезжать, подобно учителю, вместо этого он рассылал в различные земли посланцев, которые успешно справлялись с поставленными задачами. В доме учения Магида собирались знаменитые раввины и знатоки Торы со всей Европы, многие из которых впоследствии основывали новые хасидские центры.

Ученики Магида не скупились на похвалы учителю: «Молитва его возносилась ввысь, и когда Всевышний выносил приговор, Магид его отменял»; «В доме Магида мы в полную силу черпали святой дух, а чудеса складывали под скамьи».

Учение Магида изложено во многих трудах, главным из которых является *Магид дварав ле-Яаков* («Изрекает слово Свое Яакову»).

Пинхас из Кореца, 5486–5551 (1726–1791) гг. Родился в Шклове, в аристократической раввинской семье. После переезда семьи в Мирополь стал другом и соучеником Бешта, а также одним из его наиболее верных последователей. Не утратив собственной независимости, кроме традиции, полученной от Бешта, проповедовал и собственное учение. После смерти Бешта присоединился ко двору Великого Магида из Межерича, но и там имел собственный «стол» и своих хасидов. По прибытию в Корец он приглашал к себе р. Шнеура-Залмана из Ляд, чтобы научить его языку зверей и птиц, но р. Шнеур-Залман отказался оставить своего учителя, Великого Магида. Бешт высоко ценил р. Пинхаса, говоря о нем, согласно преданию, что его душа взята из мира покаяния и может сходить на землю только раз в пятьсот лет. А когда р. Пинхасу нужно было однажды пускать кровь, Бешт призывал врача делать это только по крайней необходимости, ибо кровь того хранилась с шести дней Творения. Хасиды высоко превозносили своего учителя, который был одним из выдающихся *адморов* (см. Глоссарий) своего времени. Среди его учеников было немало других хасидских вождей.

В собственном учении р. Пинхас призывал во всех недугах и радостях уповать на Божественное провидение, не обращаясь к врачам и не прося ничего в молитве. Он высоко ценил углубленную мистическую молитву, которая, по его мнению, имеет сокровенный и интимный характер. Он был сторонником аскезы и возражал против отмены постов.

Могила Яакова-Йосефа из Полонного

От р. Пинхаса не осталось книг. По преданию, одна из его больших рукописей, попав в руки его детей – книгопечатников из Славуты, так и не была опубликована. Его отрывочные изречения вошли в состав книги *Нер Исраэль* («Свеча Израиля»), составленной Магидом из Козниц.

Яаков-Йосеф из Полонного, умер ок. 5544 (1783) г., один из первых хасидских учителей, любимый и преданный ученик Бешта. В юности, будучи раввином в Шаргороде, симпатизировал противникам хасидизма. Хасидское предание рассказывает, что Бешт, ценя ум и способности р. Яакова, изо всех сил старался привлечь его к своему учению. Когда р. Яаков стал хасидом, его изгнали из Шаргорода. Он уехал в Рашков и сблизился с Бештом, который во всем направлял его деяния. Однако после смерти учителя его последователи сочли, что р. Яаков не способен выстоять в схватке с противниками хасидизма, и наследником Бешта был избран Магид из Межерича. Р. Яаков признал его авторитет, а Магид именовал его свидетелем откровения пророка Элияѓу и обладателем вы-

сокой святости. Известно, что р. Яаков устраивал «стол» для хасидов в качестве *адмора*. В 1770 г. он стал раввином Полонного.

Много легенд сложено о том, как р. Яаков учился дни и ночи напролет, почти лишая себя сна. Большую часть своих средств он жертвовал бедным. Книги р. Яакова принадлежат к основным источникам хасидизма. Среди них – *Толдот Яаков Йосеф* («Потомство Яакова – Йосеф»), главный письменный памятник учения Бешта, *Бен Порат Йосеф* («Росток плодоносный Йосеф») и *Цофнат Паанеах* («Отверзающий печати»).

Адель, дочь Бешта, родилась около 1787 г. Одна из наиболее ярких женских фигур в хасидизме. Выполняла многочисленные поручения отца и помогала ему в служении. Сопровождала отца во время неудавшейся поездки в Землю Израиля. По разрешению отца сама раздавала камеи и амулеты. Ее слава и влияние затмевали авторитет ее мужа. Внук Адели – выдающийся хасидский *адмор* р. Нахман из Брацлава.

Надгробие Сары, матери Бешта

Барух из Меджибожа, 5513–5572 (1753–1812) гг. Сын Адели Чудотворицы, дочери Баал Шем Това, в детстве был любимцем деда, после смерти которого занял престол *адмора* в Меджибоже. Мистик и интеллектуал, он нередко впадал в черную меланхолию, от которой его спасал придворный шут Гершеле Остраполер; в иные часы отличался надменностью и высокомерием. Его учение изложено в книге *Буцина де-негора* («Свеча света»).

Зеев-Вольф Кицес из Меджибожа, умер после 5525 (1765) г., один из приближенных и любимых учеников Бешта, сопровождал его в поездках и участвовал в совместном служении. Отзывался об учителе как продолжателе традиции святого Ари, чудесными способностями которого он также был наделен.

Исторические обстоятельства жизни р. Зеева почти не известны. Хасидское предание описывает его большие достижения в учении, а также в светских науках. Был послан Бештом в Броды, чтобы предотвратить съезд *митнагидов*. Некоторые источники упоминают, что он был раввином в одном небольшом местечке. В *Шивхей Бешт* о нем говорится как о человеке, который был самым близким поверенным Бешта. Все сведения о нем собраны в книге *Мишнат Зеев* («Учение Зеева»).

Йехиэль-Михл, Магид из Злочева, 5486–5541 (1726–1781) гг., приближенный ученик Бешта и Великого Магида из Межерича, известный своей ученостью и самостоятельностью. При дворе Магида ему было разрешено иметь свой отдельный «стол» и своих хасидов. Первый пламенный проповедник хасидизма в Галиции. Из-за гонений на хасидизм был вынужден оставить Броды и перебраться в Злочев, а затем в Калиш и Ямполь, где позиции хасидизма были надежнее. Учитель большинства *адморов* следующего поколения.

Р. Йехиэль-Михл постоянно стремился достичь прилепления к Творцу и каждый раз во время молитвенного уединения просил Всевышнего, не прерывая этого блаженного переживания, взять к Себе его душу. Этим он вызывал большую тревогу своих сыновей, которые старались как можно меньше оставлять отца одного. Тем не менее однажды после третьей субботней трапезы он достиг такого глубокого молитвенного экстаза, что после слов: «Слушай, Израиль, Господь Бог наш, Господь един» душа покинула его тело.

Р. Йехиэль не писал книг, и никто из его учеников не записывал его проповедей. Однако впоследствии по его изречениям, приведенным в разных книгах, было составлено собрание его поучений под названием *Маим рабим* («Многие воды»).

Йенте, пророчица, согласно хасидскому преданию, мать р. Ицхака из Дрогобыча. Познакомившись с Бештом, стала вести уединенный образ жизни, несколько раз в день совершала ритуальные омовения, молилась в *талите*. Когда муж пожаловался на нее Бешту, тот сказал, что она удостоилась иметь глаза и уши ясновидца и должна называться «пророчицей». С тех пор хасиды просили у нее благословений, а Йенте жила на их подаяние.

Лейб, сын Сары, 5480–5551 (1720–1791) гг. Скрытый праведник и чудотворец, ученик Бешта и Магида из Меджибожа, один из наиболее загадочных и чарующих персонажей хасидских преданий. Хасиды считали, что о именно нем говорится в средневековом мистическом трактате *Разиэль ѓа-малах* («Ангел тайн»), впервые изданном в 1701 г.: «Откроется сердце Лейба, сына Сары, для изучения Торы». На протяжении всей жизни занимался «выкупом пленных» – освобождением евреев из тюрем и из различных видов рабства. Его биография, письма и поучения собраны в книге *Гвурот Арье* («Сила льва»).

Моше-Хаим-Эфраим из Судилкова, 5502–5560 (1742–1800) гг., сын Адели, внук Бешта, отмечавшего его выдающиеся способности к учению. Учился также у Магида из Межерича и р. Якова-Йосефа из Полонного.

Служил раввином в Судилкове. В 1788 г. переехал в Меджибож, где оставался до самой смерти.

Книга р. Моше *Дегель махане Эфраим* («Знамя стана Эфраима») – комментарии к Пятикнижию – до сих пор остается одной из основных книг хасидизма, а также важным источником о жизни и учении Бешта. Эта книга обеспечила своему автору такую известность, что после ее выхода уже никто не упоминал о р. Моше под его собственным именем – он превратился в Автора *Дегеля*. Местечко Судилков также стало неразрывно связанным с *Дегелем*. Община, высоко ценившая р. Моше, содержала его, выплачивая ему в неделю, согласно раввинскому постановлению, четыре рубля золотом. Хасиды говорили о нем, что «он внимал словам Торы из уст Самого Святого, да будет Он благословен, и Его Шхины».

Менахем-Мендел из Перемышлян, 5488–5531 (1728–1770) гг., любимый и приближенный ученик Бешта. Исследователи считают, что если бы он не уехал в Землю Израиля, ему было бы предназначено стать наследником Бешта, подобно великому Магиду из Межерича. Во время Суккота р. Яаков-Йосеф из Полонного предоставлял ему свой дом для занятий мистическим уединением. Предпочитал вдохновенное служение учению и считал *двейкут* высшей целью хасидского пути. В 1764 г. отправился в Землю Израиля, поселился в Тверии и в письмах призывал хасидов последовать его примеру. Его учение изложено в книге *Даркей йешарим* («Пути праведных») и упоминается во многих хасидских книгах.

Менахем-Нахум из Чернобыля, 5490–5558 (1730–1797) гг. Хасидское предание повествует, что дядя р. Нахума вместе с Бештом учился у Адама Баал Шема. В юности сделался одним из любимых учеников Бешта и ярым проповедником его учения. Учился также у Великого Магида из Межерича. Легенда говорит, что однажды Бешт остановился в семье р. Нахума на субботу и сказал его жене: «Твой муж – вор. Он хочет своими добрыми делами и святостью завладеть Райским садом и Миром грядущим». Отличался исключительным смирением и скромностью, считал себя недостойным раввинской должности, служа *меламедом*, затем получил должность *магида* в Чернобыле. Свято следуя заповеди освобождения пленных, собирал деньги для выкупа из тюрем арестованных. Р. Яаков-Йосеф из Полонного говорил о нем, что «у каждого цадика есть свой собственный путь в служении, но р. Нахум – праведен всем и на всех путях своих».

Подобно ранним хасидским учителям, р. Нахум не писал книг, но дал свое согласие, чтобы его поучения были записаны. Так были составлены труды *Маор эйнаим* («Светоч глаз») и *Исмах лев* («Возрадуется сердце»).

Цви-Ѓирш Софер – писец Бешта, который писал для него сначала камеи и амулеты, а затем свитки Торы и *тфилин*. Амулеты р. Цви-Ѓирша высоко ценились хасидами, принося достаток и благополучие, а буквы Торы в его начертании имели ряд существенных отличий от стандартных норм, обязательных для *соферов*. Предание рассказывает, что когда Бешт собирался открыть р. Цви-Ѓиршу тайны начертания Святых Имен и букв, он велел тому отправиться в лес и встать между двумя могучими деревьями. Затем, присоединившись, Бешт промолвил: «Теперь я покажу тебе *тфилин* Владыки мира, но сначала мы должны совершить омовение». Тогда очертил Бешт круг на земле, и образовался водоем. Омылись они, и отверз ему Бешт великие тайны. С тех пор, когда писал р. Цви-Ѓирш святые тексты, простирался взгляд его «от одного конца мира до другого».

Третье поколение хасидских учителей –
ученики Великого Магида и Пинхаса из Кореца

Аѓарон из Карлина, 5496–5532 (1736–1772) гг., основатель Карлинской династии, сын Якова из Янова – синагогального служки, семья которого, по преданию, принадлежала к роду царя Давида. В юности под влиянием дяди отправился в Межерич, где стал одним из любимых учеников р. Дов-Бера, Великого Магида. После возвращения в Карлин на него впервые была возложена миссия по распространению хасидизма в Литве, где, несмотря на молодость, он приобрел значительное влияние и авторитет.

В молитвенной практике придавал большое значение воодушевлению и стремлению к *двейкуту*. Его молитвы, произносимые громким звучным голосом, были необыкновенно музыкальны. Р. Аѓарон сам составлял *пиюты*, некоторые из них вошли во многие популярные хасидские молитвенники. Высоко ценил значение радости в служении, уделяя также большое внимание практике мистического уединения.

Учение р. Аѓарона вошло в труды его внука, р. Аѓарона Второго из Карлина. Среди основных произведений: *Азѓарот ве-ѓанѓагот* («Предостережения и руководства») и *Игрот* («Собрания»), которые включены в книгу *Бейт Аѓарон* («Дом Аѓарона»).

После ранней смерти р. Аѓарона его хасиды говорили, что их учитель «сгорел в пламени Божьего трепета».

Дедушка из Шполы, рабби Арье (Йеѓуда) Лейб, 5485–5572 (1725–1812) гг. Ученик Пинхаса из Кореца, который привел его к Бешту. Знаменитый праведник и чудотворец. Славился человеколюбием, скромностью и весельем, особое внимание уделял помощи бедным; распространял в народе особые копилки для сбора пожертвований, институт которых сохранялся в течение долгого времени после его смерти. Был наиболее вли-

ятельным и активным гонителем Нахмана из Брацлава. Его учение собрано в книге *Иш ѓа-пеле* («Чудесный человек»).

Зуся из Анаполя, умер в 5560 (1800) г., младший брат р. Элимелеха из Лежайска. Ученик Великого Магида из Межерича. За праведность хасиды прозвали его «рабби реб Зуся». В хасидизме он стал символом наивности и чистоты. Похоронен рядом с Магидом. Его учение представлено в книге *Менорат заѓав* («Золотой подсвечник»), а биография – в труде *Буцина кадиша* («Святая свеча»).

Леви-Ицхак из Бердичева, 5500–5570 (1740–1810) гг., ученик Магида из Межерича и Шмелке из Никольсбурга. Великий знаток Торы, он исполнял должность раввина в Зелихове, Пинске и Бердичеве и пользовался огромным авторитетом среди *адморов* и хасидов. Леви-Ицхак славился человеколюбием и пламенной любовью к Творцу и Его заповедям. Существуют предания о том, как р. Леви-Ицхак вызывал на суд самого Всевышнего, требуя от Него заботы о Своих детях, и Бог подчинялся решению суда.

Главный труд р. Леви-Ицхака – *Кдушат Леви* («Святость Леви») до сих пор является одной из популярнейших хасидских книг.

Менахем-Мендел из Витебска, 5490–5548 (1730–1788) гг. Его отец, рабби Моше, был приближенным учеником Бешта, который незадолго до появления на свет р. Менахема говорил своим ученикам, что одна великая душа должна воплотиться в мире и необходимо сражаться с Сатаной, чтобы тот не смог помешать этому. В раннем детстве р. Менахем был лично представлен Бешту, затем был одним из любимых учеников Магида, которому его представил р. Аѓарон из Карлина. После смерти Магида (1772 г.) в качестве *адмора* был назначен главой хасидов Белоруссии и Литвы, где одним из его учеников стал р. Шнеур-Залман из Ляд. Вместе они совершили путешествие к р. Элияѓу, Виленскому Гаону, чтобы поговорить об истинной сущности хасидизма и прекратить вражду хасидов и *митнагидов*, но Гаон отказался принять их. С группой своих учеников, в числе которых р. Авраѓам из Калиша, р. Барух из Косова и другие, р. Мендел стал готовиться к отъезду в Землю Израиля. В 1777 г. он достиг Цфата, а в 1781-м перебрался в Тверию, где оставался до самой смерти.

Мистик и интеллектуал р. Менахем был известен своей ученостью и склонностью рассказывать в своих поучениях о тайнах Торы. Блестящее знание каббалы и вдохновенная любовь к служению позволили ему создать труды, полные глубины и драматизма. Идея единства антиномий творения и их проявления в человеке пронизывает все его произведения. Р. Менахем придавал большое значение мистической молитве как средству достижения *двейкута*.

Учение р. Менахема сохранилось в книгах *При ѓа-арец* («Плод земли» – комментарий на Пятикнижие), *При ѓа-эц* («Плод Древа»), *Ликутей амарим* («Собрание высказываний»), *Эц при аль ѓа-Тора* («Плодовое древо» – разъяснения к Торе).

Рафаэль из Бершади, умер в 5587 (1827) г., любимый и самый одаренный ученик р. Пинхаса из Кореца. Продолжал традицию учителя. Версия его молитвенника, став основой для бершадских хасидов, отличается от обычных хасидских *сидуров*. О его юности известно немного. Стал лидером хасидов Подолии, был близок к простым людям, не облачался в одежды *адмора*, старался ни в учении, ни в молитве не превозносить себя. Его поучения не были записаны, однако в разрозненном виде приводятся во многих хасидских трудах. Сохранилась приписываемая ему и популярная в хасидских кругах рукопись под названием «Манускрипт р. Рафаэля Бершадского».

Шломо (Готлиб) из Карлина, 5498–5552 (1738–1792) гг., приближенный ученик Великого Магида и Аѓарона из Карлина, проповедник хасидизма в Литве. Из-за гонений на хасидизм вынужден был бежать в волынский центр хасидизма Людмир. Хасиды считали его воплощением Мессии – потомка Йосефа, страдающего и возрождающегося из рода в род, и верили, что их ребе «понимает язык деревьев, птиц и зверей». Шломо из Карлина был убит казаком во время польского восстания 1792 г.

(Шмуэль) Шмелке (Горвиц) из Никольсбурга, умер в 5538 (1778) г., один из ближайших учеников Великого Магида, учитель большинства *адморов* своего поколения, в первую очередь в Галиции и Польше. Был верховным раввином Никольсбурга в Моравии. Пламенный проповедник, он считал, что слова, исходящие из души, сами по себе способны изменить слушающих. Во время молитвы р. Шмелке впадал в такой экстаз, что забывал, что именно полагается говорить и делать, и начинал петь новые, неслыханные мелодии. Его главное сочинение – трактат *Шем ме-Шмуэль* («Имя Шмуэля»), легенды о нем собраны в книге *Шемен тов* («Добрый елей»).

Шнеур-Залман из Ляд, 5505–5573 (1745–1812) гг., *Алтер Ребе* (идиш – Старый Рабби), *Рашаз*, создатель течения Хабад (от первых букв ивритских слов *Хохма* – «мудрость», *Бина* – «понимание, разумение», *Даат* – «знание»). С детства отличался блестящими способностями. Согласно преданию, учителя рекомендовали его отцу, принадлежавшему к хасидам Бешта, отдать сына учиться наукам в Витебске. Однако в возрасте 20 лет он уехал в Межерич и стал приближенным учеником Великого Магида, который прочил его в соученики своего сына, Авраѓама Ангела, чтобы тот

открыл ему тайны каббалистической мудрости. В Межериче р. Шнеур познакомился с р. Менахемом-Мендлом из Витебска и после смерти Магида стал его ближайшим учеником и другом. В Кореце он посетил р. Пинхаса, в Межериче познакомился с семьей Адели, знаменитой дочери Бешта, учился у Йехиэля-Михла из Злочева чудесам и молитвенным интенциям. Вместе с р. Менахемом-Мендлом из Витебска участвовал в жесточайшем споре с противниками хасидизма, посетил Виленского Гаона, поехал в Землю Израиля, но с дороги вернулся в Могилев, где долго не соглашался, несмотря на письма учителя и просьбы хасидов, возглавить хасидское движение Белоруссии и Литвы. Только около 1789–1790 гг. он принял титул *адмора*. По доносам его несколько раз арестовывали, и он находился в заключении. В 1804 г. получил разрешение вернуться к хасидам и с этого времени жил в Лядах. Известно неприятие Рашазом Наполеона и французской армии в роли предвестников избавления евреев. В 1812 г. он бежал из Ляд в глубь России и умер в одной из деревень Курской губернии.

Известно, сколь высока была ученость Рашаза в каббале. Он составил особую версию *сидура* – традиционного молитвенника и свод религиозного законодательства (*галахи*, см. Глоссарий) *Шульхан Арух га-Рав* («Накрытый стол Раввина») согласно учению великого каббалиста р. Ицхака Лурии (Ари). Основы его учения изложены в сборнике трактатов на разные темы, известном под названием *Танья* («Учили...»), который по сей день составляет основу хабадского канона.

Биркот га-негенин ве-нетилат ядаим («Законы благословений и омовения рук» с разъяснениями Шнеура-Залмана), Варшава, 1844

Элимелех (Липман) из Лежайска, 5477–5546 (1717–1786) гг., прародитель хасидизма в Польше и Галиции. В юности добровольно отправился в «изгнание» (принятый среди еврейских мистиков вид аскезы, заключающийся в продолжительных непрерывных странствиях) и занимался умерщвлением плоти. Под влиянием своего брата, рабби Зуси, обратился к хасидизму и отправился учиться в Межерич, где стал приближенным учеником Великого Магида и одним из глав хасидского братства.

После смерти учителя р. Элимелех перебрался в Лежайск, откуда распространил хасидизм по всем областям Польши и Галиции. Его роль в хасидском движении была столь велика, что его приравнивали к Бешту.

Его трактат *Ноам Элимелех* («Приязнь Элимелеха») сыграл огромную роль в становлении хасидизма и стал своего рода «священной книгой», которую хасиды и сегодня кладут под подушки больных и рожениц.

Четвертое поколение хасидских учителей – ученики учеников Магида

Авраѓам Ангел, 5501–5537 (1741–1776) гг., сын Великого Магида, р. Дов-Бера из Межерича. Вел уединенный аскетический образ жизни, изнурял себя постами и целыми днями просиживал закутанным в *талит* и облаченным в *тфилин*. Отличался большими познаниями в тайнах Торы. На основе каббалы развивал свое учение о праведнике (цадике), душа которого содержит в себе души всех поколений. Являясь некоей первоматерией, цадик посвящает все свои качества делу Божественного служения и тем самым разрывает оболочки (*клипот*), освобождая искры святости и приводя избавление – раскрытие царства Божия во всем мире. Автор трактата *Хесед ле-Авраѓам* («Милость Авраѓама»).

Авраѓам-Йеѓошуа Ѓешель из Апты, 5515–5585 (1755–1825) гг. Приближенный ученик и один из четырех духовных наследников р. Элимелеха из Лежайска; хасиды говорят, что Провидец из Люблина унаследовал от учителя проницательность взора, прозревающего неведомое, Магид из Козниц – сердечный пыл, Мендел из Риманова – душевную глубину, а ребе из Апты – красноречие.

Авраѓам-Йеѓошуа Ѓешель был раввином и *адмором* в местечках Колбасов, Апта, Ясницы и Меджибож. Один из главных проповедников хасидизма в Польше и Румынии, он прославился кротостью и человеколюбием и был прозван «Любящим Израиль» – по названию составленного им сборника проповедей на темы Пятикнижия (*Оѓев Исраэль*). С 5575 (1815) г. считался главой *адморов* своего поколения, для всех хасидов его слово было законом.

Магид из Козниц

Исраэль, Магид (проповедник) из Козниц, 5496–5575 (1736–1815) гг., в молодости по совету своего первого учителя, Шмелке из Никольсбурга, отправился в Межерич, где был с радостью принят в ученики Великим Магидом, который предсказал, что р. Исраэлю предстоит распространить хасидизм в Польше. После смерти учителя он сблизился с Элимелехом из Лежайска и стал одним из его ближайших сподвижников.

Знаменитый проповедник и чудотворец, благословения которого жаждали не только евреи, но и польские аристократы, он подвергался яростным нападкам противников хасидизма. Согласно преданию, он вынужден был бежать из Козниц и долгое время скрываться в доме Леви-Ицхака из Бердичева.

Исраэль из Козниц был великим знатоком Торы и автором множества книг, посвященных еврейскому законодательству – *ѓалахе*, каббале и хасидизму.

Менахем-Мендел из Риманова, умер в 5575 (1815) г., еще в детстве увлекся хасидизмом, был учеником Элимелеха из Лежайска и Шмелке из Никольсбурга, лучшим другом Моше-Лейба из Сасова. Менахем-Мендел, один из лидеров цадиков своего времени, ввел немало важных для хасидизма правил и обычаев, его окружали тысячи хасидов, а десятки его учеников сами стали *адморами*.

Мордехай из Несхижа, 5502–5560 (1742–1800) гг., преданный ученик р. Йехиэля-Михла из Злочева, по предположениям, принадлежал также к дому учения Великого Магида. Был раввином в Галиции, затем перебрался в Несхиж. Там он вскоре стал известен как великий чудотворец, а его слава стала так велика, что через три года он прекратил свою практику. Хасиды превозносили его, р. Леви-Ицхак из Бердичева называл его «копией Бешта», а Провидец из Люблина говорил, что «для него изучение Торы, молитва, еда, питье и сон суть деяния одной природы, которыми он возвышает свою душу к ее духовному источнику». Хасиды считали, что в теле р. Мордехая была воплощена душа пророка Самуила.

Толкованию Торы он предпочитал деяния. Известен своей помощью бедным и больным, стоял во главе группы хасидов, поддерживающих общину в Земле Израиля.

Его учение собрал позднее р. Нета Коген из Кольбеля и опубликовал в книге толкований к Торе *Ришпей эш* («Огненные искры»). Многие из его изречений приводит также р. Симха-Буним из Пшисхи в книге *Коль симха* («Глас радости»).

Мордехай (Мотл) из Чернобыля, 5530–5597 (1770–1837) гг., сын основателя династии р. Нахума из Чернобыля, зять р. Аѓарона из Карлина. После смерти отца в 1798 г. занял пост *адмора*. Необыкновенно укрепил хасидское влияние в Чернобыле, имел огромный двор, его окружали тысячи хасидов. Ввел обязательное денежное отчисление в пользу двора цадика. В учении следовал традиции своего отца. Его главный труд – *Ликутей Тора* («Выдержки из Учения»).

Моше-Лейб из Сасова, 5505–5567 (1745–1807) гг., любимый ученик Шмелке из Никольсбурга, почитатель Элимелеха из Лежайска. Один из первых пропагандистов хасидского учения, прославленный кротостью и человеколюбием. На основе его проповедей ученики составили книги *Ликутей Рамал* («Собрания р. Моше-Лейба») и *Торат Рамал ѓа-шалем* («Полное изложение учения р. Моше-Лейба»).

Нахман из Брацлава, 5532–5571 (1772–1810) гг., ярчайшая фигура в истории хасидизма, *адмор*, оставивший после себя многочисленных последователей, создатель Брацлавской ветви хасидизма. Со стороны матери правнук Баал Шем Това, сын Фейги, племянник р. Моше-Хаима-Эфраима из Судилкова и р. Баруха из Меджибожа. Еще в отроческие годы многочасовое учение он стал сочетать с различными испытаниями тела и духа, которым специально подвергал себя.

Людей притягивала необычайно яркая личность юного рабби: результат сложнейшей и напряженнейшей работы души. Но в 1798 г. р. Нахман отправился в путешествие в Землю Израиля. Выехав в начале лета в сопровождении единственного спутника через Николаев, Одессу, Стамбул и сознательно не миновав дорогой целого ряда довольно странных для постороннего взгляда положений и ситуаций, прибыл осенью в Землю Израиля, провел там одну неполную зиму и, не посетив даже Иерусалима, возвратился обратно.

После возвращения р. Нахман с семьей и ближайшими учениками переехал в Златополь. С этого переезда в его жизни начался период тяжелейших испытаний, неотступно следовавших за ним и не оставлявших р. Нахмана до последнего дня. Проявление ненависти со стороны одного из самых уважаемых лидеров хасидизма Дедушки из Шполы, рабби Арье (Йеѓуды) Лейба, положило начало настоящей травле р. Нахмана. Не последнюю роль в этом сыграли злые языки, передававшие колкие и неуважительные высказывания р. Нахмана о признанных авторитетах. Он вскоре переехал в Брацлав, где окончательно оформилось его учение; в Брацлаве навеки связал с ним свою судьбу р. Натан из Немирова, стремившийся сохранить в памяти и записях каждое слово и высказывание любимого учителя. Умер р. Нахман в Умани.

Могила Натана из Немирова

Его книги *Ликутей Моѓаран* («Собрание поучений учителя нашего, р. Нахмана»), *Сефер ѓа-мидот* («Книга качеств»), *Сипурей маасийот* («Сказочные истории») и другие составлены по разрозненным записям р. Натаном. Большая часть текстов, написанных р. Нахманом собственноручно, не сохранилась. Дважды по его приказу ученики уничтожали уже подготовленные к печати рукописи, от которых сохранились только названия: *Сефер ѓа-нисраф* («Сожженная книга») и *Сефер ѓа-гануз* («Спрятанная книга»); одной из важнейших частей его завещания было повеление сжечь все его рукописи и заметки немедленно после его кончины, что и было в точности исполнено учениками.

Нафтали (Цви) из Ропшиц, 5520–5587 (1760–1827) гг., любимый ученик Элимелеха из Лежайска, в дальнейшем сблизившийся с Провидцем, Магидом из Козниц и Мендлом из Риманова. С 1815 г. – знаменитый *адмор*. Славился интеллектуальной изощренностью и искрометным юмором, за которым, по словам учеников, скрывались величайшие тайны. Автор комментария к Пятикнижию *Зера Кодеш* («Святое семя»). Эпитафия на его надгробии гласит: «Единственный в поколении по Божественной мудрости».

Ури из Стрельска, 5517–5586 (1757–1826), сын простого сельского еврея по имени Пинхас, которого однажды благословил Магид из Межерича, сказав, что в его будущем сыне воплотится душа. Никогда не вкушавшая от Древа познания добра и зла. В юности переехал во Львов, учил Тору, посещал хасидских цадиков, среди которых были р. Элимелех из Лежайска, р. Пинхас из Кореца, р. Мордехай из Несхижа, р. Зуся из Анаполя. Познакомившись с р. Шломо из Карлина, стал одним из его приближенных учеников. После того как р. Шломо был застрелен казаками, вернулся во Львов (Лемберг), принял титул адмора. После переезда в Стрельск его авторитет среди хасидов значительно возрос. В центре его служения – экстатическая молитва и двейкут. Превозносил бедность и мсирение, не одобрял чудотворения. Незначительная часть его учения записана учениками и собрана в книге *Имрей кодеш* («Святые изречения»).

Яаков-Ицхак из Люблина, Провидец, 5505–5575 (1745–1815) гг., ученик Великого Магида из Межерича и глава учеников Элимелеха из Лежайска, который еще при жизни объявил его своим преемником. Проживал в Ланцуте в Галиции, откуда перебрался сначала в Роспадов, потом в люблинское предместье Винаву, а затем и в сам Люблин.

Яаков-Ицхак оказал огромное влияние на становление хасидизма, почти все цадики Польши и Галиции следующего за ним поколения были его учениками. Не случайно Великий Магид говорил о нем: «Такая душа не спускалась в мир со времен пророков».

Пятое поколение хасидских учителей

Авраѓам-Яаков из Садагоры, 5580–5643 (1819–1883), сын р. Исраэля из Ружина. В 1855 был арестован по обвинению в укрывательстве от призыва и провел в заключении ок. 15 месяцев. Его учение представлено в книге *Эмет ле-Яаков* («Истину – Яакову»).

Давид (Бидерман) из Лелова, 5506–5574 (1746–1814) гг., ученик Элимелеха из Лежайска и Провидца из Люблина, лучший друг Святого

Еврея из Пшисхи. Один из первых проповедников и апологетов хасидизма, привлекший к нему множество новых последователей. Прославился своим человеколюбием. Легенды о нем собраны в книге *Мигдаль Давид* («Башня Давида»).

Давид-Моше из Чорткова, 5588-5664 (1828-1903), сын р. Исраэля из Ружина. Был адмором в Потике, откуда переехал в Чортков в 1859. Его учение изложено в книге *Диврей Давид* ("Изречения Давида").

Зеев-Вольф из Збаража, умер в 5582 (1822) г., один из пятерых сыновей р. Йехиэля-Михла, Магида из Злочева, прозванный хасидами «Пятью книгами Торы». О его высокой праведности, любви ко всем творениям и участии к бедным и слабым сложено много легенд. В книгах о нем упоминается также под именами Зеев-Цви и Биньямин Вольф. Учение р. Зеева изложено в книгах *Разин де-Орайта* («Тайны Торы») и *Тиферет Цви-Зеев* («Красота Цви-Зеева»).

Исраэль из Ружина, 5557–5611 (1796–1850) гг., правнук Великого Магида из Межерича. Славился своей праведностью и глубокими познаниями в Торе. С 1813 г. получил титул *адмора*. Высокий авторитет среди хасидов и необыкновенное обаяние позволили ему стать главой всех хасидских общин России. Посетить его приезжали даже хасиды Польши, среди которых ведущее место занимали ученики р. Менахема-Мендла из Коцка. В Ружине хасиды купили ему замок, который впоследствии прославился роскошью и великолепием.

По доносу р. Исраэль был арестован российскими властями и провел в заключении двадцать два месяца. После освобождения ему удалось бежать через Молдавию в Австрию, где благодаря усилиям и уловкам местных хасидов он избежал преследования царских властей, получив разрешение поселиться в Садагоре. Там он продолжал служение *адмора* и стал вновь высоко почитаем хасидами, которых принимал в новом отстроенном замке. Р. Исраэль был окружен любовью и уважением польских и австрийских общин. Он также оказывал большую поддержку еврейской общине Израиля, на его средства в Иерусалиме была построена огромная синагога *Тиферет Исраэль* («Великолепие Израиля»). Его учение изложено в книгах *Ирин кадишин* («Святые ангелы»), *Кнесет Исраэль* («Община Израиля») и другие. При жизни был издан сборник его изречений *Орот Исраэль* («Света Израиля»).

Иссахар-Дов-Бер из Радошиц, 5525–5603 (1765–1843) гг., ученик Провидца из Люблина, Святого Еврея из Пшисхи, Магида из Козниц и р. Авраѓама-Йеѓошуа Ѓешеля из Апты. Неуклонно следуя заповеди ритуального очищения, настаивал на необходимости постоянного омовения, нередко

делал это в реках в стужу и холод, разламывая лед. Жил в бедности и никогда не брал подаяния. Совершал поездки по домам окрестных праведников, которых называл «120-ю обладателями святого духа», оказывал им всяческую помощь. После смерти раввина из Апты в 1815 г. принял титул *адмора* в Радошице. Обладал удивительной способностью творить чудеса, за что хасиды прозвали его Святой Дедушка (*Саба кадиша*). Выдержки из его учения, а также рассказы о его жизни и чудотворных способностях собраны в книге *Нифлаот Саба кадиша* («Чудеса Святого Дедушки»).

Иссахар из Вольбужа, 5563–5638 (1803–1877), учился у р. Хаима из Волброма, р. Хаима-Меира-Йехиэля из Могельницы и р. Элазара из Козниц. С 1862 раввин и *адмор*. Вел аскетичный образ жизни, постился от шаббата до шаббата. Автор книг *Авόдат Иссахар* ("Служение Иссахара"), *Сэдэр ѓа-зманим* ("Хронология") и *Имрей Ноам* ("Благостные изречения").

Ицхак-Айзик из Жидачева, 5565–5633 (1805–1873), ученик своих дядей р. Цви-Ѓирша из Жидачева и р. Моше из Самбора, ездил учиться и к другим цадикам того поколения. Среди его хасидов немало видных людей и знатоков Торы. Автор комментариев к мидрашу Берешит рабба *Перуш Маѓари* ("Комментарий нашего учителя р. Ицхака"), к Торе и Талмуду *Ликутей Тора ве-ѓа-Шас* и *Ликутей Маѓари* к *Ялкут Шимони*.

Ицхак-Айзик из Калло, 5511–5581 (1751–1821), учился у р. Шмелке из Никольсбурга и р. Элимелеха из Лежайска. Положил начало распространению хасидизма в Венгрии. Стал раввином Калло в 1781. Был известен своими задушевными напевами. В обычае венгерских хасидов посещать его могилу.

Ицхак из Ворки, 5539–5608 (1779–1848), учился у "Провидца" из Люблина, р. Давида из Лелова и р. Симхи-Бунима из Пшисхи. После того как он поселился в Ворке, к нему стали тысячами стекаться ученики, к которым он относился бережно и с большой любовью. Его учение представлено в книге *Оѓель Ицхак* ("Шатер Ицхака").

Ицхак-Меир из Гур, 5559–5626 (1799–1866), воспитывался в доме Магида из Козниц, учился у его сына р. Моше-Эльякима, потом у р. Симхи-Бунима из Пшисхи, и наконец у р. Менахема-Мендла из Коцка. Когда умер ребе из Коцка, он встал над его хасидами. Известный знаток Галахи. Автор *Хидушей ѓа-Рим* ("Нововведения р. Ицхака-Меира") и комментария к Торе *Сефэр ѓа-зхут* ("Книга достойности").

Йегуда-Цви из Роздола, 5551–5608 (1791–1847), виднейший ученик своего дяди и тестя р. Цви-Ѓирша из Жидачева. После смерти дядей занял их

место как *адмор* из Жидачева. Автор книг *Даат Кедошим* ("Знание святых"), *Таалумот Хохма* ("Загадки мудрости") и *Амуд ѓа-Тора* ("Столп Торы").

Йеѓуда-Цви из Стретина, 5605-5667 (1845-1907), раввин и *адмор* в Стретине. Про его молитву говорили, что она как "самовоспламеняющийся огонь, стоящий того, чтобы ехать к нему за сотни верст". Его сын, Авраѓам из Стретина, 5627–5677 (1867–1917), занял место отца в Стретине после смерти последнего.

Йехезкель из Сенявы, 5575-5669 (1815-1909), сын р. Хаима из Цанза. Перенял учение у р. Цви-Ѓирша из Риманова и у других цадиков. В 1856 был выбран раввином Сенявы. Проявился как *адмор* еще при жизни отца. В 1869 посетил Страну Израля. Его учение изложено в книге *Диврей Йехезкель* ("Слова Йехезкеля").

Менахем-Мендл из Ворки, 5579–5628 (1819–1868), учился у своего отца и у Менахема-Мендла из Коцка. *Адмор*, известный малословием и остротой ума. Большинство хасидов его отца приняли его как адмора.

Менахем-Мендл из Косова, 5528–5586 (1768–1825), сын Яакова Капеля "праведного". В 1790 стал раввином Косова. С 1898 *адмор*, его влияние выросло в 1802 со смертью его учителя из Надворно. Высоко ценился выдающиеся учителя поколения, "Провидецем" из Люблина и р. Симхой-Бунимом из Пшисхи. Его учение изложено в книге *Аѓават Шалом* ("Любовь к миру").

Менахем-Мендл из Коцка, 5547–5619 (1787–1859), ученик "Провидца" из Люблина и "святого Еврея" из Пшисхи, виднейший ученик р. Симхи-Бунима из Пшисхи. Адмор с 1827, сперва в Томашове, затем в Коцке. Знаток всех тонкостей Талмуда и книг законоучителей. Одаренный лидер, отличавшийся твердостью и необыкновенной остротой ума. Его учение изложено в книге *Оѓель Тора* ("Шатер Торы").

Менахем-Нахум из Штепинешта, 5583–5629 (1810–1869), сын р. Исраэля из Ружина. Один из первых адморов и распространителей хасидизма в Румынии.

Мордехай из Ляховичей, 5502–5570 (1742–1810), выдающийся ученик р. Шломо из Карлина, учился также у р. Баруха из Меджибожа. Был арестован вместе с р. Шнеуром-Залманом из Ляд (но отпущен тут же). Активно поддерживал хасидскую общину в Стране Израиля. Его учение приводится в книгах *Ор йешарим* ("Свет праведных") и *Торат авот* ("Учение отцов").

Моше из Кобрина, 5544–5618 (1783–1858) гг. Сын простых родителей, он с юности обратился к хасидизму, став преданным учеником р. Мордехая из Ляховичей, а затем его сына р. Ноаха. После его смерти р. Моше унаследовал пост *адмора* в Кобрине, превратив город в большой центр хасидизма и открыв свой дом учения. Уже будучи цадиком, посещал р. Исраэля из Ружина и усвоил многое из его учения. Р. Моше, продолжая традицию хасидов Карлина, отличался особым рвением в экстатической молитве. Был известен кротостью и усердием в служении. Принимал активное участие в формировании общины в Земле Израиля, отправляя туда многих хасидов. Выдержки из его учения приводятся во многих трудах, основной из которых *Торат Моше* («Учение Моше»).

Моше из Козниц, 5517–5588 (1757–1828), сын "Магида". Стал адмором по указанию "Провидца" из Люблина, хотя при жизни отца оставался в тени. Важнейшие его книги: *Беэр Моше* ("Колодец Моше"), *Даат Моше* ("Познания Моше"), *Бинат Моше* ("Разум Моше"), *Кеѓилат Моше* ("Собрание Моше"), *Пиркей Моше* ("Поучения Моше"), *Матэ Моше* ("Посох Моше"), *Тефилла ле-Моше* ("Молитва Моше"), *Ва-яхель Моше* ("И стал Моше...").

Моше Тейтельбойм, 5519–5601 (1759–1841). Под влиянием зятя, р. Арье-Лейбиша из Вишницы, поехал учиться у "Провидца" из Люблина и считался одним из его крупнейших учеников. Р. Мешулам Игера сказал о нём: "Моше истина и учение его истинно". Заседал одно время в суде в Перемышле. Стал раввином в Сеняве вместо переехавшего в Никольсбург р. Шмелке. В 1808 стал раввином Уйхея, с 1815 *адмор*. Занимался пересылкой денег в Страну Израиля, страстно ожидал прихода Мессии. На его могилу приходят молиться и по сей день. Известен как автор *Исмах Моше* ("Возрадуется Моше") – комментариев к Танаху и к агадот из Талмуда. Другие его книги: *Ѓешив Моше* (респонсы "Ответил Моше"), *Тефилла ле-Моше* ("Молитва Моше", комментарии к Псалмам), *Мааян таѓор* ("Чистый источник").

Святой Еврей из Пшисхи, р. Яаков-Ицхак, 5526–5574 (1766–1814) гг., один из величайших знатоков Торы в своем поколении. В юном возрасте возглавил *йешиву* в Апте, где под влиянием Моше-Лейба из Сасова обратился к хасидизму. Лучший друг, Давид из Лелова, уговорил его отправиться к Провидцу из Люблина, чьим учеником он стал на долгие годы. Святой Еврей поселился в Пшисхе, которая стала центром интеллектуального направления в хасидизме, привлекавшего тысячи последователей. Наветы завистников привели к разрыву с Провидцем и к ожесточенной борьбе между хасидскими школами.

Святой Еврей скончался раньше своего учителя, но усилиями учеников, в первую очередь Симхи-Бунима, его учение распространилось по всей Польше.

Симха-Буним из Пшисхи, 5527–5587 (1767–1827) гг., ученик Провидца, друг и преемник (после 1814 г.) Святого Еврея. Великий знаток Торы, по профессии аптекарь, Симха-Буним славился парадоксальностью суждений и нетривиальностью поступков. Во многом благодаря обаянию личности Симхи-Бунима школа Пшисхи привлекла к себе тысячи незаурядных людей, а интеллектуальное направление в хасидизме получило широкое распространение.

Учение Симхи-Бунима изложено во многих трудах, главным из которых является *Коль Симха* («Глас радости»).

Хаим из Косова, 5565–5614 (1805–1854), сын р. Менахема-Мендла из Косова. Собирался переехать в Страну Израиля и даже приобрел дом в Цфате, но алия не состоялась. Его учение изложено в книге *Торат Хаим* ("Учение жизни" или "Учение Хаима").

Хаим из Цанза, 5557–5636 (1797–1876) гг., в детстве и юности проявил большие способности, учился Торе и Талмуду. Когда ему исполнилось восемь лет, посетил р. Яакова-Ицхака, Провидца из Люблина, который предрек его отцу, что мальчик станет главой поколения. Был хасидом и учеником р. Нафтали-Цви из Ропшиц, посещал многих цадиков. В 1818 г. стал учителем в Цанзе, а в 1830 г. принял там титул *адмора*. Знаток галахи и каббалы, р. Хаим жертвовал почти все свои средства в пользу бедных. Усердие и воодушевление в его многочасовой молитве соседствовали с глубоким мистическим трансом и интенциями Ари. Часто устраивал «столы» для своих хасидов, и долгие часы рассказывал хасидские предания за трапезами, которые никогда не совершал в одиночку. Среди его учеников было множество *адморов* его поколения.

Р. Хаим оставил большое литературное наследие. Среди его основных трудов *респонсы* и комментарии к Пятикнижию *Даврей Хаим* («Слова жизни»), *Оцар ѓа-хаим* («Сокровищница жизни») и другие.

Хаим-Меир-Йехиэль из Могельницы, 5549–5609 (1789–1849), учился у своего деда, Магида из Козниц, перенял учение от "Провидца" из Люблина, от р. Авраѓама-Йеѓошуа Ѓешеля из Апты и был близок к "святому еврею" из Пшисхи. Был раввином в Греце, а затем в Могельнице. За святость его прозвали *Сараф* ("серафим", "горящий ангел"). В 1803 встал во главе большинства хасидов р. Иссахара-Бэра из Радошиц, к которому он приехал как ученик-коллега. Перед смер-

тью он велел сжечь все, что записано от его имени, ибо "это было актуально лишь в свое время"; но все же многое сохранилось в книгах *Тиферет Хаим* ("Великолепие Хаима"), *Сихот Хаим* ("Лекции Хаима") и *Толдот ѓа-Нифлаот* ("История выдающегося").

Ханох из Александрова, 5558–5630 (1798–1870), ученик р. Ицхака-Айзика из Ленчицы. В хасидизме следовал "святому Еврею" из Пшисхи, стал выдающимся учеником р. Симхи-Бунима из Пшисхи, одним из мудрейших. Был раввином в Новидворе, Александрове и Прушеницах. С 1866 стал *адмором* тысяч хасидов, оставил пост раввина и вернулся в Александров. Ввел режим ясного и острого ума. Оставил после себя множество песен и загадок. Его учение приводится в книге *Хашава ле-това* ("Замыслил это к добру").

Цви-Ѓирш из Жидачова, 5523–5591 (1763–1831), изучал Тору у р. Ицхака "Харифа", главы суда в Самборе, и р. Давида-Яакова, главы суда в Болехове. Под влиянием брата, р. Моше из Самбора, отправился к "Провидцу" из Люблина и считался там среди крупнейших его учеников. Приезжал учиться и у других великих знатоков Торы – р. Моше-Иеѓуды-Лейба из Сасова, р. Исраэля из Козниц и р. Менахема-Мендла из Риманова. Стал лидером еще при жизни "Провидца". После смерти р. Нафтали-Цви из Ропшицы стал хасидским лидером Галиции. Автор комментариев к Торе *Бейт Исраэль* ("Дом Израиля"), комментариев к кн. "Зоѓар" *Атерет Цви* ("Корона Цви"), предисловия к кн. "Древо жизни" Хаима Виталя *Сур ме-ра ва-асэ тов* ("Оставь плохое и делай хорошее") и предисловия к кн. *При кодэш ѓилулим* ("Плод древа жизни").

Цви-Ѓирш из Риманова, 5538–5603 (1778–1842), осиротел в раннем детстве, зарабатывал на жизнь шитьем одежды. В 15 лет встретил р. Авраѓама-Моше "Великого" и стал хасидом. Был любимым учеником р. Менахема-Мендла из Риманова. После смерти учителя стал ездить к р. Нафтали-Цви из Ропшицы, а когда тот умер, прославился как праведник, и многие главы поколения стали приезжать к нему. Его учение изложено в книгах *Мевасер тов* ("Благовестник") и *Беэрот ѓамаим* ("Колодцы").

Шалом из Белз, 5543–5615 (1783–1855), выдающийся ученик р. Шломо из Луцка и "Провидца" из Люблина. Приезжал также к р. Ури из Стрельска. "Провидец" передал ему раввинат г. Бельз. Впоследствии стал *адмором*, в т.ч. для великих знатоков Торы и других *адморов*. Прославился своей ученостью и чудесами, его называли "*сар шалом*" ("князь Мира"). Его учение изложено в книгах *Мидбар Кадеш*

("Пустыня Кадеш") – комментарии к Торе и праздникам – и *Маѓараш* ("Наш учитель р. Шалом").

Шалом-Шахна из Погребища, 5529–5563 (1768–1802), сын Авраѓама "Ангела" из Хвостова. Воспитывался, осиротев, в доме р. Шломо из Карлина. Один из первых "царственных" адморов, отличавшихся от других в т.ч. и в одежде. Его постановления приводятся в конце книги его отца *Хесед ле-Авраѓам* ("Милость Авраѓаму"), а учения и беседы – в сборнике *Диврей Шалом*, приложении к новому изданию *Хесед ле-Авраѓам*.

Шломо-Лейб из Ленчицы, 5538–5603 (1778–1843), ученик "Провидца" из Люблина и "Святого еврея" из Пшисхи, последний видел в нем своего выдающегося ученика и всячески хвалил. С 1815 в Буковске (Галиция), но из-за преследований переселился в Ленчицы в Польше. Славился своей чистотой и готовностью давать пожертвования. Его учения приводятся в книге *Толдот Адам* ("История человека").

Элазар из Козниц, ? – 5622 (1861), сын р. Моше, перенял учение от отца, от р. Иссахара-Бэра из Радошиц и прежде всего от своего дяди Хаима-Меира-Йехиэля из Могельницы. После смерти отца отправился учиться к р. Иешайяѓу из Пшедворы и был при нем до 1832. После смерти последнего продолжал ездить учиться к дяде; после смерти того в 1849 стал *адмором*. К нему приезжали великие учителя, в т.ч. "Добрый еврей" из Нейштата и р. Яаков-Цви из Пшисхи. Его учение собрано в книге *Ликутей Маѓара* ("Собрание р. Элазара").

Яаков-Ицхак из Пшисхи по прозвищу Йеѓуди, 5526–5574 (1766–1813), стал хасидом под влиянием р. Моше-Иеѓуды-Лейба из Сасова. Под влиянием р. Давида из Лелова отправился к "Провидцу" из Люблина и стал одним из его виднейших учеников. После того как он поселился в Пшисхе к нему стали стекаться тысячи хасидов. Он ввел обычай учения Торы в духе остроты и глубокого понимания. Его учение приводится в книгах: *Тиферет ѓа-Йеѓуди* ("Великолепие Иудея"), *Нифлаот ѓа-Йеѓуди* ("Чудеса Еврея"), *Кетер ѓа-Йеѓуди* ("Венец Еврея"), *Торат ѓа-Йеѓуди* ("Учение Еврея") и *Китвей Кодеш* ("Святое Писание").

Справочные материалы

Избранная библиография

А. Основные публикации на русском языке трудов Мартина Бубера

1. *Бубер М.* Веление духа: (избранные произведения): статьи; Путь человека; Я и Ты. Составитель и редактор Н. Файнгольд. Иерусалим, 1978.

2. *Бубер М.* Гог и Магог: роман. Перевод с немецкого Е. Шварц. Иерусалим–С. Петербург, 2002.

3. *Бубер М.* Два образа веры. Под ред. П. Гуревича и др. Сост. П. Гуревич, С. Левит. Перевод с нем. М. Левиной, С. Лезова и др. Вступ. статья Г. Померанца. Москва, 1995.

4. *Бубер М.* Десять ступеней: хасидские высказывания. Собранные и изданные Мартином Бубером. Перевод с английского М. Гринберга. Иерусалим–Москва, 1991, 1998.

5. *Бубер М.* Еврейское искусство. Харьков, 1902.

6. *Бубер М.* Избранные произведения. Иерусалим, 1979.

7. *Бубер М.* Обновление еврейства. Москва, 1919.

8. *Бубер М.* Хасидские предания: Первые наставники. Под редакцией П. Гуревича и С. Левит. Вступительная статья П. Гуревича и М. Хорькова. Перевод с английского М. Хорькова. Перевод с немецкого Е. Балагушкина. Москва, 1997.

9. *Бубер М.* Я и Ты. Перевод Ю. Терентьева, Н. Файнгольда. Послесловие П. Гуревича. Москва, 1993.

Б. Избранные публикации на русском языке о каббале и хасидизме

1. *Элиор Р.* Бешт и начало хасидизма. Великие имена в еврейской истории: от средних веков до современной эпохи: семнадцать лекций. Обработка и перевод на русский язык Б. Бермана. Тель-Авив, Израиль, 1990.

2. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы: Части 1–2, 3–4, 5–6. Переводчики Л. Бродкин, В. Меникер, И. Лурье. Научные редакторы И. Лурье, З. Катван, С. Фролов. Тель-Авив, Израиль, 1994.

3. Материалы к истории хасидизма. Составитель Р.И. Гольдштейн; консультант Ш. Каменецкий. Дніпропетровськ, б.г.

4. *Брейтер И.* Семь столпов веры. День жизни брацлавского хасида. Составитель М. Грин-

берг. Иерусалим – Санкт-Петербург, 1992 [вместе с *Гринбаум А.* Вопросы и ответы о брацлавском хасидизме].

5. *Ведениктова В.* Белз – центр хасидизма в Галиции. // Запорожские еврейские чтения 5, 2001. С. 328–330.

6. *Визель Э.* Рассыпанные искры. Перевод В. Глинера, А. Окуня. Редактор Р. Зернова, иллюстрации А. Окуня. Иерусалим, 1987.

7. *Гинзбург С.* Возникновенiе хасидизма // История еврейского народа. Москва, 1914, т. 11. (Исторiя евреевъ въ Россiи, т. 1).

8. *Гордин Л.* Что такое хасидизмъ? Варшава, 1903.

9. *Городецкий Ш.-А.* Рабби Леви-Ицхокъ Бердичевскiй: къ исторiи хасидизма. // Analecta Poznanskiana; v. 5, no. 3. Оттискъ из: «Еврейская старина». С-Петербург, 1909.

10. *Дубнов С.* Возникновение цадикизма: Бер из Межерича и ученики Бешта. //Восход. 1889. №9–11. 1890. №1.

11. *Дубнов С.* История хасидского раскола. // Восход. 1890. №2–12. 1891. №1–2, 10–12.

12. *Дубнов С.* Религиозная война среди русских евреев в конце XVIII века. // Восход. 1891. №11–12. 1893. №1–5.

13. *Дубнов Ш.* Возникновение хасидизма: жизнь и деятельность Израиля Бешта. // Евреи в Российской империи XIII – XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. Москва – Иерусалим, 1995.

14. Зоѓар. Фрагменты из книги. Перевод, прим. и приложения М. Кравцова. М., 1994 (со статьями М. Кравцова: «Раби Шимон в Талмуде и Мидрашим», «Книга о Праведнике», «Каббалистический очерк»).

15. Зоѓар (из «Книги сияния»). Перевод и комм. О. Ладоренко. Знание за пределами науки. М., 1996. С. 396–442.

16. *Кей Э.* У истоков лурианской Каббалы. Цфат, XVI в. Иерусалим, 2001.

17. *Крупицкий З.Н.* Хасидизмъ: его происхожденiе, философская сущность и культурно-историческое значенiе. Кiевъ, 1912.

18. *Лавский В.* Хасидская мудрость. Москва, 1999.

19. *Липш Г.* Таблицы основных понятий хасидизма и кабалы. Сост. Г. Липш; одобрено раввином Ицхаком Гинзбургом. Иерусалим, 1984.

20. *Лурье И.* Пастырь и паства: отношения между хасидским двором и общинами любавичских хасидов в XIX столетии. // Вестник Еврейского университета. №9. 2004. С. 51-68.

21. *Марек П.* Кризис еврейского самоуправления и хасидизм. // Евреи в Российской империи XIII – XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. Москва – Иерусалим, 1995.

22. *Нахман из Браслава.* Лесной человек. Из учения Раби Нахмана из Браслава. Одна из таинственных историй раби Нахмана, прокомментированная согласно его учению р. Э.М. Дороном. Jerusalem – Киев, б.г.

23. *Нахман из Браслава.* Рассказы о необычайном. С комментариями р. Адина Штейнзальца. М., 2000.

24. *Нахман из Браслава.* Тикун аклали. Коренное исправление души. Б.м, б.г.

25. *Нахман из Брацлава.* Сказочные истории раби Нахмана из Браслава. Перевод с идиша А. Ганца, литературная обработка Б. Авни (Камянова); оформление Ю. Пушкиной. Иерусалим, 1987.

26. *Перец И.-Л.* Хасидскiе разсказы: и друг. Переводъ съ еврейскаго. С-Петербургъ, 1902.

27. *Розин М.* От синайских скрижалей до Каббалы и хасидизма: мистическая деградация современного иудаизма. Иерусалим, 1999.

28. *Стриковский А.* Учение раби Нахмана из Браслава. Подбор материалов – А. Стриковский, редактор Н. Файнгольд; перевод Н. Файнгольда и Н. Бартмана. Иерусалим, 1991.

29. *Туров И.* Евреи и христиане в Восточной Речи Посполитой; проблема контактов в контексте истории становления учения хасидов. [Jews and Christians in the eastern territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth; the problem of contact

in the context of developments in hasidic doctrine], Judaica Rossica 2 (2002). С. 81–99.

30. *Туров И.* Об отношении хасидов к неевреям. // Параллели 2–3 (2003). С. 53–78.

31. *Туров И.* Ранний хасидизм: История. Вероучение. Контакты со славянским окружением. Киев, 2003.

32. *Туров И.* Хасидизм и христианство в восточной части Речи Посполитой; о возможности контактов и взаимовлияний. [Hasidism and Christianity in the eastern Polish commonwealth; possible contacts and mutual influences]. Вестник Еврейского университета 24 (2001). С. 101–130.

33. Учение раби Нахмана из Браслава. Сказочные истории с комментариями рава Арье Каплана. Беседы раби Нахмана. Перевод и комм. Г. Бермана. М., 2003.

34. *Ховкин Э.* Мудрец-извозчик: рассказы о хасидах. Иерусалим, 1996.

35. *Ховкин Э.* Свеча на снегу: истории из жизни рабби Исроэля Баал-Шем-Това. Иерусалим, 1998.

36. *Шнеерсон И.-И.* Изучение хасидизма. Перевод М. Горали. Бруклин, 1975.

37. *Шнеерсон М.-М.* К жизни, полной смысла: Учение ребе Менахема-Мендла Шнеерсона. Составитель С. Якобсон. Москва, 1999.

38. *Шолем Г.* Основные течения в еврейской мистике. М.– Иер., 2004.

39. *Штейнзальц А.* Творящее слово. Перевод с английского Д. Антопольского. Москва, 1996.

40. *Яглом М.* (перевод и комм.) Сказки для спящих рабби Нахмана из Брацлава: История о скромном царе // Солнечное сплетение, № 2 (1998). С. 41–56.

В. Основные труды Мартина Бубера на европейских языках:

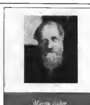
1. *Buber M.*, Die Chassidische Botschaft. Heidelberg, 1952.

2. *Buber M.*, Die chassidischen Bucher. Hellerau, 1928.

3. *Buber M.*, Des Rabbi Israel Ben Elieser, genannt Baal-Schem-Tow, das ist Meister von guten Namen, Unterweisung im Umgang mit Gott. Hellerau, 1927.

4. *Buber M.*, Deutung des Chassidismus: drei Versuche. Berlin, 1935.

5. *Buber M.*, Die Erzahlungen der Chassidim. Zurich, 1949. [Tales of the Hasidim; translated by Olga Marx. NY, 1947, 1964. [Les recits hassidiques / traduit de l'allemand par A. Guerne; avec une introd. traduite par E. N. Guillemin. Paris, 1963, 1949].

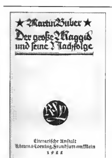

М. Бубер, «Хасидские предания». Цюрих, 1949

6. *Buber M.*, Erzahlungen von Engeln, Geistern und Damonen. Berlin, 1934. [Tales of angels, spirits and demons / translated by D.d Antin and J. Rothenberg. NY, 1958].

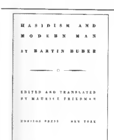
7. *Buber M.*, Gog und Magog: eine Chronik. Frankfurt am Main, 1957. [For the sake of heaven, Philadelphia, PA, 1945].

8. *Buber M.*, Der grosse Maggid und seine Nachfolge. Frankfurt a.M., 1922.

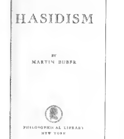
М. Бубер, «Великий Магид и его школа». Франкфурт, 1922

9. *Buber M.*, Hasidism. NY, 1948.

М. Бубер, «Хасидизм и современный человек». *Нью-Йорк, 1958*

10. *Buber M.*, Hasidism and modern man. NY, 1958.

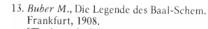

М. Бубер, «Хасидизм». *Нью-Йорк, 1848*

11. *Buber M.*, Hundert chassidische Geschichten. Berlin, 1935.

12. *Buber M.*, Jewish mysticism and the legends of Baalshem. NY, 1931.

М. Бубер, «Еврейская мистика и предания о Баал Шеме». *Нью-Йорк, 1931*

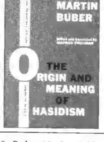
13. *Buber M.*, Die Legende des Baal-Schem. Frankfurt, 1908.
[The legend of the Baal-Shem, translated from the German by M. Friedman, London, 1956].
[La legende du Baal-Shem / traduit de l'allemand par Hans Hildenbrand, Monacor, 1993].

14. *Buber M.*, Mamre: essays in religion. Translated by G. Hort, Melbourne, 1946.

15. *Buber M.*, Mein Weg zum Chassidismus: Erinnerungen. Frankfurt a. M., 1918.

16. *Buber M.*, On intersubjectivity and cultural creativity. Chicago, 1992.

17. *Buber M.*, The origin and meaning of Hasidism. NY, 1960.

М. Бубер, «Происхождение и значение хасидизма». *Нью-Йорк, 1960*

18. *Buber M.*, Sinnbildliche und sakramentale Existenz im Judentum. Zurich, 1935.

19. *Buber M.*, The Martin Buber reader: essential writings. Edited by A. D. Biemann. NY, 2002.

20. *Buber M.*, The tales of Rabbi Nachman. NY, 1956.

21. *Buber M.*, Ten rungs; Hasidic sayings. Collected and edited by Martin Buber. NY, 1947.

22. *Buber M.*, Der Weg des Menschen nach der Chassidischen Lehre, Te's-Gravenhage, 1964. [The way of man, according to the teaching of Hasidism. London, 1950; Secaucus, N.J., 1966]. [Le chemin de l'homme: d'apres la doctrine Hassidique, Monaco, 1995].

Martin Buber

DER WEG DES MENSCHEN

NACH DER CHASSIDISCHEN LEHRE

М. Бубер,
«Путь человека по хасидскому учению».
Гравенхаге, 1964

23. *Buber M.*, Werke, Munchen, 1962–1964. [Bd. 1. Schriften zur Philosophie; Bd. 2. Schriften zur Bibel; Bd. 3. Schriften zur Chassidismus].

24. *Buber M.*, Zwischen Zeit und Ewigkeit: Gog und Magog; eine Chronik, Heidelberg, 1969.

Г. Основные биографические работы о Мартине Бубере на европейских языках

1. *Ben-Chorin Sch.*, Zwiesprache mit Martin Buber: ein Erinnerungsbuch. Munchen, 1966.
2. *Friedman M. S.*, Martin Buber's life and work: the early years, 1878–1923. NY, 1981.
3. *Friedman M. S.*, Martin Buber's life and work: the later years, 1945–1965. NY, 1983.
4. *Friedman M. S.*, Martin Buber's life and work: the middle years, 1923–1945. NY, 1983.
5. *Goldschmidt H. L.*, Abschied von Martin Buber. Koln, 1966.
6. *Gordon H.*, The other Martin Buber: recollections of his contemporaries. Athens (Ohio), 1988.
7. *Hodes A.*, Martin Buber; an intimate portrait. NY, 1971.
8. *Horn H.*, Leben und Werk Martin Bubers im Spiegel seines Briefwechsels: Ausgewahlte Proleme, Ereignisse und Gestalten. Rheinstetten, 1979.
9. *Sticht R.*, Martin Buber, 1878–1978: Leben, Werk und Wirkung – Dokumentation zur Gedachtnisausstellung in Worms 16. Juli – 15. Oktober 1978. Worms, 1978.
10. *Stoger P.*, Martin Buber: eine Einfuhrung in Leben und Werk. Wien, 2003.
11. *Wehr G.*, Der deutsche Jude: Martin Buber. Munchen, 1977.
12. *Wehr G.*, Martin Buber: Leben, Werk, Wirkung. Zurich, 1991.

Д. Избранные публикации о Мартине Бубере и хасидизме на европейских языках

1. *Ben-Horin M.*, Between Buber and Kaplan; the issue of Hasidism, Reconstructionist 44, 3 (1978), pp. 7–15.
2. *Ben-Chorin S.*, Gershom Scholem – dreissig Tage nach seinem Tod, in: Dialog mit Martin Buber. Hrsg.: Werner Licharz. Frankfurt a.M., 1982, pp. 169–174.
3. *Bender H. E.*, The Concept of «world» in the Hasidic writings of Martin Buber, Thesis (Ph.D.) – Catholic University of America, School of Sacred Theology, 1969.
4. *Breslauer S. D.*, Into life; the legacy of Jewish tradition in Buber's philosophy of dialogue, in: Martin Buber and the Human Sciences. Ed.: Maurice Friedman. Albany. NY, 1996, pp. 65–76.
5. *Breslauer S. D.*, Silence and language in Hasidism; Martin Buber's view, Shofar 9,2 (1991), pp. 16–28.
6. *Breslauer S. D.*, The hasidic anecdote in Martin Buber and Shmuel Yosef Agnon, Hebrew Studies 19 (1978), pp. 8–15.
7. *Buber M.*, Interpreting Hasidism, Commentary, Vol. XXXVI, No. 3 (1963), pp. 218–225.
8. *Cunz M.*, «Erzahle mir eine Geschichte und du wirst am Leben bleiben», oder, Was ist chasidisches Erzahlen?, Judaica 47,1–2 (1991), pp. 71–81.
9. *Dan J.*, The Teachings of Hasidism. Edited, with introduction and notes, by J. Dan, with the

assistance of Robert J. Milch

10. *Davidowicz K. S.*, Gershom Scholem und Martin Buber: die Geschichte eines Missverstandnisses, Neukirchen-Vluyn, 1995.

11. *Di Segni Russi F.*, La leggenda del Baal Shém Tov, in: *Francesco d'Assisi*, uomo di fede; per un confronto con la spiritualità ebraica; V Colloquio ebraico-cristiano di Montegiove, 1994. A cura di Luigi Sartori. Padova: Edizioni Messaggero, 1995, pp. 39–59.

12. *Dresner S. H.*, Hasidism through the eyes of three masters [Buber, Heschel, Scholem], Judaism 32, 2 (1983), pp. 160–169.

13. *Elior R.*, Hasidism – historical continuity and spiritual change, in: Gershom Scholem's «Major Trends in Jewish Mysticism» 50 Years after; Proceedings of the Sixth International Conference on the History of Jewish Mysticism. Ed. by Peter Schafer and Joseph Dan. Tubingen, P. Siebeck, 1993, pp. 303–323. m

14. *Etkes I.*, The historical Besht; reconstruction or deconstruction?, Polin 12 (1999), pp. 297–306.

15. *Fisch D.*, Buber's Hasidism; dialogue k'halacha? Gesher 6 (1977/1978), pp. 169–187.

16. *Friedman M. S.*, Interpreting Hasidism; the Buber-Scholem controversy, Leo Baeck Institute Year Book 33 (1988), pp. 449–467.

17. *Gotzinger C.*, Martin Buber und die chassidische Mystik: betrachtung des inneren Verhaltnisses der «Ich-und-Du»-Philosophie Bubers zur chassidischen Mystik, Wien, 1994.

18. *Gellman Y.* (Jerome I.), Buber's blunder; Buber's replies to Scholem and Schatz-Uffenheimer, Modern Judaism 20,1 (2000), pp. 20–40.

19. *Glau A.*, Chassidismus in der jiddischen Literatur; Sholem Asch, der ferborgener bokher, in: Von Enoch bis Kafka; Festschrift fur Karl E. Grozinger zum 60. Geburtstag. Hrsg. von Manfred Voigts. Wiesbaden, 2002, pp. 173–182.

20. *Gries Z.*, La littérature hagiographique dans l'histoire du hassidisme, Cahiers du Judaısme 8 (2000), pp. 27–36.

21. *Grozinger K.-E.*, Gershom Scholems Darstellung des Hasidismus und seine Auseinandersetzung mit Martin Buber, Frankfurter Judaistische Beitrage 12 (1984), pp. 105–127.

22. *Grozinger K. E.*, Martin Bubers Chassidismusdeutung, in: Dialog mit Martin Buber, Arnoldshainer Texte, Vol. VII (Frankfurt, 1982), p. 231–256.

23. *Grozinger K.-E.*, Martin Bubers Deutung der judischen Geschichte als der Versuch einer Modernisierung des Judentums oder, Das doppelte Missverstandnis, in: Konfrontation und Koexistenz; zur Geschichte des deutschen Judentums. Hrsg.: Renate Heuer, Ralph-Rainer Wuthenow. Frankfurt a.M., 1996, pp. 190–207.

24. *Grozinger K.-E.*, The source value of the basic recensions of «Shivhei haBesht», in: Hasidism Reappraised. Ed. by Ada Rapoport-Albert. London, 1996, pp. 354–363.

25. *Hammer B. J.*, Resolving the Buber-Scholem controversy in Hasidism, Journal of Jewish Studies 47,1 (1996), pp. 102–127.

26. *Hedinger U.*, Das Bedrangen des Endes; Reflexionen zu Martin Bubers Chronik «Gog und Magog», Theologische Zeitschrift 22 (1966), pp. 266–278.

27. *Idel M.*, Martin Buber and Gershom Scholem on Hasidism; a critical appraisal, in: Hasidism Reappraised. Ed. by Ada Rapoport-Albert. London, 1996, pp. 389–403.

28. *Kegan R.*, The sweeter welcome: voices for a vision of affirmation – Bellow, Malamud, and Martin Buber, Needham Heights, Mass., 1976.

29. *Kepnes S. D.*, A hermeneutic approach to the Buber-Scholem controversy, Journal of Jewish Studies 38,1 (1987), pp. 81–98.

30. *Kiner E.*, The existentialism of Martin Buber and implications for education, Thesis (Ph.D) – Ohio State University, 1968.

31. *Kohn H.*, Martin Buher, sein Werk und seine Zeit: ein Versuch uber Religion und Politik, Hellerau, 1930.

32. *Laor D.*, Agnon and Buber; the story of a friendship or, the rise and fall of the «Corpus Hasidicum», in: Martin Buber; a Contemporary Perspective. Ed. by Paul Mendes-Flohr. Syracuse, NY, 2002.

33. *Levenson J. D.*, The hermeneutical defense of Buber's Hasidism; a critique and counterstatement, Modern Judaism 11,3 (1991), pp. 297–320.

34. *Lévinas E.*, La pensée de M. Buber et le judaısme contemporain, in: Martin Buber – l'homme et le philosophe. Bruxelles, 1968, pp. 43–58.

35. *Mack R.*, Mystik – Chassidismus – Dialog; zu Martin Bubers Umgang mit der judischen Tradition, Zeitschrift fur Religions- und Geistesgeschichte 31,2 (1979), pp. 159–172.

36. *Moonan W.*, Martin Buber and his critics: an annotated bibliography of writings in English through 1978. NY, 1981.

37. *Nigal G.*, New light on the hasidic tale and its sources, in: Hasidism Reappraised. Ed. by Ada Rapoport-Albert. London, 1996, pp. 345–353.

38. *Oppenheim M.*, The meaning of Hasidut; Martin Buber and Gershom Scholem, Journal of the American Academy of Religion 49, 3 (1981), pp. 409–423.

39. *Rapoport-Albert A.*, Hagiography with footnotes; edifying tales and the writing of history in Hasidism, in: Essays in Jewish Historiography; in memoriam Arnaldo Dante Momigliano, 1908–1987. Ed.: Ada Rapoport-Albert. Middletown, CT, 1988.

40. *Rosman M. (Murray) J.*, In praise of the Ba'al Shem Tov; a user's guide to the editions of «Shivhei haBesht», in Polin: Studies in Polish Jewry, Volume 10, Jews in Early Modern Poland, Gershon Hundert (Ed.), London, 1997, pp. 183–199.

41. *Rosman M (Murray) J.*, Shivhei ha-Besht; document historique, ouvrage de propagande ou programme théologique?, Cahiers du Judaısme 8 (2000), pp. 17–26.

42. *Rosman M. (Murray) J.*, Social conflicts in Miedzyból in the generation of the Besht, in: Hasidism Reappraised. Ed. by Ada Rapoport-Albert. London, 1996, pp. 51–62.

43. *Schatz R.*, Die Stellung des Menschen zu Gott und Welt in Bubers Darstellung des Chassidismus, in: Martin Buber, ed. P. A. Schilpp & M. Friedman. Stuttgart, 1963).

44. *Schatz R.*, Martin Buber master of hasidic teaching, Judaism, Vol. 9 (1960), pp. 277–281.

45. *Scholem G.*, Buber and Hasidism, Commentary, Vol. 33 (1962), pp. 162–163.

46. *Scholem G.*, Buber's Hasidism, Commentary, Vol. XXXVII (February), 1964, pp. 18–20.

47. *Scholem G.*, Martin Buber et son interprétation du hassidisme, Critique 22 (1966), pp. 822–841.

48. *Scholem G.*, Martin Buber's Hasidism (a critique), Commentary (Oct. 1961), pp. 305–316.

49. *Scholem G.*, Martin Bubers Auffassung des Judentums (Rede gehalten an der Eranos-Tagung), Neue Zurcher Zeitung (Sonntagausgabe) 1394–40 (2.4.1967), l. 6; 1515–43 (9.4.1967).

50. *Scholem G.*, Martin Bubers Auffassung des Judentums, Eranos Jahrbuch, Vol. 35 (1966), pp. 9–55.

51. *Scholem G.*, Martin Bubers Deutung des Chassidismus, Neue Zurcher Zeitung, Vol. 135 (19.5.1962). p. 24; Vol. 142 (26.5.1962). p. 24.

52. *Shestov L.*, Martin Buber, CCAR Journal 15,2 (1968), pp. 44–53.

53. *Silberstein L. J.*, Modes of discourse in modern Judaism; the Buber-Scholem debate reconsidered, Soundings 71,4 (1988), pp. 657–681.

54. *Silberstein L. J.*, The renewal of Jewish spirituality; two views, in: Jewish Spirituality. Vol. II: From the Sixteenth-Century Revival to

the Present. Ed. by A. Green. NY, 1987, pp. 402–432.

55. *Urban M.*, Hermeneutics of renewal: a study of the hasidic anthologies of Martin Buber, Die Geschichten des Rabbi Nachman (1906) and Die Legende des Baalschem (1908); supervised by Paul Mendes-Flohr and Rachel Elior. Thesis (Ph.D.) – Hebrew University, Jerusalem, 2002.

56. *Vajda G.*, [On] Joseph Dan, «The Hasidic Story» (1975), Revue des Etudes Juives 136,1/2 (1977), pp. 218–223.

57. *Wehr G.*, Der Chassidismus in Leben und Werk Martin Bubers, in: Der Chassidismus; Leben zwischen Hoffnung und Verzweiflung. Red.: K. Nagomi, R. Stieber. Karlsruhe, 1996, pp. 70–88.

58. *Weiss J.*, M. Buber: The legend of the Baal-Shem, JSS 3 (1958), pp. 205–208.

59. *Wohlstein H.*, Die chassidische Mystik nach Martin Buber's Darstellung, Temenos 7 (1971), pp. 107–111.

Глоссарий

агада (букв. «повествование») – тексты эпохи Талмуда, не предполагающие религиозно-юридической регламентации. *Агада* включает притчи, легенды, проповеди, поэтические гимны, материалы исторического и философского содержания. *Агадический* характер имеет большинство *мидрашей.*

адар – см. месяцы еврейского календаря.

адмор – глава хасидского движения, которого называют также рабби (ребе в восточноевропейском произношении), цадик («праведник»), «добрый еврей» или «красивый еврей». Мистическая личность, образ которой впервые возникает в учении хасидизма. *Адмор* – титул цадика, аббревиатура слов *адонейну, морейну ве-рабейну,* «господин, учитель и наставник наш».

айин ѓа-ра – «дурной глаз». Страх перед сглазом еще с талмудических времен был одним из наиболее распространенных народных поверий.

амуд – аналой, важный элемент интерьера ашкеназской синагоги; узкий шкафчик, на который *хазан* кладет молитвенник. Обычно устанавливается перед Ковчегом.

амораи – законоучители эпохи *Гемары* (основная часть Талмуда, III–V вв.).

балагола (от ивр. «Баал аголо» – «владелец повозки») – еврей-извозчик, одна из распространенных профессий в черте оседлости.

бадхен (ивр. «шутник») – в Восточной Европе – затейник, комический актер, нередко музыкант и оратор – конферансье, которого приглашают вести семейные торжества, в первую очередь свадьбы.

бар-мицва – религиозное совершеннолетие, которого мальчики достигают в 13 лет. По достижении этого возраста человек становится дееспособным, он обязан исполнять все заповеди и сам отвечает за себя перед Всевышним. На неделе достижения *бар-мицвы* проводится торжественная церемония: мальчик впервые надевает *тфилин* и произносит самостоятельно подготовленную проповедь; в ближайшую субботу в синагоге его впервые вызывают к чтению Торы.

бейт мидраш – см. дом учения.

Бейт-Шамай и Бейт-Ѓилель (Бейт-Шамай и Бейт-Ѓилель, «Дом Шамая» и «Дом Ѓилеля») – ведущие законоведческие школы, основанные величайшими фарисейскими законодателями в I в. до н.э.-I в. н.э. Из основного теологического спора между ними: «Небеса сотворены прежде земли, или земля прежде небес» (Хагига 12а) вытекают многочисленные расхождения в области за-

кона. Бейт-Шамай отличается бескомпромиссностью, а Бейт-Гилель, учитывая несовершенство человеческой природы, идет на смягчение тех или иных положений, настаивая на примате этического начала в галахе. Несмотря на то, что в исторической перспективе признается правота Бейт-Гилель, дискуссии между этими школами занимают в талмудической литературе весьма существенное место.

бима – стол или особое возвышение для чтения Торы, обязательный элемент интерьера синагоги.

благословение луны (ивр. *биркат левана*) – обряд, который проводится под открытым небом в первую половину еврейского месяца, до наступления полнолуния. Принято благословлять луну в ***миньяне*** (общество десяти взрослых мужчин, необходимое для коллективной молитвы), лучше всего на исходе субботы. Особое значение имеет первое в году благословение луны, которое производится на исходе Йом Кипура, 10 числа месяца ***тишрей***.

Хасиды считают благословение луны важнейшим актом мистического исправления, при посредстве которого луна, символ женского начала, Шхины и Общины Израиля, должна стать равновеликой с солнцем, символизирующим мужское начало, Пресвятого Благословенного и *сфиру Тиферет.*

Бова-королевич – герой средневекового рыцарского романа, известного в еврейской среде в адаптированной версии на идиш, созданной в 1507 г. выдающимся еврейским филологом, грамматиком и лексикографом иврита Элияху Бахуром Левитой (1468 или 1469, Нейштадт близ Нюрнберга – 1549, Венеция). Использовав в качестве основы своего сочинения итальянский вариант рыцарского эпоса – «Буово Д'Антона», – Левита значительно переработал оригинал: он устранил ряд эротических эпизодов, добавил новые лирические и комические элементы, а, главное – превратил всех персонажей в евреев. Роман написан в стихотворной форме, причем, Левита ввел ряд важных для стихосложения на идиш нововведений – он выработал оригинальное оформление строфы, а также строгий ямбический размер (во второй части романа), предвосхитив его появление в европейской литературе. Первое издание романа было напечатано в Иснии 1541 г. под названием «Бова Дантона», в последующих изданиях он назывался «Дос Бове-бух» («Книга о Бове») или «Бове-майсес» («Истории о Бове»). Последнее название благодаря своему созвучию с идишской идиомой «бобе-майсес» – «бабушкины сказки», «небылицы» – даже стало нарицательным, что вполне соответствует сказочному колориту романа и фантастическому характеру приключений его героя. Книга была чрезвычайно популярна среди разных кругов еврейских читателей и многократно переиздавалась.

буквы алфавита – согласно каббале, буквы святого языка – иврита, с помощью которых сотворен мир, сами по себе обладают глубоким духовным смыслом и потому являются основными объектами каббалистических медитаций. Хасиды говорят, что ивритские буквы – это святые чертоги, в которые сходит Божественный свет. В нашей истории одного перечисления названий букв (которые тоже являются Святыми Именами) оказалось достаточно, чтобы победить силы нечистоты.

виддуй – покаянная молитва с перечислением грехов, произносимая в будние дни, в Йом Кипур (т.н. Великий видуй) и в смертный час. В переносном смысле – исповедь вообще.

вознесение души (ивр. *гаалат нешама*) – мистическая практика, которая приобрела особое значение в лурианской каббале, а затем в хасидизме. В процессе вознесения души праведник путешествует по духовным мирам, участвует на равных в собраниях высших ангелов и заседаниях праведных душ и, таким образом, не только познает высшие тайны, но и получает возможность прознавать о событиях, которые грядут в физическом мире и изменять их к лучшему.

выкуп пленных (ивр. *пидйон швуим*) - одна из важнейших заповедей, предписанных еврейской общине. Имеется в виду освобож-

дение еврея, захваченного в плен во время войны, а также попавшего в руки работорговцев или разбойников, либо несправедливо удерживаемого властями в заключении. В Талмуде рассказывается, что, когда рабби Пинхас бен Яир (танай второй половины II в. н.э.) отправился выкупать пленных, воды реки расступились, чтобы дать ему пройти, потому что он шел для выполнения столь благого дела (Вавилонский Талмуд, Хулин 7а). Выкупу пленных предается такое значение, что для этого можно использовать деньги, предназначенные на благотворительные нужды или на строительство синагоги.

габай – староста синагоги, иногда казначей общины или религиозного братства. У хасидов габай играет роль домоправителя, доверенного лица и секретаря цадика.

гавдала (ивр. «разделение») – ритуал, совершаемый на исходе субботы или праздника, после наступления темноты. *Гавдала*, отделяющая святость субботы или праздника от обыденности будней, состоит из благословения вина, благовоний и огня (обычно свечи со многими фитилями).

галаха – совокупность правил и предписаний, регламентирующих религиозную, семейную и гражданскую жизнь еврея. Термином *галаха* называют также законоведческие тексты Талмуда и вообще всю законоведческую литературу.

галель – «восславление», благодарственная молитва, представляющая собой набор определенных псалмов. *Галель* произносят по утрам в праздники и новомесячия, а также при завершении основной части пасхального *седера*.

гаон – употреб. «великий знаток Торы». Изначально – титул глав талмудических академий Вавилонии.

гаскала («Просвещение», отсюда «*маскил*», «*маскилим*» – «просвещенный/е») – идейное, просветительское, культурное и литературное течение, основанное в Германии Моисеем Мендельсоном в середине XVIII в. и широко распространившееся в Восточной и Западной Европе. Сторонники гаскалы стремились к модернизации традиционной еврейской культуры и быта, сближению ее с европейской гуманистической культурой. Гаскала оказала огромное влияние на судьбы всех слоев европейского еврейства, как эмансипированных, так и ортодоксальных.

Гемара – собрание дискуссий и рассуждений амораев (законоучителей III–V вв.) по поводу более раннего канона талмудических текстов – *Мишны*. *Гемара* включает тексты как *галахического*, так и *агадического* содержания. Словом «*Гемара*» нередко называют весь Талмуд и отдельные талмудические трактаты.

голем (ивр. «бесформенный») – искусственный человек, гомункул. Создание голема – одна из магических практик каббалы, в идеале не преследующая никаких иных целей, кроме духовного усовершенствования адепта, породила множество народных легенд. Самая знаменитая из них – история о големе, созданном в XV в. р. Ливой бен Бецалелем (ивр. *Маѓарал*) из Праги, для того, чтобы остановить эпидемию чумы.

Ѓошанот (от «*ѓоша на!*» – «Спаси же!»): часть утренней службы в дни праздника суккот. Во время молитвы обходят биму с четырьмя видами растений в руках, произнося просьбы, сопровождаемые повторяющимся рефреном «*ѓоша на!*». Источник обычая – в Храмовой службе, когда во время праздника обходили жертвенник.

Девятый день *ава* (ивр. *Тиша бе-Ав*) – траурный день еврейского календаря, дата разрушения Первого и Второго храмов, изгнания евреев из Испании и множества иных трагических событий. Девятое *ава* – строжайший пост, продолжающийся сутки и требующий отказа не только от еды и питья, но и от ношения кожаной обуви и всех земных удовольствий. В этот день в синагогах читают, сидя на земле, книгу Эйха (Плач Иеремии) и покаянные молитвы – *кинот*. Девять предшествующих дней проходят в трауре и воздержании от мяса, вина и всяческих увеселений.

Дибук (букв. «прилепление») – злой дух, как правило, душа умершего, который вселяется в человека, овладевает его душой, причиняет душевный недуг, говорит устами своей жертвы, но не сливается с ней. В каббалис-

тической литературе описан дибук, и способы его изгнания. Наиболее известная художественная интерпретация – одноименная пьеса С. Ан-ского.

Дин Тора («суд Торы») – суд по законам *галахи*, еврейский религиозный суд. Может происходить в различных формах: производится тремя компетентными раввинами, одним раввином или в форме третейского суда, когда стороны выбирают представителей, которые совместно выбирают третьего арбитра. Согласно традиции, даже Небеса не могут ослушаться приговора *Дин Тора*.

Дни трепета – (ивр. *Ямим нораим*) – так называются Рош ѓа-Шана, Йом Кипур и дни между ними (3–9 *тишрея*), когда определяется предначертание грядущего года.

дом молитвы – синагога. Это название основывается на стихе «Дом Мой домом молитвы наречется для всех народов» (Ис. 56:7).

дом учения (ивр. *бейт мидраш*) – место, предназначенное для изучения Торы, нередко выполняющее также функции синагоги. Термин «дом учения» иногда употребляется расширительно как «школа», «направление».

дрейдл (идиш, ивр. *совивон*) – кубический волчок с четырьмя буквами на гранях, напоминающими о чуде Хануки. *Нун*, *Гимел*, *Хей*, *Шин* (в Стране Израиля – *пей*) – первые буквы ивритских слов: «Великое Чудо Случилось Там» (в Стране Израиля – «Здесь»). С этих же букв начинаются слова на идиш, обозначающие игровую ситуацию: «Пропусти» (ход), (забери) «Все», и т. д.

ермолка (ивр. *кипа*) – маленькая шапочка, которой покрывают голову. В описываемую эпоху ее носили в домашней обстановке, а также под верхним головным убором.

злое начало (ивр. *йецер ѓа-ра*) – согласно раввинистической традиции, одно из двух начал или побуждений, коренящихся в человеческом сердце. Злое начало угнездилось в человеческом сердце после грехопадения и с тех непрерывно склоняет человечество и каждого индивида к злым, греховным поступкам. Хасидские цадики, вслед за великими каббалистами прошлого, учат, что по сути своей дурное начало (отождествляющееся с ангелом Самаэлем или Сатаной) – одна из высочайших духовных сущностей, принимающих участие в процессе исправления, которая стремится не совратить, а искусить человека и, таким образом, привести его к совершенству. Согласно большинству хасидских школ, одним из главных условий восстановления духовности является "раскрытие доброй стороны злого начала" и вовлечение его в служение Творцу. Особняком стоит литовский хасидизм Хабада , стремящийся скорее к полной нейтрализации, а не к сущностному исправлению злого начала.

змирот («песни»), исполняемые за субботними трапезами. Включены в состав традиционного молитвенника – сидура. Сочинялись поэтами, мистиками и учителями многих поколений.

Зоѓар – «Книга Сияния», самое значительное произведение еврейской мистики, чья роль в развитии иудаизма сравнима разве что с ролью Талмуда. Представляет собой мистические комментарии и *мидраши* к Пятикнижию и *Мегилот*, дополненные вставными трактатами и многочисленными приложениями и изложенные образным, поэтическим языком. Повествование в книге ведется от имени легендарного *таная* рабби Шимона бар Йохая (II в. н.э.) и его ближайших учеников.

По традиции автором *Зоѓара* считают самого рабби Шимона; впрочем, существует распространенное в научном мире предположение, что основную часть книги написал между 1270 и 1300 г. кастильский каббалист Моше де Леон (умер в 1305 г.), публикатор *Зоѓара*. *Зоѓар* – произведение огромного объема (тысячи страниц убористого текста), написанное на специфическом, нигде более не встречающемся арамейском языке. Вскоре после своего появления в XIII в. книга сразу получила широчайшее распространение во всем еврейском мире и на протяжении веков пользовалась ни с чем не сравнимой популярностью. В хасидских кругах *Зоѓар* и сегодня является одной из важнейших книг.

Иерусалимский Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, охватывающий Мишну и Гемару в их един-

стве. Был составлен в III–IV вв. н.э. и включает в себя большей частью мнения мудрецов Страны Израиля – в отличие более позднего (IV–V вв.) Вавилонского Талмуда.

йешива – традиционное религиозное учебное заведение для мужчин. Обучение в *йешиве*, нередко совмещенное с проживанием, не преследует конкретных практических целей и может продолжаться с тринадцатилетнего возраста до женитьбы, а в исключительных случаях – до самой старости.

Йом Кипур (ивр. «День Искупления»). Празднуется осенью, десятого числа месяца *тишрей* (сентябрь–октябрь). Один из важнейших еврейских праздников, день, когда можно изменить приговор, вынесенный в Рош Ѓа-Шана, извиниться перед людьми и вымолить прощение грехов против Бога. Особенностью Йом Кипура являются «шесть аскез» – воздержание от еды и питья, мытья, супружеских отношений, использования косметики и ношения кожаной обуви, а также строгий запрет заниматься какой-либо работой. Молитва в Йом Кипур продолжается весь вечер и весь последующий день до наступления темноты; к четырем праздничным молитвам добавляется пятая – *неила*. На исходе Йом Кипура, завершающего Дни трепета, трубят в *шофар*.

кавана (ивр. «[молитвенная] интенция», мн. ч. *каванот*) – в каббале – особые мысли, с которыми произносят ключевые слова молитвы, нередко не связанные с контекстуальным смыслом мистические сочетания букв, образующие Божественные имена. *Кавана* – сосредоточение мысли на каббалистическом значении действия в момент его совершения – может сопровождать выполнение каждой заповеди или чтение любой молитвы. Иерархия духовных миров раскрывается в молитве как одно из многих имен Бога. Целью такой молитвы, в процессе которой мистик сосредоточивает свои помыслы на именах, принадлежащих к духовным сферам, которые соответствуют произносимым словам, является восхождение к высшим мирам и участие в исправлении ущербности мироздания. Согласно лурианской каббале, молитва заключается в притягивании Божественного света к буквам и словам молитвенника, позволяющим ему, в свою очередь, вознестись к высочайшим ступеням духовной иерархии.
Так как подобные молитвы нередко превращаются в упражнения в самосозерцании, многие хасидские учителя не рекомендовали своим последователям практиковать каббалистические *каванот*, считая значительно более действенным сосредоточение на контекстуальном смысле молитвы и на звучании молитвенных слов, а не на их визуальной графической форме.

кадиш – славословие Богу, выражающее веру в праведность Его суда. Написан на арамейском языке, начинается словами: «Да возвеличится и освятится великое Имя Его...» Является частью общественных богослужений, читается только в *миньяне*. Существует несколько разновидностей *кадиша*, одну из которых – *кадиш ятом* («*кадиш* сироты») – следует читать в течение одиннадцати месяцев после смерти отца или матери.

квитл – просительная (молитвенная) записка, передаваемая цадику или его *габаю* (распорядителю) вместе с «искупительными деньгами», с перечислением имен просителя и его близких и с просьбой молиться о ком-то или чем-то или дать совет в конкретном деле. *Квитл* кладут и на могилу покойного цадика.

кидуш (ивр. «освящение») – благословение субботы или праздника, произносится дважды в день, вечером и утром, над бокалом вина или двумя хлебами. *Кидуш* открывает субботнюю или праздничную трапезу, в том числе и пасхальный *седер*.

кидушин – досл. «освящение», один из обязательных элементов бракосочетания, «приобретение» женихом невесты посредством кольца или другого предмета, обладающего номинальной ценностью.

китл – особый белый балахон, который надевают на Йом Кипур, а в некоторых общинах – и на Рош Ѓа-Шана и пасхальный *седер*. *Китл* символизирует могильный саван и вместе с тем белые облачения ангелов. У хасидов принято облачаться в *китл* и на некоторые другие торжественные молитвы.

клойз – синагога, построенная на средства частного лица. В Германии такие синагоги назы-

вались *Klaus* (от латинского *clausura*), а в Восточной Европе – *клойзами*. В Восточной Европе описываемого периода *клойз* был не в меньшей степени домом учения, чем домом молитвы, все его прихожане обязательно занимались Торой. В дальнейшем *клойзом* стали называть большую синагогу, предназначенную для совместной молитвы членов многих отдельных общин, например, всех последователей того или иного цадика. В позднем хасидизме функции *клойза* стал выполнять так называемый *штибл* («маленькая комната»), в котором тоже принято сочетать молитву и учение.

Ковчег, Ковчег Завета (ивр. *арон кодеш*) – шкаф для свитков Торы, основной элемент интерьера синагоги. Символизирует Ковчег Завета, в котором до разрушения Первого храма хранились Скрижали Завета с Десятью заповедями, данными Моисею на Синае, и другие сакральные предметы. *Арон кодеш* обычно закрыт расшитым занавесом – *парохетом*, символизирующим завесу у входа в Святая Святых Иерусалимского храма.

Коль Нидрей (арам. «Все обеты») – молитва, с которой начинается служение в Йом Кипур. Суть молитвы – превентивный отказ от всех обетов и необдуманных обещаний, которые будут даны в наступающем году.

Лаг ба-Омер – тридцать третий (день) *Омера*, периода между Песахом и Шавуотом. День предназначен для духовного самосовершенствования и свободен от элементов траура. В этот день прекратилась эпидемия среди учеников рабби Акивы, а рабби Шимон бар Йохай, создатель книги *Зоѓар*, освободился от оков этого мира. На Лаг ба-Омер принято жечь костры и стрелять из луков.

лист *Гемары* – структурная единица талмудического трактата. Талмуд, независимо от времени и места издания, обладает четко формализованной структурой, так что листы различных изданий практически идентичны друг другу.

литвак – евреи Литвы отличались особой приверженностью талмудической учености и острым неприятием хасидизма.

лулав – нераскрывшаяся пальмовая ветвь, один из «четырех видов растений».

***маарив*, вечерняя** молитва – одна из трех обязательных молитв, которую произносят после наступления темноты. Молиться можно до первых лучей зари.

магид – «проповедник» (ивр.), задачей которого является призыв общины к раскаянию и возвращению к Торе. В Восточной Европе *магиды* чаще всего странствовали по городам и местечкам, получая вознаграждение за свою деятельность, хотя в богатых общинах существовали и «постоянные» *магиды*, находившиеся на содержании общины. Некоторые *магиды* пользовались огромной популярностью, их проповеди издавали отдельными книгами. Титул *магида* носили некоторые хасидские лидеры (Великий Магид из Межерича, Магид из Козниц, Магид из Злочева и др.).

маскил, маскилы – сторонники *Ѓаскалы* («просвещения», отсюда «маскил», «маскилим» – «просвещенный/е») – еврейского идейного, просветительского, культурного и литературного течения, основанного в Германии Моисеем Мендельсоном в середине XVIII в. и широко распространившегося среди европейского еврейства, в первую очередь в Пруссии и Австро-Венгрии, а затем и в России. По мнению ряда ученых, движение *Ѓаскалы* сформировалось под влиянием сабатианства. Сторонники *Ѓаскалы* стремились к модернизации традиционной еврейской культуры и быта, сближению ее с европейской гуманистической культурой. Несмотря на ожесточенную борьбу маскилов с хасидизмом, не только рабби Шмелке, но и другие хасидские цадики, например, Симха-Буним из Пшисхи или Нахман из Брацлава, поддерживали с ними дружеские отношения.

маца – опресноки из муки и воды, заменяющие хлеб, запрещенный к употреблению на протяжении всей пасхальной недели. *Маца* должна быть испечена специально для праздника этого года (прошлогодняя не годится), и муку для нее принято подготавливать заранее. Если на эту муку попадает влага, она становится *хамец* – квасным – и для выпечки *мацы* не годится. Особо благочестивые евреи в Песах едят только *мацу шмуру* – «сбереженную» *мацу*, зерно для изготовления которой охраняется от соприкосновения с водой с момента жатвы.

Меира-чудотворца копилка – р. Меир-чудотворец (прибл. 110-165 гг. н.э.) – выдающийся

Месяцы еврейского календаря	*Месяцы григорианского календаря*	*Месяцы григорианского календаря (високосный год)*
Тишрей	Сентябрь–октябрь	
Хешван	Октябрь–ноябрь	
Кислев	Ноябрь–декабрь	
Тевет	Декабрь–январь	
Шват	Январь–февраль	
Адар	Февраль–март	
Второй *адар* (в високосном году)	Март–апрель	Март–апрель
Нисан	Март–апрель	Апрель–май
Ияр	Апрель–май	Май–июнь
Сиван	Май–июнь	Июнь–июль
Тамуз	Июнь–июль	Июль–август
Ав	Июль–август	Август –сентябрь
Элул	Август–сентябрь	Сентябрь–октябрь

законоучитель талмудической эпохи. Согласно талмудическому преданию, р. Меир творил чудеса краткой молитвой: «Боже Меира, услышь меня» (Талмуд, Авода Зара 18а). Гробница р. Меира в Тверии является местом паломничества. Копилки р. Меира-Чудотворца, в которые собирались пожертвования на содержание могилы р. Меира, других мест паломничества и йешив Земли Израиля, были во многих еврейских домах, в них было принято бросать монеты по всевозможным поводам (перед зажиганием свечей в субботу и праздники и т.д.)

мелаве малка (ивр. *мелаве малка*) – «проводы Царицы», четвертая трапеза, устраиваемая после окончания субботы (наступления темноты). В еврейской традиции суббота именуется Царицей.

меламед – учитель начальной школы (*хедера*), преподававший обычно Пятикнижие и *Мишну*.

мелодия (ивр. *нигун*) – особый жанр хасидского музыкального творчества, напев без слов или на слова из Писания или молитвенника, а иногда даже особая манера исполнения русской или украинской народной песни. Исполнение нигуна рассматривалась хасидами как одна из наивысших форм религиозного служения, позволяющая приблизиться к Богу и снимающая границы между людьми. Различным хасидским направлениям присущи свои характерные мелодии, нередко их создавали сами цадики.

месяцы еврейского календаря – см. таблицу выше

Метатрон – в талмудической литературе – верховный ангел, в раннемистической – забранный Богом *Енох* (*Ханох*), ставший ангелом и наиболее посвященный в тайны мироздания и высших миров.

мидраш (ивр. «рассуждение», «толкование») – метод изучения Торы, основанный на восприятии библейского текста как единого целого, имеющего множество смысловых уровней, а также литературный жанр, основанный на этом методе. *Мидраш галахического*, но чаще *агадического* содержания развивался на протяжении более чем тысячелетнего периода, вплоть до позднего Средневековья.

миква – бассейн для ритуального омовения, наполненный водой естественного источника и отвечающий строгим религиозным предписаниям. Погружение в *микву* обязательно для женщин перед вступлением в брак, для замужних – после завершения месячных и после родов; регулярное погружение в *микву* мужчин стало одним из важнейших хасидских обычаев.

миньян («кворум») – десять взрослых мужчин, необходимых для проведения коллективной молитвы.

митнагид (букв. «противник») – противник хасидизма. Идейная борьба между *митнагидами* и хасидами шла на всей территории Восточной Европы начиная с распространения хасидского движения во 2-й половине XVIII в. и большую часть XIX в. Наиболее активное противодействие хасидизм встречал на территории современной Литвы и Белоруссии, так что слова литвак и *митнагид* стали практически синонимами.

Михаэль и Самаэль. Михаэль – ангел-защитник еврейского народа. Самаэль – ангел-обвинитель, ангел смерти, Сатана.

Мишна – древнейший (I – III вв. н.э) свод Устной Торы, лежащий в основе Талмуда. *Мишну* в том виде, в каком она дошла до наших дней, включающую 63 трактата, разбитые на шесть разделов, составил и отредактировал Рабби (р. Йеѓуда ѓа-Наси) в конце III в. н.э.

***минха*, послеполуденная молитва** – одна из трех обязательных ежедневных молитв, которую произносят в светлое время дня, начиная с получаса пополудни и до заката солнца.

молитвы установленные – в ортодоксальном иудаизме установлены три основные ежедневные молитвы – утренняя молитва *шахарит*, послеполуденная *минха* и вечерняя молитва *маарив*. В новомесячия, субботние и праздничные дни к утренней молитве добавляется особая, четвертая, молитва *мусаф*; Йом Кипур – единственный день, в которой читается еще пятая, предзакатная, молитва *неила*. Для всех формализованных молитв отведено конкретное время. Немалая часть нападок на хасидизм была вызвана тем, что хасиды не выдерживают установленного времени молитв, так как прежде чем приступить к молитве, стремятся достичь соответствующего душевного состояния.

***мусаф*, дополнительная молитва** – дополнительная, четвертая молитва, которую читают после утренней молитвы и чтения Торы по утрам суббот, новомесячий и праздников. *Мусаф* в основном посвящен храмовому богослужению.

неила (досл. «запирание [Врат Небесных]») – особая, пятая молитва, которой заканчивается богослужение в Йом Кипур. Начинается до сумерек и заканчивается с наступлением ночи.

новомесячие – новолуние, начало нового месяца в еврейском календаре. Новомесячия играли главенствующую роль в ритуалах Иерусалимского храма и отмечались и во все последующие эпохи. В новомесячие читают дополнительные праздничные молитвы, нередко устраивают специальные трапезы. Среди хасидов распространен каббалистический обычай отмечать в канун новомесячия «малый Йом Кипур» – поститься и читать покаянные молитвы.

пасхальная *Агада* – сборник молитв, гимнов и отрывков из Библии и Талмуда, посвященных Исходу из Египта. Читается в ночь пасхального *седера*.

Песах – Пасха, время Исхода из Египта. Один из важнейших еврейских праздников, справляется на протяжении восьми (в Земле Израиля – семи) дней весеннего месяца *нисан* (март–апрель). На протяжении всех пасхальных дней запрещено не только употреблять, но даже иметь в доме (во владении) какие-либо продукты из основных видов злаков, кроме опресноков – *мацы*. В первые два вечера Песаха (в Земле Израиля – только в первый вечер) устраивается особая ритуальная трапеза – пасхальный *седер*.

Пекеше (*бекеше*, польск. *bekiesza* – название польской одежды в XVIII в.) – длинный халат из узорчатого шелка, субботняя и праздничная одежда хасидов. Обычно черного цвета, иногда золотого.

пинкас – актовая книга для записей рождений и смертей, а также распоряжений руководства местных общин и благотворительных обществ.

Пиркей Авот («Поучения отцов») – самый популярный трактат *Мишны*, последний трактат четвертого раздела – *Незикин*. Многие комментаторы объясняют его название тем, что в нем содержатся «отцы основ», то есть основоположения всей существующей мудрости. Трактат *Пиркей Авот*, посвященный непрерывной преемственности Устной Торы со времени Моисея, перечисляет в хроноло-

гическом порядке законоучителей древности, их основополагающие этические принципы или идеи, с которыми они обращались к своему поколению. Этот трактат принято читать в течение шести суббот между праздниками Песах и Шавуот, после молитвы *минха*; во многих общинах его читают и изучают и в другие субботы. Он является неотъемлемой частью еврейского ритуала и включен во многие молитвенники.

пиюты – жанр еврейской литургической поэзии, а также произведения этого жанра. *Пиюты*, большинство которых предназначалось для облагораживания звучания молитв, создавались с первых веков новой эры и вплоть до новейших времен.

пояс и трость – атрибуты раввинской должности.

Пурим – праздник, установленный в связи с избавлением евреев Вавилонии от неминуемой гибели во времена царя Ахашвероша (период вавилонского изгнания). Пурим – самый веселый из еврейских праздников. В этот день принято посылать яства друзьям и раздавать подарки беднякам, устраивать маскарады, театрализованные представления и веселые застолья.

Рабби, ребе, раввин, реб – титулы, формы почтительного обращения. Рабби – духовный наставник, титулом «рабби» (в произношении восточноевропейских евреев – «ребе») называют главу хасидского движения, цадика; раввин (ивр. *рав*) – по сути, ученая степень, позволяющая ее обладателю принимать решения в области *галахи*. Раввин разрешает возникающие галахические проблемы, отправляет *Дин Тора* («суд Торы»), произносит проповеди, выполняет учительские функции в *йешиве* или доме учения; раввин общины фактически является одним из ее руководителей. Реб – уважительное обращение к женатому еврею, принятое в Восточной Европе.

Рамбам – Маймонид, рабби Моше бен Маймон (1135–1204) – крупнейший кодификатор *галахи* и один из величайших еврейских философов средневековья, врач. Жил в Испании и Египте. Наиболее известные его труды – всеобъемлющий ѓалахический кодекс «*Мишне Тора*», философский трактат «*Морэ невухим*», «Книга заповедей», и комментарий к *Мишне*.

раскаяние (ивр. *тшува*) – ключевое понятие иудаизма, для перевода которого не существует адекватного русского термина, слова «раскаяние» или «возвращение» лишь весьма приблизительно передают его суть. *Тшува* понимается как всеобъемлющая реконструкция личности, охватывающая не только настоящее, но и прошлое и будущее. «Сказал р. Йоханан: велика *тшува*, ибо ослабляет запреты Торы; сказал р. Йонатан: велика *тшува*, ибо приводит избавление; сказал Реш Лакиш: велика *тшува*, ведь она превращает злодеяния в нечаянные проступки; и еще сказал Реш Лакиш: велика *тшува*, ведь она превращает злодеяния в заслуги» (Вавилонский Талмуд, *Йома* 86б).

респонсы (ивр. *шеилот ве-тшувот*, «вопросы и ответы») – традиционный жанр раввинистической литературы, вопросы и ответы на галахические темы.

Рош ѓа-Шана (ивр. «начало года») – еврейский Новый год, который празднуется осенью, первого и второго *тишрея*. Согласно традиции, в Рош ѓа-Шана в Книгу жизни записывается судьба всего мира и каждого отдельного человека в наступающем году. Главная заповедь праздника – слушать трубные звуки *шофара*.

седер – ритуальная трапеза в первые два (в Земле Израиля – только в первый) вечера Песаха. Участники *седера*, возлежащие на подушках в знак освобождения от рабства, должны выпить не менее четырех бокалов вина, отведать символических яств и прочитать пасхальную *Агаду* – сборник библейских и талмудических рассказов об Исходе из Египта.

семь Пастырей – мистические пастыри Израиля, которые незримо пребывают со своим народом в Изгнании и открыто явятся миру перед наступлением мессианских времен. Предание о семи Пастырях основано на пророчестве Михи: «Когда придет Ашур в страну нашу и когда топтать будет дворцы наши, поставим против него семь пастырей и восемь властелинов людских» (Мих. 5:4). Талмуд поясняет: «Кто такие семь Пастырей? Давид посредине, Адам, Шет и Метушелах – Авраѓам, Яаков и Моисей – слева. А кто такие Восемь властелинов людских: Исай, Саул и Самуил, Амос, Цефания, Цадекия, Мессия и Элияѓу» (Вавилонский Талмуд, Сукка 52б).

Симхат Тора – «Радость Торы», в диаспоре – последний, девятый день Суккот (в Земле Израиля совпадает с празднованием восьмого дня – *Шмини Ацерет*), в который заканчивается и начинается заново годовой цикл чтения Торы. Самый веселый еврейский праздник. Новый цикл чтения начинают в тот же день, чтобы «не дать возможности Сатане утверждать, что евреи рады завершению чтения и не жаждут начать читать снова» (*Шульхан Арух, Орах хаим*, 669). Симхат Тора – единственный день в году, когда Тору читают не только утром, но и вечером. Во время праздничного ритуала *гакафот* извлекают из Ковчега все свитки Торы и семь раз с танцами обносят вокруг *бимы*. Днем всех присутствующих мужчин обязательно вызывают к чтению Торы. Удостоившихся чести завершить годичное чтение и начать новый цикл называют соответственно «жених Торы» и «жених Творения» (*Берешит*) и в их честь произносят особые молитвы. Возвращение свитков Торы в Ковчег сопровождается праздничными песнопениями.

Слихот (букв. «мольбы о прощении») – молитвы, читаемые в дни поста, а также в месяце элул и начале месяца тишрей до Йом Кипура (за исключением шаббатов и праздника), ночью или рано утром.

служка (на идише *шамес*) – прислужник и сторож в синагоге, в чьи функции входило также созывать верующих на молитву.

«Слушай, Израиль!» (ивр. *Шма Исраэль*) – «Слушай, Израиль! Господь Бог наш, Господь Один!» (Втор. 6:4); своего рода «символ веры» иудаизма. Чтение *Шма Исраэль* и включенных в эту молитву отрывков из Торы является обязательной частью утреннего и вечернего богослужения. *Шма Исраэль* произносят перед отходом ко сну, в критических жизненных ситуациях и в смертный час.

софер – переписчик священных текстов – использующихся в ритуальных целях свитков Торы, *тфилин* и *мезуз* (прикрепляемых к внешнему косяку двери в еврейском доме свитков пергамента, содержащих часть стихов формулы *Шма*).

сукка – шалаш, в котором заповедано пребывать (есть, спать, то есть вести повседневную жизнь) все семь дней праздника Суккот. Талмудические установления четко регламентируют устройство и размеры *сукки*, а также соответствующие строительные материалы. Пребывание в *сукке* напоминает об Изгнании, но вместе с тем и об Избавлении. Согласно преданию, в подобных шалашах евреи жили в пустыне, после Исхода из Египта, и в них будут жить после наступления мессианской эры.

В учении хасидизма *сукка* символизирует «свет окружающий», который не проявляется в мире партикулярного творения, но есть высшее проявление Божественности.

Суккот («Кущи») – осенний праздник, продолжающийся семь дней, с 15 по 21 месяца *тишрей*. Основные заповеди праздника – пребывание в шалаше-*сукке* и благословение «четырех видов растений». В седьмой день Суккот, называемый Ѓошана Раба, обходя синагогу по кругу, произносят специальные молитвы о спасении; хлещут по камням ветвями ивы. Восьмой день Суккот – самостоятельный праздник Шмини Ацерет, а девятый (в диаспоре) – Симхат Тора, завершение годового цикла чтения Торы и начало нового цикла. В Земле Израиля Симхат Тора празднуется в тот же день, что и Шмини Ацерет.

талит – молитвенное облачение: особым образом изготовленное четырехугольное шерстяное или шелковое покрывало с вытканными по бокам полосами, обычно черного или синего цвета. В отверстия по краям *талита* вставляются кисти – *цицит*. *Талит* надевают только мужчины ежедневно во время утренней молитвы, а в Йом Кипур – на все сутки начиная с вечера. Согласно каббале, *талит* символизирует так называемый «свет окружающий», внешний по отношению к мирозданию и более возвышенный, чем конкретные творения. *Талит катан* – «малый *талит*». Тора (Лев. 15:38-41) заповедует евреям носить «кисти видения», которые должны напоминать о Божественных заповедях. Кисти эти положено вдевать в края четырехугольного одеяния, поэтому религиозные евреи носят под рубашкой или верхней одеждой четырехугольное облачение с кистями – *цицит*.

Талмуд – свод правовых и морально-этических положений иудаизма, охватывающий *Мишну* и *Гемару* как единое целое. Талмуд вклю-

чает дискуссии, которые велись законоучителями Земли Израиля и Вавилонии на протяжении восьми столетий, и является основным источником Устной Торы. Различается Вавилонский и Иерусалимский (или Палестинский) Талмуд; Вавилонский Талмуд обладает большим авторитетом и является основным предметом изучения в *йешивах*.

талмуд-тора – традиционное учебное заведение для детей, уже освоивших основы еврейской учености (Пятикнижие и *Мишну*) в хедере. В *талмуд-торе* преподают основы Талмуда.

танаи – законоучители эпохи *Мишны* (древнейшая часть Талмуда, I–III вв.).

танец – в хасидизме танец воспринимается как одна из важнейших духовных практик, не только как средство достижения священной радости и исправления личности, но и как теургический акт, приводящий в движение высшие миры.

ташлих (ивр. «отбрасывание») – ритуал первого дня Рош ѓа-Шана. После соответствующей молитвы грехи прошедшего года символически сбрасывают в проточную воду. Молитва *ташлих* содержит стихи из книги пророка Михи (7:18-19): «Кто подобен Богу, прощающему грех... который не гневается вечно... Он вновь смилуется над нами, предаст забвению наши грехи. Так брось же в пучины моря все прегрешения наши!» (ивр. «*...ташлих би-мцулот ям...*»; Мих. 7: 18–19).

тикун (ивр. «исправление») – процесс исправления космического несовершенства и воссоединения изначально единых Божественных проявлений, разделенных в результате серии катастрофических актов, первым из которых был собственно акт Творения, а последним – грехопадение Первого человека. *Тикун*, в процессе которого *сфирот* организуются в устойчивые структуры, называемые «ликами» – *парцуфим*, – основная задача известного нам мироздания. Конечное назначение Творения, в частности – существования грубого материального мира, состоит в завершении процесса Исправления, что под силу только человеку. Каждое человеческое деяние воздействует на внутреннюю структуру миров, и это влияние тем значительнее, чем осознаннее поступает человек. Окончательный *тикун* состоит в достижении полноты реализации духовного потенциала каждой отдельной личности и преодолении Изгнания во всех его аспектах: как изгнания еврейского народа, так и Изгнания Шхины, разлученной со своим Возлюбленным.

Тикун хацот – «полуночное исправление»; каббалистический ритуал: встают в полночь и, сидя на земле, оплакивают разрушение Храма и Изгнание Шхины и народа Израиля, произнося особые молитвы. *Тикун хацот* состоит из двух частей – «Исправление Леи» и «Исправление Рахили»; в лурианской каббале Лея – персонификация *сфиры Бина*, великой Матери, а Рахиль – *сфиры Малхут*, Шхины, или Общины Израиля. Суть Исправления – восстановление единения между Рахилью и ее Возлюбленным, «Малым ликом».

Тора (ивр. «Учение») – Божественное Откровение, дарованное народу Израиля на горе Синай. Различается Письменная Тора – собственно Пятикнижие или, в расширительном смысле, весь Танах – еврейская Библия, и Устная Тора – вся совокупность еврейской традиции, от древнейших времен до последних нововведений. В раввинистической литературе утверждается: «Даже то, что подготовленный ученик отвечает своему учителю, получил Моисей на горе Синай». В *агаде* и в каббале Тора понимается в расширительном смысле, как изначальное творение Божие, предшествующее космосу, Его наивысшая ценность и всеобъемлющая Игра, сочетание Божественных эманаций, образующих предвечный план мироздания.

трапеза проводов субботы – дополнительная, четвертая субботняя трапеза, которая проводится на исходе субботы, после появления звезд. Называется также «трапезой проводов Царицы» и «трапезой царя Давида» (согласно талмудическому преданию, царь Давид по субботам постился, а трапезу устраивал лишь по окончании субботнего дня).

третья трапеза – наиболее мистическая из трех трапез (вечером в пятницу, утром и после полудня в субботу), которые предписано совершать в течение субботы. Талмудическое предписание о субботних трапезах основывается на троекратном повторении слова «сегодня» в Исх. 6:5. В книге *Зоѓар* (напр.

2:88а) говорится о том, что во время каждой из трапез во всех мирах поочередно раскрываются высшие атрибуты Божественности – Святой Старец, Малый лик и Поле святых яблонь. Согласно традиции, во время третьей трапезы, соотносящейся с Полем святых яблонь (символическое обозначение Шхины), томящиеся в аду-*гехиноме* души грешников получают кратковременный отпуск. В большинстве хасидских направлений во время третий трапезы проводится традиционное собрание, во время которой цадик произносит проповедь-*драшу* и отвечает на вопросы последователей; хасиды поют песни и рассказывают друг другу истории.

тфилин – филактерии; написанные на пергаменте отрывки из Торы, помещенные в две коробочки, выделанные из кожи. *Тфилин* прикрепляются к голове, между лбом и теменем, и к левой руке, напротив сердца, при помощи кожаных ремешков, продетых через основания коробочек. Обычно *тфилин* накладывают во время утренней молитвы, хотя при необходимости это можно проделывать до заката. Наложение *тфилин*, наряду с обрезанием и соблюдением субботы, считается одной из важнейших заповедей иудаизма.

уединение (ивр. *гитбодедут*) – одна из форм мистической медитации, распространенная среди многих хасидских направлений, «уединение с Богом», во время которого медитирующий свободно изливает душу ее Творцу, а также определенная духовная ступень, достижимая посредством медитативной практики.

Ушпизин (арам. «*гости*»): семь праотцов, приходящих в гости в сукку в дни праздника Суккот: Авраѓам, Ицхак, Яаков, Йосеф, Моше, Аѓарон, Давид. Также название обычая приглашать их в сукку.

хазан – человек, ведущий общественное богослужение. *Хазан* может состоять на жалованье у общины, но чаще почетные функции *хазана* выполняют рядовые члены общины.

халы – в библейские времена женщины должны были отделять от теста особую десятину (*халу*) для храмовых священников – *когенов*. Этот закон соблюдается и после разрушения Храма, символически отделенную десятину сжигают. Считается, что женщины пекут перед субботой хлеб не только для еды, но в первую очередь чтобы исполнить заповедь отделения *халы*, поэтому *халами* называют и сами субботние хлеба.

хамец (ивр. «квасное») – обычный, то есть квасной, хлеб и любые продукты, в состав которых входят злаки, запрещенные к употреблению в пищу и даже к хранению в течение Песаха. Существует обычай перед Песахом формально продавать все запасы *хамеца* нееврею, чтобы выкупить его после окончания праздника.

Ханука – восьмидневный праздник, отмечается зимой, с 25 *кислева* по 2 *тевета*, в честь победы еврейского народа, во главе которого стояли представители рода Хасмонеев, над эллинистической империей Селевкидов в 164 г. до н.э. Отмечается также в память о чуде со светильником в Храме: освободив Храм от язычников, предводители восстания нашли в нем единственный сохранившийся сосуд со священным маслом, которого должно было хватить лишь на один день, но оно горело восемь дней, пока не было приготовлено новое масло. Главный обычай праздника – ежевечернее зажигание свечей начиная с одной в первую ночь праздника и заканчивая восемью в последнюю.

хасид – последователь учения хасидизма, иногда употребляется в значении «последователь конкретного цадика».

хасидизм – мистическое направление в ортодоксальном иудаизме, возникшее в Восточной Европе в XVIII в. Согласно учению хасидизма, Бог присутствует во всем, каждое явление и событие является непосредственным проявлением Его сущности. Задачей человека является преодоление ограниченности собственного бытия и слияние с Божественным светом. Хасиды отличаются консерватизмом в образе жизни, одежде и т.д., но при этом считают радость величайшей добродетелью, рассматривают пение и танцы как путь служения Всевышнему. В хасидизме существуют различные направления, во главе которых стоят наставники-цадики.

хевра кадиша (букв. «святое братство») – похоронное товарищество, члены которого, обычно добровольно, занимались приготовлениями к похоронам и самими похоронами.

херем – здесь: временное отлучение от общины. Среди поступков, наказуемых *херемом,* – оскорбление ученого, отказ предстать перед судом, пренебрежение к раввинским постановлениям, нарушение обета, требование невозможного, небрежное содержание злой собаки, получение денег, не причитающихся по еврейскому закону или по постановлению нееврейского суда, и т.п. В Средние века *херем* стал наиболее распространенной формой наказания в еврейских общинах и нередко служил средством борьбы с инакомыслием.

Холь ѓа-Моэд (ивр. «будни праздника») – Песах, как и осенний праздник Сукот, продолжается целую неделю, но собственно праздничными являются лишь два первых и два последних дня (в Земле Израиля – первый и последний). В промежуточные дни, Холь ѓа-Моэд, продолжают исполняться праздничные ритуалы, но вместе с этим позволено производить необходимую работу, запрещенную в собственно праздничные дни.

хупа – балдахин, под которым проводится свадебная церемония. *Хупа* символизирует домашний кров.

цадик (ивр. «праведник») – глава хасидского движения, которого называют также «ребе» («рабби» в восточноевропейском произношении), «добрый еврей» или *адмор* (аббревиатура ивритских слов *Адонену морейну ве-рабейну* – «господин, учитель и наставник наш»). Мистическая личность, центральный образ учения и практики хасидизма; является воплощением «всеобъемлющей души», включающей в себя души последователей-хасидов, и потому обладает особыми способностями исправления своего непосредственного окружения и всего мироздания в целом. По словам рабби Элимелеха из Лежайска, «Всевышний приказывает, а цадик отменяет приказание. Всевышний отменяет, а цадик приказывает и осуществляет». Согласно традиционному определению, цадик – «тот, кто не видит в людях никакого зла, и все для него – пречистые праведники», а к себе относится, «как будто еще не приступал к служению».

цицит – согласно Торе (Чис.15:38-41), евреям положено носить на краях одежды кисти-*цицит*, призванные напоминать о Божественных заповедях. Кисти вдевают в края четырехугольного одеяния, поэтому религиозные евреи (мужчины) постоянно носят под рубашкой или верхней одеждой *талит катан* (см. выше) с кистями-*цицит*. Согласно каббале, в традиционной структуре кистей-*цицит* (четыре двойные нити, разделенные на четыре части, перевязанные пятью двойными узлами) содержатся все тайны Божественных заповедей.

«четыре вида растений» (ивр. *арба миним*) – *лулав* (пальмовая ветвь), *этрог* (цитрусовый плод, похожий на лимон), мирт и ива: их заповедано благословлять («воздевать») в праздник Суккот. Благословение «четырех видов» – необходимый элемент праздничного ритуала всех семи дней Суккот. Согласно еврейской традиции, четыре вида наполнены разнообразной, в том числе и каббалистической, символикой; хасидские учителя подчеркивали, что сведение воедино «четырех видов» восстанавливает нарушенное единство мироздания.

Шавуот – день дарования Торы на горе Синай и праздник первых плодов. В первую ночь Шавуота принято бодрствовать, изучая Писание. В хасидизме бодрствованию в ночь Шавуот (*Тикун Шавуот*) придается особое значение. Шавуот празднуется в начале лета, шестого и седьмого числа месяца *сиван* (в Израиле – только шестого *сивана*).

***шахарит*, утренняя молитва** – одна из обязательных ежедневных молитв, самая продолжительная из трех. *Шахарит* следует произносить утром – с рассвета до середины предполуденного времени; при необходимости можно прочитать молитву до полудня.

Шират ѓа-Ям («песнь моря») – отрывок из книги Шмот (гл. 15), песнь Моше и народа, воспевающая Всевышнего за переход евреев через Красное море во время Исхода из Египта и потопление в нем египетского войска. Читается ежедневно в утренней молитве.

***шмоне* эсре** (ивр. «восемнадцать» [благословений]) – основная формализованная молитва, которую произносят трижды в день. Во время произнесения *шмоне эсре* необходимо стоять прямо и не двигаться с места, кроме как под угрозой смерти, поэтому она называется также «молитвой стояния» (ивр.

тфилат амида). По субботам и праздникам произносят особые «молитвы стояния», состоящие не из восемнадцати, а из семи благословений.

шойхет – резник, специалист по ритуальному забою скота и птицы.

шофар – бараний или козий рог, в который трубят в Рош ѓа-Шана и на исходе Йом Кипура. Считается, что трубные звуки *шофара* очищают помыслы, склоняют к раскаянию заблудших и свидетельствуют перед Престолом Славы в пользу Израиля. Звук Великого *шофара*, сделанного из рога барана, принесенного в жертву вместо Ицхака, возвестит о приходе Мессии.

штраймл – мужской головной убор, отороченный мехом, который хасиды носят по субботам и праздникам. Такие головные уборы носили в XVIII в. польские шляхтичи.

элул – см. месяцы еврейского календаря.

этрог – цитрон, плод, напоминающий большой лимон, самый дорогой и высоко ценимый из «четырех видов растений», называемый в Торе «плод древа прекрасный».

Эль мале рахамим, шохен ба-мромим!.. (ивр. «Бог полный милости, пребывающий в высотах...») – поминальная молитва, которую произносят после похорон и в годовщину смерти, во время церемонии чтения Торы.

*Алфавитный указатель имен**

* Примечания:

1. Буква Ѓ с точки зрения алфавитного порядка в указателе считается тождественной букве Г.
2. Номера страниц с многократным упоминанием имени выделены жирным шрифтом.
3. Номера страниц выделены курсивом, если упоминание находится в примечаниях или комментариях.

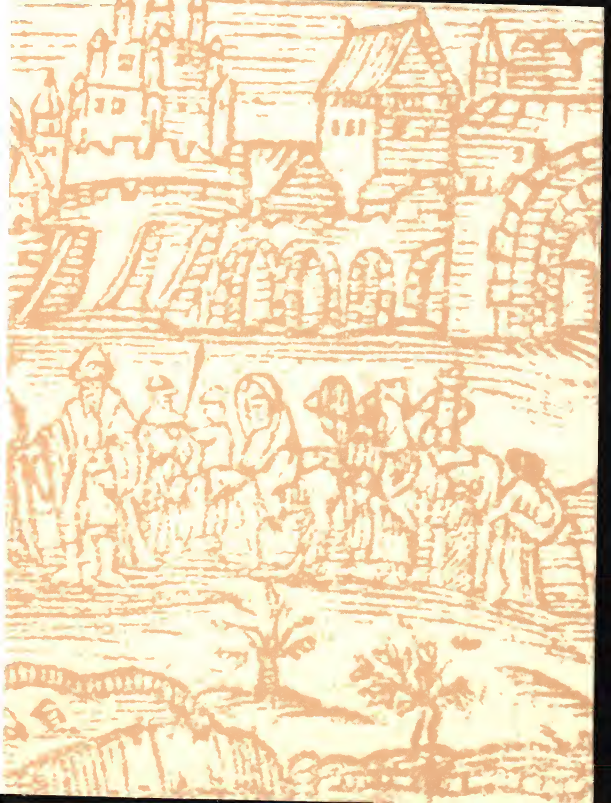
Мартин Бубер

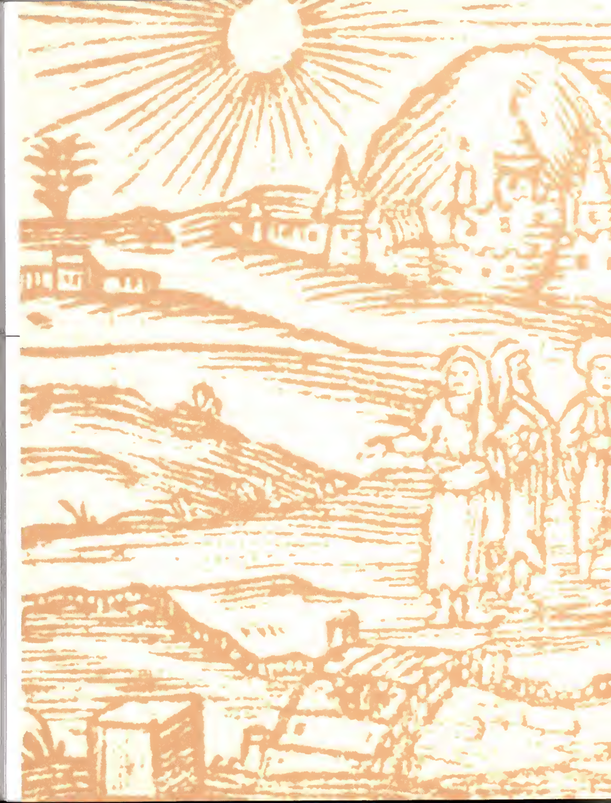
Хасидские истории. Поздние учителя
Перевод с английского, немецкого и иврита

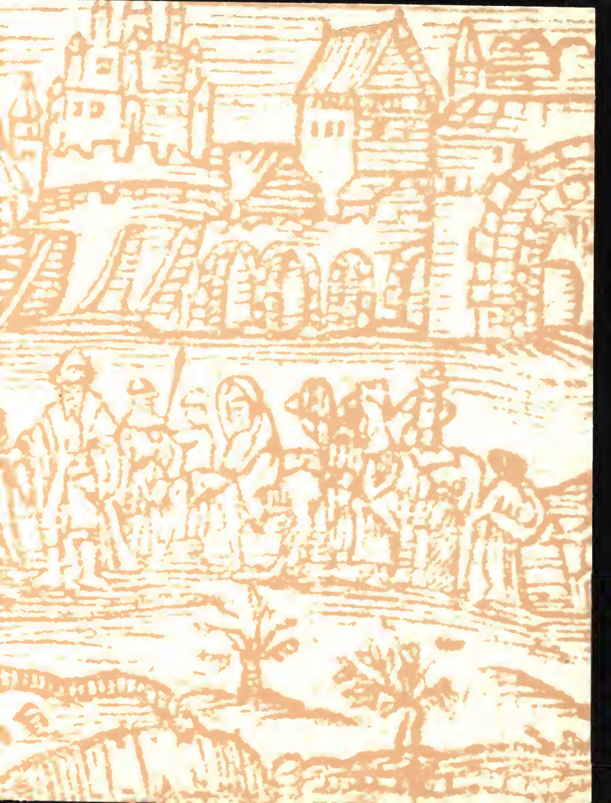

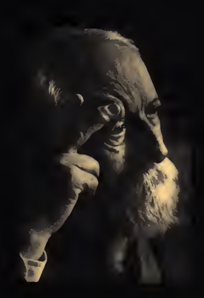
Формат 70 x 90 / 16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 23,5
Подписано в печать 10.06.2009. Зак. № 979

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Второй том классического труда Мартина Бубера «Хасидские истории: поздние учителя» продолжает серию: «אЛЕФ – изыскания в еврейской мистике». В этой книге речь пойдет о девяти учениках Провидца из Люблина. Принято считать, что вслед за тремя первыми поколениями хасидских учителей наступило время упадка. Однако это чрезмерное упрощение действительного положения дел – исследователь описывает развитие и укрепление различных элементов хасидского движения. В книге представлены хасидские рассказы, творчески переосмысленные Бубером, издание также включает глоссарий и биографии хасидских цадиков.

Ш.-Й. Агнон, чьи воспоминания о Мартине Бубере вошли в книгу отдельным приложением, писал о своих современниках: «...они не разглядели исходившего от Бубера света, не удосужились глубже вникнуть в его слова. Слишком близко от них находился Бубер, слишком был велик, чтобы обозреть его, чтобы понять его своеобразие и оригинальность. Боюсь, в новом поколении не найдешь собеседника, подобного Буберу. Собеседника, умеющего говорить и умеющего слушать».